

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1(1)

Киров
2011

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Круглый стол «Математика и реальность»	6
<i>Ефимова Н. М.</i> , <i>Н. Федоров</i> , <i>К. Циолковский</i> , <i>А. Платонов</i> : общность мировосприятия	27
<i>Береснева Н. И.</i> , <i>Мишланова С. А.</i> Язык как «идеальное» средство познания	33

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Балыбердин Ю. А.</i> Нарастание протестных настроений народа в годы Первой мировой войны в Вятско-Камском регионе	39
<i>Судовиков М. С.</i> Торгово-промышленные объединения регионального купечества России в XIX – начале XX в.: механизмы формирования, особенности	47
<i>Долматова А. В.</i> Роль женщины в общественно-политическом движении в начале XX в.: к историографии вопроса	52

Всеобщая история

<i>Костин А. А.</i> Американский фактор в англо-советских переговорах по Балканам мая – июня 1944 г.	60
<i>Калинин А. А.</i> У истоков холодной войны: Греция и противоречия держав-победительниц в 1945–1946 гг.	65
<i>Ильин Д. В.</i> Внешняя политика США глазами консерватора: сенатор Р. Тафт и его взгляды (1939–1945 гг.)	77
<i>Смольняк И. В.</i> Основные этапы американо-турецких отношений до начала Второй мировой войны	83

ПРАВО

<i>Туйчиев В. М.</i> Становление и развитие института судебных приставов в мировых судах Вятской губернии (1864–1917 гг.)	90
<i>Ордина Н. Н.</i> Подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении в судах общей юрисдикции	94
<i>Киселев Ф. Н.</i> О систематизации и регламентации регистрационных мер в сфере административного санкционирования	99
<i>Устюжанинова Е. А.</i> Трибуналы как форма административной юстиции Великобритании	103

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Jekutsch U.</i> Autumn and Winter: Constructions of Old Age in Nikolaj Zabolockij's Poetry	112
<i>Екутич У.</i> Осень и зима: конструкции старости в поэзии Николая Заболоцкого	118
<i>Алефиренко Н. Ф.</i> Жизнесмыслы русской провинции в зеркале языка	124
<i>Бардовская А. И.</i> Проблема синестезии и интеграционные тенденции в языковедческих исследованиях	131
<i>Байкова О. В.</i> Функции и контуры завершенных интонационных фраз (на примере верхненемецких и нижненемецких диалектов Кировской области)	137

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Гашева Н. Н.</i> Контекст русской идеи в отечественном кино 2000-х гг.	144
<i>Дождевых С. М.</i> «Симфония священства и царства»: семантические версии культовых памятников в архитектурно-пространственной среде г. Вятки конца XIX – начала XX в.	147
<i>Скибинская О. Н.</i> Хронотоп рода в контексте трансформации ментального пространства	152

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Помелов В. Б.</i> Первая мужская гимназия в Вятской губернии (к 200-летию гимназического образования в России)	155
<i>Бажин К. С.</i> Технология дифференцированного обучения: психолого-педагогический аспект	163
<i>Китайгородская Г. И.</i> Концепция подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения	167
<i>Науменко Т. П.</i> Самоактуализация как показатель качества трудовой жизни педагога	171

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Сауров Ю. А.</i> Профессор А. С. Василевский: теоретическое видение нашего мира... (Интервью к 75-летию со дня рождения)	176
Владимиру Ивановичу Жаворонкову – 70 лет	178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Мечта разыскивает путь», или Все о Гриновских чтениях	179
<i>Чернова С. В.</i> О работе диссертационного совета Д 212.041.04 в 2010 г.	179
<i>Поспелова Н. И.</i> О работе диссертационного совета Д 212.041.02 в 2010 г.	181
Сведения об авторах	186
Information about authors	189

CONTENTS

- Round-table conference “Mathematics and actuality”
- Efimova N. M.* N. Fedorov, K. Ciolkovskiy, A. Platonov: generality worldoutlook
- Beresneva N. I., Michlanova S. L.* Language as the “ideal” mean of cognition
- Balyberdin Yu. A.* Increase in public protest mood during World War I in Vyatka-Kama Region
- Sudovikov M. S.* Commercial and industrial associations of regional merchant class of Russia in XIX – the beginning XX в.: mechanisms of formation, feature
- Dolmatova A. V.* Woman’s role in the socio-political movement in the beginning of the 20th century: to the question’s historiography
- Kostin A. A.* American factor in the Anglo-Soviet negotiations on the Balkans, May – June 1944
- Kalinin A. A.* The origins of the Cold War: Greece and the contradictions of victorious countries in 1945–1946
- Ilyin D. V.* The U. S. foreign policy through the eyes of a conservative: senator R. A. Taft and his views
- Smolnyak I. V.* The fundamental stages American-Turkish relations before to the beginning of the Second World War
- Tuichiev V. M.* The formation and development of bailiff service for magistrate court in Vyatka province (1864–1917)
- Ordina N. N.* Preparation of legal proceeding about administrative offenses in courts of law.
- Kiselev F. N.* About systematization and regulation of registation measures in the administrative sanctioning sphere
- Ustyuzhaninova E. A.* Justice-seat as a form of administrative justice in Great Britain
- Jekutsch Ulrike.* Autumn and Winter: Constructions of Old Age in Nikolaj Zabolockij’s Poetry
- Alefirenko N. F.* Life senses of Russian province in the mirror of language
- Bardovskaya A. I.* The Problem of Synaesthesia and Integrative Trends in Linguistics
- Baykova O. V.* Functions and Contours of Completed Intonation Phrases (by the example of Upper-German and Lower(Down) German dialects of the Kirov Region)
- Gasbeva N. N.* The context of Russian idea in Russian cinematography of the 2000-s
- Dozhdevykh S. M.* Symphony of priesthood and kingdom»: semantical versions of hieratical monuments in Vyatka architectural spatial environment in the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries.
- Skibinskaya O. N.* Genus’s chronotope in context of transformation mental space
- Pomelov V. B.* The first men’s gymnasium in the Vyatka province (200 years of the gymnasium education in Russia)
- Bazhin K. S.* Technology of differential training: psychological and pedagogical aspect
- Kitaygorodskaya G. I.* The concept of preparation of teachers of physics for system design of educational process in conditions of profile education
- Naumenko T. P.* Self-actualization as an indicator of quality of labor life of the teacher.
A dream is looking for the way», or Everything about Green’s reading
- Chernova S. V.* Work of the dissertation council D 212.041.04 in 2010
- Pospelova N. I.* Work of the dissertation council D 212.041.02 in 2010

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 510

КРУГЛЫЙ СТОЛ «МАТЕМАТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ»

При редакции журнала «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» в январе 2011 года был проведен Круглый стол, на котором обсуждалась проблема «Математика и реальность».

В работе Круглого стола участвовали:

Алексей Георгиевич Барабашев, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой государственной и муниципальной службы, декан факультета государственного и муниципального управления Государственного университета – Высшей школы экономики, г. Москва (основной докладчик);

Рэм Георгиевич Баранцев, доктор физико-математических наук, профессор кафедры теории упругости математико-механического факультета Санкт-Петербургского университета;

Евгений Михайлович Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой алгебры и дискретной математики ВятГГУ;

Денис Сергеевич Клещёв, журналист, Свердловская обл., г. Алапаевск;

Вольфганг Ленски, доктор философии, Технический университет, г. Кайзерслаутерн, ФРГ (участие заочное);

Михаил Иванович Ненашев, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии ВятГГУ;

Василий Яковлевич Перминов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Московского государственного университета;

Василий Владимирович Чермных, доктор физико-математических наук, профессор кафедры алгебры и дискретной математики ВятГГУ;

Анатолий Викторович Шатров, доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой математического моделирования в экономике ВятГУ;

Владимир Михайлович Шемякин, доктор философских наук, профессор кафедры математики и естественнонаучных дисциплин Уральского академии государственной службы (филиал в г. Пермь);

Владимир Федорович Юлов, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии ВятГГУ.

Ведущий М. И. Ненашев. Мы собрались обсудить проблему, которая, как мне представляется, является сквозной для всего периода развития математики как науки и как особого культурного феномена, а именно «Математика и реальность». Конечно, наш диалог не поставит окончательную точку в этом вопросе. Но будем надеяться, что он окажется по крайней мере еще одним шагом в процессе его прояснения.

Сначала мы заслушаем профессора Алексея Георгиевича Барабашева с докладом «Математика и действительность: социокультурный подход». Ожидается, что остальные участники Круглого стола будут соотносить свои выступления с идеями доклада. Но, конечно, важным будет и просто обмен мнениями и соображениями, отражающими ту сторону проблемы, которая самим участникам представляется особенно существенной.

Хочу напомнить коллегам, что будет приветствоваться, если участники в самом начале выс-

тупления сформулируют в виде тезиса свою основную идею или тему.

А. Г. Барабашев. Посвящаю свой доклад памяти Михаила Александровича Розова.

Тема моего доклада, как было только что отмечено, звучит следующим образом: «Математика и действительность: социокультурный подход». Вопрос взаимоотношения математики и действительности, в широком смысле слов «математика» и «действительность», существует, наверное, столько же времени, сколько существует математика. При этом традиционно, начиная с пифагорейцев и Платона, под математикой понимается математическое знание, формулировки истинных (доказуемых) математических суждений о некоторых математических (идеальных и абстрактных) объектах, а под действительностью – физическая реальность, объективный мир, состоящий из реальных объектов. Странным и требующим объяснений является парадоксальное сочетание двух фундаментальных утверждений:

1) истинность математических суждений суть следствие их внутренней доказуемости, а не экс-

периментальной деятельности по измерению физических аналогов математических объектов, установлению их параметров. Например, никто, начиная с греков, не доказывает свойства геометрических фигур посредством измерения. Измерение подсказывает результат, но не доказывает его;

2) тем не менее истинные математические суждения о свойствах математических объектов соответствуют экспериментально обнаруженным свойствам физических аналогов математических объектов. Другими словами, математика эффективна.

Вывод из этих двух утверждений, по-разному интерпретируемый различными философскими концепциями, таков: в силу некоторых причин мир математических суждений (совокупность математических суждений, причем не только уже доказанных, но и тех, которые когда-либо будут доказаны) соответствует миру свойств физических объектов. Математик, занимающийся, казалось бы, сугубо абстрактной деятельностью, по-настоящему познает реальный мир. Нет ничего более практического, прикладного, чем математическая теория. И даже если на данное время нигде в естествознании эта математическая теория не применяется, т. е. ее утверждения физических интерпретаций не имеют, то это – явление временное. Рано или поздно такие реальные объекты, их свойства, полностью соответствующие математически установленным свойствам математических объектов, найдутся.

Философские концепции пытаются найти причины столь странного физико-математического параллелизма. Спектр возможных объяснений широк, но укладывается в несколько принципиальных вариантов: платонистский, конструктивный и агностический.

Первый вариант, назовем его условно вариантом «платонизма», полагает, что физический (реальный, «объективный») мир суть копия мира математических объектов либо реалий и поэтому суждения о свойствах математических объектов не могут не соответствовать экспериментально устанавливаемым свойствам реальных объектов. Далее можно утверждать, что так мир устроен Богом, что это и есть «предустановленная гармония», или что человек именно так воспринимает математическую по своей сути реальность (например, видит цветовой спектр вместо числовых параметров, длин световых волн), или что существует мир реалий, частью которого являются математические объекты. Так получают математический платонизм в узком смысле этого слова (Кантор и Гедель), физикализм, или реализм.

Второй вариант, назовем его условно «конструктивным», наоборот, исходит из того, что ма-

тематические объекты существуют как набор конструктивных процедур с жесткими требованиями и ограничениями к алгоритмам (вводится понятие алгорифма). Утверждается, что именно так построены процедуры реальной деятельности. Деятельностные основания математики и реальной деятельности одинаковы. Как только математика выходит за пределы алгоритмических конструктивных процедур, применяя рассуждения «от противного» к объектам неопределенной природы (к бесконечности), т. е. обращаясь к экзистенциальным доказательствам, она порождает парадоксы. Это – позиция конструктивизма (Марков) и финитизма. В этом же ряду находится интуиционизм (Брауэр), полагающий допустимыми конструктивные процедуры с неопределяемым заранее выбором на каждом шаге процедуры. Если же считать, что процедуры реальной деятельности и отражающие их апостериорные суждения вторичны по отношению к априорным суждениям, главными из которых являются синтетические априорные суждения, то получится философия априоризма (Кант). Не случайно многие авторы считают Канта предтечей интуиционизма: согласно Канту, математические суждения являются синтетическим априорным созерцанием в формах пространства и времени, они реализуются как конструирование через понятийный вывод и через демонстрацию с удержанием объекта в мышлении. Наконец, к разновидностям указанного подхода относится разрабатываемая В. Я. Перминовым философия праксеологического априори (универсальные формы мышления, закрепленные в логике, и связанные с ними очевидности сознания, независимы от конкретного опыта и продиктованы деятельностью установкой субъекта).

Третий «агностический» вариант отказывает математике в праве репрезентативно соответствовать реальности. Здесь утверждается, что истинность – это не более чем непротиворечивость, и что если правильно (непротиворечиво) построить формализм с использованием только логических понятий (логицизм Фреге) либо с использованием любых символов, не обладающих смыслом (Гильберт), то истинность как непротиворечивость гарантирована. Математика ничего не говорит о реальности, а причины того, «что между экспериментальными явлениями и математическими структурами существует тесная связь», неизвестны и, может быть, мы эти причины никогда не узнаем (Бурбаки).

Есть основания полагать, что все возможные варианты объяснения «эффективности математики», опирающиеся на отождествление института математики с математическим знанием, указанными тремя вариантами исчерпываются. В работе «О смысле и значении» (1892) Г. Фреге

ввел в оборот графическую схему, ныне называемую «треугольником Фреге». Фреге утверждал, что мышление субъекта фиксируется в понятиях (концептах), выражаемых знаками. Концепты соответствуют референтам, т. е. объектам, которые субъект мыслит, выражая их в концептах. Смысл – это то, что приписывается концепту, ставя ему в соответствие референт.

Автономное рассмотрение концептов как вершины «треугольника Фреге», с отказом от рассмотрения смыслов, приводит к теории формальных языков. Это есть обобщенная позиция логицизма и формализма.

Рассмотрение «вершины смысла», с полным отрицанием или приуменьшением роли формального доказательства, выражается в теориях интуитицизма, конструктивизма, финитизма, синтетического и прагматологического априоризма.

Наконец, если утверждать, что математические объекты суть референты, обладающие собственным существованием, то это приводит к математическому платонизму, реализму или даже к физикализму.

Иных вариантов схема треугольника Фреге не предполагает.

* * *

Казалось бы, весь спектр философских концепций соотношения математики и реальности определен, и задача философов сводится к дальнейшему уточнению уже сформированных позиций, к их внутреннему совершенствованию. Однако сама математика в конце XX и в начале XXI в. чрезвычайно изменилась, ее роль в современном обществе несоизмерима с ролью математики в познании и в культуре Нового времени и эпохи промышленных революций. Математическое знание ныне предстает в виде применимых, причем с огромным количеством допущений и погрешностей, математических моделей, в виде аппарата информационных технологий, в виде образовательного феномена (воспитание логического «строгого» мышления в современной компетентностной парадигме образования), в виде совокупности аналитических навыков и умений, необходимых не только ученым-естество-

испытателям, но и экономистам, менеджерам, управленцам, социологам, психологам и т. д. Математика в общественном представлении перестала быть только знанием. Она превратилась в социальный институт, в субкультуру, так или иначе взаимодействующую с другими субкультурами, социальными институтами. Подход к математике *только как к знанию* на глазах превращается в анахронизм, он ориентируется на давно прошедшие времена и неразвитые формы самой математики.

Доказательства огромной сложности, требующие высочайшего уровня профессионализма, вырабатывающегося в течение всей жизни, дробят математику на небольшие области, со сравнительно маленькими коллективами «специалистов», рассредоточенных по всему миру и общающихся в интерактивном режиме. Специализированные коллективы математиков вынуждены верить друг другу. Такая нематематическая материя, как «доверие» (к доказательству, к специалисту, это доказательство осуществившему), становится определяющим фактором установления истинности математических суждений.

Математические модели не говорят об истинности или ложности в абсолютном смысле. Они всего лишь «применимы», и зачастую используются как аппарат, дисциплинирующий мышление специалиста-аналитика. Распространяются качественные модели.

Наивно в настоящее время говорить о том, что любое математическое «истинностное» утверждение рано или поздно будет применено в теории, исследующей реальные феномены: при современных объемах математических исследований более 95% результатов вообще не востребованы и не цитируются. Ожидание востребованности превращается в слабое самоутешение авторов этих результатов, а также в аргумент для получения очередных грантов на исследования.

Возникли «условные доказательства», в которых в качестве промежуточных лемм используются теоремы, доказательство которых принято условно (например, просчитанное компьютерной программой доказательство теоремы о четырех красках, которое невозможно проверить ручным счетом). То же наблюдается в теории простых конечных групп, и список таких условных доказательств растет. Здесь уже наблюдается феномен доверия не к человеку, а к сложному техническому устройству, в котором происходит физический процесс.

Математика в информационных технологиях становится набором программ и опосредована теориями информатики, она здесь несамостоятельна.

Резюмируя, можно сказать, что ныне математика сильно изменилась и философия математи-

ки, ориентирующаяся на ее фундаменталистское, гомогенно-знаниевое истолкование, пытается судить о зрелой форме по ее зародышевым состояниям. Вслед за этими изменениями не может не эволюционировать философия математики. На смену фундаменталистской философии математики стремится прийти иная, условно говоря, социокультурная философия. Она трактует математику:

1) как развивающуюся субкультуру и социальный институт, с эволюционирующими представлениями об истинности, о приложимости вырабатываемого этой субкультурой и институтом продукта;

2) взаимодействующую с другими субкультурами и социальными институтами, в чем-то полезную для них, причем в ограниченных масштабах;

3) дробящуюся на множество областей, требующих собственной специализации и создающих свои представления о профессионализме;

4) элемент образования, формирующий культуру мышления, необходимую не столько и не только саму по себе, но, главным образом, применительно к умениям и навыкам в рамках иных профессиональных компетенций.

* * *

Если исходить из представлений о математике как социокультурном феномене, то ее отношение к действительности следует оценивать как изменяющееся на разных этапах эволюции этого феномена. Важнейшей задачей становится классификация этих этапов, исторически существовавших форм взаимодействия математики и действительности в «плоскостях» знания, культуры, социальных структур. Как эволюционировало математическое сообщество, как оно на разных этапах истории взаимодействовало с другими научными сообществами, с другими профессиональными группами и институтами (инженерами, управленцами, военными, экономистами, людьми искусства и т. д.)? Какое место математика занимала и занимает в образовании, как менялась структура математической компоненты образования на разных этапах и уровнях его развития? Чем и в каких областях математика важна для аналитики и где она бесполезна? Какое на разных этапах истории было соотношение интеллигентности и математической культуры, мудрости и математической просвещенности и всегда ли был значим тезис «не знающий геометрии, да не войдет»? Действительно ли разумность тестируется предьявлением/запросом простых математических форм?

Все эти вопросы формируют новое поле исследований социокультурной философии математики, поле, которое ныне только начинает плодотворно развиваться.

Современные исследования в рамках социокультурной философии математики ведутся широким фронтом, они ориентированы на историю математики, на современные ее проблемы и приложения, на социологию математики, на психологию математического творчества. Эти темы для «классической» фундаменталистской философии математики были не значимыми, выносились за скобки философских исследований.

В настоящее время единой концепции нефундаменталистской (социокультурной) философии математики нет, и вряд ли такая единая концепция когда-либо появится. Однако несколько основополагающих принципов нефундаменталистского подхода выделить возможно. К этим принципам относятся:

1) внешнее описание математики как системы, обладающей собственным поведением и рефлексией относительно этого поведения. Описываются не только доказанное (полученное) математическое знание, но и позиции математиков, математического сообщества относительно ценности этого знания, перспектив дальнейшего развития математики, значимости математики для приложений, для общества и культуры. Такую позицию можно назвать надрефлексивной;

2) исследуются регулярности (циклы, закономерности) в развитии математики, включая закономерности в развитии математического знания (аксиоматика, способы систематизации, циклы в возникновении новой терминологии), в развитии математического сообщества, в развитии математического образования и т. д. Предполагается, что эти циклы можно проецировать на будущее математики, прогнозируя ее еще не наступившие состояния;

3) обостренное внимание исследователей математики к ее современной практике, к приложениям. Обсуждение математических конструкций типа « $2 \times 2 = 4$ » или «медианы треугольника пересекаются в одной точке», или теории предикатов первого порядка, которыми зачастую довольствуются фундаменталисты (поскольку, как считается со времен Канта, в этих утверждениях заключена суть математики), полагается неадекватным, слишком примитивным инструментом анализа современной математики.

Как, в какой конфигурации указанные принципы могут быть использованы при построении нефундаменталистских концепций математики, в настоящее время не ясно. Но в любом случае философия математики движется к качественно новому своему состоянию. Новые взгляды на математику, на ее место в культуре и обществе, на ее взаимодействие с другими науками естественного и гуманитарного, социального профиля, я уверен, будут сильно отличаться от взглядов Платона, Канта, Кантора, Гёделя и других

великих философов и математиков прошлого. Сама математика, ее современное развитие дают все основания полагать, что прежняя фундаменталистская философия математики в своем объяснении соотношения математики и действительности свой потенциал исчерпала.

В. М. Шемякинский. Мое выступление можно назвать «О соотношении математики и естествознания».

Чем примитивнее математика, тем больше стремление понимать ее как науку о природе, изучающую количественные и пространственные свойства материального мира. Такое понимание природы математики в процессе ее становления является «неизбежным грехом молодости». Но происхождение феномена математики не дает ответа на вопрос о ее сущности. Поэтому только в начале XX в., благодаря прежде всего работам А. Пуанкаре, стало понятно, что математика – это язык науки, хотя у истоков такого понимания стоит философия Канта, заслугой которой является гениальная идея о том, что математика сама по себе не изучает законы внешнего мира. Действительно, как биолог объясняет изменение числа микробов в опыте с помощью, но не за счет арифметики, так и физик объясняет динамику с помощью, но не за счет геометрии.

Короче, математика определяет свойства представления о природе, а не свойства самой природы. Б. Рассел как-то заметил, что геометрия бросает столько же света на природу пространства, сколько арифметика на население США. К. Вайдзеккер писал, что мы знаем о материи в форме знания, но не знаем о знании в форме материи. Природа опытно-математического естествознания связана с четким разделением формы и содержания научного знания. С учетом этого совместима идея Канта о плодотворном пафосе опыта и его максима, что в каждой науке столько науки, сколько в ней математики.

Этим объясняется параллелизм между эволюцией математики и естествознания: евклидова геометрия – физика Ньютона, геометрия Минковского – специальная теория относительности, геометрия Римана – общая теория относительности, теория групп – теория элементарных частиц. В одних случаях математика опережает естествознание, в других – содержательные проблемы естествознания вынуждают самих естествоиспытателей разрабатывать ту математическую форму, которая придает естественнонаучной теории не только логическую стройность, но и гносеологически удовлетворительное совершенство. Секрет «непостижимой эффективности математики» связан с амбивалентностью наук о природе.

Осознание того, что «в каждой науке столько науки, сколько в ней математики», выстрадано всей эволюцией науки. Математизация науки не признак ее кризиса, а признак зрелости. Важно понимать, что в основе такого процесса лежит не стремление к логическому совершенству науки, а твердая уверенность в возможности адекватного познания природы. Математизация естествознания не только не лишает его онтологического статуса и не делает математику естественной наукой, а напротив, делает его теоретическим, что, в свою очередь, только и позволяет корректно сравнивать теорию и опыт, избегая тавтологий.

Все это, разумеется, не противоречит представлению о математике как социокультурном феномене, о котором говорит А. Г. Барабашев. Наоборот, корректный учет социокультурного измерения процесса математизации науки только и возможен на основе ее гносеологического обоснования, явным образом учитывающего связь культуры и природы. В противном случае математика теряет свою специфику в «теле культуры», поскольку культура вписывается в природу, а не наоборот. Природа, будучи самодостаточной, несет в себе свое основание.

Что же касается сомнения докладчика в возможности построения «единой концепции не фундаментальной философии математики», то ее можно рассматривать как программу, неосуществимость которой не означает, и это хотелось бы мне подчеркнуть, ее несостоятельности. Как писал в свое время М. Вебер, что если бы человек не стремился к невозможному, то он никогда бы не достиг того, чего он достиг. Негарантированные цели гарантируют жизнеспособность науки. А. Г. Барабашев поступает именно в этом духе, поскольку формулирует некоторые принципы становящейся новой концепции. Правда, трудно согласиться с докладчиком, когда он утверждает несоизмеримость фундаментальной и нефундаментальной философии математики. Как мы сегодня критикуем изъяны евклидовой геометрии с точки зрения «Эрлангенской программы» Ф. Клейна, а слабости физики Ньютона с точки зрения теории относительности и квантовой механики, так и будущая «нефундаментальная философия математики», будучи более тонкой, сложной и богатой, включит в себя «фундаментальную философию математики» и обнажит ограниченность последней. Новая концепция философии математики будет ближе к истинному пониманию соотношения математики и реальности, чем традиционная, так как будет больше ее информационная емкость, поэтому она будет отражать этот процесс с меньшей степенью огрубления.

В. Ф. Юлов. Я назову свое выступление следующим образом: «Конструктивная роль эмпирического опыта в развитии математики». В своей первой монографии А. Г. Барабашев утверждал, что в развитии математики наблюдается циклическая смена двух основных этапов: 1) творческого и 2) формального. В первом реализуется тесная связь математики с практикой, которая через интуицию дает новые понятия, отличающиеся наивной содержательностью. С переходом ко второму этапу наступает максимальный отход от практики. Здесь математики используют строгие нормы теоретичности и доводят математические построения до логического совершенства. Однако рано или поздно формализация исчерпывает все внутриматематические возможности обновления, и снова наступает состояние открытости к социальной практике. Она как внешний источник доставляет новую группу наивнообразных представлений, а затем повторяется очередной этап формализации [1].

Поскольку публикация состоялась в 1983 г., вполне возможно, что ее автор несколько изменил свою позицию. И все же она до сих пор интересна своей содержательной определенностью и обращением к истории науки. Мы принимаем идею таких двух периодов и их последовательность, но не согласны с тем, что их смена осуществляется периодически. Мы полагаем, что вне научная практика исторически лишь однократно детерминирует становление какого-либо раздела математики в его теоретической форме. Затем наступает состояние теоретического развития, которое нельзя назвать даже историческим этапом. «Джин теории» уже выпущен из бутылки, и он способен развивать теоретическую математику бесконечно долго без каких-то внешних, т. е. практических новаций. Эту тенденцию могут «вуалировать» процессы начала теоретизации разных разделов математики в разные исторические периоды. Становление теоретической геометрии протекало с V по III в. до н. э., теория бесконечно малых формировалась с XVI до середины XIX в., теоретические основы топологии начали закладываться в конце XIX в. Вот такое расположение в социальном времени и создает иллюзию периодической смены этапов. В действительности же каждый раздел математики испытывает лишь один этап воздействия вне научной практики на свою теоретизацию.

Совершим краткий экскурс в историю математического знания. Известно, что древняя преднаука Востока имела практический характер. Он пронизывал все целевые задачи, рецептурные правила, инструментальные операции и т. п. Античные философы выдвинули новые идеалы: «знание ради знаний», «теоретическое умозрение ценнее чувственных мнений», «требование

логического доказательства» и т. п. Из прежней математики от многого пришлось отказаться, но большая группа эмпирических абстракций стала предметом рациональных трансформаций. К абстракциям опыта относились следующие образы: «колесо», «край стола», «стена здания», «угол крыши», «туго натянутая землемерная веревка», «площадь храма» и т. п. Из них посредством обобщения и теоретической идеализации производились идеальные математические объекты: «точка», «круг», «бесконечно продолжающаяся линия» и т. п. Формировались также геометрические операции теоретического плана: «построить на плоскости равнобедренный треугольник», «разделить угол треугольника пополам» и т. п.

Затем наступил этап создания аксиом, которые связали идеальные объекты и операции в определенных отношениях. Этот процесс был родствен гипотезированию, ибо пробные варианты критически обсуждались. Прокл засвидетельствовал, что в платоновской академии шла дискуссия по вопросу, чем является угол – «качеством», «величиной» или «отношением». Когда аксиомы были увязаны в единство, из них стали дедуктивно выводиться теоремы.

Итак, опыт в виде эмпирических абстракций существенно повлиял на становление теоретической геометрии лишь на этапе выработки идеальных объектов. Но именно через него шел необходимый ток влияний объективной реальности. Без исходного материала бытовой, хозяйственной и религиозной практики геометрия Евклида появиться не могла. Введем условные схематизации. Переход от опытных абстракций к теоретическим идеализациям назовем «вертикальным путем». А все ходы теоретизации: формулировка аксиом, их взаимное согласование, дедуктивные выводы, обобщение математических принципов – назовем «горизонтальным путем».

С развитием науки «вертикальный путь» приобрел разнообразные формы. Если возникновение геометрии Евклида было детерминировано вне научной практикой, то в дальнейшем круг влияний на математику расширился за счет эмпирических наук. Допустим, для решения определенной физической проблемы физик разработал специальный математический аппарат и получил успешное решение. На этот метод обращают внимание математики, они отвлекаются от его физической специфики и придают ему общую математическую форму. Так, французский физик Ж. Фурье (1768–1830) для решения проблемы распространения теплового флюида изобрел эффективный математический ряд. И если от понятия флюида физики в дальнейшем отказались, то ряд Фурье наука увековечила. В математике этот ряд позволил не только представить

прерывные функции, но и помог значительно развить понятие функции в области анализа.

Нередко начало «вертикальному пути» дают современные научно-технические разработки. В конце XIX в. английский инженер О. Хевисайд для решения прикладной задачи относительно переходных явлений в электрических цепях разработал некоторое операционное исчисление. Метод оказался простым и эффективным, но его теоретико-математическая сущность и границы применения были непонятны. В 1920 г. метод Хевисайда был строго математически обоснован Д. Карсоном, Т. Бромвичем и К. Вагнером. Так возникла теория особой разновидности линейных дифференциальных исчислений. Итак, эмпирические науки и научно-прикладные разработки выводят математиков на новую проблематику и дают для теоретизации необходимый предметный материал.

«Опытное знание играет для математики ту же роль, что и зоопарк для баснописца» (В. Нахимов). И действительно, практический и научный опыт являются важным, хотя и не единственным поставщиком математических проблем. Когда математик идет по «горизонтальному пути» теоретизации, то его основной нормой является непротиворечивость. Здесь существуют два разных места действия: исходное начало мысли и конечный результат. Конечно, в последнем логических противоречий не должно быть, ибо противоречие есть синоним ошибки. Но если противоречие не пустить в начальные предпосылки, то никакого предмета мышления просто не будет. Математику здесь не над чем думать и размышлять. На это косвенно и указывает теорема Гёделя об арифметике: если теория непротиворечива, значит, она неполна. Вот эту «частичную полноту» и вносит в математику эмпирический опыт. С ним приходят очевидные образы, и при столкновении с идеальными объектами и понятиями возникают противоречивые конструкты. Их оценивают в качестве проблем, которые становятся точками роста новых идей и теорий. Примером может быть античная проблема числовой несоизмеримости гипотенузы и катетов треугольника. Геометрическая интуиция убеждает в реальном существовании этих отрезков, но по теореме Пифагора гипотенуза адекватно не выражается через числовые (арифметические) значения катетов. Проблемное противоречие непрерывного и прерывного стимулировало все последующее развитие математики.

Опыт способен повлиять на важные акты мышления, и это касается прежде всего выбора конструктивных математических решений. По мнению А. Пуанкаре, когда интуиция производит множество содержательных комбинаций, тогда становится актуальным выбор наиболее предпоч-

тительного варианта. В дело вступает эстетическое чувство, которое производит выбор по критерию красоты [2]. Хотя французский ученый настаивает на том, что речь идет об особом чувстве, мы с этим не согласны. Как известно, все сенсорные чувства, попавшие в центр внимания, «нагружаются» определенными когнициями. Такая связь делает «чувство красоты» особым математическим восприятием. Оно является продуктом длительного математического творчества и воплощает в себе представления о математической пропорциональности, соразмерности и гармоничности. Только вобрав в себя эти рациональности, чувство становится «эстетическим канонам», и он действует как метод ценностного выбора.

Итак, у нас с А. Г. Барабашевым идейных расхождений нет. В понимании математики мы не принимаем «фундаментализм» Платона и Г. Фреге, разделяя позицию «культурализма». Мы оба принимаем деятельностный конструктивизм, где математика конструируется математиками. Нас объединяет идея союза математики и социальной практики. Математические подступы к объективной реальности начинаются в практической деятельности, где формируется эмпирический опыт. Его игнорирование – коренное заблуждение теоретизма. Обыденный и научный опыт способствует постановке теоретических проблем математики, становлению базисных идеальных объектов и формированию математических теорий. Особая роль в математическом мышлении принадлежит интуитивному и эстетическому опыту.

Наши позиции не совпадают только в одном. Если А. Г. Барабашев полагает, что математика и внеучная практика циклически расходятся и периодически соединяются, то я такие «волны» не признаю. Этот союз действует только у истоков теоретических разделов, в дальнейшем устанавливается поток самостоятельной внутриматематической теоретизации. Он лишь дополняется малыми ручейками влияний со стороны эмпирических наук и прикладных разработок.

Д. С. Клещёв. Тема моего выступления – «О природе системного кризиса в основаниях математики». Принято считать, что в развитии математики было три глубоких кризиса: *древнегреческий*, вызванный открытием иррациональных чисел; *новоевропейский*, вызванный применением бесконечно малых величин; *современный*, вызванный открытием математических антиномий. Но все они имеют общие корни, поэтому их можно рассматривать как разные этапы одного системного кризиса в основаниях математики, длящегося более 25 веков.

На тесную взаимосвязь этих этапов указал создатель теории бесконечных множеств Г. Кан-

тор: «Трансфинитные числа стоят или падают вместе с конечными иррациональными числами. По своему внутреннему существу они подобны друг другу, ибо как те, так и другие суть определенно отграниченные образования или модификации актуально бесконечного» [3]. То есть если существует некая общая уязвимость математического канона, то мы должны усмотреть ее уже на самом раннем этапе системного кризиса. И мы находим такую уязвимость в теории несоизмеримых отрезков, например в доказательстве иррациональности ϕ :

«Допустим, что диагональ квадрата AC и его сторона AB соизмеримы, то есть их отношение равно отношению двух целых чисел: $AC/AB = m/n$. (1)

Предполагается, что числа m и n не являются оба четными, иначе дробь можно было бы сократить на два. Из (1) следует, что $AC^2/AB^2 = m^2/n^2$. Но по теореме Пифагора $AC^2 = 2AB^2$; следовательно, $m^2 = 2n^2$. (2)

Значит, m^2 – четно. Из учения о четных и нечетных числах следует, что в этом случае и m – четно (так как произведение двух нечетных чисел нечетно). Но тогда n – нечетно. Поскольку m – четно, то $m = 2t$. Подставляя в (2), получим $4t^2 = 2n^2$, или $n^2 = 2t^2$, то есть n^2 – четно, следовательно, и n должно быть четным, что приводит к противоречию» [4].

Возникает вопрос: каким образом математикам-пифагорейцам удалось доказать, что единица, она же число n , она же сторона квадрата AB , – «четное число», что десятичная дробь $\sqrt{2}$, она же число m и диагональ квадрата AC , – тоже «четное число», то есть такое число, при делении которого на 2 получается целое число?!

Разгадка этого секрета древних математиков состоит в применении ими аксиомы неделимости единицы и аксиомы четно-нечетности единицы, благодаря чему доказательство теоремы считается вполне корректным. Но, рассуждая методом от противного [5], мы получаем противоречивую систему аксиом арифметики, где число 1 считается и четным, и нечетным, а также признается неделимым и, вместе с тем, образующим бесконечное множество дробей.

Отбросив аксиому неделимости и аксиому четно-нечетности единицы, легко установить закономерное тождество, записав вместо числа t , принятого в доказательстве за целое, десятичную дробь $\sqrt{2}/2$. Тогда мы достоверно покажем, что числа m и n в теореме не являются четными, так как тождество $n^2 = 2t^2$ запишется в виде $1^2 = 2(\sqrt{2}/2)^2$. Но из установления тривиального факта противоречивости общепризнанной системы аксиом арифметики и всего математического канона следуют отнюдь не тривиальные выводы.

Прежде всего, это вывод о том, что $\sqrt{2}$ можно представить отношением двух целых чисел m/n ,

так же как множество других арифметических корней, признанных в канонической арифметике иррациональными. Тогда применение Брауэра разбиения на элементы одинаковой размерности, позволяет строить по основанию «*иррациональных*» диагоналей фигуры, конгруэнтные обычным ортогональным квадратам [6]. Сопоставляя свойства этих фигур с арифметическими приближениями, обнаруживается их совпадение с периодическими десятичными значениями для всех корней, несводимых к целым числам. Например, для $\sqrt{2}$ в соответствии с правилами перевода десятичных дробей в обыкновенные отношение целых чисел m/n выражается как

$$\left(\frac{m}{n}\right)^2 = \frac{(1414\ 707\ \_ - 1414\ \_)^2}{999\ 000\ \_ ^2} = \frac{199\ 700000\ \_ 1000\ \_}{99\ 800\ \_ 1000000\ \_} = 2,00\ \_ 1,$$

где интервал $2,00\ \_ 1$, симметричный некоторому приближению непрерывной дроби $1,99(9)$, служит базисом для сколь угодно близкого приближения периодической десятичной дроби $1,414\ 707\ 707\ \_ (707\ \_)^2$ к целому числу 2, что является прямым следствием из теоремы Л. Брауэра о невозможности топологического перехода из пространств разной размерности.

Иначе говоря, в соответствии со второй теоремой К. Гёделя о неполноте мы находим разрешение второй проблемы Д. Гильберта в рамках более полной концепции неканонической арифметики. Вместе с обнаружением противоречий в стандартной системе аксиом разрешается и другая фундаментальная проблема разделения арифметики и геометрии, которую А. Френкель считал самой главной проблемой в основаниях математики [7], так как эта проблема, поставленная еще Аристотелем, восходит к той же аксиоме неделимости единицы [8].

Конечно, это лишь малая часть проблем, которые снимаются вместе с устранением аксиоматических противоречий. Но важный философский вывод, следующий из возможности выбора между канонической и неканонической арифметикой, состоит в восстановлении пошатнувшейся в XX в. уверенности, что математика способна дать вполне определенный ответ на любую четко сформулированную задачу.

Е. М. Вечтомов. Название моего выступления – «Реалистичность математики». Нужно согласиться с тем, что мы воспринимаем через наши органы чувств саму реальность. Конечно, имеется в виду восприятие нормального, здорового человека. Другое дело, что это восприятие дает нам лишь первичную информацию о наблюдаемой вещи. Полное знание о вещи требует всестороннего наблюдения, анализа и синтеза.

Это первичное знание, или знание-знакомство, по терминологии Бертрانا Рассела, состоит в

фиксации устойчивых атомарных фактов, которые даны нам на основе простейших пространственно-временных отношений (одновременно, раньше, после, вне, справа, слева и т. п.) и описываются на так называемом естественном языке. Теоретическое познание имеет дело непосредственно не с этими элементарными фактами, но с моделями по поводу атомарных фактов, и вот эти модели описываются на языке математики. Строятся абстрактные математические модели, но, в конечном счете, имеется в виду (объясняется) то, что мы непосредственно воспринимаем. Заметим, что объектом познания любой науки H выступает та или иная грань объективной реальности, которую наука H интерпретирует, переводит в идеальную H -реальность. Эта теоретическая H -реальность, являясь определённой моделью действительности, и служит предметом изучения науки H .

Например, идеальная реальность у физиков неоднократно менялась: классическая механика, теория относительности, квантовая механика, теория струн. Хотя сама физическая реальность оставалась неизменной или развивалась независимо от выдвигаемых физиками доктрин – согласно объективным законам природы.

Влияние математики на становление физической картины мира в настоящее время является решающим. Супергеометрические методы, разработанные Григорием Перельманом при решении знаменитой проблемы Пуанкаре о характеристических свойствах трёхмерной сферы, укрепили позиции теории струн и открыли перед физиками новые возможности на пути создания универсальной теории физической реальности, к чему так стремился Альберт Эйнштейн [9]. Мы можем сделать метафизический вывод о том, что скорее физика есть часть геометрии, нежели наоборот.

Математика – это наука о формальных структурах в виде абстрактных множеств с заданными на них наборами отношений и преобразований. Эти структуры часто строятся, так сказать, на будущее и образуют своего рода хранилище инструментов для описания разнообразных явлений действительности. В то же время сама объективная реальность, будучи источником идеальных структур, может рассматриваться как сфера приложения всевозможных, в том числе самых абстрактных и, на первый взгляд, искусственных, подчиняющихся чисто внутренним критериям, математических построений [10]. Можно говорить о взаимно направленных гомоморфизмах математических моделей и реальности.

Хотя среди того, что мы воспринимаем непосредственно, отсутствуют круги, линии, не имеющие толщин, числа и т. п., однако наблюдаются их грубые приближения, прототипы. При опоре на них строятся соответствующие интуи-

тивные образы и формируются предпонятия – аналоги будущих научных понятий. Математика отображает не все многообразие Мироздания, но его структуру, схемы реальности посредством фундаментальных категорий формы, количества, меры. Таким опосредованным способом математика позволяет описывать то, что *есть*, то есть реальность. Следовательно, математике все же присущ *онтологический* смысл. Поэтому можно не согласиться с утверждением Рудольфа Карнапа о том, что чистая математика ничего не говорит о мире. Все-таки – говорит, так как способна поставлять модели и язык для описания реальности.

Отличительной чертой современной математики как науки является предельная чёткость понятий и формулировок и строгость рассуждений и доказательств. Поэтому математика проще других дисциплин, но труднее их. Математика не может быть приблизительной, мягкой или скользкой, но математические модели могут быть таковыми. Отменив жёсткость математики, получим что-то совсем другое под названием вроде «сотематика» или «туфология» [11]. В последние десятилетия наблюдаются антинаучные наскоки на математику [12]. Подвергаются сомнению её простейшие базовые результаты: мол, древние греки неправильно доказали несоизмеримость диагонали и стороны квадрата (так как иррациональных чисел вообще не существует); дескать, Георг Кантор ошибся при доказательстве несчетности континуума.

В частности, как мне представляется, идеи выступившего передо мной Д. С. Клещёва строятся на том, что не учитывается определение нечетного числа как $2n + 1$, согласно которому при $n = 0$ мы как раз получаем единицу в качестве нечетного числа.

Некоторые философы стремятся похоронить классическую математику, стоящую на двух китах – двузначной логике и теории множеств, но ничего кроме «смягчения математического нрава» предложить не могут. Постмодернистская идеология стремится совратить математическую науку, но как раз у постмодернизма нет будущего (если, конечно, само человечество, *homo sapiens* не есть ошибка природы или причуда эволюции – как у Артура Кестлера).

В вопросе о природе математических объектов мы придерживаемся умеренного *платонизма*. Тем самым мы признаем онтологический статус натуральных чисел и простейших геометрических фигур: они представляют собой *квазиэмпирическую* реальность, укоренённую как во внешнем мире, так и в нашем сознании – через априорные и аподиктические очевидности. Непосредственно из нашего чувственного опыта эти понятия извлечь нельзя, и, тем не менее, мы эти-

ми понятиями располагаем и с ними работаем. Стало быть, мы уже должны иметь их как предвосхищение в своем уме, до обнаружения их несовершенных аналогов в эмпирическом мире. Да и обнаружить вообще что-либо, затем узнаваемое нами, мы можем только при наличии некоего «идентификатора» внутри нас, функционирующего на основе априорностей и инстинктов. Прочитав Платона: «Мы непременно должны знать равное само по себе еще до того, как впервые увидим равные предметы и уразумеем, что все они стремятся быть такими же, как равное само по себе, но полностью этого не достигают» [13]. Здесь нет противоречия, ибо Мир Един – это главный метафизический тезис любой адекватной гносеологии. Материя даёт импульс и пищу мышлению, а сознание материализуется в деятельности. Именно *практическая деятельность человека* служит незыблемым критерием истины, которая *не допускает свободы плюрализма*. Об этом свидетельствует грандиозная история развития математики и эффективность её применений.

Сам процесс человеческого познания включает в себя узнавание и определённую настройку сознания человека на «волну» наблюдаемого объекта (припоминание, по Платону). И чем больше человек «погружается в объект», тем глубже он его познаёт – узнаёт (припоминает). В своем умеренном платонизме мы не одиноки. Большинство математиков являются стихийными платонистами. Например, математик и логик Н. Н. Непейвода определяет свое математическое мировоззрение как умеренный скептический платонизм [14].

Выделим следующие методологические положения [15].

(1) Исходные структуры, изучаемые математикой, можно определить как квазиэмпирическую реальность, для описания которой создается особый символический язык.

(2) Эти структуры опираются на постулаты (в том числе логические) в виде самоочевидных истин, а также специально вводимые первичные термины.

(3) Математическая реальность имеет онтологический статус, поэтому математики открывают новое знание, а не изобретают его.

(4) Математика является автономной, универсальной и продуктивной формой научного познания Мира.

Р. Г. Баранцев. Название моего выступления: «Парадигма асимптотичности». Выражая предельный переход в конечных символах, классическая математика породила иллюзию «приручения» бесконечности. И на рубеже XX в. Д. Гильберт рискнул запланировать окончательное выяснение сущ-

ности бесконечного, несмотря на то что ещё в начале XIX в. другой математик О. Коши предупреждал: «Идея вечности несовместима с существованием всякого существа, подверженного изменениям и преемствам» [16].

Крушение иллюзий началось с теоремы К. Гёделя о неполноте формальных систем, а решение проблемы континуума, данное в 1963 г. П. Коэном, означало подрыв двузначной логики, так как на вопрос в форме *либо-либо* ответ получился в виде *ни-ни*.

Но человек не хочет смириться перед бездной континуума. В конце XX в. Ж. Делёз пишет, что классическая мысль судорожно пытается зафиксировать место конечного среди всех этих бесконечностей и навести порядок в бесконечности. Многозначные логики, нечёткие множества, нестандартный анализ, оказавшись перед онтологической неточностью, стремятся описывать её всё равно точно.

И пока математики мучительно осознают иллюзорность совершенной полноты и абсолютной точности, физики и биологи продолжают успешно создавать замкнутые модели. А гуманитарные науки, подражая естественным, увлечённо строят искусственные классификации, искусственные языки, искусственные интеллекты. В своём стремлении к однозначной определённости, безусловной объективности и предельной полноте описания традиционная наука отрывается от реальной жизни с её гибкостью, открытостью, свободой воли. Обнаружив необходимость переосмысления понятия рациональности, философы начали понимать, что приходится иметь дело «с новым типом сложности, связанным с человеческой интуицией и человеческими эмоциями» [17]. Идеал полноты стал уступать место идеалу целостности. И от математических методов потребовалось, при сохранении достаточной точности, умение не разрушать целостность изучаемого объекта.

На бесконечном пути к божественной истине человек нуждается в опоре на истину человеческую, которая неоднозначна и ограничена масштабами человеческого мира. Всесторонние границы имеют место и в концепции сплошной среды, и во фрактальной геометрии, и в космологии.

Поэтому идея *мягкой математики* всё более обнаруживает свою привлекательность. Р. Пенроуз, установив *невывислимость сознания*, говорит о необходимости новой физики [18]. Р. Хирш настаивает на включении математики в гуманитарную культуру [19]. Гуманитаризация математики обсуждается как тенденция развития современной науки [20]. Приобщение математики к *мягким наукам* видится как заманчивая перспектива за Геркулесовыми столбами жёстких

канонов [21]. Мягкое исчисление рассматривается как маркер новой парадигмы [22]. И даже строгий В. И. Арнольд позволяет себе говорить о жестких и мягких математических моделях [23].

Однако искомое новое обнаруживается в затёртом старом. Требуется лишь посмотреть на него свежими глазами. Речь идёт об асимптотических методах, суть которых состоит в том, что они осуществляют синтез простоты и точности за счёт локализации: в окрестности некоторого предельного состояния находится упрощённое решение задачи, которое тем точнее, чем меньше эта окрестность. Точность, локальность, простота – неотъемлемые компоненты асимптотической методологии, образующие в своём единстве системную триаду дефиниции.

В отличие от классической математики уровень точности здесь конкурирует с размерами области действия; в заданной области точность асимптотического решения всегда ограничена. В классической математике x фиксировано, $N \rightarrow \infty$ и говорится о сходимости; в асимптотической математике N фиксировано, $x \rightarrow 0$ и говорится об эффективности приближения, выражающейся в оптимальном сочетании простоты и точности. Абсолютная точность перестаёт быть фетишем.

Правда, точность в конечной области всегда ограничена. Но это неизбежная плата за сохранение целостности, воплощаемой в балансе точности, локальности и простоты. В то же время асимптотическое упрощение обеспечивает возможность изучения сложного через небольшое число управляющих параметров. Эти параметры формируются в переходных слоях на смыслообразующем пути с микро- на макроуровень.

В асимптотической математике переходные слои – неизбежное следствие упрощающей локализации. Неравномерность асимптотических разложений не исключение, а суровая повседневность. Отсюда актуальность методов связывания, сращивания, соединения асимптотик в переходном слое. Существуют функции, связывающие в один узел колебательное и экспоненциальное поведение; разработаны процедуры сращивания разложений с перекрывающимися областями действия; практикуется соединение разноречивых асимптотик с помощью Паде-аппроксимант [24]. Но методология, направленная лишь на переход сквозь слой, на преодоление препятствия, не ищет и не ждёт от слоя ничего самородного. Синергетический подход помогает выйти из тупика одномерности, ставя задачу на освоение новых измерений смыслового пространства, их комплексирование и испытание на целостность.

Мягкость асимптотической математики гармонирует с открытостью синергетики. Их роднит динамизм методов: от предела – к прибли-

жению, от бытия – к становлению, от полноты – к целостности. Греческий термин *asymptotos* означает *несовпадающий*, подчёркивая тем самым, что асимптотическое приближение не превращается в совпадение. Также и целостность не превращается в полноту. Динамизм, на котором держится нелинейная, неустойчивая, недетерминированная жизнь, разрешает тупиковые противоречия отмирающей парадигмы, жертвуя несуществующей полнотой, но сохраняя сущностную целостность.

В. Я. Перминов. Главная идея моего выступления: «Наука имеет внутреннюю логику развития».

Вопрос, поднятый Алексеем Георгиевичем Барабашевым, – продолжение нашего старого спора о сути философии математики и о понятиях, на основе которых она должна быть построена. Этот вопрос первоначально возник в истории науки как противопоставление интерналистской и экстерналистской истории науки, потом он перекинулся в методологию науки как противопоставление методологии, основанной на логике (К. Поппер, И. Лакатос), и методологии, основанной на истории науки (Т. Кун, П. Фейерабенд), и наконец, насколько я помню, именно по инициативе А. Г. Барабашева он был превращён в противопоставление фундаменталистской и нефундаменталистской (социокультурной) философии математики.

Все аргументы, которые могут быть здесь высказаны, как мне представляется, уже давно приведены. Одиннадцать лет назад вышла большая книга, где они достаточно хорошо представлены [25]. В статье «Ложные претензии социокультурной философии математики», опубликованной в этой книге, я высказал свое принципиальное несогласие с радикальным отказом от традиционного (фундаменталистского) подхода и не хотел бы повторять старые аргументы. Но я все-таки и здесь возразил бы против радикальной установки Алексея Георгиевича, состоящей в том, что фундаменталистская философия исчерпала свои ресурсы и должна уйти в прошлое, освободив место для новой социокультурной философии математики.

Направление исследования исчезает или затухает, когда проблемы, поставленные в его рамках, либо решены, либо выявили свою некорректность. Я не совсем понимаю, как это можно говорить о сложнейших проблемах, поставленных в рамках традиционной философии математики. В качестве примера такого вопроса может быть взят вопрос о доказательстве. Какой бы уровень доверия ни был между математиками, некоторые доказательства математик должен проверить сам и убедиться в их законченности на основе

некоторых объективных критериев. Дискуссии о законе исключенного третьего, об аксиоме выбора и о тезисе Черча, имевшие место на протяжении многих десятилетий прошлого века, показывают, что мы все еще не имеем строгого перечня условий, определяющих надежность содержательного математического доказательства. Значит ли, что мы должны расписаться в своем бессилии понять математическую практику в этом отношении? Компьютерные доказательства снова и даже более резко ставят этот вопрос, и нам все-таки придется его решать и решать в старом фундаменталистском плане, выявляя основания логики и специфической математической интуиции. Ссылки на социальность здесь не помогут. Другой вопрос – вопрос о специфической символической технике математического мышления. Мы не знаем в должной степени, что такое символы и как они работают в математике. Кто-то сказал, что символы умнее самого математика. Это верно, но это нам еще предстоит понять теоретически. Мы не уйдем здесь от анализа логики, семантики и системности, т. е. категорий глубоко фундаменталистских, относящихся к внутреннему устройству математического знания. Требуется дальнейшего анализа вопрос о путях обоснования математики. Хотя все попытки обосновать математику строгими логическими средствами провалились, никто не доказал, что не существует других эффективных подходов. Можем ли мы оставить этот вопрос как неразрешимый, отдавшись обычной ссылкой на теорему Гёделя? Конечно, нет, ибо эти теоремы говорят только о границах финитистского обоснования и ни о чем другом. Можем ли мы поиски обоснования заменить ссылками на исторический опыт или некоторыми социокультурными соображениями? Безусловно, нет. Действительный выход может состоять только в том, чтобы углубить философское и методологическое мышление в математике до того уровня, на котором можно будет наметить принципиально новые и более эффективные подходы к проблеме обоснования математики. Существует множество методологических проблем, связанных с использованием математики, например вопрос о «непостижимой эффективности» математики, о математической гипотезе и т. п. Сам вопрос о реальности математических структур, о параллелизме мира физического и мира математического, с которого начал свое выступление Алексей Георгиевич, как это мы видим, требует апелляции к треугольнику Фреге, т. е. к логической семантике, которая могла появиться только в рамках фундаменталистской философии математики.

Фундаменталистская философия математики, опирающаяся на анализ структуры математики и логики ее внутреннего развития, таким обра-

зом, существует и нет никаких признаков того, что она может умереть. Но я не собираюсь отвергать возможность социокультурного анализа математики. Всегда были и всегда будут истории науки, склонные проследивать внутреннюю логику становления научной теории и всегда будут историки, нацеленные на раскрытие внешнего (социокультурного) фона этого становления. То же самое относится, по-видимому, и к философии науки. В принципе здесь нет никакого противоречия, а есть лишь элементарная дополнительность подходов. Все дело в том, на что претендует социокультурный подход. Для правильного понимания соотношения этих двух подходов необходимо, на мой взгляд, провести четкое разделение между слабой и сильной версией социокультурной философии науки.

Слабая социокультурная установка в философии науки фиксирует факт влияния вненаучных факторов на становление научного знания в смысле его возникновения, замедления или ускорения. Вопросы логики и методологии науки мыслятся при таком подходе как автономные, определенные природой науки и независимые от внешних условий. Математики Китая и математики Англии с этой точки зрения подчинены одним и тем же принципам, определенным природой математических понятий и назначением математической науки. Наука рассматривается как растение, которое может не вырасти при отсутствии некоторых условий, но предполагается, что в тех условиях, в которых она может расти, она растет в формах, заданных природой ее понятий. Такое понимание науки мы видим у большинства методологов последнего столетия. А Эйнштейн, как известно, утверждал, что никакой логический путь не ведет нас от опыта к принципам, но при этом добавлял: «Но история показала, что из всех мыслимых построений в данный момент только одно оказывается преобладающим. Никто из тех, кто действительно углублялся в предмет, не станет отрицать, что теоретическая система практически однозначно определяется миром наблюдений» [26]. В логике становления и выбора теории, по Эйнштейну, важен лишь мир наблюдений, относящихся к теории, но не какие-либо внешние факторы. Так же построена методология науки К. Поппера. Переход от одной теории к другой определяется однозначно и исключительно внутритеоретическими соображениями, а именно стремлением теории к увеличению ее логического содержания или к расширению класса потенциальных фальсификаторов.

Очевидно, что Алексей Георгиевич не ограничивает свою социокультурную установку такого рода слабым присутствием социальности в логике науки. Если бы он принял такую установку,

то он не мог бы отрицать существования философских и методологических проблем, проистекающих из логики науки, независимой от социальных условий ее развития. В основе его позиции лежит более сильная гипотеза социокультурного влияния, согласно которой сама внутренняя логика науки, определяющая траекторию развития научной теории, зависит от социального контекста и существенно определяется им. Позиция Барабашева, я считаю, идет от методологической установки Т. Куна, который считал, что признание научной парадигмы определяется не инвариантными критериями, заложенными в природе познания или в понятиях самой науки, а установками научного сообщества, которые не определены априори и зависят от случайных факторов, определяющих мировоззрение этого сообщества на данный момент времени. Кун писал следующее: «Формообразующим ингредиентом убеждений, которых придерживается данное научное сообщество в данное время, всегда являются личные и исторические факторы – элемент по видимости случайный и произвольный» [27]. С этой точки зрения социальность включена в парадигму, в сами критерии предпочтения, она определяет механизм наследования и траекторию развития науки. Логика науки, инвариантной для науки и независимой от социального контекста, вообще не существует.

Позиция Куна, вызвавшая широкую дискуссию, интересна сама по себе. Это одна из тех провокационных идей, которые позволяют более внимательно посмотреть на принятые верования, в частности, на статус методологии и философии в структуре научного знания. Но она, на мой взгляд, бесперспективна в смысле ее подтверждения. Хотя Кун в построении своей методологии апеллировал к истории науки, история в действительности подтверждает единство науки по ее внутренней логике и не подтверждает наличия разных вариантов одной и той же науки в различных цивилизациях. Уже в древние времена мы видим поразительное единство науки: математика Египта, математика Вавилона и математика Китая, будучи различными по уровню развития и по некоторым тематическим предпочтениям, являются поразительно едиными по системе исходных понятий и даже по типам решаемых задач. Перед последователями Куна стоит задача найти в истории примеры сильной социальной детерминации развития науки, показывающие, в противоречие с мнением Эйнштейна и Поппера, что одни и те же факты в различных социальных условиях, т. е. в идеологически различных сообществах, приводили бы к принятию других принципов объяснения и к другой траектории развития науки вообще. Л. Брауэр в начале прошлого века выдвинул идею, что цивилиза-

ции, удаленные от нашей, в принципе могут иметь другую логику. Это утверждение Брауэра выражает, несомненно, социокультурную философскую установку в ее сильном варианте. Сейчас мы имеем достаточные теоретические доводы за то, что ситуация, о которой говорил Брауэр, совершенно невозможна. Гуссерль был прав, утверждая, что логика едина, будь то логика людей, чудовищ или ангелов. Тезис Куна очень похож на тезис Брауэра: он может сыграть такую же провокационную роль для методологии науки, как и тезис Брауэра для логики и математики, но очень сомнительно, что его можно будет когда-либо обосновать в качестве истинного. Если Алексей Георгиевич намерен отстаивать принципы социокультурной философии математики как единственно адекватные, то он стоит перед необходимостью обосновать теоретически или на основе внимательного исторического анализа тезис Куна о наличии сильной социокультурной детерминации в развитии научного знания вообще. Я утверждаю, что этот тезис пока никем не обоснован. Мне кажется, что он вообще не может быть обоснован, но я не хотел бы быть здесь слишком категоричным. Ясно, однако, что в настоящее время мы не имеем никаких оснований отвергать существование внутренней методологии науки, проистекающей из природы самой науки, ставить под сомнение правомерность фундаменталистской философии математики, являющейся в своей сути рефлексией внутренней методологии математического мышления.

Мне также хотелось бы высказать свою точку зрения относительно выступления Р. Г. Баранцева. Моя мысль заключается в том, что внутренняя логика математики не зависит от приложения.

Основной тезис Р. Баранцева состоит в том, что главными методами теоретической физики в недалеком будущем должны стать асимптотические методы, включающие в себя неопределенность и неполноту описания. Это положение имеет методологический характер и должно стать предметом обсуждения для специалистов в области теоретической физики. Другой, более философский его тезис заключается в том, что асимптотические методы открывают новый взгляд на математику, позволяющий отказаться от представления о ней как об абсолютно точной и внутренне детерминированной науке. Я остановлюсь здесь на положениях, которые входят в обоснование этого последнего тезиса и относятся собственно к философии математики. Это следующие положения:

1. Конечный человек тянется к бесконечному, но тянется обреченно, поскольку бесконечность нельзя приручить в человеческих понятиях. После Кантора всегда приходит Гёдель. Мы

должны отказаться от попыток построения математики, способной формализовать бесконечность.

2. Классическая математика, претендующая на внутреннюю жесткость, определенность и однозначность всех выводов, не способна подойти к описанию сложных процессов, изучаемых современной наукой. Необходимость приближения к реальности требует введения «мягкой математики», включающей принципиальную неопределенность и неполноту описания. Мы должны отказаться от традиционного взгляда на математику как на систему жестких, строго определенных в своей внутренней логике структур.

3. Математическая теория в принципе не может быть замкнутой структурой. Так же как и любая естественная система, она находится в некотором окружении, которое проникает внутрь ее смысловой структуры. Полная внутренняя строгость и непротиворечивость математической теории остаются по этой причине только недостижимыми идеалами.

Первый тезис, на мой взгляд, содержит в себе некоторую мистификацию бесконечного.

Идея бесконечного необходимо возникает в человеческой практике вследствие того, что каждый акт человеческой деятельности представляет собой преодоление конечного в пространстве, во времени и в освоении новых областей предметности. Деятельностная теория познания утверждает бесконечность в качестве необходимой категории человеческого мышления. По своим истокам это содержательное понятие, не имеющее прямого отношения к математике. Нас интересует вопрос, в какой мере математика может подойти к адекватному определению этого понятия? При ответе на него мы должны прежде всего уяснить то положение, что содержание онтологической категории не может быть исчерпывающим образом выражено в частных понятиях. Мы не можем полностью определить бесконечность, так же как не можем определить пространство, время или движение. Мы можем говорить лишь об аспектах идеи бесконечного, которые могут получить определение в математике. Арифметика делает это в отношении потенциальной бесконечности, теория множеств формализует некоторые аспекты представления об актуальной бесконечности.

Надо согласиться с автором, что человек в своих понятиях никогда не дойдет до полного отражения смысла бесконечности. Но это положение справедливо по отношению ко всем значимым аспектам реальности. Мы никогда не будем иметь законченной теории движения, полной теории света или полного представления о структуре вещества. Все эти понятия указывают лишь на направление движения. Мы никогда не

дойдем до адекватного определения бесконечности, в полной мере отражающего его категориальное содержание. Но отсюда не следует, что существующие математические экспликации бесконечности следует считать ложными или заведомо противоречивыми. А. А. Зенкин дал развернутую и убедительную критику канторовской теории множеств, но, на мой взгляд, он упустил один важный момент, а именно то, что, несмотря на все парадоксы и всю критику, теория множеств продолжает работать в математике. А это показывает, что она, несомненно, содержит в себе непротиворечивое ядро, представляющее непреходящую ценность. Но это значит, что математика, в действительности, схватывает бесконечность, что она движется в направлении экспликации бесконечного и никакой заведомой обреченности здесь не существует.

Провал предложенных в начале прошлого века логических способов обоснования непротиворечивости не означает, что математические теории противоречивы. Он не означает также и того, что непротиворечивость математических теорий не может быть обоснована никаким другим способом, кроме как в рамках финитной метатеории. Теоремы Гёделя не заканчивают исследования в основаниях математики и не предрешают их отрицательного результата. Мы не использовали геометрического подхода, предложенного Г. Фреге, анализ логики доказательств может привести к реабилитации гентценовских доказательств непротиворечивости арифметики, существуют чисто методологические подходы, позволяющие утверждать непротиворечивость зрелых (аксиоматизированных) математических теорий. Автор, как мне кажется, несколько мистифицирует бесконечность и преувеличивает запретительную силу теорем Гёделя. Бесконечность, в тех аспектах, в которых она включена в математику, конечно, может быть обоснована в плане своей непротиворечивости в рамках достаточно развитой методологии математики. Здесь мы должны смотреть вперед, а не назад.

Второй тезис, в принципе, верен. Математические умозаключения физика не могут быть безупречными с точки зрения чистой математики. Физики уже давно говорят о том, что строго математическая дедукция ушла в прошлое: ценные результаты в теоретической физике достигаются за счет упрощений и *ad hoc* допущений, основанных на опыте или аналогиях. Уже в XIX в. Адамс и Леверье в своих расчетах местоположения Нептуна прибегали к эмпирическим соображениям относительно взаимного расположения орбит планет в Солнечной системе. Но, признавая эту неизбежную нечистоту теоретической физики, мы должны проводить четкое различие между логикой рассуждения в приложениях ма-

тематики и логикой доказательства в рамках математической теории. Мы впали бы в заблуждение, если бы вообразили, что нарушения строгости в приложениях математики могут привести к отказу от строгости как внутреннего стандарта математического мышления, что эти отступления могут сформировать новый образ самой математики, не связанный с идеей абсолютной строгости и внутренней детерминированности. В действительности верно обратное: к каким бы нарушениям строгой дедукции ни прибегал физик-теоретик, он не может утратить идеала строгого математического доказательства и не может навязать чистой математике стандарты строгости, допустимые в приложениях. В. И. Арнольд говорит о «мягких моделях», т. е. о моделях, которые выводятся только в общей форме и должны быть подогнаны к конкретному процессу через подбор констант, но он не говорит о мягкой математике в смысле ослабления стандартов строгого математического рассуждения вообще. Математика всегда была орудием строгой дедукции, методом надежной трансляции истинных суждений в истинные. Несомненно, что эта функция останется за ней и в будущем. Но если это так, то ни о каком отказе от внутренней однозначности и определенности математического рассуждения не может быть и речи.

Третье положение представляется мне ошибочным. Что касается физических (естественных) систем, то, конечно, ни одна из них не является замкнутой и внутренне детерминированной, но это не имеет никакого отношения к математической теории как к системе неявных определений, заданных аксиомами. Никакие события во внешнем мире не могут изменить внутренних определений арифметики, поскольку она продиктована принятой аксиоматикой. Некая неопределенность в математике появляется лишь на уровне семантики, ибо возможны нестандартные интерпретации арифметики и иные конструкции натурального ряда, тем не менее подчиняющиеся аксиоматике арифметики. Но это обстоятельство не оказывает никакого влияния на внутреннюю строгость и определенность самой теории, поскольку мы ориентируемся только на аксиомы и получаем результаты, справедливые при всех интерпретациях. Ни одна из природных систем не является замкнутой и строго детерминированной, но абсолютная детерминированность тем не менее существует, и она реализуется в математических построениях. Математика была и навсегда останется идеалом внутренне детерминированного знания.

Хотя я не согласен с основными выводами автора, не могу не отметить глубоко творческий, стимулирующий характер его соображений. Вопрос о соотношении прикладной и теоретической

математики редко обсуждается в нашей философской и методологической литературе. Стандарт математической строгости, конечно, не зависит от приложений, но без анализа приложений мы не сможем понять логики развития математического знания в целом и самого распределения интересов в теоретической математике.

Р. Г. Баранцев. Позвольте мне сразу ответить В. А. Перминову. Наши расхождения обусловлены разными онтологическими позициями. Уважаемый оппонент полагает, что «логика и арифметика имеют не эмпирическое, а онтологическое основание своей безусловности. Нормы логики абсолютно универсальны, логика конечного и бесконечного не могут различаться. Логика теоретического мышления не может отличаться от логики Бога» [28]. Я же согласен с М. К. Мамардашвили в том, что необходимо пересмотреть классические абстракции и ввести «онтологический принцип неполноты бытия» [29].

Внутренняя логика математики может складываться независимо от приложений, но в своём стремлении к полной определённости она будет отрываться от живой реальности: «As far as the laws of mathematics refer to reality, they are not certain; and as far as they are certain, they do not refer to reality» [30]. Не дерзая обсуждать «логику Бога», я призываю математику не ограничиваться внутренней логикой детерминистских моделей, а смело осваивать асимптотическую логику жизни.

Вольфганг Ленски [31]. Цель моего небольшого выступления, которое может быть названо «Философия математики как анализ понятий», состоит в выяснении, что собственно понимается под философией математики. Как нам представляется, понятие философии математики связано не столько с вопросом «Что такое математика?», сколько с вопросом «Что может быть математикой?». Проблема состоит в том, чтобы раскрыть философские нормативные положения, которые должны лежать в основе математических концепций.

О необходимости философской рефлексии. Если определенная теоретическая область основалась самостоятельно, как это произошло в случае с математикой приблизительно 3000 лет, то становится возможной соответствующая философская рефлексия. Речь идет о том, чтобы поставить кажущуюся уверенной в своих познаниях математику на непоколебимую основу. В качестве примера этому можно представить концепцию геометрии Евклида в античные времена.

После первой фазы философской рефлексии следует вторая фаза – осмысление внутренних для данной теории дисциплинарных проблем.

Например, при создании геометрии Евклид столкнулся с вопросом об отношении аксиомы о параллельных прямых к реальности.

Другие области математики, такие, как арифметика, были менее разработаны и представляли большие философские проблемы. У Канта мы находим попытку понять арифметику на основе понятия времени. В результате возникает первая переструктуризация понятийного аппарата математики. Развитие понятия числа потребовало разработку дальнейших формообразующих принципов, таких, как достижение синтеза на основе структур прогрессирующих единств. Здесь в качестве центральной выступает проблема идентификации чисел посредством особой операции с нулем в качестве исходного пункта. Лишь когда $0'$ станет 1, а $1'$ станет 2 и так далее, эта операция будет той определенной функцией, которая формирует числа. Однако здесь возникает проблема контроля над бесконечным процессом. Данная проблема становления арифметики как науки стала очевидной в XIX в. Известно, что были выдвинуты два различных подхода: контроль над процессом порождения чисел при помощи принципа индукции (классическая математика) либо при помощи интуиции (интуиционизм). Последствия этих подходов должны определяться при помощи средств соответствующей науки. Философия может этот процесс лишь нормативно направлять, осмысливая содержательную сторону дела. Вопрос базиса опирается на методы соответствующей дисциплины, доказательство же правомерности этих методов является принципиальной философской темой.

Философия и наука. Философское осмысление каждой научной дисциплины можно разделить на три фазы. Вначале формируются интуитивные представления об исследуемых объектах, затем вводятся интуитивно понятые термины. Затем эти термины определяют через понятия, основанные на различных методах, до тех пор, пока основы созданной системы снова не становятся предметом философского осмысления.

В этом процессе задача философии состоит в том, чтобы понять направленность развития данной науки. При этом внутреннее оформление системы остается вопросом, относящимся к данной дисциплине, так как каждая область развивает свои специфические методы.

Интенсивность философского осмысления отражает уровень напряженности внутридисциплинарных проблем. Так, математика в начале XIX в. стала предметом философского осмысления ввиду настоятельных требований уточнения понятий, посредством которых описывались математические объекты. Первым предпринял попытку такого уточнения абстрактных понятий Августин Луис Коши.

В качестве аналогичного примера может быть рассмотрено становление теории множеств. Вначале Кантор описывает понятие множества просто в виде совокупности отличных друг от друга мыслимых объектов m с общим признаком M . В этом определении еще используются термины разговорного или литературного языка. Затем в развитии теории множеств выделяются такого же рода проблемы, которые Коши пытался преодолеть через уточнение абстрактных понятий. Уточнение понятий теории множеств привело к аксиоматической системе Цермело – Френкеля.

Антиномии и противоречия. Достаточно сложной является проблема появления внутри научной дисциплины противоречий, или антиномий. На первый взгляд, представляется безусловно истинным и непоколебимым закон противоречия, сформулированный в качестве научного принципа еще Аристотелем. Однако в системе Гегеля противоречие рассматривается как несущая сила, порождающая прогресс в познании. Это означает, что не исключается вариант, когда противоречия внутри системы могут считаться вполне нормальным явлением.

Появляется возможность – через сознательное выявление противоречий – создавать надежную основу для дальнейшего строительства основ математики. Речь идет о выработке условий, которые бы позволяли осознавать соответствующие противоречия, а затем выявлять как можно больше найденных в результате конструктивных возможностей при сохранении этих противоречий. В качестве примера такого движения можно назвать, как нам думается, построение системы аксиом Цермело и Френкеля.

С нашей точки зрения, положения Гегеля относительно прогрессивного значения противоречий можно интерпретировать как методологию, которая может и должна выступить наряду с известными концепциями формальной логики. Таким образом, может быть выстроена математика, которая будет располагаться ближе к интуитивизму Бауэра, или конструктивизму Маркова, или школе Бишора.

Философия математики ставит вопрос о базисе, который гарантирует математике дальнейшее развитие. Но это может произойти, если имеется возможность точно обозначить границу, за которой происходит разрушение системы, или, другими словами, распад научного понятия, на котором основана данная система. С другой стороны, эта граница является методологическим отражением исходного пункта соответствующей философской позиции.

В. В. Черных. Назову свое выступление «О соотношении математики и реальности». Реальность – это существующее в действительности.

В диалектическом материализме термин «реальность» употребляется в двух смыслах: 1) объективная реальность, т. е. материя в совокупности различных ее видов; 2) все существующее, т. е. «материальный мир и все его идеальные продукты» [32]. Мне, как математику, ближе второе определение, поскольку логарифм, к примеру, так же реален для меня, как и объекты материального мира. Но для удобства будем исходить из предположения справедливости первого определения реальности. Кроме того, как будет сказано ниже, автор исходит из положения, что идеи вовсе не являются продуктами идеального мира.

Условно разделим математику на две составляющие – назовем их чистой и прикладной математикой с нечеткой границей между ними. Чистых математиков интересует игра с символами по определенным правилам, их комбинации, свойства. Наличие такой сферы деятельности хорошо описывает распространенная фраза, что математика – это язык. Прикладников же интересует связь этого языка с окружающим материальным миром.

Откуда чистый математик берет свои символы и правила? Автор придерживается точки зрения, близкой к платоновской идее существования мира идей и нашего открытия этих идей. Математик ничего не придумывает и не изобретает, и доказательство какой-либо теоремы существовало и до открытия математиком этого доказательства. Почему тогда открытия делают представители ограниченного круга людей? Механизм улавливания математических фактов мне представляется непонятным, но приходит такая аналогия. Новую звезду может увидеть лишь смотрящий в небо, но и смотрящий в небо должен обладать хорошим зрением. Хорошее математическое зрение – это и способности, и талант, но есть, безусловно, слепые в математическом смысле люди.

Возникает вопрос, обуславливаются ли содержание математики и логика ее развития объективными причинами развития реального (материального) мира или же это не зависит от него? Уточню, что в данном случае под математикой понимается совокупность тех идей, результатов, математических теорий, уже известных человечеству, т. е. открытых им. Может быть, это один из вопросов, на который в принципе не может быть однозначного ответа.

Во время Второй мировой войны, к примеру, резко упало количество работ по чистой математике. На поверхности лежит и объяснение этого факта: математик, чистый или прикладник, как социальный субъект вынужден выполнять заказ общества, а это приводит во время войн к увеличению числа вычислительных, прикладных задач.

С другой стороны, в истории математики можно найти немало примеров проявления субъективных факторов. Рост числа ферматистов в некоторые периоды никак не объясняется ни потребностями математики, ни какими-либо приложениями Великой теоремы Ферма. Что при этом двигало математиками и любителями – жажда славы, денег, власти, эстетическое чувство, или было проявление модных тенденций, у каждого отдельного индивида причины были свои. Математика, как уже было упомянуто, подвластна моде. Столетие назад – теория инвариантов, десятилетия назад – синергетика и такие ее производные, как теория фракталов или теория катастроф (тут проявилось, возможно, и желание у некоторых по-легкому открыть новое, что привело к росту квази- и около-математических результатов). В последние несколько лет популярностью стали пользоваться тропические геометрии, чему немало способствовало удачное название.

Два слова об априоризме Канта. Этот вопрос представляется мне весьма сложным. Могу сказать, что интуиция и воспоминание о своем прошлом не позволяют согласиться, что человек уже рождается с понятиями, допустим, пространства и числа. Стандартный набор примеров – открытие неевклидовых геометрий, а также числовых систем (кватернионы, числа Кэли), в которых «априорно верные» свойства коммутативности или ассоциативности не выполняются, опровергают абсолютность арифметических законов и родного трехмерного пространства. Может быть, эти наивные примеры совсем не опровергают математический априоризм и легко допускают контраргументы. В качестве небольшой реплики замечу, в частной беседе с двумя математиками меня всерьез уверяли, что они хорошо представляют себе многомерные пространства и знают, как выглядит четырехмерный куб.

Разные математики и философы по-разному относятся к роли и месту математики. Для меня это не является никаким противоречием – различные идеи могут мирно жить и сосуществовать в своем платоновском мире. Нелогичность развития математики только кажущаяся. Подобно хаотичному броуновскому движению молекул газа, приводящему тем не менее к правильной форме шарика, хаотичное развитие науки приводит к правильному виду «шара математики». Определенная невостребованность сегодняшней чистой математики на практике оставляет надежду, что некоторая ее часть все же пригодится в реальном мире завтра, так же как некоторые вчерашние математические абстракции сработали сегодня. А остальное громадное здание математики будет примером возможностей человеческого разума, творением, приносящим подобно искусству и эстетическое удовлетворение.

А. В. Шатров. Тема моего выступления – «Математическое моделирование – методология получения нового знания».

В современной науке моделирование рассматривается как важнейший метод получения нового знания. Исторически методу моделирования предшествовал метод научного эмпиризма (от гр. *emperia* – *опыт*), согласно которому исследование состоит в наблюдении и классификации изучаемых явлений и формировании выводов путем логических умозаключений. Считается также, что основой науки Нового времени является эксперимент, в ходе которого проверяется пригодность теоретических конструкций через сравнение с эмпирическими фактами.

Однако следует заметить, что в ходе эксперимента не идет речь о сравнении с естественной ситуацией, имеющей место в природе. Эксперимент – это *специально подготовленная реальность*, в которой контролируются все параметры, считающиеся заданными в теоретической модели. Так, в «теоретическом» споре Аристотеля и Галилея о природе движения непосредственный опыт говорит в пользу Аристотеля: движущиеся тела, лишённые источника энергии, останавливаются и занимают определенное место в пространстве. Галилеевская идея о движении по инерции есть не что иное, как теоретическая абстракция, пренебрегающая трением и сопротивлением среды. Но именно эта абстракция была реализована в конструкции его эксперимента. По существу, реальному эксперименту предшествовал мысленный эксперимент, т. е. конструирование ситуации, очищенной от всех несущественных свойств. Это конструирование возможно только при наличии достаточно ясного, поддающегося логическому анализу *языка конструирования*, обладающего определенного рода внутренней полнотой и непротиворечивостью, позволяющей не потеряться во множестве неясных, а иногда и не сформулированных в явном виде исходных предположений. Иными словами, *теоретическая* конструкция есть модель, и, чтобы допускать ее проверку, она должна быть *логической* конструкцией, а не метафорой. Именно этим требованиям удовлетворяет методология *математического моделирования*.

Понятие адекватного языка нуждается в пояснении. В европейской научной традиции, начиная с Р. Декарта и Ф. Бэкона, проводится более или менее четкая граница между исследованием природы и изучением человека. В работах В. Дильтея, В. Виндельбанда и Г. Риккерта эта граница еще больше обозначилась через противопоставление области знания, в которой исследуются общие законы, объединяющие природные факты (физика, механика и другие естественные науки), наукам о духе – гуманитарному знанию,

описывающему, как предполагается, факты уникальные и неповторимые (история здесь наиболее характерный пример). В современной науке эта разобщенность остается, но понимание необходимости ее преодоления реализуется в недрах математических наук, связанных с моделированием социально-экономических, исторических и гуманитарных процессов [33].

По существу, исследование функционирования человеческих сообществ оказалось «ничейной» территорией между перечисленными выше науками о природе и о духе. В XVIII в., начиная с Ф. Кенэ и А. Смита, стало ясно, что некоторые области этой территории лучше поддаются формальному, логическому описанию, чем другие. Например, экономическая теория, благодаря доминированию в экономическом поведении людей интересов, в принципе доступных логическому анализу, – наиболее благоприятная почва для построения строгих моделей. Усилиями нескольких поколений теоретиков был построен впечатляющий аппарат математического моделирования, объясняющий существование рыночного равновесия в условиях идеальной конкуренции и свойства равновесного состояния экономики. Можно привести в качестве других примеров область медицины (моделирование иммунных систем), биофизики (происхождение жизни и сосуществование видов), генетики, теоретической истории и др.

Моделируя экономику и другие перечисленные области, мы имеем дело с так называемыми сложными системами. Дело заключается не только в том, что они состоят из очень большого числа элементов. Эти системы выделяются своей уникальностью и способностью к качественным изменениям, мы фактически наблюдаем единственную траекторию, которая не воспроизводит себя статистически достоверно и не показывает всех потенциальных возможностей системы. Неудивительно, что успехи в моделировании таких сложных систем пока значительно скромнее, чем в моделировании, скажем, технических систем.

Для сложных систем невозможны эксперимент и массовое наблюдение. Поэтому до сих пор ни для одной сложной системы не создано универсальной модели, из которой все остальные следовали бы как частные случаи, подобно тому как, скажем, модели радиотехнических устройств следуют из теоретической модели электродинамики. Приходится иметь дело с множеством моделей одной и той же системы, каждая из которых использует свой язык понятий и рассматривает систему в своем особом ракурсе, пренебрегая отнюдь не малыми величинами. Если модели физических систем должны объяснить результаты сделанных и предсказывать результаты плани-

руемых экспериментов, то модели сложных систем призваны, в первую очередь, заменить сам эксперимент.

Казалось бы, микромоделли должны получаться из конкретных типизаций, а макромоделли – из микромоделей через их агрегирование, но на практике такое удается сделать очень редко.

Эти же сложности возникают при моделировании климата, биосферы, систем вооружений: невозможность суммировать в виде мозаики модель сложной системы из простых моделей и редуцировать сложную работающую модель к последовательности простых моделей, связанных с исходной. В 1971 г. американский исследователь Дж. Форрестер предложил модели развития города и мирового сообщества. Вторая модель получила применение и оказала важное влияние на изменение цивилизационного вектора развития человечества [34]. А вот первая модель оказалась много сложнее, самое главное, она никак не вытекала из второй модели, а ее независимое построение сдерживалось отсутствием большого числа данных, характеризующих один, причем неповторимый объект. Обобщая опыт такого моделирования, академик Н. Н. Моисеев выдвинул концепцию построения иерархии упрощенных моделей. Эта технология нашла свое применение в имитационном моделировании сложных систем.

В качестве вывода отметим следующее. Маловероятно, что математическое моделирование в областях, которые традиционно исследуют чистые гуманитарии, может давать какие-нибудь новые, совсем неизвестные ранее результаты. Истинная роль математического моделирования состоит в том, чтобы с помощью все более адекватных языков исследовать и прогнозировать поведение сложных процессов и систем, в которые в качестве неустраняемого элемента входит человеческая сознательная деятельность.

М. И. Ненашев. Свое выступление я назову «Математика и дискретность реальности». Мне представляется очень продуктивной мысль профессора А. Г. Барабашева о том, что изменения, которые происходят сегодня в математике, позволяют говорить о ней как о особом социокультурном феномене и особой субкультуре. Хотя вывод, что Кант, Кантор, Гёдель и «другие великие философы и математики прошлого» судят о зрелой форме математики *по ее зародышевым состояниям*, звучит, по крайней мере, непривычно.

Теперь мне хотелось бы предложить собственные соображения относительно соотношения математики и реальности. Я буду отталкиваться от кантовского различения суждений на аналитические и синтетические.

Первые суждения основываются на законе противоречия и делят субъект на понятия, которые уже в нем мыслились, вторые – присоединяют к понятию субъекта предикат, который не может быть выведен из субъекта на основе закона противоречия. Можно определить несколько иначе: суждение является синтетическим, если суждение, построенное в виде его отрицания, не ведет к противоречиям. А отрицание аналитических суждений приводит к противоречиям.

Например, суждение «Все треугольники имеют три угла» является аналитическим, потому что противоречивым является суждение «Неверно, что все треугольники имеют три угла», ведь само понятие *треугольника* включает признак «иметь три угла». А положение, что сумма внутренних углов треугольника равна двум прямым углам, является синтетическим, потому что его отрицание – «В некоторых случаях сумма внутренних углов в треугольнике не равна двум прямым» – не приводит к противоречию. Мы знаем, что можно строить непротиворечивые геометрии, в которых сумма углов треугольника больше или меньше двух прямых углов.

Обратим внимание на то, что кантовские примеры синтетических суждений в геометрии относятся исключительно к евклидовой геометрии. В том числе и синтетическое суждение, что «две прямые линии не могут замыкать пространство» [35].

Вопрос, который ставит Кант, следующий: почему *реальное* пространство, проявления которого мы ощущаем и познаем, взятое в целом, выражается именно геометрией Евклида, а не другой, с логической точки зрения точно так же возможной? Это вопрос об отношении нашего знания к реальности, или, как пишет Кант, вопрос «об истинности синтетических знаний». На аналогичный вопрос Лейбниц отвечал в «Теодицее» учением о наилучшем из миров: «...Надо сказать, что между бесконечным числом возможных рядов вещей Бог избрал наилучший, и, следовательно, таковым является именно тот ряд, который существует в действительности» [36].

Ответ Канта, как известно, заключается в следующем: наш способ созерцания таков, что мы воспринимаем вещи именно в евклидовом пространстве. Поэтому все треугольники имеют необходимым образом сумму углов, равную двум прямым углам, а параллельные не пересекаются. Но в таком случае мы не знаем, каковы вещи вне нашего способа созерцания.

Отметим важный пункт. Решение Канта опирается на вполне конкретное представление относительно реальности, – мир есть, если использовать кантовское же выражение из третьей антиномии разума, «полное и законосообразное единство опыта». Таким образом, речь идет о

представлении реальности как единого всеобнимающего целого. И вот эта единая, включающая *всё* реальность почему-то именно евклидова, хотя вполне мыслимы без противоречий другие варианты.

Как нам представляется, кантовское решение проблемы, почему мир именно евклидов, и соответственно вывод о непознаваемой вещи-в-себе падают, если допустить, что реальность является не одной и не единой, но *дискретной* и представляет, образно выражаясь, слоеный пирог, где каждый слой – целостный фрагмент с собственной метрикой и геометрией. Например, масштаб, предполагаемому общей теорией относительности, соответствует риманова геометрия и арифметика, в которой сумма 5 и 7 меньше 12, если иметь в виду релятивистскую формулу сложения скоростей. А микромиру – другая геометрия, а возможно, и арифметика (например, неархимедова). В. И. Вернадский предполагал, что в геометрическом состоянии пространства, занятого живым веществом, нет места для прямых линий. Ясно, что речь идет о неевклидовом варианте геометрии теперь уже живого вещества.

Итак, примем, что реальность дискретна, а значит, отсутствуют промежуточные состояния, подобно тому как их нет между разными геометриями (либо вот этот набор аксиом, либо иной). Тогда станет понятным, что разным математическим исчислениям (моделям) можно поставить в соответствие различные фрагменты реальности, которые в своей сумме отнюдь не сливаются в «полное и законосообразное единство опыта». Становится понятным также дробление математики на небольшие области, со сравнительно маленькими коллективами «специалистов», которые «вынуждены верить друг другу».

В выступлении профессора А. Г. Барабашева сказано также о не востребоваемости 95% результатов современных математических исследований. Но, возможно, идет заготовка впрок моделей для описания состояний живого вещества – какого-нибудь неповторимого движения ложноножки амебы (о неповторимости живого движения писал в свое время Н. А. Бернштейн) или фрагментов реальности, о существовании которых мы в настоящее время не подозреваем. Как совершенно не подозревали о существовании так называемой темной материи.

Заключительное слово проф. А. Г. Барабашева. Я благодарю профессора М. И. Ненашева за приглашение принять участие в Круглом столе и признателен всем участникам Круглого стола, проявившим заинтересованность в обсуждении столь сложной, можно сказать, центральной проблемы всей философии математики – проблемы соотношения математики и реальности.

Я не думаю, что коллеги ждут от меня развернутых комментариев и ответов по поводу каждого выступления, которые здесь прозвучали. В то же время я хотел бы прояснить высказанные мною соображения, связать их с позициями участников состоявшегося Круглого стола.

Традиционная, фундаменталистская философия математики превращает вопрос о сущности математики в вопрос об истинности математического знания, а принимаемые схемы соотношения математики и реальности так или иначе в фундаментализме связываются с природой истинности математического знания. Собственно, именно это утверждение я и пытался обосновать с использованием конструкции «треугольника Фреге», также относящегося к области фундаментализма.

Фундаменталистская философия математики имеет давнюю традицию, мощные корни. Проблемы истинности математического знания важны безотносительно того, что ныне происходит с математикой, в каком направлении она развивается, каковы причины столь радикальных изменений во взаимоотношении математики и других наук, места математики в культуре, в образовании, в обществе. Философские проблемы истинности относятся к так называемым «вечным», и что бы ни происходило с математикой, философы эти проблемы будут обсуждать, не выходя за пределы уже очерченных вариантов решения.

Но современная математика требует своего, принципиально иного методологического инструментария, и от исследователя зависит, что он предпочтет: классический философский дискурс либо методологический анализ реальных процессов, происходящих в современной математике. Я прекрасно понимаю, что во многих коллегах «философ пересиливает методолога», и признаю гносеологическую ценность их позиции. Однако я категорически не согласен с утверждениями о том, что «внутри автомобиля обязательно должна находиться лошадь, а иначе автомобиль не поедет». Вполне возможно исследовать математику, не занимаясь решением вопроса истинности математического знания. Таким образом, я предпочитаю говорить не о дополнительности «рядоположенных» позиций фундаментализма и нефундаментализма, как полагает В. Я. Перминов, а об их разных ценностных ориентациях, предназначении, нацеленности либо на традицию обсуждения «вечных» проблем, либо на новые проблемные поля. Фундаментализм и нефундаментализм *просто разные*, а не дополнительные концептуальные подходы. Социокультурная философия математики не «сильная» и не «слабая» в смысле установления уровня жесткости социокультурной детерминации, она *просто иная*, и

она ставит свои вопросы, а не вопросы, навязываемые фундаментализмом.

Отмечу близость позиции В. Ф. Юлова к социокультурной парадигме, которая была выражена в моем докладе. Тем не менее я не согласен с тем, что был только один переход к теоретическому способу систематизации (в Греции) и далее главенствовал исключительно этот способ систематизации. Навряд ли можно оспаривать то, что в Средние века второй раз в истории математики главенствовал практический способ систематизации, т. е. практический цикл повторился дважды. В статье «О прогнозировании развития математики посредством анализа формальных структур познавательных установок» я пытался найти условия «спрямления пути», выхода на новый теоретический цикл, минуя предшествующий практический способ систематизации. Но это требует значительного уровня рефлексивности математического сообщества, рефлексивности, которая в настоящее время пребывает на зачаточном уровне.

Но вообще меня порадовала серьезность и основательность идей вятских коллег.

Мне импонирует мысль пермского коллеги В. Ф. Шемякинского, что сомнения в возможности построения единой концепции нефундаментальной философии математики говорят в ее пользу, потому что «негарантированные цели гарантируют жизнеспособность науки».

Мне показалось интересной концепция Р. Г. Баранцева. В ней содержится определенная альтернатива тому, что, если можно так выразиться, затвердело в современной философии математики, а также то, что речь идет, как и в выступлении М. И. Ненашева, о выходе на онтологическую проблематику.

В целом считаю обсуждение плодотворным и хочу поблагодарить «Вестник ВятГГУ» за предоставленную возможность обсуждения темы, которая мне близка и продолжает меня интересовать.

М. И. Ненашев. Уважаемые коллеги! Я присоединяюсь к словам профессора Барабашева. Позвольте мне выразить благодарность от себя и от редакции «Вестника ВятГГУ» участникам Круглого стола за то, что вы нашли время и возможность отвлечься от текущих дел и поделиться своими взглядами на предложенную проблему.

Примечания

1. *Барабашев А. Г.* Диалектика развития математического знания (закономерности эволюции способа систематизации). М., 1983. С. 126–129.

2. *Пуанкаре А.* Наука и гипотеза // Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С. 467–482.

3. *Кантор Г.* Труды по теории множеств. М., 1985. С. 284.

4. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / под ред. А. П. Юшкевича. М., 1970. С. 73.

5. *Бурбаки Н.* Теория множеств / под ред. В. А. Успенского. М., 1965. С. 300.

6. *Клецев Д.* Возвращение Орфея. Гармония и дисгармония современной математики // Философия и культура. 2009. № 5. С. 21–43.

7. *Виленкин Н.* В поисках бесконечности. М., 1983. С. 12.

8. *Аристотель.* Соч.: в 4 т. / под ред. И. Д. Рожанского. М., 1981. Т. III. С. 120.

9. *Арсенов О. О.* Григорий Перельман и гипотеза Пуанкаре. М.: Эксмо, 2010.

10. Укажем, к примеру, применение теории групп для предсказания существования и свойств ранее неизвестных элементарных частиц в квантовой механике.

11. К слову, и смех и грех: один «видный деятель от научного образования» предложил назвать факультет информатики, математики и физики факультетом социального сервиса.

12. *Арнольд В. И.* Антинаучная революция и математика // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 6. С. 553–558.

13. *Платон.* Федон, 75а.

14. *Ненейвода Н. Н.* Прикладная логика. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. § 0.2.

15. *Вечтомов Е. М.* Метафизика математики. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. § 22.

16. Семь лекций общей физики, читанных Августинном Коши (Турин, 1833). СПб., 1872. С. 20.

17. *Майнцер К.* Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже века // Синергетическая парадигма. М., 2000. С. 70.

18. *Penrose R.* Shadows of the mind: A search for the missing science of consciousness. Oxford, 1995. 457 p.

19. *Hersh R.* What is mathematics, really? Oxford, 1997. 343 p.

20. *Панов М. И.* Гуманитаризация математики – тенденция развития науки XX века: (можно ли считать математику сплавом культуры, философии, религии?): обзор // РЖ. Сер. 3. Философия. 1991. № 6. С. 21–30.

21. *Devlin K.* Goodbye, Descartes: The end of logic and the search for a new cosmology of the mind. N. Y., 1997. 320 p.; *Davis Ph.* Beyond the pillars of Hercules: Soft mathematics // SIAM News. 1998. № 6.

22. *Кондратьев В. Г., Солодухина М. А.* Мягкое исчисление как новая парадигма. Обзор // РЖ. Сер. 3. Философия. 2000. № 3. С. 34–41.

23. *Арнольд В. И.* «Жесткие» и «мягкие» математические модели // Природа. 1998. № 4. С. 3–14.

24. *Баранцев Р. Г.* Перспективные идеи в асимптотической методологии: автообзор // Вестн. молодых учёных. Сер.: Прикл. мат. и мех. СПб., 2002. № 1. С. 27–35.

25. Стили в математике. Социокультурная философия математики / под ред. А. Г. Барабашева. СПб.: РХГИ, 1999.

26. *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр.: в 4 т. Т. 4. М., 1967. С. 40.

27. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. С. 20.

28. *Перминов В. Я.* Об аргументах Брауэра против закона исключённого третьего // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М.: Янус-К, 1997. С. 215.

29. См.: *Мамафдашвили М. К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984.

30. A. Einstein, Ideas and Opinions. N. Y.: Dell, 1973. P. 228. В русском варианте: «Насколько законы математики относятся к реальности, они неточны, и насколько они точны, они не относятся к реальности».

31. Перевод выступления В. Ленски с немецкого языка на русский выполнила О. В. Байкова, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ.

32. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

33. Белотелов Н. В., Бродский Ю. И., Павловский Ю. Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических процессов. М.: «Либроком», 2009.

34. См.: Медоуз Д. Х., Медоуз Д. А., Рендерс Й., Беренс В. В. Пределы роста. Доклад по проекту Римского клуба «Сложное положение человечества». М.: Изд-во МГУ, 1991; Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. М.: Наука, 1985.

35. Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1963–1966. Т. 3. С. 148.

36. Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 474.

УДК 1(091)(470)

Н. М. Ефимова

Н. ФЕДОРОВ, К. ЦИОЛКОВСКИЙ, А. ПЛАТОНОВ: ОБЩНОСТЬ МИРОВОСПРИЯТИЯ

Русский космизм – это направление русской философии, которое возникает на рубеже XIX–XX вв. и характеризуется как активно-эволюционное. Идеи космистов направлены на преобразование природы и самого человека. Рассматриваются онтологические идеи Н. Федорова, К. Циолковского и А. Платонова как представителей религиозного, естественнонаучного и гуманитарного направлений космизма, а также идейная общность данных мыслителей.

Russian kosmizm – a direction Russian philosophy, which appears on border XIX–XX ages and is characterized as actively-evolution. The ideas kosmizma are directed on transformation of the nature and most person. They are considered ontology to ideas N. Fedorova, K. Ciolkovskogo and A. Platonova, as representatives religious, naturally-scientific and humanitarian of the directions kosmizma, as well as general ideas thinker data.

Ключевые слова: русский космизм, Н. Федоров, К. Циолковский, А. Платонов, проблема жизни и смерти, учение о чувствительности материи, общность мировоззрения.

Keywords: Russian kosmizm, N. Fedorov, K. Ciolkovskiy, A. Platonov, problem to lifes and deaths, presentation about sensitivity of the matters, generality of the worldoutlook.

В 80-х гг. прошлого века получил распространение термин «русский космизм». Вначале его относили главным образом к трудам русских естествоиспытателей (К. Э. Циолковский, В. И. Вер-

надский, А. Л. Чижевский и др.), но с выходом из забвения имени Н. Ф. Федорова, чему способствовали большая исследовательская работа С. Г. Семеновой, переиздание в 1982 г. под редакцией А. В. Гулыги и с предисловием С. Г. Семеновой некоторых работ философа отдельной книгой, термин «русский космизм» получает более широкое значение. Он начинает использоваться также для характеристики работ отдельных русских философов, сыгравших существенную роль в развитии отечественной культуры конца XIX – начала XX в.

Согласно Семеновой, русский космизм как особое философское направление, выдвинувшее идею активной эволюции, когда человечество направляет мир в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство [1]. Сам человек предстает как существо, «далеко не совершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразовать не только внешний мир, но и собственную природу» [2].

А. В. Гулыга в русском космизме видит программу выхода человечества в космос, установления мира на Земле и достижения бессмертия. А также подготовку нравственных предпосылок для освоения космоса [3].

Ф. И. Гиренок определяет в качестве важнейшего момента русского космизма выдвигание идеи объединения людей на основе не социально-политических или идеологических теорий, а экологического императива. По отношению к природе люди выступают как единое целое вне зависимости от социально-экономических и идеологических расхождений [4].

Резюмируя, русский космизм можно определить как совокупность идей, направленных на объединение человечества на основе равноценности людей независимо от расы и других биологических особенностей, социального положения, на выработку новых форм общественных отношений, основанных на гармонии, а не противопоставлении людей друг другу и природе. Человек, его разум выступают как продукт космической эволюции, эволюция человека продолжается и в наше время. Эта эволюция выражается в совершенствовании интеллекта человека и в его физическом преобразовании вплоть до достижения бессмертия.

В русском космизме условно можно различить три направления:

– религиозное, к нему относят прежде всего русского философа Николая Федорова;

– естественнонаучное, к нему причисляют такие фигуры, как А. В. Сухово-Кобылин, Н. А. Умов, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, В. Н. Муравьев, А. К. Горский, Н. А. Сетницкий, Н. Г. Холодный, Ф. И. Купревич, А. К. Манеев и др.;

– гуманитарное направление, под которым понимают художников и писателей, испытавших и отразивших в своем творчестве федоровские идеи. Это – В. Брюсов, М. Горький, Н. Заболоцкий, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Платонов, В. Хлебников.

Мы остановимся на трех именах, на наш взгляд, представляющих важные черты каждого из перечисленных направлений, – Н. Федорове, К. Циолковском и А. Платонове. Мы рассмотрим существенные стороны их творчества, которые недостаточно отражены в литературе, затем покажем, в чем состоит общность их взглядов.

Среди идей Федорова мы рассмотрим его проект воскрешения умерших и понимание проблемы жизни и смерти.

Федоров характеризует состояние современного ему мира как неродственное, или небратское. Это небратство мира выступает тройным образом: во-первых, в отношениях между людьми в современном обществе, во-вторых, в отношениях между человеком и природой, в-третьих, между живущими и умершими поколениями.

Для преодоления небратского состояния мира предлагается проект общества «психократии», в котором отношения гражданского общества заменяются отношениями «всемирного родства». Федоров выдвигает также проект регуляции природы, – привнесение в природу воли и разума человека, которое обратит рождающую и умерщвляющую силу природы в воссоздающую и оживляющую. Регуляция природы выступит объединяющим всех людей Общим делом и обеспечит «единственный истинный и плодотворный коллективизм... возможность замены братоубийственной вражды братским и сыновним единением» [5].

Вершиной регуляции природы явится победа над смертью, что позволит приступить к воскрешению сначала ближних, а затем и все более отдаленных умерших предков. Таким способом будут физически восстановлены родственные отношения между все большим количеством ранее чуждых друг другу людей, и общество станет совокупностью одновременно существующих всех когда-либо живших поколений, объединенных отношениями всемирного родства.

Воскрешение предков подразумевает восстановление личности, совершенно идентичной умершей. Но в соответствии с христианскими положениями необходимо признать, что после воскрешения, даже если допустить, что оно окажется возможным, восстановится не в точности та личность, которую предполагали восстановить. Но личность, согласно христианству, с душой, обладающей опытом загробной жизни (С. Булгаков). Эту принципиальную проблему – тождества умершего и воскрешенного – Федоров решает за

счет отказа от положений о бессмертной, самостоятельной по отношению к телу душе и перехода к некоторым особым представлениям о природе жизни и смерти, соотношении тела и сознания. Подчеркнем, что этот отказ от положения о бессмертной душе выводит построения Федорова за пределы христианской догматики при всем сознательном стремлении самого Федорова представить свои идеи как развитие именно христианства.

Федоров выдвигает гипотезу о мельчайших частицах, своеобразных атомах, которые хранят следы прошлого пребывания в живом человеческом теле. Эти частицы и предстоит складывать в живое человеческое тело в «туде воскрешения», тем самым обеспечивая идентичность восстановленной личности умершего. Прочитируем важное место, отражающее понимание Федоровым принципиальной возможности воскрешения: «Организм – машина и... сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину – и сознание возвратится к ней!» [6] Очевидна близость этой мысли к так называемому вульгарному материализму.

Чтобы выделить искомые частицы в космическом кругообороте, предполагается воссоздать образы умерших предков на основе знания о сейчас живущих их сынах и законов наследственности. Однако, согласно самому Н. Федорову, полное знание о сейчас живущих сынах можно получить лишь в результате трудового воссоздания человечеством собственного генезиса из «простейших элементов», однако очевидно, что условием воссоздания такого генезиса является предварительное воскрешение всех прошлых поколений [7]. Отсюда следует, что само воскрешение прошлых поколений необходимо и неизбежно будет осуществляться на основе в принципе неполных и неточных образов этих поколений. Поэтому воскрешенные индивиды совсем необязательно будут точно прародителями сейчас живущих сынов. Тем самым ставится под вопрос весь проект объединения человечества в одно братское целое через восстановление (воскрешение) промежуточных родственных звеньев между индивидами.

Федоров в ходе решения проблемы воскрешения умерших и обеспечения бессмертия опирается на определенные онтологические предпосылки. Это – представление о сознании как вполне естественном свойстве, присущем живому человеческому телу в силу его особой вещественной организации. Данное свойство исчезает с разрушением целостности живого человеческого тела, но способно восстановиться вместе с восстановлением целостности живого тела.

А также представление о смерти – тоже естественном процессе, который может быть по-

нят как разрушение целостности живого тела, а затем рассеяние и вступление в космический кругооборот частиц, из которых оно состояло. Причем эти частицы сохраняют «некоторую жизненную силу» или следы прошлого пребывания в когда-то живом теле, по которым частицы можно отличить и собрать в тело данной личности.

Конечной причиной человеческой смерти является стихийность действия сил природы. Именно поэтому природа нуждается в привнесении разума и человеческого чувства. Другой принципиальной причиной смерти являются общественные рознь и небратство, которые порождаются в конечном счете ограниченностью ресурсов из-за изолированности нашей планеты, и дело состоит в том, чтобы преодолеть эту изолированность.

Наконец, в круге федоровских идей можно выделить представление о личности как точке пересечения (интерференции) качеств уходящей в прошлое цепи прародителей, охватывающей в конечном счете все человечество и связывающей личность с человечеством незримо, но вполне телесными нитями.

Многое из этой федоровской метафизики (онтологии) проступает в несколько преображенном виде в произведениях А. Платонова. Если же федоровскую метафизику сузить до положения о частицах, сохраняющих минимум жизни и облучающих при сложении живые тела, то мы получаем исходный пункт учения К. Циолковского об атомах как потенциальных носителях жизни, ощущений и сознания.

Перейдем к взглядам Циолковского. Здесь мы остановимся на учении о всеобщей чувствительности материи, атоме как носителе жизни и понимании смерти как «иллюзия разума».

По Циолковскому, в основе мира лежат гипотетические первичные атомы, обладающие потенциальной способностью к жизни и ощущениям. Соединяясь, атомы образуют различные формы жизни – от самых примитивных, так называемая мертвая материя, которой на самом деле все-таки присуща некоторая минимальная, до высокоорганизованных разумных существ. В тот период, когда атомы находятся в составе живых тел, они испытывают соответствующие по сложности ощущения, способные развиваться до сознания. В зависимости от степени совершенства живых тел ощущения атомов могут быть положительными (переживание счастья) или отрицательными (переживание страдания). Это приобретение атомами субъективной жизни, различающейся по степени интенсивности счастья и страдания, при их вхождении в состав живых тел Циолковский называет «воплощениями атомов».

Итак, с одной стороны, есть живые тела различной сложности и организованности, они являются субъектами соответствующих телесных

действий, т. е. собственно живут и действуют – двигаются, совершают поступки, мыслят. Живое тело с накоплением физиологических нарушений, часто незаметных на первый взгляд, перестает нормально функционировать и переходит в другой режим работы, например гниение, и вот этот переход есть не что иное как смерть. Смерть, таким образом, есть не результат ухода из тела какой-то души, но чисто телесное явление. А если в понимании этих процессов до сих пор имеются неясности, то будущее познание «тонкостей физиологии» эти неясности устранил.

Но имеется другая сторона дела. Смерть воспринимается еще и как исчезновение или уничтожение моего Я, моей способности воспринимать окружающий мир, чувствовать радость или несчастье, сознавать происходящее со мной и вокруг меня. Эта способность принадлежит не живому телу, но атомам, входящим в тело. Конечно, уровень чувства и сознания соответствует сложности и организованности тела. И тем не менее Я – это всегда Я атомов, а не тела. Атомы, а не тело являются носителями чувственности и сознания. «Мыслит мозг, но чувствуют атомы, его составляющие» [8].

Это распределение субъективной и объективной сторон жизни между разными носителями – атомами и телом – позволяет представить прекращение восприятия жизни при разрушении живого тела, т. е. смерти, лишь как временный перерыв в субъективной жизни атомов, но эта жизнь неизбежно возобновляется при вхождении в другие тела в ходе бесконечного космического кругооборота. Причем такой перерыв для самих атомов ничем не отличается от прекращения восприятия при, так сказать, «рядовых выходах» из живого тела во время обмена веществ, обновления клеток тела, дыхания и т. п. Таким образом, момент смерти растворяется в общем ряду перепадов интенсивности переживаний атома в ходе его бесконечных чувственных «приключений». В результате проблема преодоления смерти снимается как иллюзорная. Вместо нее выдвигается проблема устранения отрицательных переживаний атомов, возникающих из-за попадания в тела несовершенных существ, и эта проблема находит свое принципиальное решение в устранении из космического кругооборота самих несовершенных тел, чтобы атомы могли попадать только в тела совершенные. Все это предполагает, согласно Циолковскому, основательную зачистку Вселенной.

Рассмотрим то, что нам представляется важным в прозе А. Платонова с точки зрения проявления в ней идей космизма. Здесь мы обнаруживаем определенный способ видения мира. Так, часть метафор и сравнений в романе «Чевенгур» при описании смерти может быть уяснена

лишь в контексте особого понимания жизни и смерти. Это понимание состоит в том, что жизнь личности не есть то, что начинается с момента рождения, но включает и нахождение в утробе матери («детская родина»), то есть период физической нераздельности с родителями. А до этого жизнь личности предстает как присутствие в крови родителей, до того как эта кровь «была разделена в теле отца для сына». В конечном счете речь идет о присутствии данной конкретной личности с самого начала в крови или в телах всей уходящей в прошлое череды сменяющих друг друга прародителей. В то же время жизнь в «более широком смысле» включает возвращение после так называемой смерти в единое тело человечества как генетически связанную цепь поколений.

При таком понимании жизни как вечной длительности, а смерти как «возвращения» жизнь в обычном значении этого слова в качестве промежутка времени между рождением и смертью предстает как временное отпадение, отрыв от «тела всего человечества» и характеризуется состоянием «сиротства», ощущениями «скуки», «тоски», «скорби».

В других произведениях Платонова можно обнаружить несколько иное изображение и понимание человеческой смерти. В рассказе «Афродита» смерть предстает как рассеяние частиц человеческого тела в «общем хозяйстве» природного кругооборота. Но сохраняется физическое присутствие личности в мире в виде телесных знаков, через которые может распознать данную конкретную личность другая – любящая и равнодушная – личность.

В повести раннего периода «Сокровенный человек» смерть изображается как результат физического проникновения мертвого постороннего тела в человеческое тело, разрушающего его живую целостность и самую жизнь.

Разбор фрагментов из романа «Чевенгур» также показывает, что в платоновском мире разнородные и разнопорядковые явления – поступки людей, действия животных, физические явления, абстрактные понятия – соседствуют друг с другом на равных и составляют один живой, осязаемый телесный космос. В. А. Подорога указывает на связь такого взгляда на мир с изображением происходящего с позиции того, кого сам писатель определяет как живущего в каждом человеке «маленького зрителя», роль которого состоит в том, чтобы «быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека», «он всегда хладнокровен и одинаков» [9].

В платоновском космосе человек действует прежде всего как живое тело, «природный автомат», по выражению Подороги, а те свойства, которые должны противопоставлять человека

остальным звеньям этого космоса – сознание, мышление, способность понимать смысл своих поступков и действий, изображаются как что-то побочное, параллельное, не затрагивающее сути происходящего.

Выделим общие моменты между Федоровым, Циолковским и Платоновым как представителями русского космизма.

Общность состоит прежде всего в понимании жизни и смерти. Сравним «простейшие частицы» Н. Федорова, хранящие следы прошлого пребывания в конкретном живом теле и при сложении способные восстановиться в это живое тело, и «первичные атомы» К. Циолковского – носители потенциальной жизни и чувствительности, порождающие при своем сложении ту или иную форму жизни. В том и другом случае речь идет о допущении особой, потенциальной формы жизни в виде такого рода частиц или атомов и отрицании на этой основе смерти как чего-то окончательного и необратимого, исключающего возвращение к жизни.

Отталкиваясь от этого общего и для Н. Федорова, и для К. Циолковского допущения, можно сформулировать понимание жизни и смерти, которое включит также и представления, развиваемые А. Платоновым. А именно – жизнь рассматривается как принципиально неустранимая, универсальная, заполняющая весь космос единая телесная субстанция, выступающая в виде различных рядоположенных в пространстве и сменяющих друг друга во времени форм – от близких к небытию простейших атомов или частиц до обладающих сознанием разумных существ.

В этом общем для Федорова, Циолковского, и Платонова видении мира смерть соответственно предстает не окончательным, необратимым уничтожением жизни, но переходом к примитивной, вырожденной ее форме, промежуточной между другими, более или менее развитыми формами жизни.

Сравнивая понимание человека Федоровым и Платоновым, мы получаем представление о конкретной личности не как «*tabula rasa*», чистой доске, на которой воспитание и исторические обстоятельства произвольно рисуют свои узоры, но как индивидуальном выражении – в лице вот этого мужчины или вот этой женщины – всей суммы наследуемых качеств ушедших из жизни прародителей вплоть до общего «праотца», определяющей телесность и психофизиологию каждой отдельной личности, и то, что она, личность, высказывает и как она действует.

Это незримое, но тем не менее вполне реальное присутствие качеств умерших поколений в действиях и поступках каждого индивида, члена сейчас живущего человечества, делает необходимым само человечество понимать как живую,

генетически единую, пространственно-временную целостность. Человечество предстает родственным единством как живых, так и умерших, но продолжающих жить через действия и поступки живых поколений.

И в этом состоит истина о человечестве, несмотря на то, что до сих оно, человечество, выступает в виде совокупности относящихся друг к другу исключительно через «преграду самолюбия и собственного интереса» (А. Платонов) классов, государств, локальных культур, наций и личностей.

Такой взгляд на человека и человечество не противоречит и идеям Циолковского. Е. А. Яблоков в своих комментариях к роману «Чевенгур» приводит высказывание Е. Толстой-Сегал о возможности переключки Платонова с Циолковским: «...мечта об обществе как бессмертном сверхорганизме, сравнима с представлениями Циолковского о бессмертии цепочки, “клубка личностей”». Яблоков указывает также на близость представлений Платонова со следующим высказыванием другого представителя русского космизма в литературе – Вяч. Иванова: «В глубине глубин, нам не досягаемой, все мы – одна система вселенского кровообращения, питающая единое человеческое сердце» [10].

Рассмотрим еще одну идею, общую для Федорова, Циолковского и Платонова, которая несомненно находится в соответствии с представлениями о жизни как неуничтожимой телесной субстанции и о человечестве как генетическом единстве в пространстве и во времени.

Речь идет о понимании личности, согласно которому все ее характеристики, в том числе и содержание внутреннего мира, могут быть в принципе представлены в виде проявлений определенной телесной организации. Разберем этот вопрос несколько более обстоятельно.

При решении проблемы воскрешения умерших Федоров, как мы видели, принимает положение, что «организм – машина, соберите машину, и сознание возвратится к ней». Соответственно, перед членами общества психократии ставится задача проводить психофизиологические опыты над своими личностями, чтобы на основе телесных, органических отправлений индивида вполне определять, по крайней мере в принципе, его внутренний мир. Неслучайным оказывается постоянное обращение Федорова к проблеме так называемых «потемок души», его стремление свести и этот последний островок самостоятельности внутреннего мира человека к органическим отправлениям, к психофизиологии.

Но, с другой стороны, психофизиологические опыты должны показать, что личность есть не что иное, как «изображение и подобие отцовского и материнского организмов со всеми их

недостатками и достоинствами». Потому и делается вывод, что необходимым условием полного самопознания сейчас живущих людей и окончательного устранения «потемок души» является телесное воскрешение из «простейших элементов» умерших прародителей.

Итак, зафиксируем существенное для воззрений Федорова положение о принципиальной сводимости всех характеристик личности, в том числе и содержания ее внутреннего мира, к особенностям ее телесности.

Обращаясь к Циолковскому, мы обнаруживаем близкие мысли о принципиальной сводимости к физиологии всех свойств человеческой личности, в том числе и тех, которые обычно связывают с наличием в человеке особой души, уход которой из тела якобы и приводит к смерти: «Все свойства тела и души человека находят объяснение в устройстве его тела и мозга. А если и не все находят, то можно надеяться, что с течением времени – найдут».

Федоров сравнивает человеческое тело с машиной, которую достаточно собрать, и тогда появится сознание. Подобное сравнение есть и у Циолковского: «В самом деле, мы ничего не находим в органических существах, кроме мертвой материи. Как автомат приводит в движение его механизм, так и человек или другое животное проявляет все свои жизненные действия вследствие его устройства. Как в автомате испорченный рычаг или сломанное колесо останавливает всю машину, так и порча какой-либо одной или нескольких частей животного останавливает жизнь» [11].

Дадим еще одну, парадоксальную, но вполне вытекающую из положения о принципиальной возможности сведения всех функций человека к «тонкостям физиологии», фразу Циолковского, что «не ощущение жажды вызывает деятельность, клонящуюся к удовлетворению желания, а нервный механизм животного. Ощущения радости и страдания есть побочный продукт жизни или ее механизма. Не чувство двигает тело, а нервный аппарат» [12].

Сама передача Циолковским субъективной стороны жизни (ощущений радости и горя, сознания) первичным атомам говорит о том, что в его понимании эта субъективная сторона выступает параллельным сопровождением, ничего существенного не затрагивающим в жизни живого существа, в его действиях и поступках. Тело живого существа вполне самодостаточно, оно предстает в принципе до конца понятным на основе того, что можно объяснить через естественные науки.

Наконец, у Платонова мы видим изображение людей как «природных автоматов», субъективная сторона жизни которых сводится к без-

участно и хладнокровно наблюдающему, ни во что не вмешивающемуся «маленькому зрителю», «евнуху души», живущему в каждом человеке.

Язык и стиль Платонова характеризуется подчеркиванием прежде всего телесной стороны человеческого действия и абстрагированием от качеств, отличающих человека от других существ – сознания, способности придавать смысл собственным действиям и поступкам. Поэтому эти действия и поступки изображаются с точки зрения чисто внешнего, объективного наблюдения, описывающего физическое движение тел, «не определяемое никакой телеологией».

Такому одинаковому в своей сути изображению человека в работах Федорова, Циолковского и Платонова соответствует и общность в понимании человеческой смертности – не как качества, выражающего человеческую сущность, но как результат действия внешних причин – слепых природных сил и общественной розни, тем или иным путем разрушающих живую целостность человеческой телесности.

Эта повторяемость в изображении человека у трех разных представителей русского космизма – Н. Федорова, К. Циолковского и А. Платонова – не может быть случайной, и в то же время едва ли ее можно объяснить лишь через духовное влияние друг на друга или одного из них, более старшего Федорова, на двух остальных. Мы хотели бы выдвинуть в качестве предположения другое объяснение.

В свое время, в 1925 г. в «Вестнике коммунистической академии» появилась статья философа Т. Райнова «Отчуждение действия». В ней говорилось о том, что развитие капитализма конца XIX – начала XX в. приводит к дальнейшему отчуждению труда, которое захватывает и самое трудовую деятельность рабочего. В результате трудовые действия на капиталистическом производстве тяготеют «к машинально выполняемым процессам, до смысла и назначения которых рабочему не будет никакого дела. <...> Перед нами на месте действующего лица окажется как бы машина, автомат, выполняющий ряд операций как бы по заводу, по чужому приказу» [13].

Для нас в этой работе важно то, что Райнов показывает, какими явлениями в философии, науке и искусстве сопровождаются или, лучше сказать, дополняются «опыты практического отчуждения действия» в капиталистическом производстве. «В искусстве мы встречаемся с изображением отчужденного действия и обездушенными деятелями, ставшими автоматами. В философии того же времени мы находим рассуждения, клонящиеся к доказательству того, что «чужое одушевление» лишено достоверности, и мы можем трактовать действия всех живых существ, как механические процессы, а их самих считать

бездушными автоматами. Перед нами проходят затем представители науки, заверяющие нас, что жизнь вообще следует рассматривать только с физико-химической стороны. Психическая же ее сторона изучению не поддается, ею можно и должно пренебречь, сводя живые существа, со включением людей, к особому роду машин» [14].

Райнов разбирает под этим углом зрения произведения конкретных писателей – И. Эренбурга, Е. Замятина, Л. Андреева, Ф. Сологуба, А. Белого – и показывает, что в некоторых из них «безликие герои... совершают ряд действий, внутренний смысл которых нам не явлен. Действия эти представлены такими, какими может их зарегистрировать наблюдатель, намеренно отвлекающийся от того, что за каждым из них стоит живой человек, что-то вкладывающий в них, как-то проявляющий себя в них» [15].

Далее Райнов переходит в сферу философии и в ней тоже обнаруживает «попытки обездушающего понимания и изображения жизни» [16]. Возникает особая проблема «чужой одушевленности» или вопрос: «Существуют ли объективные доказательства того, что тела, которые мы называем органическими, и в первую очередь – тела человеческие, обладают той же одушевленностью, какую каждый из нас знает в себе – как свою собственную одушевленность» <...> Как доказать, что наблюдаемые мною извне действия других людей и вообще живых существ что-то выражают, что-то означают, а не являются простыми физико-химическими процессами, как течение воды, взрыв пороха или сверкание молнии» [17]. Проблема, которая ранее казалась для философии сравнительно простой и легкой, теперь некоторыми новейшими философами, такими, как А. Введенский, Р. Авенариус, В. Джемс, стала восприниматься как труднейшая и сложнейшая.

Наконец, в естественных науках, прежде всего в психологии и в физиологии, появились «примеры изучения жизни, исходя из мысли, что, хотя бы она и была одушевленной, ее нужно трактовать как бездушную. На этом пути возникла так называемая «объективная психология» [18]. Райнов перечисляет ряд естествоиспытателей и среди них называет И. П. Павлова, изложению взглядов которого он уделяет особое внимание.

Он приводит слова Павлова о том, что до сих пор все попытки познания законов душевной жизни людей не привели ни к чему и что «и ныне вполне справедлива пословица: «чужая душа – потемки». Павлов приходит к выводу, что необходимо полагаться даже относительно человека исключительно на «объективный» метод: «Наши... объективные исследования сложно-нервных явлений у высших животных дают основательную надежду, что основные законы, лежа-

щие под этой страшной сложностью, в виде которой нам представляется внутренний мир человека, будут найдены физиологами и не в отдаленном будущем» [19].

Таким образом, Райнов показывает определенную, сложившуюся на рубеже XIX–XX вв. в философии, искусстве и естественных науках тенденцию к «объективному» пониманию и изображению жизни. Впрочем, он подчеркивает, что речь идет именно о тенденции, захватившей отнюдь не всю философию, науку и искусство, но в то же время достаточно существенной для европейской культуры данного времени.

Для нас важно отметить, что в эту тенденцию вполне вписывается и то изображение человека, которое, как мы показали, характеризует Федорова, Циолковского и Платонова. Можно даже предположить, что если бы Райнов был знаком с произведениями этих представителей русского космизма, то, наверное, и они, эти произведения, фигурировали в его статье в качестве достаточно типичных примеров.

Сформулируем следующее предположение. Русский космизм, во всяком случае в том, что касается понимания и изображения человека, можно, по-видимому, представить как частное выражение данной тенденции в европейской духовной жизни конца XIX – начала XX в.

Райнов объясняет возникновение этой тенденции как отражение развития отчуждения труда в капиталистическом производстве. Обратим внимание на то, что данный процесс – отчуждение труда – в терминологии Федорова есть не что иное, как возрастание неродственного, небратского состояния общества, которое, в частности, и заключается, согласно самому Федорову, «в наибольшем разделении занятий» и превращении рабочих в «клапаны и др. орудия», в придании «всему обществу чисто механического характера», в результате чего общество «не будет нуждаться даже в уме, не говоря уже о чувстве и душе», а «нравственное будет заменено юридическим, экономическим и механическим».

Таким образом, можно сделать еще одно предположение, что многие черты русского космизма, его идеи и проекты, в том числе и проект воскрешения умерших предков, идея тотальной регуляции природы, уничтожение страдания в мире через устранение самих страдающих в силу своего несовершенства существ (Циолковский), являются выражением и отражением именно того неродственного, отчужденного состояния мира, которое и предполагается преодолеть реализацией этих идей и проектов.

Примечания

1. Русский космизм: антология философской мысли. М., 1993. С. 4.
2. Там же.

3. Гулыга А. В. Уроки классики и современность. М., 1990. С. 227.
4. Гиренок Ф. И. Русские космисты // Философия и жизнь. 1990. № 2. С. 31.
5. Федоров Н. Ф. Избранное. М., 1995. Т. 1. С. 239.
6. Там же. С. 290.
7. Там же. С. 270.
8. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной. М., 1992. С. 150.
9. Платонов А. П. Чевенгур / сост., вступ. ст. и коммент. Е. А. Яблокова. М., 1991. С. 113.
10. Там же. С. 641.
11. Циолковский К. Э. Указ. соч. С. 209.
12. Там же. С. 96.
13. Райнов Т. Отчуждение действия. Социологические очерки // Вестник коммунистической академии. 1925. № 13. С. 130.
14. Там же. С. 131.
15. Там же. С. 133.
16. Там же. С. 146.
17. Там же. С. 147.
18. Там же. С. 155.
19. Там же. С. 165.

УДК 165:81

Н. И. Береснева, С. А. Мишланова

ЯЗЫК КАК «ИДЕАЛЬНОЕ» СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ

Рассматриваются проблемы создания искусственных универсальных языков для обслуживания сферы научного познания мира. Изучается эволюция философских и лингвистических концепций, рассмотрения проблем природы и функциональных особенностей научной терминологии. Основные задачи современной терминологии решены в парадигме постмодернизма на основании таких понятий, как неопределенность, сложность и творческий потенциал.

The article deals with the problem of creation of artificial semiotic systems, i.e. universal languages for scientific cognition of the world. The evolution of philosophic and linguistic aspects of the term theory concerning the linguistic nature and functional term peculiarities are regarded. The most important tasks of modern terminology prove to be solved in the paradigm of postmodernism on the basis of such notions as indeterminacy, complexity and creativity.

Ключевые слова: язык, сознание, научное познание, «универсальный» язык, язык науки, термин.

Keywords: language, consciousness, scientific knowledge, universal language, the language of science, term.

Поскольку наиболее важные знания о мире и о себе человек получает на основе дискурсивного мышления, роль языка как важнейшего средства познания, способность языкового мышле-

ния отображать действительную реальность является одной из ключевых проблем теории познания.

Проблема «совершенного» языка, лишённого двусмысленности и противостояния планов выражения и содержания, который мог бы расширить сферу человеческого познания и избежать непонимания в споре, проблема поиска недвусмысленных имен (терминов) поднимается в XVII–XVIII вв.

Прогресс в математике, развитие естествознания, мощное воздействие ценностей индустриальной цивилизации повлияли на складывание реалистической интеллектуальной парадигмы. Впервые предметом познания становится сам процесс познания. Исследование возможностей познания имело серьёзные последствия для анализа языка. Критический разум «пионеров новой науки» быстро распознал несовершенство естественных языков, явившихся результатом неконтролируемого и случайного развития. Был сделан вывод о необходимости построения логически выверенного языка, который мог бы послужить для непротиворечивой и однозначной записи научных истин. Начинают предприниматься попытки конструирования идеального «философского» языка, с помощью которого можно было бы чётко, ясно, однозначно излагать научные истины.

Авторы подобных проектов исходили из нескольких постулатов. Во-первых, существование множества языков – неудобство, его необходимо преодолеть. Во-вторых, естественный язык способен создавать помехи в познании, поскольку он нестрог, расплывчат. В-третьих, каждой вещи от природы соответствует правильное имя, отражающее её сущность (вспомним теорию именования «от природы», существующую с античности). Иногда поиски всемирного языка были связаны с поисками единой мировой гармонии, принимающими мистический характер или связанными с попытками переустройства общества на утопических основах.

Одной из знаковых фигур этого периода является Р. Декарт. Известным «*я мыслю, cogito*» он обезличивает остальной внешний мир, делает его механическим, неограниченным вширь и беспредельным вглубь. Это стало причиной появления двух исследовательских программ в философии языка: языка для описания духа и для описания мира – точного, однозначного – идеального, – который «помогал бы разуму, представляя ему все предметы в таком отчётливом виде, что ему было бы почти невозможно ошибаться» [1].

Под влиянием гуманистического мировоззрения эпохи Возрождения причины языкового строя он начинает искать не в окружающей человека

действительности, а в его внутреннем мире, прежде всего в разуме. Противопоставление неделимой мыслящей субстанции протяжённой и делимой телесной, закреплённое Декартом, утверждение примата мыслящей субстанции над телесной «приводят к смене онтологического обоснования языковой категоризации логическим» [2].

Идея Декарта о совершенном языке как «помощнике» в познании мира стала развитием идей Ф. Бэкона о помехах, мешающих выражению результатов «правильного» мышления. По мнению Декарта, рациональный язык – это знаки, которые ясно и недвусмысленно выражают простые идеи, одинаково представленные в сознании всех людей, и правила комбинирования этих знаков. Изобретение такого языка – дело важное, но вторичное, зависящее от истинной философии, без которой невыполнимо. Такая философия должна дать полное понимание источника и механизма образования идей, поскольку, неверно понимая природу отношения между словами и представлениями, представлениями и вещами, можно вместо «рационального языка» получить язык, делающий мышление невозможным. Создание такой истинной философии оказалось проблемным, и реализация проекта «рационального языка» откладывалась на неопределённое время.

Но идея «рационального языка» оказалась востребованной Г. Лейбницем. Подобно Декарту он мечтал об идеальном языке, с помощью которого можно было бы сформулировать систему основ человеческого знания и который позволил бы разрешить все философские проблемы.

Согласно принципу предустановленной гармонии Бог позаботился о том, чтобы человеческое знание в принципе соответствовало реальности. Но в действительности человек не реализует этой возможности. Одна из причин этой ситуации – несовершенство языка. Исходные положения о мире (посылки) необходимо схватить умом, а для этого нужно сформулировать их с помощью языка. Далее, при выведении следствий из посылок, в содержание рассуждений не должна вкрасться никакая неточность, неясность. Но такие неточности и неясности встречаются сплошь и рядом, и виной тому – опять язык, поскольку слова неточны, многозначны. Небольшие неточности могут накапливаться и приводить к большим ошибкам, насаивание одного заблуждения на другое может продолжаться веками. Итак, нужно разработать строгую систему символов, в которой каждый символ ясно отличим от другого и обозначает только одно понятие. Каждое действие с символами должно соответствовать операции с понятиями.

Для создания символического языка, с помощью которого можно было бы эффективно кодировать и декодировать познавательную информацию, Лейбниц искал понятия, которые «являются “первокирпичиками” всей нашей мыслительной системы и составляют своего рода “алфавит” понятий» [3]. В отличие от естественного языка, в языке для науки и философии предлагается использовать специальные символы – числа. Операции над понятиями сводятся к арифметическим действиям, рассуждения сводятся к вычислениям. Итогом разработки универсального языка была бы теория познания как теория соединения знаков-понятий («ars combinatoria»).

Если первоначально идея философского универсального языка имела скорее умозрительный характер (Бекон, Декарт и прочие философы больше были заняты выявлением принципов построения философского языка, а не практическим его созданием), то исследования Лейбница перевели картезианскую концепцию «рационального языка» из сферы сугубо умозрительного теоретизирования в новое качество – практически осуществимой программы – и легли в основу языков современной математической логики. Но те формальные языки, которые разрабатываются сегодня, имеют очень узкую сферу применения. Проект же Лейбница предполагал безграничные возможности использования такого языка.

Тремя столетиями позднее идеи Лейбница были востребованы философами аналитической школы, которая в своих теоретических построениях также была нетерпима к проявлениям «текучести», смысловой неопределённости языка. Стремление к организованности, упорядоченности, к безличной объективности стало одним из главных мотивов «исправления» недостатков естественного языка, который должен быть приведён в соответствие с представлениями аналитиков о строгой фиксированности, устойчивости фактов. Этот пафос во многом объясняет логику мысли и абстракции главных теоретиков этого философского направления.

Борьба с «грубыми» формами субъективизма ведётся с Г. Фреге. Это обернулось построением тонких логико-семантических конструкций, основанных на эмпиризме и кантианстве. Выявив четыре плоскости знакового отношения («знак – значение – смысл – представление»), Фреге как антипсихологист исключает «представление», а «смысл» представляет не как субъективное, а как интерсубъективное образование – понятное многим. Делает он это, чтобы показать «объективность» мысли [4]. Исключение субъективных представлений – промежуточной стадии между знаком и обозначаемым – облегчает рассмотрение отображения.

Фреге считал, что различие смысла и значения (денотата) позволяет устранить языковые трудности, связанные с наличием нескольких знаков для обозначения одного объекта («Вечерняя звезда» и «Утренняя звезда» имеют одно значение – «Венера» – и разные смыслы). Однако и эта трехплоскостная структура (треугольник Фреге) в дальнейшем породила много трудностей.

После Фреге Б. Рассел, обратившись к семантической проблематике в теории дескрипций, отказался от трехплоскостной структуры, показав на примерах те трудности, которые связаны с ней. Он исключает «смысл», оставив только две плоскости знакового отношения – «знак» и «значение (денотат)». То же делает и Л. Витгенштейн. Таким образом, в борьбе с психологизмом исключается субъективная сторона языкового знака, субъективная реальность. В результате между знаком и тем, что он обозначает, не остается ни субъективных представлений, в том числе и понятий, ни объективного значения слова. Принцип экономии соблюден.

Для характеристики концепции, лежащей в основе его анализа, Рассел ввел обозначение «логический атомизм». К наиболее фундаментальным относится его концепция (аристотелевская) истины как соответствия фактам [5]. Поэтому он строит логическую конструкцию как логику функции истинности. Все сложные предложения можно свести к атомарным. Соответственно структура мира должна быть такой же, т. е. состоять из атомарных фактов. Причем атомарный факт – это не онтологический атом, а то, что делает предложение истинным.

У раннего Витгенштейна также появляется идея о том, что мир и язык изоморфны, поскольку у них одна и та же логика. Эта логика «пронизывает» объективный и субъективный мир. Как и у Рассела, основной единицей реальности является не вещь, а факт («Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [6], «Мир распадается на факты» [7]). Сама природа факта неопределенна, да и безразлична для философа: факты – это все то, что делает предложение истинным [8].

Мир предстаёт как конгломерат фактов и выстраивается «снизу вверх»: объекты, ситуации, факты. Язык строится так же: имена, элементарные предложения, предложения. Язык оказывается зеркальным отражением мира, мир – зеркальным отражением языка. Лишённое гибкости, динамики, жёсткое, однозначное представление об отображении вещного мира языком искажает обе стороны отображения. Во всяком случае язык теряет способность к бесконечному множеству вариаций, ему противостоит распавшийся на бесконечное множество атомарный мир.

Идеи Рассела и особенно Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» вдохновили Р. Карнапа – активного участника Венского кружка и признанного лидера логических позитивистов. Положение о том, что утверждения традиционной философии лишены познавательного смысла, заявленное в «Трактате» [9], превратилось у Карнапа и участников Венского кружка в развернутую программу «очищения науки от метафизики»: «Философия – такая деятельность, которая позволяет обнаруживать или определять значение предложений» [10]. То есть философия, в отличие от эмпирических наук, не имеет дела с объектами. Все объектные вопросы относятся к сфере частных наук.

Карнап как логик науки, разделяя объектные предложения ('роза есть красная') от псевдообъектных ('роза есть вещь'), предлагает правила логического перевода последних в объектные (слово 'роза' есть вещное слово). Он же выделяет два модуса речи – формальный (мы говорим о словах) и материальный (мы говорим о вещах и объектах). Именно материальный модус может порождать псевдопроблемы (и метафизические в том числе). И Карнап демонстрирует, как легко они «разрешаются» путем перевода в формальный модус чисто синтаксически [11].

Одной из догм логического позитивизма было деление наук на формальные (математические) и фактуальные. Фактуальные знания состоят из элементарных высказываний (атомизм), к которым могут быть сведены все теоретические положения (принцип редукции). Однако трудность состояла в отыскании этих базисных (элементарных) предложений и очищении науки от метафизических предложений. Решение этих двух проблем, казалось, было найдено в принципе верификации. Несмотря на все его модификации (Р. Карнапом, К. Поппером и др.), этот принцип оказался слишком жестким критерием познавательного значения. Он отсекал от науки ее наиболее плодотворные части – научные законы и теоретические термины.

Рассмотренные концепции, конструкции объединяет устранение из построений мыслящего Я-субъекта неисчерпаемого в своих возможностях универсального языка. Но позже обнаруживается, что связь языка и реальности опосредована коммуникативной деятельностью носителей языка, поэтому попытки установить непосредственную связь языка с реальностью сменяются исследованием этой деятельности. В лингвистической философии это проявилось в активной разработке идей позднего Витгенштейна. В их основе – понимание значения языкового выражения как употребления. Мыслительная деятельность носителей языка и коммуникация между ними оказывается необходимым звеном, способным связать язык с реальностью.

Обращается Витгенштейн к языку с той же целью – построить методологический аппарат, позволяющий добиваться прояснения философских проблем, результатом чего должно быть их снятие. Однако новый метод не связан с использованием логических средств, так как процедура анализа языкового выражения меняет его смысл.

Поздний Витгенштейн стремится, используя примеры «языковых игр», представить иной образ языка, сведя слова «от их метафизического употребления вновь к их первоначальному обыденному употреблению» [12]. Отличительной чертой языковых игр является нерасторжимое единство языка, его употребления и определенной деятельности, причем образцы и нормы языкового поведения неотделимы от образцов и норм конкретного вида деятельности: «Это целое, состоящее из языка и действий, с которыми он связан, я буду называть также языковой игрой» [13].

Идея языковой игры показывает, что язык сам есть часть определенной деятельности, форма социальной практики: «...язык мыслится не как “извне” противостоящий миру его логический двойник. Это – набор “форм жизни” или “жизненных игр”» [14]. Вместе они образуют каркас, определяющий значения слов. В различных языковых играх одни и те же слова имеют разные употребления, значит, они фактически имеют разные значения. При этом совокупность возможных употреблений одного и того же слова не ограничена и не фиксирована. Рассматриваемые в изоляции слова и предложения обладают лишь скрытыми смыслами. Но, будучи помещенными в определенный контекст, они приобретают действительный смысл.

Начиная с «Философских исследований» Витгенштейна происходит сдвиг от языка, от изучения его глубинных формальных структур в область межчеловеческой коммуникации, к речи и речевой деятельности (Д. Остин, Дж. Сёрл и др.), обращению к прагматике в логических исследованиях (С. Крипке, Я. Хинтиikka), одновременно с этим идёт известный «возврат» к человеческой субъективности (ментальности). Рассуждая о природе интенциональных состояний, Сёрл, для которого отправной точкой служит уже не слово и не предложение, а производство таких слов и предложений при совершении речевого акта, пишет, что «язык выводим из интенциональности, но не наоборот» [15]. Более того, существуют формы интенциональности, которые не выражаются в языке или не находят эксплицитного выражения в нём. Полная теория языка должна учитывать и то, какое значение имеет используемое им предложение, и то, что говорящий намеревается совершить, произнося это предложение.

Одним из первых к философскому осмыслению роли языка, а также термина как идеально-

го слова в познании в русской философии обратился П. А. Флоренский. Он рассматривает слово «как явление смысла», при этом «смысл слова определяется семемой слова». Семема представляется неоднородной: «...каждый слой семемы есть оседание на слове духовного процесса, оплотнение духа», а «наслоения семемы откладываются в слове не произвольно, но – в некотором, более чем только логически связном порядке» [16]. Слово не просто предназначено не только для хранения и передачи знания, оно само является источником знания, средством познания и самопознания: «...просматривая слои семемы, я сам концентрирую творчески своё внимание, и моё внимание делается не моим, а общенародным, сверхличным, равно как и общенародное внимание, выделившее и отложившее слои семемы, усваиваясь мною чрез принятие в себя сего слова, само делается моим вниманием. В слове я выхожу из пределов своей ограниченности и соединяюсь с ... волею целого народа, и притом не в данный только исторический момент, но неизмеримо глубже и синтетичнее, – соединяюсь с исторически проявленной волею народа, собирательно запечатлевшей себя образованием такой именно семемы данного слова» [17]. Идеальное слово, по концепции Флоренского, – термин: «...слово слов, как слово спрессованное, как сгущенный самый существенный сок слова... Все сказанное выше о семеме слова должно быть повторено с большим усилением о термине» [18]. Если в слове человек выходит «из пределов своей ограниченности», то термин помогает направить антиномичность языка в созидательное русло и, более того, являет ту границу, которой самоопределяется и самоосознается мышление: «Термин первично есть хранитель границы культуры: он даёт жизни расчленённость и строение... не допуская всеобщего смешения, тем самым стесняя жизнь, ее освобождает к дальнейшему творчеству» [19]. Термин не даёт жизни и энергии «растекаться» в пространстве и тем самым способствует повышению качества деятельности, осуществляющей себя в более совершенных и сгущенных формах. Являясь пределом области культуры, термин «принадлежит к этой культуре... есть её предельное значение... термин есть душа культурного участка земли со всем его содержимым и, как душа, не только облекает свое тело, будучи пределом его периферии, но и живёт в самой сокровенной глубине его» [20].

По-видимому, само понятие «идеальный термин» (а также формулировка требований к нему) и возможность вынесения термина за пределы языка (ср.: «особое слово») объясняется тем, что первенство упорядочения понятийного аппарата и терминологий принадлежит исследователям частных наук. Попытки классификации терминов

предпринимались анатомом А. Везалием, биологом К. Линнеем, инженером Д. С. Лотте и др. [21] Дальнейшее развитие концепции термина как идеального слова, принадлежащего языку науки, происходило в рамках возникшей на рубеже XIX–XX вв. отрасли лингвистики – терминоведения. Но долгое время обособленность термина сферой его функционирования не позволяла в полной мере учитывать закономерности его образования, развития и функционирования. Внимание было сосредоточено на вопросах стандартизации и упорядочения, нормативах создания терминов и т. п. Термин определялся как слово, которое выражает научное понятие, является мотивированным, стилистически нейтральным и однозначным [22].

Обращение к вопросам функционирования термина в дискурсе позволило выявить его языковую природу, охарактеризовать как языковой знак [23]. Было доказано, что термину как любому языковому знаку присущи асимметрия и изменчивость, отмеченные еще как Ф. де Соссюром, так и автором «принципа асимметричного дуализма» С. Карцевским, который дал парадоксальную по форме, но диалектичную по сущности формулировку: «...природа лингвистического знака должна быть неизменной и подвижной одновременно» [24]. Современная когнитивная интерпретация асимметричных отношений языковой системы предполагает постулирование общей универсальной коммуникативно мотивированной семантической базы, интерпретируемой формальными средствами разных языков [25].

Дальнейшие исследования динамической природы термина позволили выявить его двойственную природу, изучить особенности полисемии, синонимии, вариативности. Следует подчеркнуть, что концептуальная неопределённость как следствие развития теории познания и антропоцентрической ориентации терминоведения усиливается неопределённостью профессиональной коммуникации, допускающей избирательность и вариативность вербальной и невербальной репрезентации.

Таким образом, развитие теории познания проявляется в усилении интерпретативной модели науки и, соответственно, в проявлении большей неопределённости и способах вербализации научного знания, в том числе феномене вариативности термина. При этом в основе вариативности термина и терминосистем лежит асимметрия термина как языкового знака. Проблема асимметрии термина в рамках когнитивно-дискурсивного подхода соотносится с пониманием идеального термина как концепта (специального знания), ментальной репрезентацией которого является когнитивная модель дефиниции, проецирующая многообразие способов ее вербальной репрезентации и, соответственно, семантизации термина.

Поскольку «объекты научного исследования не существуют в реальном мире, а конструируются специально для целей исследования» как ментальные модели, то термины также представляют собой «не столько объекты описания, сколько модели действительности, созданные специально для изучения» [26]. Иными словами, проблема идеального языка познания и, соответственно, идеального языкового знака сводится к рассмотрению концептуализации и конструирования ментальных моделей термина. Однако такой исследовательский ракурс предполагает широкие обобщения и, как следствие, вновь обращение терминоведения к философии.

Примечания

1. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985. С. 94.
2. Зубкова А. Г. Язык как форма. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 15.
3. Жоль К. К. Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском осмыслении. Киев: Наук. думка, 1984. С. 110.
4. Фреге Г. Мысль: логическое исследование / пер. Б. В. Бирюкова // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 18–47.
5. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / пер. А. А. Никифорова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 237 с.
6. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. В. Добронравова, Д. Лахути. М.: Иностран. лит., 1958. 1.1.
7. Там же. 1.2.
8. Там же. 2.141, 4.06.
9. Там же. 4.111, 4.112.
10. Шлик М. Поворот в философии / пер. А. Яковлева // Аналитическая философия: избр. тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 31.
11. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / пер. А. В. Козина // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 6. С. 11–26.
12. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избранные философские работы / пер. М. С. Козловой. М., 1994. Ч. 1. § 109.
13. Там же. § 7.
14. Козлова М. С. Идея «языковых игр». URL: http://www.philosophy.ru/iphras/library/kozl2_1.html#5 (Дата обращения – 28.07.2010)
15. Сёрл Дж. Природа интенциональных состояний / пер. И. М. Кобозевой // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 101.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/stolp_i_utverzhdnie_istiny-all.shtml (Дата обращения 27.07.2010)
17. Там же.
18. Флоренский П. А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 123.
19. Там же.
20. Там же. С. 124.
21. Татаринцов В. А. История отечественного терминоведения: в 3 т. М.: Московский Лицей, 1995. Т. 2. Кн. 1. 334 с.
22. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 7–35.
23. Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминологии. Пермь: Изд-во ПГУ, 1998.
24. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С. 85.
25. Кашкин В. Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия // Теоретические проблемы современного языкознания. Воронеж, 2009. С. 32–37.
26. Алексеева Л. М. Терминоведение и философия // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. С. 27.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470.342)"1914/1917"

Ю. А. Балыбердин

НАРАСТАНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ НАРОДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ

В статье прослеживаются этапы формирования протестных настроений народа в годы Первой мировой войны и их влияние на общественно-политическую жизнь в Вятско-Камском регионе.

The article observes the stages of forming public protest moods during World War I and their influence on social and political life in Vyatka-Kama Region.

Ключевые слова: Вятско-Камский регион, Первая мировая война, общественно-политическая жизнь, патриотический подъем, революционное движение.

Keywords: Vyatka-Kama Region, World War I, social and political life, patriotic rise, revolutionary movement.

Одним из важнейших событий начала XX в. стала Первая мировая война, в которой приняла участие и Российская империя. Отношение к войне в разные годы в различных слоях российского общества было неоднозначным. Изучение этого вопроса представляется необходимым для того, чтобы выявить наличие или отсутствие предпосылок революционных событий 1917 г. и понять особенности общественно-политических процессов в регионе в годы войны.

Попытки историков выделить этапы формирования протестных настроений нам представляются искусственными, так как четкие границы между ними провести невозможно – в каждом из них были проявления патриотизма, ропота и недовольства. Поэтому мы рассматриваем динамику протестных настроений по годам: 1914, 1915, 1916 и начало 1917 г., в каждом из которых выявляя особенности.

1914 год характеризуется невиданным подъемом патриотизма. Подавляющее большинство населения считало войну Отечественной, справедливой для России, что способствовало сплочению народа перед лицом грозной опасности.

Призыв к национальному единению прозвучал в манифесте Николая II, обнародованном уже на следующий день после объявления войны. «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится ещё теснее единение Царя с его народом, и да отразит Россия, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага», – говорилось в этом документе [1].

Депутаты Государственной думы, за исключением воздержавшихся социал-демократов, проголосовали за военные кредиты и обещали сплотиться вокруг своего державного вождя.

Газеты монархического и либерального толка писали о начавшихся зверствах врагов и бесчеловечном обращении с военнопленными и призывали народ вступить в схватку с вероломным врагом. Царские манифесты о войне читались в церквях, в городах и крупных населенных пунктах региона, служились молебны «О ниспослании победы русскому оружию», устраивались многочисленные телеграммы Царю с выражением верноподданнических чувств и «беззаветной преданности Престолу и Родине» [3].

Патриотическим порывом было охвачено не только взрослое население, но и дети, о чем свидетельствуют многочисленные материалы из отчетов губернатора, полицейских донесений и газет того времени.

«Ученики старших классов училищ, не окончив курса, отправлялись на театр военных действий или переходили для приготовления в офицеры в военные училища» [4], – отмечалось в приложении к отчету вятского губернатора за 1914 год. «Многие гимназистки записывались на сокращенные курсы сестер милосердия для последующей отправки в действующую армию» [5].

В прессе неоднократно сообщалось, что «при каждой отправке на фронт возле эшелонов бывает по несколько добровольцев-малышей» [6]. Причем инициативу проявляли и девочки. Например, три ученицы Глазовской гимназии намеревались бежать на фронт, чтобы поступить в сестры милосердия, но на одной из станций их задержали и вернули домой [7].

Свое отношение к войне и патриотические чувства учащиеся выражали и другими способа-

ми. Например, учащиеся Глазовской гимназии с разрешения директора устроили манифестацию с духовым оркестром. Они несли национальные флаги с надписями «Боже, Царя храни!», «Да здравствует главнокомандующий!» [8]. На протяжении часа манифестанты двигались по городу с пением Государственного гимна и кричали «Ура!» [9].

Распространению патриотических настроений содействовали Вятская народно-монархическая партия, которая проводила многочисленные мероприятия с молебнами и пением гимна, и периодическая печать монархического и либерального толка («Северное слово», «Прикамская жизнь», «Крестьянская газета» и др.). Редакции этих газет «бесплатно открывали свои листы для многочисленных объявлений и воззваний» [10], печатали материалы о патриотических поступках жителей, открытии лазаретов и госпиталей и помощи раненым и семьям погибших.

Пропаганду войны среди нерусского населения с призывом отдавать жизнь за Веру, Царя и Отечество развернула газета «Вести с войны», издаваемая вятским миссионером П. Глезденевым на удмуртском и марийском языках. Газеты призывали инородческое население региона к повиновению власти и к войне до победного конца.

С самого начала войны активно стала развиваться благотворительность. Пожертвования на удовлетворение нужд армии, а также на помощь больным и раненым и их семьям приняли беспрецедентный характер. Жертвовали все без различия политических убеждений, сословий, национальностей и вероисповеданий. «Служащие правительственных, общественных и частных учреждений, всё духовенство, педагогический персонал учебных заведений, приказчики, мастера и рабочие заводов и промышленных заведений с большой охотой изъявили желание отчислить известный % на нужды войны и в пользу семей призванных на войну» [11]. В 1914 г. населением губернии было собрано 2 649 394 руб. [12]

Кроме денег население жертвовало разные вещи и предметы – теплую одежду, белье, обувь, продукты.

На Воткинском заводе для обеспечения семей запасных нижних чинов, призванных в армию, рабочие и служащие отчисляли ежемесячно по 3% с полученного жалованья, что составляло 3 644 руб. в месяц [13]. Вятский губернский комитет Всероссийского земского союза наладил отправку на фронт пакетов с бельем, сапогами, чаем, сахаром, табаком, мылом, спичками [14]. В Вятке устраивались кинематографические дни, весь сбор от которых передавался в пользу больных и раненых и их семей [15].

Большую работу по созданию госпиталей и лазаретов проводили должностные лица губер-

нии и местное управление Общества Красного Креста.

В целом обстановка в регионе в начальный период войны была, по выражению губернатора, «патриотически повышенной» [16]. Указом Царя от 24 июля 1914 г. в целях сохранения стабильности в военное время был введен режим чрезвычайной охраны с предоставлением губернатору прав главноначальствующего [17], запрещение проведения собраний, организаций профессиональных союзов, закрытие винных и пивных лавок и т. д. Деятельность революционных и либерально-демократических партий была запрещена, и их влияние на обстановку в регионе было крайне незначительным.

Пропагандировать среди рабочих свои взгляды по вопросам войны и мира было трудно ещё и потому, что крупнейшие заводы, Ижевский и Воткинский, на которых трудилось более половины всех рабочих региона, находились на мобилизационном положении. На них были созданы военные трибуналы, начальниками цехов поставлены офицеры, и малейшие проявления протестных настроений вели к увольнению или отправке в арестантские роты.

Тем не менее вятский губернатор издавал постановления, в которых грозил военным судом за малейшее проявление революционной деятельности и устройство стачек [18].

Руководствуясь постановлениями губернатора, полиция и Вятское губернское жандармское управление (ВГЖУ) усилили слежку за поведением революционно настроенных рабочих. Губернское жандармское управление в секретном предписании уездным исправникам от 28 июля 1914 г. требовало установить наблюдение за настроениями рабочих, крестьян и интеллигенции и информировать о результатах этого предписания [19]. Сообщения исправников о настроениях населения, за редкими исключениями, опасений не вызывали.

Вместе с тем патриотический подъем постепенно угасал. 5 сентября 1914 г. намечалась забастовка на заводе Вахрушева Слободского уезда с требованием повысить расценки, но она была пресечена увольнением зачинщиков [20], а 9 октября 1914 г. состоялась забастовка, первая и единственная в этот период. Ее объявили рабочие листопркатного и мелкосортного цехов Кирсинской железодельательной фабрики Слободского уезда с требованием сокращения рабочего дня. Требования рабочих администрация частично удовлетворила [21].

Недовольство рабочих войной и ухудшением своего положения проявлялось и в других формах: в высказываниях о войне и Царе и уклонениях от службы в армии. Так, 24 октября 1914 г. рабочий Кокшанского химического завода И. И. Витушин несколько раз заявлял, что «сол-

даты напрасно идут на войну» и резко говорил о Царе, за что был арестован [22].

21 сентября 1914 г. один из рабочих Ижевского завода при отправке запасных солдат на пристани в Сарапуле во время напутственной речи воинского начальника громко поносил Царя «с явным желанием воздействия на толпу запасных» [23], но подобные факты пока были единичными. Раздражали рабочих поступающие на завод различного рода состоятельные люди с целью избежать военной мобилизации. «Все гостиницы в Ижевском заводе, – указывал земский гласный Ленков, – переполнены фиктивными рабочими и подрядчиками, незаконно освобожденными от призыва в действующую армию» [24].

Все эти факторы вели к нарастанию недовольства, однако направить его в организованное движение было некому. Местные большевистские организации были разгромлены, а оставшиеся на свободе немногочисленные группы ещё не имели конкретных лозунгов и установок для работы в новых условиях и никак себя не проявляли.

Настроения крестьян тоже были неоднозначными. С одной стороны, крестьяне помогали армии всем, чем могли, – поставками скота, сельхозпродукцией, пожертвованиями, доказывая этим свой патриотизм, с другой – значительная часть крестьянства стала проявлять недовольство реквизициями скота и хлеба. Крестьяне говорили, что их дома разоряют [25].

В 1914 г. открытых выступлений крестьян против властей не наблюдалось, однако самовольные порубки леса в казенных дачах и отказы от уплаты налогов, как и в довоенный период, по-прежнему были [26].

В ряде уездов – Глазовском, Сарапульском, Котельничском и других – имели место резкие высказывания крестьян и призывников о Царе и правительстве.

Так, крестьянин д. Большой Коршик Орловского уезда И. В. Щекотов, узнав о распоряжении земского начальника сушить сухари для армии, сказал в адрес царя: «Он... начал воевать, а провизии не запас, а с нас последнее дерут» [27]. Щекотов был арестован. Крестьянка из д. 2-я Татарская Котельничского уезда М. П. Козлова, встретив плачущую солдатку А. Козлову, сказала: «Леший унес бы Царя беса, его бы вперед убили» [28].

Крестьянин д. Бармаши Порезской волости Глазовского уезда Ф. Ф. Семеновых говорил, обращаясь к запасным: «Если вы пойдете на войну, то сражаться не надо, ружья свои поставьте и постарайтесь разсыкать Николашку и убить его, затем разбейте Сенат». Далее он пояснил, что Царь «землю раздал барам, а на войну посылает безземельных» [29].

18 июля 1914 г. призванный П. А. Чепцов из Залазницкой волости заявил, что «если он пой-

дет на войну, то стрелять будет не в неприятеля, а первую пулю пустит в Государя» [30], а А. Я. Першин из Вятского уезда заявил, что если он попадет в бой, то первую пулю пустит в лоб Императору, а остальные пули в министров» [31].

Несмотря на некоторую наивность и корявость этих речей, в них отражается недовольство своим положением и непонимание того, за что приходится воевать.

Помимо этого были и другие случаи проявления недовольства, выражающиеся в столкновениях с полицией, неявках на сборные пункты и др.

Так, 25 июня 1914 г. помощник начальника Вятского губернского жандармского управления в записке Сарапульскому исправнику упоминал о беспорядках в с. Козловы и посылке туда стражников для наведения порядка [32]. «В случае мобилизации эта часть населения, – писал жандармский офицер, – может устроить буйства» [33].

В ноябре 1914 г. среди крестьян с. Бахта Троицкой волости Вятского уезда проявилось недовольство тем, что не берут на войну стражников. Крестьяне говорили, что их дома разоряются, в семьях остаются женщины и дети, а стражники получают хорошее жалованье и от военной службы освобождаются [34].

Котельничский уездный исправник в 1914 г. писал: «...ввиду последовавших неоднократных мобилизаций запасных нижних чинов и ратников ополчения увеличилось производство дознаний о неявке запасных и ратников на сборный пункт, о розыске и задержании их, как самовольно отлучившихся со сборных пунктов, частей войск и лазаретов» [35].

Некоторые выступления призывников носили хулиганский характер. Так, к 22 июля 1914 г. в г. Котельниче собралось свыше 6000 запасных, которые выступили с требованием водки. Четыре винные лавки в г. Котельниче и все частные заведения были закрыты, запасные занялись разграблением винных лавок и частных магазинов. Порядок удалось установить только применением оружия, так как на предупредительный залп 150 благонадежных запасных и полицейских разбуянившаяся толпа не отреагировала. В итоге 10 человек было убито и 12 ранено, а у них в карманах были обнаружены товары из разграбленных магазинов. Активными участниками беспорядков были не только запасные, но и местные хулиганы [36]. В исторической литературе этому инциденту приписывается большой политический смысл, так как оно якобы «было направлено против мобилизации в царскую армию» [37], «повышения цен на хлеб, табак и другие продукты» [38]. Но в действительности это выступление запасных никакого политического

смысла не имело. Подобные случаи, но в меньших масштабах были и в других уездах. Так, 20 июля 1914 г. в с. Зура Глазовского уезда запасные вместе с местными жителями разбили казенную винную лавку, 21 июля мобилизованные запасные в д. Корабли этого же уезда избili стражников и тоже разгромили винную лавку [39].

Таким образом, в начальный период войны значительная часть населения региона была охвачена чувством патриотизма и безоговорочно поддерживала Царя и правительство. Однако патриотическое настроение не было всеобщим, и нередко мобилизационные процессы сопровождались хулиганскими выходками запасных нижних чинов, а часть населения пыталась избежать отправки на фронт, скрываясь на оборонных предприятиях.

В самом начале 1915 г. обстановка в губернии, по оценке местных властей, оставалась стабильной. В своем докладе в феврале 1915 г. начальник Вятского губернского жандармского управления отмечал, что «настроение населения продолжает оставаться приподнятым» [40]. Некоторые основания для такой оценки обстановки были: сборы запасных проходили в полном порядке, наряды на поставки скота и хлеба выполнялись, благотворительность возрастала, помощь семьям призванных на войну и беженцам оказывалась. В газетах того времени приводится немало примеров о проявлениях патриотических чувств населения, в т. ч. и детей. Так, «Вятская речь» 14 февраля 1915 г. сообщала, что трое подростков с. Возгалы сбежали на фронт для борьбы с врагом [41], в марте этого же года отправился добровольцем на театр военных действий ученик Константин Кукшанов [42], а с партией раненых в г. Глазов был доставлен 15-летний доброволец Сарафанников. «Как поправляюсь, опять пойду воевать», – говорил храбрый юноша [43]. В апреле в двухмесячный отпуск приехал к родителям в Вятку 15-летний разведчик Коля Пьянков. За ликвидацию немецкого шпиона он был представлен к награде [44]. Эта же газета писала, что ижевские рабочие недоверчиво отнеслись к предложению Германии начать переговоры о мире, «высказывая желание довести войну до победного конца» [45]. Однако в связи с ухудшением обстановки – продолжающимися реквизициями, увеличением рабочего дня, ростом дороговизны, неутешительными известиями с фронтов – в настроениях народа стали усиливаться ропот и недовольство. Это в равной степени было характерно для всех слоев населения, в первую очередь, рабочих и крестьян. Рабочий день на ряде предприятий был доведен до 14–16 час., а праздничные дни отменялись. «Совершенно для себя не имеем свободного времени

и нормального отдыха ни одного дня, а все время употребляем в работе, которая бывает день и ночь. Во время воскресных и двенадцатых праздников мы даже не имеем времени сходить помолиться в храм к обедне, также по приказанию хозяев приходится в это время быть в работе» [46], – писали слободские рабочие.

На некоторых предприятиях были отмечены случаи грубого обращения с рабочими, даже рукоприкладство. Как пишет в своей жалобе старшему фабричному инспектору Вятской губернии кочегар прачечной Вятского губернского земства Е. А. Одегов, «машинист прачечной Вавилов осыпал рабочих площадной бранью и избивал их» [47]. В середине января 1915 г. Вавилов так сильно ударил смазчика Позолотина, «что тот на некоторое время лишился чувств» [48]. Подобные факты были и в других местах [49].

Дороговизна стала приобретать катастрофические размеры. В сообщении вятского губернатора в департамент полиции говорится: «Возрастающая дороговизна пищевых продуктов и вообще предметов первой необходимости вызывает недовольство» [50]. На некоторые продукты в уездных городах и рабочих поселках цены поднимались на 400 процентов и выше. На этой почве не раз происходили крупные волнения среди населения Воткинского завода, преимущественно среди женщин. Их возмущали не только дороговизна, но и сокрытие продуктов для продажи их в дальнейшем по более высоким ценам [51].

Революционизирующее влияние на рабочих оказывали письма с фронта, в которых солдаты писали не только о тяжести своей службы, но и о вопиющих беспорядках, бездарности и бесчеловечности командиров. В одном из писем корреспондент называет дураками тех, кто добровольно собирается идти в армию [52]. В другом письме с фронта солдату 106-го запасного пехотного полка, находящегося в Вятке, товарищ с возмущением писал о том, что творится на фронте: «Солдат гонят в атаку как баранов, а начальство не идет», считая, что солдат много и жизни их стоят копейки [53].

Все эти факты стали использовать в пропагандистской работе местные социал-демократы и политические ссыльные, которые постепенно налаживали свою деятельность в Вятке, Глазове, Сарапуле, Воткинске и особенно в Ижевске, где в 1915 г. была восстановлена партийная организация.

Если в начале войны местные большевики не имели конкретных лозунгов и установок, определявших тактику партии в сложившихся условиях, то в 1915 г. они повели работу, направленную на поражение правительства в войне и превращение империалистической войны в граждан-

скую, однако большинству вятского законопослушного и консервативного населения идеи поражения были непонятны. Помимо местных революционеров, антиправительственную пропаганду вели и прибывающие на крупные заводы губернии рабочие из Москвы, Петербурга, Сормова, среди которых было немало участников революционного движения. Только на Ижевский завод прибыло около 8,5 тыс. рабочих. Они открыто высказывали своё возмущение низкими расценками труда и дороговизной, грозили начальству устройством беспорядков и «подстрекали местное население к незаконным выступлениям» [54].

В сообщении вятского губернатора в департамент полиции в августе 1915 г. говорится, что настроение народа «уже не такое бодрое, какое было ещё месяца два тому назад» [55]. Однако и в этот период массового революционного движения в губернии не было [56].

В июле 1915 г. прошли волнения на Омутнинском заводе. Рабочие подняли вопрос об увольнении с завода его управителя Дорогова за грубое и обидное обращение с ними. В случае непринятия мер рабочие грозились убрать его силой [57]. Этим же летом начались волнения на Ижевском заводе, вызванные грубостью служащих и их нежеланием содействовать росту производительности завода [58], что могло бы привести к росту заработной платы.

В одном из сообщений в департамент полиции от 29 августа этого же года отмечалось, что рабочие Ижевского оружейного завода высказывают сильное неудовольствие на присутствие среди администрации лиц с немецкими фамилиями, которые якобы тормозят развитие производства [59]. По предложению губернатора немцы были вынуждены покинуть завод. В этом же году рабочие депо Вятка-I потребовали удаления с работы своего начальника немца Тузенгаузена, мотивируя это тем, что он грубо обращается с ними [60].

Незначительные волнения были и на других предприятиях. Так, в ноябре 1915 г. рабочие Уржумского завода выражали большое недовольство администрацией «за нераспорядительность по заготовке запасов продовольствия и материалов» [61]. Наряду с этим усиливалась критика властей за военные поражения.

В сообщении вятского губернатора в департамент полиции о настроениях населения в августе 1915 г. говорилось: «С прибытием на родину раненых нижних чинов и в связи с общим отступлением русских войск, в некоторых уездах губернии среди населения ходит много тревожных слухов, которые сводятся к тому, что все наши неудачи на театре военных действий происходят от измены, что везде и всюду правят

немцы и что правительство проспало, не озабочилось своевременным изготовлением достаточного количества снарядов» [62].

Нарастанию протестных настроений в крестьянской среде способствовали реквизиции скота и хлеба и усиливающаяся антивоенная пропаганда. Как выразился крестьянин д. Большой Коршик Орловского уезда И. В. Щекотов: «С нас последнее дерут» [63]. Антивоенные настроения подогревались рассказами раненых и искалеченных солдат, возвращавшихся с фронтов, в результате чего с каждым месяцем возрастало недовольство войной и правительством. Количество оскорбительных высказываний о Царе по сравнению с предыдущим периодом увеличивалось. Приведем лишь некоторые из них.

В январе 1915 г. в д. Барановской Игумновской волости Котельничского уезда уволенный из армии П. О. Вылегжанин сказал на собрании односельчан, что Царя «давно надо бы грязной метлой с престола смести» [64]. 3 июля этого же года крестьянин д. Нижняя Тайма Мериновской волости Малмыжского уезда заявил собравшейся молодежи, что «Романовскую фамилию надо искоренять» [65]. Большое революционизирующее влияние на крестьян оказывали письма с фронта. Они дают возможность проследить, как солдаты понимали причины, характер и цели войны. Так, А. Крысов в сентябре 1915 г. сообщил своему отцу в с. Источенское Орловского уезда об отступлении русских войск из Галиции: «...вина всему этому, конечно, правительство, теперь сами увидели» [66]. А. Котов в январе 1915 г. писал в с. Завьялово Сарапульского уезда, «что в их части “вор на воре”, все, что присылают, исчезает, “начальство скверное”, все желание воевать пропадает» [67].

«Отстаивать капиталистические интересы не очень интересно», – писал М. Солодянников своей семье в п. Юрья Пермской железной дороги [68].

Эти письма усиливали недовольство войной и правительством, возрастало количество крестьянских выступлений, которые выражались в отказах от принудительных работ, поставок скота и хлеба и уплаты налогов. Массовых и организованных крестьянских выступлений не произошло, однако стихийные проявления недовольства были. Так, в мае 1915 г. крестьяне д. Евсиной Сарапульского уезда отказались от работ по вывозке гальки на тракт Ижевск – Гольяны, за что три человека были подвергнуты аресту [69]. Крестьяне Петровской волости Уржумского уезда в ноябре того же года отказались от платежа земских сборов [70]. В октябре многие крестьяне с. Новый Бурец Мериновской волости Малмыжского уезда не стали платить окладные сборы [71]. Крестьянин этого села Т. А. Уржумцев от-

казался платить подати в связи с тем, что у него два сына находятся на войне и из-за отсутствия денег, и призвал других не платить податные сборы [72].

В 1915 г. стало проявляться недовольство крестьян мобилизациями в армию, появились случаи членовредительства. Крестьянин д. Чудовой Кайгородской волости Слободского уезда С. А. Пуляшев, например, прострелил себе ухо [73], а крестьянин д. Нижняя Тойма Мериновской волости Малмыжского уезда И. И. Бабушкин заявил: «Нет, лучше в тюрьме сидеть, чем идти на войну... Куда хотите давайте. Я буду рад, если в тюрьму посадят» [74].

В 1916 г. и начале 1917 г. протестные настроения народа нарастают, особенно заметно это проявлялось в рабочей среде из-за ухудшения материального положения. В донесении начальника Вятского губернского жандармского управления в департамент полиции от 17 октября 1916 г. говорилось: «В городах и на заводах особенно сильно ощущается недостаток хлебной муки, крупчатки, крупы, мяса, молока, масла, сахару и дров. К удовлетворению потребности городского населения в этих главных предметах, помимо непомерного возвышения на них цен, немало препятствует отсутствие удобных путей сообщения... Вообще в городских и заводских поселениях, среди малоимущего класса, непомерная дороговизна жизни вызывает общий стон, и положение таково, что каждый день можно ожидать вспышки народного негодования» [75]. В донесении от 4 ноября 1916 г. говорилось, что среди рабочих «все чаще и чаще раздаются голоса о мире... так как война – это только разорение и бойня» [76].

Недовольство рабочих проявлялось, в первую очередь, в проведении забастовок, количество которых увеличилось. Первая забастовка 1916 г. была проведена в г. Глазове в мае. Ее объявили рабочие, занимавшиеся разборкой и просушкой сена на казенных сенохранилищах. Поводом послужили слухи о предполагаемом уменьшении заработной платы. Четверо инициаторов были арестованы. Несмотря на это, большинство продолжало бастовать до урегулирования конфликта [77].

1 июля бастовали рабочие механического цеха Воткинского завода. Они требовали снятия штрафов за май – июнь. Их требования были удовлетворены [78]. 5 июля объявили забастовку рабочие сталелитейного цеха этого же завода с требованиями повысить расценки. Сталеваров поддержали рабочие кирпичного производства. Забастовка продолжалась до 9 июля и закончилась победой бастующих [79].

20 сентября объявили забастовку ратники-буряты, работавшие в 25 верстах от Ижевска на строящейся железной дороге. 200 чел., бросив

работу, пришли в Ижевское заводское управление и потребовали перевести их на другую работу или дать им одежду, так как их одежда изнасилась, а работать приходится на болоте и в воде, помещение же, отведенное им для жизни, плохо отапливается, почему мокрую одежду высушить им не представляется возможным.

Рассмотрев это заявление, заводоуправление сочло нужным названных ратников 26 сентября перевести на работы для рубки дров на пристань р. Воложки в 15 верстах от завода, куда ратники в тот же день отправились и приступили к работе. «Со стороны названных ратников никаких беспорядков произведено не было», – докладывал ротмистр Добромыслов начальнику ВГЖУ 25 сентября 1916 г. [80]

В начале 1917 г. состоялось сразу три забастовки. 12 января забастовали рабочие паровозного и механического цехов Воткинского судостроительного завода с требованиями увеличить заработную плату. Их требования были направлены главному начальнику, и рабочие, поверив в благополучное разрешение конфликта, приступили к работе [81]. 21 января рабочие механического цеха этого же завода, не получив обещанной прибавки, вновь прекратили работу, и снова забастовщики уговорили приступать к работе, пообещав им увеличить заработную плату [82]. Таким образом, обе забастовки на Воткинском заводе носили экономический характер и длились по нескольку часов.

Третья, самая крупная забастовка началась 14 февраля в инструментальной мастерской Ижевского оружейного завода и в течение нескольких дней охватила весь завод, частные оружейные фабрики и транспорт. Начавшаяся с экономических требований, она под влиянием социал-демократов переросла в политическую и была подавлена с помощью войск. В результате арестов за тюремной решеткой и в маршевых ротах оказался 2671 чел., в том числе большинство членов Ижевской партийной организации.

1916 г. и начало 1917 г. оказались самыми трудными и для крестьян. Продолжавшиеся реквизиции скота и хлеба, непрекращавшиеся принудительные работы и увеличивавшиеся налоги вели к дальнейшему обнищанию деревни и нарастанию протестных настроений.

Если по разнарядке 1916 г. губерния должна была поставить 50 тыс. голов крупного рогатого скота и 60 тыс. голов свиней, то в 1917 г. – 202 тыс. голов крупного рогатого скота и 150 тыс. голов свиней [83]. Это привело к многочисленным отказам от поставок и столкновениям с полицией.

В конце апреля, например, отказались поставлять скот крестьяне Троицкой и Югринской волостей Вятского уезда [84], в ноябре этого же

года – крестьяне Адышевской волости Орловского уезда [85]. Подобные случаи были и в других уездах, что сопровождалось арестами отказников [86].

Участились случаи отказов от работ по заготовке и вывозке дров для военных заводов. Так, в январе 1916 г. только в Игринской волости Сарапульского уезда было арестовано 8 чел. [87], в феврале – 9 [88]. Но едва полицейские привели к повиновению игринских крестьян, как отказались от выезда в лес крестьяне Сардыкской и Георгиевской волостей Глазовского уезда.

Недовольство крестьян вызывали также и увеличивавшиеся налоги, в результате чего росли недоимки по различным платежам. Некоторые крестьяне не только сами отказывались от уплаты, но и призывали к этому других. Так, крестьянин с. Кулюшево Арзамасцевской волости Сарапульского уезда С. Н. Болотов за такую агитацию был арестован [89]. Подобную работу вел крестьянин д. Бор Кузнецовской волости Уржумского уезда Н. Я. Смоленцев [90] и тоже был арестован. Случаи отказов от уплаты были во всех уездах.

Высказывания о царе, призывавшем воевать до победного конца, становились более резкими и озлобленными. Так, 17 января 1916 г. крестьянин д. Дудино Филипповской волости Вятского уезда С. И. Якимов, провожая второго сына в армию (первый уже был на фронте), говорил: «Не совсем ли наш Государь сдурился, бестолковый, не будет видно этому и конца». После этого он схватил ухват и ткнул им в висевший на стене портрет царя. Затем он бросил порванный портрет в печь и сжег его [91].

В 1916 г. усилилось дезертирство. Тысячи солдат, в том числе и вятских, бросали фронт и уходили домой, предпочитая суровое наказание гибели на войне. Шесть раз бежал из армии крестьянин Кыйлуцкой волости Сарапульского уезда Максим Рылов [92].

Письма с фронта Вятскому жандармскому управлению о розыске дезертиров поступали пачками. Участились случаи уклонения от призыва в армию. Так, 23 сентября 1916 г. на Глазовский призывной пункт из 1286 чел. явились только 36, а всего за четыре дня мобилизации из 3500 чел. прибыли лишь 297 чел., т. е. менее 10 процентов [93].

Вернувшиеся с фронта искалеченные солдаты рассказывали об ужасах войны и гибели людей и передавали призывы большевиков «кончать эту ненужную народу войну и превращать ее из империалистической в гражданскую». Они призывали крестьян отказываться от поставок хлеба и не давать повод для его отправки [94]. А прибывший в краткосрочный отпуск в д. Сибирь Казаковской волости Орловского уезда А. П. Горев, ругая царя за гибель людей, сказал одно-

сельчанам, что солдаты готовы в любой момент «воткнуть штыки в землю» [95].

Одной из причин, усилившей недовольство крестьян войной, были письма с фронта, в которых солдаты рассказывали о беспорядках в частях, грубости офицеров, плохом снабжении и советовали своим землякам и родственникам всячески уклоняться от отправки на фронт.

Так, один из фронтовиков писал своему другу в Вятку, чтобы он не верил газетам, так как они много врут о войне [96].

В другом письме М. Т. Костромин советует брату, служившему в запасном полку, прикинуться больным, чтобы не попасть в маршевую роту [97].

В письмах родным солдаты писали о том, что в Москве и Петрограде идут забастовки с требованием мира и советовали решительно отказываться от поставок скота и хлеба [98].

В д. Осинки Гвоздевской волости Котельничского уезда в январе 1917 г. Г. Н. Валов писал своему отцу: «Солдаты не хотят войны и начинают бастовать» [99]. В. Котельников сообщал родственникам в с. Токашур Малмыжского уезда: «Прошу Вас не беспокоиться. Бог даст к Пасхе все будем дома. Довольно повоевали. Народу убавили, сирот прибавили... Многие части забастовали и не хотят войны» [100].

В январе 1917 г. В. П. Семенов писал своей жене в д. Барашково Талоключинской волости Нолинского уезда о том, что «каждый солдат ругает начальство за то, что оно не хочет мира. Будь же они, дьяволы, трижды прокляты за нашу кровь» [101].

О росте недовольства войной среди крестьянства доносил губернатору сарапульский исправник 8 марта 1916 г.: «Крестьяне ждут прекращения войны, и все чаще раздаются толки о замирении» [102].

Вятский губернатор в донесении в департамент полиции в апреле 1916 г. писал, что среди сельского населения идут толки о желательности скорейшего мира [103].

В аналогичном донесении в декабре этого же года он отмечал, что «всюду чувствуется утомление войной, особенно среди крестьян, что крестьяне живо интересуются о том, когда кончится война» [104].

Следует отметить, что рассказы раненых, вернувшихся с фронтов, солдатские письма, осуждающие войну, царя и правительство, способствовали росту недовольства среди местного населения.

В настроениях народа в годы Первой мировой войны происходили существенные изменения. Начало войны было отмечено мощным патриотическим подъемом, который продолжался до середины 1915 г.

Неудачи на фронтах и затяжной характер войны, дороговизна и налоговое бремя, письма с фронта, убитые и раненые воины, а также революционная пропаганда способствовали росту протестных настроений и привели к ряду рабочих и крестьянских волнений. Однако в силу малочисленности рабочего класса, консерватизма большинства крестьян, слабости революционных партий недовольство войной не переросло в организованные формы протеста и не оказывало существенного влияния на общественно-политическую жизнь региона.

Примечания

1. *Тютюкин С. В.* Десять лет в журнале «Отечественная история». М.: Собрание, 2005. С. 182, 183.
2. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1914. Д. 1018. Ч. 15. Л. 7.
3. Памятная книжка и адрес-календарь Вятской губернии на 1915 год. Вятка, 1915. С. 5.
4. Обзор Вятской губернии за 1914 год. С. 140.
5. Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 г. Вятка, 1915. С. 24.
6. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1599. Л. 60.
7. Там же. Д. 1504. Л. 95.
8. Там же. Д. 1599. Л. 60.
9. Там же. Л. 59.
10. Памятная книжка на 1915 г. С. 40.
11. Обзор Вятской губернии за 1914 год. С. 140.
12. Там же. С. 151.
13. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1681. Л. 13, 54, 55.
14. Там же. Л. 56об.
15. Там же.
16. Обзор Вятской губернии за 1914 год. С. 139.
17. Вятская речь. 1914. 29 июля.
18. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 439. Л. 267.
19. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1914. Д. 108. Ч. 15. Л. 7.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 192. Д. 33. Л. 87.
21. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1914. Д. 108. Ч. 15. Л. 11.
22. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1474. Л. 4, 5.
23. Там же. Д. 1495. Л. 44–45.
24. Там же. Д. 1537. Л. 35–36.
25. Там же. Д. 496. Л. 106.
26. ГАКО. Ф. 714. Оп. 2. Д. 4546. Л. 92, 243.
27. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1489. Л. 1–2.
28. Там же. Л. 109.
29. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 332.
30. Там же. Л. 72.
31. Там же. Д. 1607. Л. 108.
32. Там же. Д. 1495. Л. 46.
33. Там же. Д. 1493. Л. 29.
34. Там же. Д. 1496. Л. 106.
35. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 4546. Л. 178.
36. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1493. Л. 10–13.
37. Там же. Д. 1681. Л. 56об.
38. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 333.
39. ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 4546. Л. 93.
40. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1503. Л. 11об.
41. Вятская речь. 1915. 14 февр.
42. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1492. Л. 13об.
43. Там же. Д. 1457. Л. 49, 49об.
44. Там же. Д. 1504. Л. 95.
45. Вятская речь. 1915. 19 мая.
46. ГАКО. Ф. 566. Оп. 1. Д. 891. Л. 9, 12.
47. Там же. Л. 17.
48. Там же.
49. Очерки истории Удмуртской АССР. С. 253.
50. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1915. Д. 108. Ч. 15. Л. 13.
51. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 329.
52. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1588. Л. 75.
53. ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 152–153.
54. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1680. Л. 86.
55. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1915. Д. 108. Ч. 15. Л. 11.
56. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 322.
57. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1593. Л. 184.
58. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1915. Д. 108. Ч. 15. Л. 7.
59. Там же. Л. 9.
60. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 189.
61. Там же. Л. 19.
62. ГАРФ. ДП. 4 д-во 1915. Д. 108. Ч. 15. Л. 11.
63. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1489. Л. 1, 2.
64. Очерки истории Кировской организации КПСС. С. 347.
65. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1539. Л. 1–2.
66. ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 171.
67. Там же. Д. 1588. Л. 115.
68. Там же. Д. 1639. Л. 393.
69. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1539. Л. 130.
70. ГАРФ. ДП. ОО. 1915. Д. 167. Ч. 17. Л. 10.
71. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1651. Л. 7–8.
72. Там же. Л. 7–8.
73. Там же. Д. 1554. Л. 61.
74. Там же. Д. 1539. Л. 1, 2.
75. ГАРФ. 1915. Д. 167. Ч. 17. Л. 23–24.
76. ГАРФ. ДП. ОО. 1916. Д. 341. Ч. 17. Л. 1.
77. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1596. Л. 162.
78. Там же. Д. 1680. Л. 66.
79. Там же. Л. 86.
80. Там же. Л. 100.
81. Там же. Д. 1751. Л. 66.
82. Там же.
83. Вятское народное хозяйство. Вятка, 1918. № 3. С. 20–21.
84. ГАРФ. ДП. ОО. 1916. Д. 167. Ч. 17. Л. 21.
85. ГАКО. Ф. 718. Оп. 1. Д. 104. Л. 1571.
86. Там же. Л. 1446.
87. Там же. Д. 1596. Л. 102.
88. Там же. Л. 120.
89. Там же. Д. 1637. Л. 3.
90. Там же. Д. 1660. Л. 4.
91. Там же. Д. 1642. Л. 23.
92. Там же. Д. 1691. Л. 72.
93. Очерки истории Удмуртской АССР. С. 255.
94. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1728. Л. 13.
95. ГАКО. Ф. 528. Оп. 194. Д. 9. Л. 63.
96. ГАКО. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 10. Л. 152, 153.
97. Там же. Л. 24.
98. Там же. Л. 200, 445.
99. Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 40.
100. Там же. Л. 39.
101. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1739. Л. 11.
102. ГАКО. Ф. 582. Оп. 190. Д. 9. Л. 16.
103. ГАРФ. ДП. ОО. 4 д-во 1916. Д. 108. Ч. 15. Л. 4.
104. Там же. Л. 12.

УДК 323.328(470)

М. С. Судовиков

**ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ
ОБЪЕДИНЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО
КУПЕЧЕСТВА РОССИИ
в XIX – НАЧАЛЕ XX в.: МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ**

В статье рассматриваются механизмы складывания крупных купеческих торгово-промышленных объединений на территории одного из обширных российских регионов – Вятской губернии в XIX – начале XX в. Обращается внимание на преобладание фирм, организованных на родственных началах и представлявших собой первичный уровень объединения капиталов.

In clause mechanisms of folding of large merchant commercial and industrial associations in territory of one of extensive Russian regions – Vyatskoi provinces in XIX – the beginning XX are considered in. It is paid attention to prevalence of the firms organized on the related beginnings and representing self an initial level of association of capitals.

Ключевые слова: регион, купечество, семья, торговый дом, акционерное общество.

Keywords: region, merchant class, family, trading house, joint-stock company.

В XIX – начале XX столетия, в условиях нарастания экономической конкуренции, неразвитости банковского кредитования, профессиональная деятельность основного предпринимательского слоя населения России – гильдейского купечества – обеспечивалась его семейными объединениями, получившими распространение и в городах северо-востока Европейской части страны, прежде всего среди купцов первой и второй гильдий, так как производимые ими коммерческие операции требовали немалых дополнительных денежных затрат и людских ресурсов.

Семейные объединения привели к экономическому расцвету предпринимательские династии Вятской губернии – Машковцевых, Калининых, Аршауловых, Колошиных, Хохряковых, Герасимовых, Утямышевых и другие. Так, у Машковцевых этап наибольшего коммерческого подъема связан с деятельностью представителей четвертого поколения этого рода – Степана, Афанасия, Федора, Филиппа Яковлевичей. Интенсивный рост их капиталов, наблюдаемый в 1796–1810 гг., обуславливался активным вкладыванием средств в производственную сферу, выполнением весьма значительных казенных подрядов, участием в кредитовании и т. д. [1] Сочетание различных видов торгово-предпринимательской деятельности, торговля при общем семейном ка-

питале и обеспечивали экономическую устойчивость данных купцов.

Совместные торгово-предпринимательские занятия выходцев из одной династии стали основой для складывания в регионе первых торговых домов. Это были семейные предприятия, образованные по типу полных товариществ. Хотя Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах...», устанавливавший порядок деятельности торговых домов, был издан в 1807 г. [2], но их открытие произошло далеко не сразу. «...В здешнем городе Слободском торговых домов купцами не открыто и никаких о том сведений по сему магистрату не имеется», – читаем в журнале заседания Слободского городского магистрата за ноябрь 1821 г. [3]

В 1834 г. ситуация была уже несколько другой: «в образе полного товарищества» торговали в этом городе четыре фирмы – Давыда Васильевича Герасимова (вел дела вместе с сыном Захаром), Ивана и Петра Михайловичей Пашкиных, Василия и Алексея Николаевичей Платуновых, Зянчуриных [4]. В том же году в губернском городе Вятке существовал один торговый дом – Ивана и Петра Ефимовичей Шуравиных; в г. Орлове – 9, из них один был открыт купцами первой гильдии братьями Митрофаном и Алексеем Синцовыми, один – купцом второй гильдии Алексеем Ефимовичем Изергиным (вместе с братом Стефаном), остальные являлись третьегильдейскими [5].

В 1837 г. в г. Котельниче действовали торговые дома купцов Ивана и Прокопия Максимовичей Кардаковых, Андрея и Никонора Васильевичей Глушковых [6]. С 1849 г. в Елабуге работал торговый дом «под фирмою: 2-й гильдии купцы Капитон и Дмитрий Яковлевы Братья Ушковы» [7]. Тенденция открытия торговых домов – полных товариществ, организованных на родственных началах и представлявших собой первичный уровень объединения капиталов, особенно ярко проявилась в эпоху капитализма – в пореформенный период и в начале XX столетия [8].

В основе создававшихся явочным порядком полных товариществ лежал договор, заключенный между их учредителями. Так, в договоре, подписанном в январе 1871 г. родными братьями купцами второй гильдии г. Вятки Василием и Александром Степановичами Сунцовыми, содержалось 20 условий деятельности их фирмы. Этим учредительным документом определялось, что каждый из братьев «вкладывает наличного капитала по десять тысяч рублей», они «вместе и каждый порознь» имели право «входить во всякие торговые предприятия, могущие дать пользу и выгоду торговому дому», «прибыли и убытки» ими делились пополам, братья отвечали «за все дела торгового дома вообще и порознь всем сво-

им имуществом как движимым, так и недвижимым» [9]. На схожих условиях, правда, с меньшим основным капиталом – по пять тыс. руб. с каждого учредителя, в марте 1878 г. заключили договор купцы второй гильдии губернского центра Яков и Алексей Васильевичи Башмаковы, организовавшие «полное товарищество под фирмой “Торговый дом Я. и А. братья Башмаковы в городе Вятке”» [10].

В декабре 1907 г. о своем намерении открыть торговый дом «под фирмой “Денис Зонов с С-ми”» с учредительным капиталом в 200 тыс. руб. «для производства общей торговли кожевными, лесными и другими всякого рода товарами в городе Вятке и других местностях Российской Империи» заявил купец Д. Ф. Зонов с сыновьями Александром и Максимом. 21 условие их договора детально прописывало и систему управления торговым домом, и круг его деятельности, и финансовые вопросы. «Жительство товарищи будут иметь в г. Вятке и в других местах, где потребуется для производимой торговли», – говорилось в нем [11].

Другая форма торговых домов, имевшая более высокую степень объединения предпринимательских средств и интересов и включавшая в себя не только «полных товарищей», но и вкладчиков, – товарищество на вере – была представлена меньшим числом фирм. К этой группе торговых домов, в частности, относились фирмы: в Вятке – «Алексей Клабуков с С-ми и К°» (1892), «Козьма Игнатьевич Лаптев и К°» (1902), «Товарищество Косинской писчебумажной фабрики наследников Феофилакта Михайловича Рязанцева и К°» (1907), «Семен Федорович Лаптев и К° в Вятке» (1908), в Котельниче – «Братья Изергины, Корчагин и К°», в Слободском – «Глафира Ивановна Ворожцова и К°» [12].

В договоре о создании товарищества на вере «под фирмой “Торговый дом Алексей Клабуков с С-ми и К°”», организованного с целью «а) торговли винными, фруктовыми, бакалейными и другими разного рода товарами и б) исполнения казенных и частных подрядов на поставку разных товаров», указывалось, что его учредителями являются купец второй гильдии Алексей Анисимович Клабуков и его сыновья Николай и Василий, при этом глава семьи и Василий Алексеевич «считаются основателями и распорядителями делами товарищества», а Николай Алексеевич – вкладчиком [13].

Организатором товарищества «Семен Федорович Лаптев и К° в Вятке» по производству и торговле спичками выступил соответственно купец Лаптев, а вкладчиками данного торгового дома стали «жена вятского мещанина» Александра Ильинична Лаптева и крестьяне Слободского уезда «Афанасий и Александр младший Ильичи

Вахрушевы» [14]. Прибыль, полученная в ходе торгово-предпринимательской деятельности этих и других похожих товариществ, распределялась между товарищами-распорядителями и вкладчиками «сообразно их взносов», а в случае появления долгов первые несли ответственность «основными капиталами своими», «всем своим движимым и недвижимым имуществом», вкладчики же отвечали «только своими вкладами».

Торговые дома работали во всех крупных торгово-промышленных центрах региона. В начале XX в. насчитывалось 26 купеческих торговых фирм, или 60,5% от общего числа этих учреждений (основателями других торговых домов являлись преимущественно зажиточные крестьяне и мещане; среди учредителей были и дворяне, и «штурман дальнего плавания», и «отставной полковник», и т. д.) [15]. «Традиционный буржуа-купец хотя и сохранял позиции в верхнем эшелоне класса, но ему все чаще приходилось соседствовать и сотрудничать с теми, кто не прошел длительный процесс исторического развития на основе постепенного накопления капитала и последовательного расширения единолично-семейного дела», – отмечал А. Н. Боханов [16]. Эта особенность складывания деловой элиты отчетливо обозначилась и в Вятской губернии.

Во второй половине XIX столетия в число «молодых» предпринимательских семей региона вошли, например, крестьяне Вахрушевы. В середине 1850-х гг. выходец из деревни Трофимовской Стуловской волости Слободского уезда Тимофей Вахрушев вместе с сыновьями стал заниматься выделкой кож [17], и в дальнейшем их кожевенное дело успешно продолжали потомки, ставшие учредителями нескольких торговых домов.

В 1895 г. был создан торговый дом «Ф. Т. Вахрушева Сыновья» [18]. После смерти Федора Тимофеевича, последовавшей в 1890 г., его наследники – сыновья от первого брака Александр и Павел Федоровичи и от второго брака Степан, Иван и Василий – заключили «домашнее условие», по которому решили вести торгово-промышленные дела совместно под фирмой «Наследников Федора Тимофеевича Вахрушева», не производя раздела отцовских капиталов. «Покупку и продажу товара, и выделку кож обязываемся вести с общего согласия, для чего должны совещаться лично или посредством переписки и телеграфа...» – говорилось в договоре [19]. Это соглашение во многом стало залогом делового успеха сыновей Федора Тимофеевича. В 1898 г. годовой оборот их торгового дома доходил до 400 тыс. руб., суммы внушительной по тем временам [20].

К концу XIX в. заводское хозяйство этого торгового дома включало два каменных двух-

этажных здания и три деревянных одноэтажных корпуса с оборудованием, деревянные сушила, амбары и лабазы. На предприятии насчитывалось 125 постоянных и 30 временных рабочих [21]. В начале XX в. наследники Федора Тимофеевича являлись владельцами двух кожевенных и клееварного заводов, на которых изготавливались сапоги, амуниция, шорные изделия по заказам военного ведомства (с годовым объемом продукции на сумму более миллиона рублей).

В начале XX в. действовали также торговые дома «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева», «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями».

Торговый дом «Наследники Парфена Тимофеевича Вахрушева», был учрежден в 1902 г. Тимофеем и Василием Парфеновичами, Николаем и Петром Васильевичами Вахрушевыми. Это торгово-промышленное объединение с основным капиталом в 60 тыс. руб. занималось «выделкой и приготовлением кожевенных товаров» [22].

Торговый дом «Илья Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», открытый в 1903 г. товарищами-распорядителями Ильей Тимофеевичем с Николаем, Алексеем, Афанасием, Дмитрием и Александром Ильичами Вахрушевыми, обладал 400-тысячным капиталом и производил «выделку кожевенных и клееварных товаров» [23].

Торговый дом «Иван Тимофеевич Вахрушев с Сыновьями», учрежденный главой семьи – Иваном Тимофеевичем и Михаилом, Константином, Николаем Ивановичами, занимался выделкой кож на двух кожевенных заводах и торговлей кожевенными товарами». Местом нахождения этого товарищества значилась слобода Демьянка, располагавшаяся в г. Слободском [24]. В Слободском уезде действовал и целый ряд других торговых фирм, открытых Вахрушевыми.

Немалая часть купеческих торговых домов (53,8%) региона была неразрывно связана с промышленным производством [25], что являлось в начале XX в. характерной тенденцией экономического развития государства в целом, тогда как ранее сферу деятельности подавляющего числа домов составляли в основном оптовая и розничная торговля [26]. Некоторые из вятских торговых домов, сочетавшие торговую деятельность с промышленностью, были крупнейшими в России. По сведениям на 1904 г., среди них значились фирмы Александровых, занимавшиеся торговлей хлебом и «пищевкусовыми производствами», чей совокупный товарищеский капитал составлял 1,4 млн руб. [27]

Александровы были выходцами из крестьян, живших в заградной слободе Слободского Богоявленского монастыря. Их коммерческая деятельность с размахом развернулась в XIX – на-

чале XX в. Капиталы Александровых успешно приумножались Василием Васильевичем, коммерции советником Иваном Васильевичем и сыновьями последнего – Иваном и Петром, учредивших торговый дом «Наследники коммерции советника И. В. Александрова». Представители этой фамилии являлись прежде всего крупнейшими виноторговцами в регионе. Так, на рубеже 1870–1880-х гг. купец первой гильдии Иван Васильевич Александров имел в Слободском шесть питейных заведений, один оптовый склад, пять трактиров и один ренсковый погреб, в Слободском уезде ему принадлежало 45 питейных заведений, трактир, ренсковый погреб и оптовый склад, в Вятском уезде – 15 питейных заведений, в г. Орлове – 4 (для сравнения: всего в тот период в Вятской губернии насчитывалось 1546 питейных заведений) [28]. В начале XX столетия конторы и производства (винокуренное, спиртоочистительное, пивоваренное, маслостойное и др.) Александровых располагались в Вятской и Казанской губерниях, а торговля велась помимо вышеназванных в Вологодской, Симбирской, Пермской, Уфимской и других губерниях.

В Вятской губернии действовали и более сложные по организации объединения – акционерные общества, имевшие широкий круг вкладчиков. Л. Е. Шепелев, изучавший механизмы создания и функционирования этих обществ, обращал внимание на их устойчивость («сравнительное долголетие») – в начале XX в. «каждая пятая компания действовала более 20 лет», на охват ими всех основных отраслей экономики, на сосредоточение правлений обществ преимущественно в главных финансовых центрах страны, в особенности в Петербурге и Москве, на процессы акционирования крупных торговых домов и т. д. [29] Эти черты в той или иной степени прослеживались и на северо-востоке Европейской России, отражая и местную специфику хозяйственного развития региона, связанную, в частности, с сельскохозяйственной его специализацией.

В губернии проявилась одна из особенностей российского акционерного учредительства, заключающаяся в том, что организаторы-родственники обществ стремились сохранить в своих руках основную часть акций, используя для этого форму семейных паевых товариществ. «Высочайше утвержденным товариществом на паях», например, являлась открытая в 1883 г. фирма купцов Ушковых – «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К^о» (его соучредителем выступил проживавший в Москве кунгурский купец А. С. Губкин, родственник Ушковых) с управлением в Москве, конторами на Бондюжском и Кокшанском химических заводах и отделением конторы в Елабуге [30]. Товарищество охватывало своей деятельностью весь Уральский регион и

Поволжье, оно являлось владельцем двух химических заводов в Вятской губернии, одного – в Казанской и одного – в Самарской, имело кирпичный, гончарный, стекольный, масляный заводы, земельные угодья, два парохода, многочисленные баржи, склады в Екатеринбурге, Перми, Казани, Нижнем Новгороде, Ярославле, Москве, Самаре и т. д. [31]

В ноябре 1892 г. Александром III также было дано разрешение на открытие товарищества на паях «под наименованием торгово-промышленное т-во под фирмою Ф. П. Гирбасов с сыновьями и К^о» [32]. Его правление располагалось в г. Елабуге, а основным направлением деятельности была торговля хлебом и чаем.

Создавались объединения и с разносторонним составом владельцев. Паевой компанией в Вятской губернии было товарищество Вятско-Волжского пароходства, устав которого 21 декабря 1901 г. Николай II «рассматривать и Высочайше утвердить соизволил» [33]. Учредителями товарищества выступили вятские купцы первой гильдии Тихон Филиппович Булычев, Яков Фомич Тырышкин и торговый дом «Наследники коммерции советника И. В. Александрова», до этого имевшие свои пароходства.

По уставу все принадлежавшие им «пароходы, баржи, баркасы и другого наименования суда, разное судовое имущество, а также пристани с жилыми и нежилыми строениями, находящиеся в разных пунктах по рекам Вятке, Чепце, Каме, Волге и Белой, и вообще в пределах района действий товарищества со всеми при них устройствами, машинами и материалами» переходили в собственность новой фирмы [34]. Ее основной капитал определялся в размере трех миллионов рублей, «разделенных на три тысячи паев по 1 тыс. руб. каждый» [35].

О том, каким образом складывалось это пароходное товарищество, вспоминал современник, купец-мемуарист К. И. Клепиков: «В 1900 году вновь прибыл пароходчик, слободской уроженец Александров, капиталист, винокурный заводчик, во многих городах и селах виноторговцев. Александров, видя конец устарелой винной торговле, купил четыре парохода для рейсирования по рекам Вятке, Каме и Волге; предложил вятским пароходчикам Булычеву и Тырышкину составить союз, в противном случае он цену понизит. Имея в виду, что Александров будет большой конкурент, согласились на его предложение; союз состоялся...» [36]

Директором-распорядителем товарищества являлся Т. Ф. Булычев, а его компаньоны – директорами. Эта фирма, объединив наиболее крупных купцов-судовладельцев, монополизировала пассажирские и грузовые перевозки в регионе, являвшиеся во второй половине XIX в. прибыль-

ным источником доходов и других предпринимательских семей (А. С. Куклина, Казениных, Якимовых, Небогатиковых). Впоследствии в целях сохранения своего влияния в связи с развитием железнодорожного транспорта, конкурентной борьбой товарищество Вятско-Волжского пароходства вошло в Москворецкий синдикат, образованный в 1910 г. [37]

В акционерные объединения вошли омутнинские предприятия Пастуховых (в декабре 1912 г. при участии Сибирского торгового банка учреждается акционерное общество «Северных заводов наследников Н. П. Пастухова» с основным капиталом 9 млн руб.) и кожевенные – Вахрушевых (в 1917 г. торговый дом «Ф. Т. Вахрушева Сыновья» преобразуется в «Акционерное общество кожевенных заводов и фабрик Петра Вахрушева с Сыновьями») [38].

В числе крупнейших торгово-промышленных объединений были торговые дома елабужских купцов Стахеевых («Григория Стахеева Сыновья», «В. Г. Стахеев и наследники», «И. Г. Стахеев»). Эти предприниматели вели крупную хлебную торговлю как в России, так и на зарубежных рынках, продавали нефть и керосин, мануфактурные товары, чай, вино, являлись владельцами пароходов [39].

Осенью 1890 г. о фирме «Григория Стахеева Сыновья», объединявшего капиталы Ивана и Василия Стахеевых, елабужский уездный исправник сообщал губернатору: «Торговый дом Ивана Григорьевича Стахеева (был главой товарищества. – М. С.)... производит торговлю в разных городах: Елабуге, Рыбинске, Челябинске, Троицке, Златоусте, Миясе и др. ...Стахеев имеет несколько заводов: винокурный, водочный, мыловаренный, состоит в товариществе по пивоваренному заводу и имеет шесть собственных пароходов, отправляет большие партии своего хлеба в Рыбинск (где г. Стахеева называют “хлебным королем”). Расходы по управлению и администрации торгового дома простираются в год до 200 тыс. руб., из чего нужно заключать, что весь торговый оборот простирается до 10 миллионов» [40].

Ежегодно И. Г. Стахеев заготавливал «хозяйственным способом» хлебных товаров (льняного семени, гречневой крупы, ржи, пшеницы, ржаной муки, овса) на сумму до 3 млн руб., приобретал мануфактурный товар «от российских фабрикантов» на 2 млн руб. [41] В историографии обращалось внимание на отсутствие специализации внутренней торговли фирмы Стахеевых, что было характерным явлением «именно российской периферийной экономики как в домонополистический период, так и в эпоху развитого капитализма» [42]. В 1891 г. за полезную деятельность и особые труды на поприще промышленности и

торговли главе торгового дома «Григория Стахеева сыновья» Александр III «Всемилоствейше соизволил пожаловать... звание коммерции советника» [43].

Широкие масштабы торгово-предпринимательской деятельности Стахеевых позволили им с размахом включиться в усилившийся в начале XX в. процесс монополизации экономики России. В мае 1912 г. старший сын Ивана Григорьевича Иван Иванович Стахеев заключил договор с поволжским предпринимателем П. П. Батолиным об объединении капиталов в рамках полного товарищества «И. Стахеев и К^о» (его основной капитал составил 2,5 млн руб., из которых 2/3 принадлежали Стахееву и 1/3 – Батолину).

С того же времени к делам фирмы проявляет интерес Русско-Азиатский банк, открывший для нее специальный кредит. В дальнейшем полноправным членом этого торгово-промышленного объединения становится и Алексей Иванович Путилов – председатель правления Русско-Азиатского банка. Таким образом сложился крупный российский концерн, охватывавший помимо хлебной, традиционной для Стахеевых, торговли уральские и подмосковные металлургические заводы, нефтяные предприятия Эмбы, сахалинские каменноугольные копи, среднеазиатские плантации хлопка и заводы по его обработке, железнодорожное строительство и т. д., расцвет деятельности которого пришелся на 1917 г. (в тот период общая сумма оборотов предприятий этой монополистической организации достигла астрономических цифр – исчислялась миллиардами рублей) [44]. «Мощь концерна Путилова – Стахеева – Батолина, – отмечала Т. М. Китанина, – определялась прежде всего его органической связью с Русско-Азиатским банком, раскинувшим сеть своих отделений по всей стране, патронировавшим 163 торговых и промышленных предприятия, пользовавшимся исключительно широкой поддержкой министерства финансов и имевшим прочные связи в правительственных сферах» [45].

Эти примеры показывают, что региональное купечество стало одним из источников складывания крупной деловой элиты России на новом этапе в истории российского предпринимательства, связанном с формированием финансовой олигархии. Соответственно, пройдя путь от первичных форм накопления капиталов на основе индивидуального и семейного бизнеса до создания коллективных торгово-промышленных объединений, его представители оказывали огромное влияние на развитие экономической жизни государства.

Создание в Вятской губернии многочисленных торгово-промышленных объединений свидетельствовало о все большем развитии в российской провинции в тот период капиталистических

отношений и значимой роли в этом процессе купеческого сословия. Вместе с тем преобладание и на исходе XIX столетия, и в начале XX в. купеческих торговых домов – полных товариществ говорило о еще невысоком уровне концентрации здесь гильдейских капиталов, что не в последнюю очередь было связано со спецификой экономического развития местности, проявлявшейся, как и прежде, в аграрно-торговой ее направленности и слабости промышленности.

Примечания

1. Подробнее об этом см.: Судовиков М. С. Машковцевы. Купцы и общественные деятели // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 20–23.

2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). I. Т. 29. № 22418; Торговые дома могли учреждаться в форме полных товариществ или товариществ на вере. Полные товарищества создавались купцами одной гильдии на собственный капитал для совместной предпринимательской деятельности с солидарной ответственностью; товарищества на вере объединяли средства учредителей и капиталы вкладчиков, получавших дивиденды в зависимости от размера пая. В законе говорилось и о «товариществах по участкам», создаваемых «из многих лиц, складывающих воедино определенные суммы, коих известное число дает складочный капитал», то есть, по сути, – акционерных обществах. В то же время последние рассматривались законодателями «как исключение», «как средство решения лишь некоторых особо важных задач государственного хозяйства» (см. об этом: Шенелев Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 18–19). В отличие от полных товариществ и товариществ на вере акционерная форма не имела и четко определенной сословной принадлежности (Там же).

3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 38. Л. 1209.

4. Там же. Ф. 582. Оп. 81. Д. 422. Л. 44–46.

5. Там же. Л. 1, 8–8об.; Позже, 2 августа 1848 г., городская дума сообщала губернатору о существовании в Орлове торгового дома «в образе полного товарищества», принадлежавшего купчихе Екатерине Зубаревой и ее сыну Якову (Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 17–17об.).

6. Там же. Оп. 81. Д. 1292. Л. 6–6об.; О торговом доме Глушковых известно, что он был открыт «по указу Вятской казенной палаты от 30 января 1832 г.» (Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 12–12об., 55).

7. Там же. Оп. 49. Д. 96. Л. 65, 69–69об., 72, 76, 87; В документах сообщается, что этот торговый дом был открыт на «наследственный после родителя их Ушковых» капитал в 6 тыс. руб. серебром.

8. В Вятской губернии в тот период работали: в губернском городе – торговые дома «Братья В. и А. Сунцовы» (открыт в 1871 г.), «Игнатий Лаптев с С-ми» (1891), «Братья Поскребышевы» (1896), «Наследники Якова Фомича Тырышкина» (1903), в Елабуге – «В. Г. Стахеева Н-ки», в Котельниче – «Товарищество А. и Я. Зубаревы», «Братья Григорий и Иван Селезневые», в Малмыже – «Наследники коммерции советника И. В. Александра» (с главной конторой в Казани), в Нолинске – «Я. Е. Небогатикова Сыновья», в Сарапуле – «Никифора Дедюхина Сыновья», «Алексей Шитов», «Дмитрий Григорьевич Ижболдин

с С-ми», «Николай Барабанщиков и племянники», в Слободском – «Захара Андреевича Платунова Н-ки»; и т. д. (ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8; Даты открытия торговых домов отмечены по документу).

9. ГАКО. Ф. 628. Оп. 1-а. Д. 207. Л. 2–3об.
10. Там же. Оп. 2. Д. 709. Л. 2–3об.
11. Там же. Оп. 5. Д. 116. Л. 330–331об.
12. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8; Там же. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 15–20, 30–31об., 41, 58об.–59, 280–281об. и др.
13. Там же. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 280; Учредительный капитал этого товарищества составлял 60 тыс. руб., из них 40 тыс. руб. принадлежали товарищам-распорядителям (по 20 тыс. руб. каждому), 20 тыс. руб. – вкладчику.
14. Там же. Л. 30; Основной капитал этого товарищества составлял 60 тыс. руб., из них 30 тыс. руб. принадлежали С. Ф. Лаптеву, остальная сумма – вкладчикам (по 10 тыс. руб. каждому).
15. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8.
16. Боханов А. Н. Деловая элита России 1914 г. М., 1994. С. 258.
17. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 902. Л. 180–187об.; След в веках: 150 лет кожевенно-обувному производству в Вахрушах. Киров, 2004. С. 17.
18. Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 17. Л. 53.
19. Там же. Д. 4. Л. 1об.
20. Там же. Д. 17. Л. 53.
21. Там же. Л. 80.
22. Там же. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3об.
23. Там же. Л. 4об.
24. Там же. Л. 8.
25. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5568. Л. 3–8.
26. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999. С. 99.
27. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 102.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 1501. Л. 5, 8, 49, 52.
29. Шепелев А. Е. Указ. соч. С. 22, 232–233, 235, 244–245.
30. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 16об.; Ее основной капитал составлял 2400000 руб.
31. Есеева И. В. Купеческая династия Ушковых (первая половина XIX в. – 1918 г.). Набережные Челны, 2007. С. 51–61.
32. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 20. Оп. 4. Д. 3758. Л. 4.
33. ГАКО. Ф. 628. Оп. 5. Д. 116. Л. 293.
34. Там же. Л. 293об.
35. Там же. Л. 300об.
36. Клепиков К. И. Воспоминания вятского старожилы. Вятка, 1901. Л. 6.
37. Березин Е. В. Из истории купеческого флота // Купечество вятское. Из истории торговли, предпринимательства и благотворительности. Киров, 1999. С. 58.
38. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в.: монография. Ижевск, 2001. С. 105; След в веках... С. 21.
39. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3356. Л. 15; Там же. Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 3–3об., 5–6 и др.; См. также: Барышников М. Н. Деловой мир России: историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 344; Маслова И. В. Купеческая династия Стахеевых. Елабуга, 2007. С. 43–63.
40. ГАКО. Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 3–3об.
41. Там же. Л. 5.

42. Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 29, 160.

43. ГАКО. Ф. 582. Оп. 98. Д. 110. Л. 13.

44. Подробнее см.: Китанина Т. М. Указ. соч.; 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995. С. 31, 224–229, 440–441; Лигенко Н. П. Указ. соч. С. 106–115; Маслова И. В. Указ. соч. С. 64–87; Валеев Н. М., Валеева Н. Г. Елабуга, Харбин, Сидней... Казань, 2007. С. 98–99.

45. Китанина Т. М. Указ. соч. С. 162.

УДК 329.7-055.2:930

А. В. Долматова

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В НАЧАЛЕ XX в.: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

В статье предпринят анализ историографии общественно-политического движения на рубеже XIX–XX вв. и роли женщин в общественно-политическом движении.

The article deals with the analysis of historiography of social and political movement at the turn of the 19th–20th centuries and the role of women in social and political movement

Ключевые слова: общественно-политическое движение, гендер, эмансипация, феминизм.

Keywords: social and political movement, gender, emancipation, feminism.

Внимание ученых к изучению женского вопроса в последнее время заметно усиливается, что связано, прежде всего, с современной общественно-политической ситуацией. Современное российское общество переживает непростой период трансформаций. Изменения системного характера затронули экономику, политическую, социальную, культурную сферы, породив множество проблем, которые фокусируются в жизни каждого конкретного человека. Драматичность ситуаций, заостренность противоречий порождают интерес общественности и специалистов к аналогичным периодам российской истории. Особенно ярко все проблемы, особенности социума проявляются в критические, переходные периоды развития, именно таким и был в России рубеж XIX–XX вв. Так же как и сегодня, сто лет назад в нашей стране происходили коренные перемены в социально-экономической структуре, началось становление нового типа культуры.

Сегодня изменилось экономическое, политическое положение женщины, возросли ее возможности самостоятельно выбирать свою судь-

© Долматова А. В., 2011

бу, конституционно закреплены равные права мужчин и женщин во всех сферах жизни общества. Но практического равенства по-прежнему не существует. Общественное сознание сохраняет патриархальные установки, выработанные в предыдущий период. В экономике и политике продолжают главенствовать мужчины, а женщины остаются на вторых ролях. В демократических странах мира женщина имеет больше прав, однако и там проблема «женщина и общество» не решена. Без радикальной переоценки сложившихся в современной европейской культуре ценностно-мировоззренческих установок трудно надеяться на решение имеющихся противоречий, а их изменение предполагает научное историческое исследование проблемы на макро- и микроуровнях.

Между тем статус женщины в обществе – интегральный показатель. Он отражает особенности социально-экономического устройства государства, его экономического развития, методов управления, правовых установок, уровня культуры и общественного самосознания. Положение женщины в обществе справедливо считается своеобразным мерилем общественного прогресса. Споры о роли женщины в обществе, о ее социальном положении, предназначении существовали во все эпохи. Но на каждом этапе исторического развития острота и характер постановки женского вопроса были особыми.

Сегодня уже не возникает сомнений в необходимости расширения исследований по проблемам социально-экономического и политического положения женщин. Исследователи ставят своей целью изучение общественной роли женщин в истории страны, разработку путей повышения их социального статуса. Много внимания уделяется истории возникновения женского движения.

Женское движение в России возникло в 1859 г., его становление и развитие носили конкретно-исторический характер и были неразрывно связаны с процессом глубоких преобразований в государственном устройстве, социально-экономической, духовной сферах жизни общества. Оно складывалось под влиянием российских и западноевропейских идей о гуманизме, свободе и общественной инициативе личности, равноправии мужчин и женщин, новых семейных отношениях. Требование раскрепощения женщин вытекало из общедемократических лозунгов того времени, поэтому на начальном этапе в разработке и обосновании женского вопроса активно участвовали мужчины – демократически настроенные публицисты, писатели и ученые. Труды Д. А. Мордовцева, С. С. Шашкова, Г. Е. Благодетель, И. Харламова, А. П. Щапова и других были первыми профессиональными работами по истории женщин [1].

В *дореволюционной* историографии «женский вопрос» рассматривался в разряде отечественной публицистики в качестве составляющей истории общественного движения. Он включал широкий спектр проблем от борьбы за изменение положения женщин в семье и обществе, за равные права с мужчинами в сфере образования [2], за изменение системы женского воспитания [3] до появления в российском обществе женщин новых социально-культурных типов (например, курсисток, фабричных работниц, женщин-ученых, женщин-предпринимателей и др.) [4].

Современная исследовательница женского движения Н. А. Пушкарева отмечает, что «начало XX века вписало новую страницу в “женскую историю” России, которая развивалась столь быстро, что ее летописцы не всегда успевали фиксировать события, стремительно сменявшие друг друга» [5]. Это особенно характерно для периода после революции 1905 г., когда цензура сделалась несравненно либеральнее и «вопрос пола» стал одним из наиболее модных на страницах печати. Различные аспекты женской темы затрагивались в социологических и исторических исследованиях, в художественной и сатирической литературе, в многочисленных практических руководствах и пособиях. Всего в России в 1901–1917 гг. выходило около 12 000 наименований периодических изданий [6]. Однако среди этого изобилия было совсем немного изданий, посвященных общественно-политическим вопросам женского движения. Примером может служить выходивший под лозунгом «Женщины, объединяйтесь!» либеральный «Женский вестник» (СПб., 1904–1917), постоянно рассказывавший о тяжелом положении женщин-работниц, о нужде и трудной жизни крестьянок, и издаваемый большевиками журнал «Работница» (Пг., 1914, 1917) [7]. Писали историю женщин и активистки женского движения: А. Н. Шабанова, А. М. Евреинова, Н. Миревич, А. В. Тыркова и др. [8] Выделился пласт литературы о лидерах женского движения [9].

Значительное увеличение числа российских изданий для женщин в начале XX в. было связано с общемировым движением к женской эмансипации (ускоренным в нашей стране Первой русской революцией), с осознанием женщинами своего места в общественной и духовной жизни России, с повышением спроса на подобную печатную продукцию и сопутствующим ему ростом издательских доходов [10].

По-новому в начале XX в. звучали публицистические статьи и целые научные исследования, анализировавшие и вопросы женского образования: через него, через его развитие тогда виделся путь к социальной эмансипации россия-

нок. Авторы многочисленных статей и книг старались возвеличить (или по крайней мере спасти от забвения!) имена тех женщин, которые первыми решились стать сестрами милосердия, первыми получили ученые степени и боролись за право преподавать в России [11]. Тенденцию увеличения числа преподавателей-женщин и постепенного снижения общего числа преподавателей-мужчин исследовал в начале XX в. симбирский педагог А. Куломзин. По его мнению, женщины больше дорожат своим малооплачиваемым местом по сравнению с мужчинами: «...народ весьма скоро свыкается с учительницами... дети крепко привязываются к ним и любят их больше, чем учителей. Чистота и даже хорошие классные порядки встречаются чаще у учительниц, чем у учителей... особенно дороги те элементы, которые, мирясь с незатейливостью окружающей жизненной обстановки, умеют при трудных условиях вносить в своё дело много любви, настойчивости и внимания. Опыт свидетельствует, что таким элементом являются чаще всего учительницы». Также он отметил, что в годы Первой русской революции количество девочек, пришедших учиться в начальную школу, значительно увеличилось: «...неоспоримые цифры показывают, что женское образование у нас растёт быстрее мужского. За период с 1894 года по России число учащихся девочек возросло по всей России на 37%, а девочек – на 70%» [12].

В начале XX в. появились и первые библиографии, посвященные «женской теме» (А. Я. Гуревич, В. М. Хвостова) [13].

Интерес к «женскому вопросу» в его новом осмыслении заставил юристов начала XX в. всерьез заняться не только обоснованием женского права на образование, но и проанализировать статус представительниц «слабого пола» в частном (опекунском, наследственном, семейном) праве того времени [14].

Идея равенства людей обоего пола перед законом была представлена в специальной исследовательской литературе о правовом положении российских женщин. В дореволюционной историографии «женский вопрос» как общественное явление, проходя определенные стадии, привлекал значительное внимание современников, которые его всесторонне освещали, при этом тематика работ следовала за ходом исторических событий и часто сопоставлялась с зарубежными процессами [15].

Почти в каждой работе о положении женщин на рубеже XIX–XX вв. звучал мотив трудовых отношений, являвшийся составной частью процесса перестройки ролевых позиций женщин в структуре общества [16]. Исследователи избегали обобщений и ограничивались лишь перечислением тех трудностей, с которыми приходилось

сталкиваться женщинам, занявшим рабочие места [17]. Тема места женщины в системе трудовых ресурсов, проблемы занятости и безработицы, охраны труда и его оплаты с научной точки зрения впервые была выдвинута в работах первой в России женщины-политэкономки М. Н. Вернадской [18]. Специальные исследования о социально-экономическом положении женщин затрагивали фабричных работниц [19], так как категория фабричного труда женщин была самой многочисленной и слабо защищенной в законодательном отношении. Появлялись работы по отдельным категориям женщин-служащих, но они носили ведомственный отчетный характер и не полностью раскрывали условия их труда [20]. Отдельно освещалась деятельность женщин по уходу за ранеными и больными [21].

Особенностью историографии этого периода в отношении изучения женщины было накопление фактического материала. Большинство работ этого периода носит описательный характер, основанный на личных наблюдениях авторов. Поэтому эти этнографические сведения можно рассматривать и как источниковую базу для исследования положения женщины в обществе.

В работах *послереволюционных* лет были выявлены основные темы по решению «женского вопроса», которые исследовались в последующие десятилетия (трудовые отношения, образование, общественное движение). В 1920-е гг. одной из популярных тем был женский труд [22], при этом основное число исследований, отличалось описательностью, ограниченностью источниковой базы и идеологической направленностью. Не случайно, что социально-экономический аспект «женского вопроса» по популярности вскоре уступил место направлению по изучению участия женщин в освободительном и революционном движениях [23].

В советской историографии 1930-х – середины 1950-х гг. проблематика женской истории четко заняла определенные ниши, например история образования и общественного движения [24]. Однако в советскую эпоху интерес к «женской теме» был существенно ограничен по идеологическим мотивам. Специальные исследования жизни и быта женщин до и после революции должны были доказать, что до установления советской власти положение женщины было крайне тяжелым и угнетенным, и лишь революция смогла освободить и раскрепостить ее. Поэтому долгое время советские исследования «женского вопроса» отличались заданностью тем и итоговых выводов.

В годы Великой Отечественной войны была актуальна тема традиционного женского героизма и самопожертвования [25]. А в конце 1950-х – 1980-е гг. в советской историографии было впер-

вые сформулировано понятие «женский вопрос» [26]. Тогда же был заявлен факт решения «женского вопроса в СССР» [27].

Особо следует выделить тему эмансипации женской личности в истории, благодаря коллективным и персональным «исследовательским портретам» русских женщин (преподавательниц, научных работников, служащих), стала ясна их роль в истории развития общества [28]. Появились специальные работы по истории женской школы, которые отличались расширенной источниковой базой [29].

Историография «женского вопроса» в советский период характеризовалась большой тематической разбросанностью, однако практически отсутствовали попытки обобщить общественно-политическое положение женщин в дореволюционном обществе. Тем не менее следует отметить, что ко второй половине 1980-х гг. в отечественной науке накопились значительные знания, большой объем опубликованных источников, позволившие в скором времени на основе использования новых методов исследования и междисциплинарного подхода приступить к всестороннему изучению положения женщин.

Особое место в изучении «женского вопроса» принадлежит профессору Г. А. Тишкину, который более 25 лет плодотворно работает над темой, постоянно расширяя сферы исследования. Так, в монографии «Женский вопрос в России 50–60-е годы XIX в.» он охарактеризовал правовой статус женщины в середине XIX в. и дал подробный анализ различных точек зрения на юридическое положение русских женщин среди правоведов, историков и общественных деятелей разных направлений как в дореволюционной, так и в советской литературе [30]. Попутно, в рамках выяснения наиболее острых и дискуссионных тем, входивших в состав «женского вопроса», Г. А. Тишкин упомянул о таких проблемах семьи, как раздельное проживание и разводы супругов, положение незаконнорожденных детей, существовавшие возможности усыновления и узаконения их для тех или иных социальных групп и др.

В *новейшей* историографии отношение к «женской истории» изменилось кардинальным образом. Благодаря новому (гендерному) подходу у отечественных исследователей возникло желание создать «историю женщины», за которую одновременно принялись социологи, психологи, физиологи, историки и философы. Коллективные гендерные труды носят комплексный характер [31]. Среди прочих выделяются исследования О. А. Хасбулатовой, С. Г. Айвазовой и И. И. Юкиной, освещающие основные этапы революционно-освободительного и женского движения [32].

Начали развивать гендерную тематику в нашей стране этнографы, политологи, социологи и

юристы. Однако постепенно «женская тема» начинает входить в круг исторических исследований. Традиционными для исторических исследований по «женской теме» являются изыскания, рассматривающие социокультурный статус женщины через систему образования, воспитания и эволюции роли женщины в семейной жизни [33].

Большую роль в теоретическом осознании предмета гендерных исследований в отечественной исторической науке сыграли работы Л. П. Репиной и Н. А. Пушкаревой [34].

В рамках исторической феминологии в современной историографии плодотворно работает П. П. Щербинин [35]. Принципиально новыми для исторической науки являются работы Т. Б. Котловой, обращенные к анализу социального статуса женщины в культурной среде провинциального города [36]. Один из важных выводов исследования состоит в том, что стремительно меняющийся облик города, расширяющиеся возможности к получению образования меняли образ жизни женщины, способствуя ее переходу из узкого семейного круга в сферу общественной и производственной жизни.

Среди работ историков и правоведов, которые изучают социально-правовой и семейный статус женщин в дореволюционный период [37], следует выделить труды Т. В. Шатковской о крестьянках и В. А. Веременико о дворянках, которые отличаются высокими качествами исследовательской работы [38]. Значительный вклад в разработку темы о правовом положении женщин в дореволюционной России внесла также О. Б. Вахромеева, в том числе ею было изучено правовое положение трудящихся женщин [39].

Социально-экономический аспект жизни женщин различных сословий в дореволюционный период освещается в десятках работ. Отдельного внимания заслуживают работы о купечестве М. Н. Барышникова, А. И. Османова и Ю. М. Гончарова [40]. О женщинах, вовлеченных в промышленное производство, мещанках, ремесленницах и даже работницах как представительницах определенного социального слоя практически умалчивается, за исключением общих социально-экономических трудов.

В качестве отдельного направления выделяется тема благотворительности в России, затрагивающая социальную миссию соотечественниц [41].

«Женская тема» в современной историографии рассматривается также в рамках социальной истории. Главным достоинством ряда работ является изучение жизни простых людей, но часто исследования отличаются описательным характером, большим территориальным диапазоном, а у некоторых из них отсутствуют обобщения на методологическом уровне и сопоставления междисциплинарного характера [42].

Стоит также отметить, что в современных исследованиях по истории женщин России наблюдается явная диспропорция в изучении центра и провинции. Наибольшее количество работ посвящено истории женщин российских столиц (Москвы и Санкт-Петербурга), тогда как жизнь провинциалок только в последнее время стала предметом научного интереса историков. Недостаточно исследованными остаются роль и место женщин в общественно-политическом и социокультурном пространстве региона, особенности их повседневной жизни. Кроме того, при комплексном исследовании эволюции общественного положения женщины в России следует учитывать многогранность культурных и социальных процессов в нашей стране, преобразования в повседневной жизни женщины во второй половине XIX в., специфику культурной среды провинциального города. Наличие таких многообразных факторов предполагает привлечение новых методов исторического исследования, которые активно развиваются в современной историографии.

В *зарубежной* историографии исследование российского дореволюционного феминизма долго сдерживалось отсутствием источниковой базы, в значительной степени ограничиваемой воспоминаниями самих эмигрантов и их детей. Однако иностранные исследователи выявили и анализировали огромный фактический материал по истории европейского феминизма. Но тем не менее в конкретно-исторических условиях СССР даже этот накопленный западными исследователями багаж мало использовался советскими авторами, имевшими, большей частью, возможность ознакомиться с трудами своих коллег лишь в критическом переложении или, в лучшем случае, в кратком изложении [43].

Особый интерес зарубежных авторов к проблемам российского феминизма в определенной степени способствовал их обращению к вопросам положения женщины в семье. Наибольший вклад в разработку данной темы внесли такие ученые, как Б. Энгел, Л. Эдмондсон, К. Руан и Р. Стайтс [44]. Так, например, исследование Р. Стайтса «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 гг.» открывается характеристикой русской женщины и ее мира. Последнее, конечно, невозможно без анализа семейно-брачных отношений, однако на долю этого анализа в исследовании, посвященном самому женскому движению, автор отводит не более десяти страниц, а сам анализ сводится к краткому изложению основных положений Законов Гражданских и сравнению их со схожими нормами тогдашнего европейского права [45].

Вопросами семейно-брачного законодательства имперской России занимался У. Вагнер, под-

робно изучивший планы русских юристов XIX в. в области реформы семейного права, в частности вопросы облегчения процедуры развода и расширения имущественных прав женщин [46].

В зарубежной литературе широко практикуется персональный подход, когда некие общие тенденции прослеживаются на материале нескольких конкретных жизнеописаний. Из такого рода произведений наибольший интерес представляет труд Б. Петровой-Эннкер «“Новые люди” России: развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции» [47]. В центре ее исследования двенадцать биографий женщин, преимущественно дворянок, которые представляли различные течения в российском феминистском движении. Они собраны в четыре группы (по три персональные истории в каждой) по мотивам участия женщин в движении, а также формам и видам их общественной деятельности. В работе выяснены причины, способствовавшие формированию первых «эмансипе». Среди них автор особо выделила новые формы воспитания девочек в дворянской семье, само изменение ее жизни, не проходившее мимо внимания ребенка. Вместе с тем исследование, большей частью построенное на тщательном анализе эго-документов, пошло вслед за источниками, в которых первые феминистки пытались прежде всего описать свою публичную деятельность, а собственно частной, семейной жизни самих «новых женщин» в работе уделено мало внимания [48].

Многие проблемы, связанные с историей «женского вопроса» и трансформацией социального статуса женщины провинциального общества, пока еще остаются мало изученными. В то же время появление нового поколения историков, работающих с гендерной проблематикой на региональном уровне, позволит развить данную отрасль исторического знания, вписаться в мировой процесс и, что особенно важно, внести вклад исторической науки в формирование более терпимого и демократичного общественного сознания.

Примечания

1. *Мордовцев Д. А.* Русские женщины нового времени: в 3 т. СПб., 1874; *Он же.* Русские исторические женщины: популярные рассказы из русской истории: в 3 т. СПб., 1874; *Благоветлов Г. Е.* Для чего нам нужны женщины. СПб., 1869; *Шашков С.* Новости женского дела // Дело. 1871. № 11. С. 145; *Он же.* Хроника женского дела // Дело. 1872. № 5. С. 1; *Он же.* Исторические судьбы женщины // Дело. 1869. № 10. С. 1; *Он же.* Историческая судьба женщин, детоубийство и проституция. СПб., 1898. 894 с.; *Харламов И.* Женщины в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 59–107; № 4. С. 57–111; *Щапов А. П.* Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России // Дело. 1871. № 7–8. С. 179; *Он же.* Положение женщины в

России по до-петровскому воззрению // Дело. 1873. № 4, 6. С. 165.

2. Лихачева Е. И. Материалы для истории женского образования в России: в 3 т. СПб., 1890–1895; Она же. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб., 1901.

3. Нужны ли женщинам науки и познания?: О воспитании женщин // Вестник Европы. 1811. № 9–12. С. 58–59; Об обществе попечения о молодых девицах // Женский вестник. 1910. № 11. С. 23–29; К вопросу о физическом воспитании женщин // Женское образование. 1884. № 5. С. 355; Николаева М. И. Как воспитывать женщину? // Образование. 1896. № 4. С. 42; Шумигофский Е. С. Императорское Женское патриотическое общество (1812–1912): исторический очерк. СПб., 1912.

4. Кауфман А. А. Русская курсистка в цифрах // Русская мысль. 1913. № 1. С. 87–112.

5. Пушкарева Н. А. Русская женщина: история и современность. История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. С. 20.

6. См., напр.: Беляева А. Н. и др. Библиография периодических изданий России: 1901–1916. Л., 1958–1961. Т. 1–4; Периодическая печать в России в 1917 г. Л., 1987. Ч. 1–3; Пушкарева Н. А. Указ. соч. Приложение. Женская пресса (издания для женщин XIX – начала XX в.) С. 522–523.

7. Федотов А. С. Женщина на страницах российской периодической печати (1901–1917 гг.) // Женщины в меняющемся мире: история и современность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 1996.

8. Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912; Шабанова А. Международный женский конгресс в Стокгольме (сент. 1911 г.) // Вестник Европы. 1912. № 1–2. С. 345; Евреинова А. М. Краткий очерк прав женщин в семье // Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905; Милович Н. VI конгресс Международного союза избирательных прав женщин (1911 г.) // Вестник Европы. 1911. № 7. С. 326; Она же. О I съезде русских деятельниц по благотворительному просвещению (июнь 1905 г.) // Русская мысль. 1905. № 5. С. 132; Тыркова А. Женский труд и проституция // Русская мысль. 1910. № 6. С. 124; Артемьева Н. Женщины и наука // Женское образование. 1876. С. 307; Венгерова З. Феминизм и женская свобода // Образование. 1898. № 5–6. С. 73.

9. Бородаевская В. И. Надежда Васильевна Стасова: биографический очерк // Исторический вестник. 1895. Т. 62. С. 561–572; Дневник Марии Башкирцевой // Северный вестник. 1892. № 12. С. 93; Памяти Варвары Павловны Тарновской: сб. СПб., 1914; Щепкина Е. Н. Воспоминания и дневники русских женщин // Исторический вестник. 1914. № 8. С. 536; Она же. Из истории женской личности в России. СПб., 1914. 30 с.

10. На рубеже XIX и XX вв. за освещение своего исторического прошлого взялись сами женщины. Вслед за пионерками русского женского движения (Н. Корсини, М. Богдановой, Н. Суловой), писавшими скорее публицистические статьи, нежели исследования, Е. О. Лихачева, М. Дитрих и Е. Н. Щепкина попытались дать научное объяснение женского неравенства. Их выводы мало чем отличались от выводов исследователей-мужчин. Истоки незавидной женской доли в России они видели в «утверждении патриархальных начал», влиянии православия и распростра-

нении византийской литературы. В отличие от них идеологи марксистской ориентации – А. М. Коллонтай, Н. К. Крупская, чьи первые работы по «женской теме» были опубликованы еще до революции 1917 г., старались подчеркнуть несовместимость «буржуазного» и «пролетарского» женского движений (первое, с их точки зрения, было нацелено лишь на получение политических прав представительницами привилегированных социальных слоев, а второе – было частью рабочего движения России) (Пушкарева Н. А. Указ. соч. С. 19–20).

11. Попытки исторически осмыслить значимость основных этапов истории женского образования предпринимались поэтому буквально с первых же десятилетий его институционализации. Первые работы, затрагивающие данную тему, появились еще в конце XIX в., например: Женщины, получившие ученые степени, и состояние женского вопроса // Отечественные записки. 1869. № 1; Ильинский П. А. Русская женщина в войну 1877–1878 гг.: очерк деятельниц сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб., 1879; Сущинский П. П. Женщина-врач в России: очерк десятилетия Женских врачебных курсов. 1872–1882 гг. СПб., 1883; Богуславская М. Женщины-врачи // Друг женщин. 1882. № 1. С. 78–79; Некрасова Е. С. Студентка на войне: Письма из Румынии (1877 г.) // Русская мысль. 1898. № 7.

12. См.: Куломзин А. Достижения начальной школы в России. СПб., 1904. С. 18 // Титаренко Ю. И. Женское образование в Симбирской губернии в период 1905–1907 гг. // Первая русская революция 1905–1907 гг.: исторический опыт разрешения внутриобщественного кризиса и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2005.

13. Гуревич Л. Я. Женский вопрос в Государственной Думе. СПб., 1906; Она же. Почему нужно дать женщинам все права и свободу. СПб., 1906; Она же. Женский вопрос. М., 1917; Хвостов В. М. Женщина накануне новой эпохи: два этюда по женскому вопросу. М., 1905. 101 с.; Она же. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. 510 с.

14. См. подробнее: Пушкарева Н. А. Указ. соч. С. 21–22.

15. Бездобров П. В. О современном положении женщины: публичная лекция. 2-е изд. М., 1892; Волкова А. Женское движение в разных странах. СПб., 1900; Кичеджи-Шатовалов М. В. Женское движение в России и за границей. СПб., 1902; Мижув П. Г. Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906; Гольцева Н. А. Женское движение в Соединенных Штатах. М., 1906; Новик И. Д. Борьба за политические права женщин. М., 1906; Милович Н. Женское движение в Европе и Америке. М., 1907.

16. Коллонтай А. М. Социальные основы женского вопроса. С. 28.

17. Шашков С. С. История русской женщины. 2-е изд. СПб., 1879; Хвостов В. М. Женский вопрос. М., 1907.

18. Мария Николаевна Вернадская // Ария П. Н. Первый женский календарь на 1902 г. СПб., 1902. С. 385–394.

19. Янжул И. И. Детский и женский фабричный труд в Англии и России: общее санитарное состояние промышленных заведений // Отечественные записки. 1880. № 3. С. 97–126; Она же. Женщины-матери на фабриках: очерки и исследования: в 2 т. М., 1884.

20. См. например: *Щеглов В. Н.* Женщина-телеграфистка в России и за границей. СПб., 1894.
21. Исторический очерк деятельности Российского общества Красного Креста / сост. В. Ф. Боцяновский. СПб., 1896; *Герман Ф. А.* Заслуги женщин в деле ухода за больными и ранеными. Харьков, 1898.
22. *Балобанов М.* Женский и детский труд: (текстильщик: история, быт, борьба). М., 1925; *Ращин А.* Женский труд в СССР. М., 1928.
23. *Куделли П. Ф.* Работница в 1905 г. в Петербурге. Л., 1926; *Крупская Н. К.* О работе среди женщин. М.; Л., 1926; *Кункль А. А.* Выстрел Веры Засулич. М., 1927.
24. *Чехов Н. В.* Лица женского пола не принимаются // Советское студенчество. 1936. № 10. С. 65–68; *Цубербиллер О. Н.* Курсистка // Там же. 1940. № 3. С. 30–31; *Васильева М. В.* Женское движение в России в 60-х годах XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1942.
25. *Коненко Е.* Девушки-героини. М., 1941; *Розова К. А.* История первых русских женщин-врачей: дис. ... канд. мед. наук. М., 1945; *Финклер Ю. М.* История Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. М., 1947.
26. *Бильшай В. А.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; *Чирков П. М.* Решение женского вопроса в СССР. М., 1978.
27. *Ткаченко В. М.* Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975; Женщины Страны Советов: краткий исторический очерк. М., 1977; Опыт КПСС в решении женского вопроса. М., 1982.
28. Первые женщины-медики в России. Л., 1961; Первые женщины-инженеры. Л., 1967; Академик П. Я. Кочина. Воспоминания. М., 1974; *Ершова В. М.* О. А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988; *Селезнева Е. С.* Первые женщины-геофизики и метеорологи. Л., 1989.
29. *Михеева Э. П.* Из истории высшего женского образования в России // История СССР. 1969. № 1. С. 174–179.
30. *Тишкин А. Г.* Женский вопрос в России в 50–60-е годы XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984; *Он же.* Петербургский университет и начало высшего женского образования в России // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. IV. Л., 1982. С. 15–32.
31. См., напр.: Женщины в социальной истории России. Тверь, 1996; О благородстве и преимуществе женского пола: из истории женского вопроса в России: сб. науч. тр. / науч. ред. и сост. Р. Ш. Ганелин. СПб.: Невский ин-т языка и культуры, 1997; Женщина, гендер, культура. М., 1999; Российские женщины и европейская культура. I–VI конференции / отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб.: СПб. фонд им. М. В. Ломоносова, 1993–2002; Гендерные исследования в гуманитарных науках: современный подход: материалы междунар. науч. конф. (15–16 сентября 2000 г.). Иваново, 2000; Общество гендер, культура: материалы междунар. науч. конф. Омск, 20–21 сентября 2001. Омск, 2001; Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / сост. Е. Б. Мезенцева. М., 2002; Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 25 сентября 2003 г. / под ред. П. П. Щербинина. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2003; Женская и гендерная история / под ред. Н. А. Пушкиревой. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2003; Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. Вып. 1–3. Минск: Изд-во БГПУ, 2001–2004.
32. *Хасбулатова О. А.* Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России. М., 1995; *Айбазова С. Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998; *Юкина И. И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.
33. *Пономарева В. В., Хорошилова А. Б.* Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – нач. XX в. М., 2006; *Перова Н. И.* Смолянки, мариинки, павлушки... бестужевки. Из истории женского образования в Санкт-Петербурге. СПб., 2007.
34. См., например: *Репина А. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Введение в гендерные исследования: учеб. пособие. Ч. 1–2. Харьков, 2001; *Пушкарева Н. А.* Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996.
35. *Щербинин П. П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов, 2004.
36. *Котлова Т. Б.* Российская женщина в провинциальном городе на рубеже XIX – начала XX века. Иваново, 2003.
37. *Туманова А.* Личные и имущественные отношения супругов в России во второй половине XIX века. Усыновление и узаконение // Право и жизнь. 2003. № 6. С. 58–74.
38. *Шатковская Т. В.* Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX века // Вопросы истории. 2002. № 11–12. С. 101–109; *Веременко В. А.* Дворянская семья и государственная политика в России во второй половине XIX – начале XX вв. 2-е изд. СПб., 2009.
39. *Вахромеева О. Б.* Местные законы о положении женщин в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Университетский историк: Альманах. 2007. № 4. С. 101–107; *Она же.* Историко-юридическая мысль и «женский вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // Страницы истории: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию со дня рождения профессора Г. А. Тишкина. СПб., 2008. С. 355–360; *Она же.* Женщина и семья в Европейской России на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2008; *Она же.* Женщины в системе трудовых ресурсов в России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2009.
40. *Гюнчаров Ю. М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. М., 1999; *Османов А. И.* Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2005; *Барышников М. Н.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006.
41. *Афанасьев В. Г., Соколов А. Р.* Благотворительность в России: историографические аспекты проблемы. СПб., 1998; Благотворительность в России: исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; Благотворительность в истории России: новые документы и исследования. СПб., 2008.
42. *Калдымова О. А.* Семья и женщина в контексте повседневности российской провинции начала XX в. // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004. С. 112–116.
43. См., напр.: *Волк С. С., Тишкин Г. А.* Зарубежные авторы о женском движении и семье в России XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 1981. № 11.

44. См., напр.: *Энгель Б. А.* Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. М., 1996; *Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation* / ed. by B. E. Clements, B. A. Engel, C. D. Worobec. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1991; *Engle B. A.* Between the Fields and the City. Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994; Edmondson L. H. Feminism in Russia, 1900–1917. Stanford. California, 1984; *Russian Feminism and the Women's Congress of 1908* // *Russian History*. 1977; *Ruane Christine*. Gender, Class and the Professionalization of Russian City Teachers. 1860–1914. Pittsburgh, 1994; *Ruane Christine*. Divergent Discourses: Images of the Russian Woman Schoolteachers in Post-Reform Russia // *Russian History*. Vol. 20. 1993. № 1–4. P. 109–124; *Stites R.* The Women's liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930. N. Y., 1978.
45. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
46. *Wagner W. G.* Marriage, property and Law in late Imperial Russia. Oxford, 1994; *Idem.* The Trojan Mare: Women's Rights and Civil Rights in Late Imperial Russia // *Civil Rights in Imperial Russia* / ed. by O. Crisp, L. Edmondson. Oxford, 1989.
47. *Pietrow-Ennker B.* Russlands «Neue Menschen»: Die Entwicklung der Frauenbewegung von der Anfängen bis zur Oktoberrevolution. Frankfurt; N. Y.: Campus Veerlag, 1999.
48. *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции / пер. Ю. П. Шаттон; под ред. М. П. Мохначевой. М., 2005.

Всеобщая история

УДК 94(410+470+73)"1944"

А. А. Костин

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР В АНГЛО-СОВЕТСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ ПО БАЛКАНАМ МАЯ – ИЮНЯ 1944 г.

В статье исследуется отношение США к первым попыткам англичан ограничить продвижение Красной Армии и сохранить британскую сферу влияния на Балканах. Автор анализирует мотивы американской дипломатии и влияние позиции Соединённых Штатов на ход англо-советских переговоров.

The article examines the U.S. attitude to the first attempts of Englishmen to limit promotion of Red Army and to keep the British sphere of influence on the Balkans. The author analyzes motives of the American diplomacy and influence of a stand of the United States on a course of the Anglo-Soviet negotiations.

Ключевые слова: США, СССР, Великобритания, Балканы, дипломатия Большой тройки, сферы влияния, Красная Армия.

Keywords: the USA, the USSR, the Great Britain, the Balkans, diplomacy of the the Big Three, sphere of influence, Red Army.

Начало 1944 г. было насыщено бурными событиями. Линия советско-германского фронта, где находилось около 2/3 дивизий вермахта, все ближе продвигалась к границам третьего рейха. В 1944 г. советские войска вступили в Молдавию и Эстонию, вышли к границе с Польшей и Чехословакией, перенесли боевые действия на территорию Румынии. Наступая на фронте до 450 км, Красная Армия разгромила более 170 дивизий противника. Его потери были настолько велики, что пришлось дополнительно перебросить на фронт свыше 40 дивизий из Германии и других стран Западной Европы. Советские войска прочно владели стратегической инициативой.

Ещё осенью 1943 г. успехи Красной Армии обозначили перспективы возможного послевоенного лидерства Москвы в европейских делах и вызвали сомнения в восстановлении английского влияния на юго-востоке Европы. Это заставило Лондон поставить перед союзниками «вопрос о совместной ответственности за Европу в противоположность вопросу об отдельных районах ответственности». Именно в такой формулировке английской делегацией был предложен 3-й пункт повестки дня конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, состоявшейся 19–30 октября 1943 г. в Москве [1].

Освобождение Балкан советскими войсками, что в условиях конца 1943 г. уже не было чем-то нереальным, означало для Лондона окончательную потерю британской сферы влияния в Восточном Средиземноморье. Для предотвращения столь неприятного хода событий англичане попытались заменить «раздел» Европы «совместной ответственностью». В связи с постановкой этого вопроса обозначилась и американская позиция по поводу послевоенного урегулирования. На 8-м заседании 26 октября госсекретарь К. Хэлл заявил: «Правительство США исходит из того, что первым шагом является согласование и принятие широкого круга принципов, пригодных для применения в мировом масштабе и используемых нашими тремя странами при решении частных и специфических вопросов. Правительство США не намеревается избирать какой-либо отдельный район мира для специального рассмотрения, пока не будут выработаны генеральные принципы международного сотрудничества и создания прочной постоянной основы для мира во всём мире». Заключение американского госсекретаря было категоричным: «Мы считаем, что отдельных районов ответственности не должно быть» [2].

Отчитываясь 18 ноября в Конгрессе после Московской конференции, государственный секретарь сказал: «Как неперемное условие реализации “Декларации четырёх Наций” недопустимо появление сфер влияния, альянсов, баланса сил или любых других подобных договорённостей, с помощью которых нации пытались в несчастливом прошлом обезопасить себя или отстоять свои интересы» [3].

Президент Ф. Рузвельт не всегда был солидарен со «старым вильсонистом» Хэллом. Наставляя нового американского посла перед отправкой в СССР, как раз накануне Московской конференции, президент тайно поручил послу А. Гарриману присматривать за госсекретарём, дабы тот не «мутил воду» перед встречей президента со Сталиным [4].

Тем не менее действия Хэлла на Московской конференции, скорее всего, отвечали установкам Рузвельта на тот период. С начала войны президент был обеспокоен одним вопросом, а именно негативными для единства союзников последствиями предварительной дискуссии о послевоенном устройстве Европы. Преждевременное обсуждение судьбы этой части мира, по его мнению, не только было бы «катастрофой» для солидарности участников Большой тройки, но и коренным образом могло повлиять на результа-

ты войны. Попытка одного из союзников навязать свои взгляды на послевоенное будущее Европы неизбежно приводила к отступлению коалиции от главной цели – борьбы с нацизмом – и вела к тому, что остальные члены Большой тройки получали основание для односторонних действий в своих частных интересах. В первую очередь это касалось Балкан.

Успехи Красной Армии, начавшей в апреле 1944 г. освобождение Юго-Восточной Европы, коренным образом изменили ситуацию. В первых числах мая Лондон, семью месяцами ранее поставивший перед союзниками «вопрос о совместной ответственности за Европу», предложил советскому правительству договориться об «инициативе и ответственности» в балканских государствах. В телеграмме Черчилля Сталину, полученной 12 июля, говорится: «Несколько недель тому назад г-н Иден предложил Вашему Послу, чтобы Советское Правительство взяло на себя инициативу в Румынии и чтобы британцы сделали то же самое в Греции» [5].

Содержательный анализ англо-советских переговоров по Балканам, инициированных Лондоном в мае 1944 г., представлен в исследованиях А. А. Калинина и В. Т. Юнгблуда [6]. Но трёхсторонний характер отношений между союзниками по Большой тройке диктует необходимость дать оценку американскому фактору в продолжавшемся до октября 1944 г. диалоге между Лондоном и Москвой.

Ознакомившись с английскими инициативами, советская сторона обусловила свой ответ выяснением позиции официального Вашингтона. Лондону было рекомендовано проинформировать правительство Соединённых Штатов [7]. В конце мая британский премьер вынужден был поставить в известность Рузвельта: «Нам следовало бы согласиться между собой в том, что советское правительство будет играть ведущую роль в румынских делах, тогда как нам будет принадлежать ведущая роль в греческих... Подобная договорённость естественно бы вытекала из существующей военной ситуации, поскольку Румыния находится в сфере русских армий, а Греция – в сфере союзного командования» [8].

30 мая 1944 г. американцы были ознакомлены с английским планом «откровенного обмена мнениями с русскими». Выдвигая свои предложения, Лондон подчёркивал Вашингтону, что речь идёт о «рабочем соглашении», вызванном необходимостью разграничения зон военных операций советских и англо-американских войск на Балканах.

Госсекретарь Хэлл выразил английскому послу в США Галифаксу несогласие с этими предложениями: «Нарушение суверенных прав других государств вначале одной державой, затем

другой; наступление на экономические, политические, военные или другие внутренние дела Балканских стран – курс весьма сомнительный. Возрастающие требования выходят за рамки продекларированных основополагающих принципов политики наших государств. Если исключить ваше предложение, то ни со стороны советского правительства, ни с вашей не будет создано прецедента, чтобы одни управляли, а другие правительства были управляемыми» [9].

Хэлл не желал дробления Европы на зоны влияния. Это противоречило идее содружества всех государств. Если абстрагироваться от идеалистической риторики, то в реакции государственного секретаря был и вполне прагматичный расчёт. Он выступил против договорённостей, которые, во-первых, носили двухсторонний характер, ставя под сомнение союзное единство (Соединённые Штаты были поставлены в известность только по требованию Советского Союза); и, во-вторых, создавали препятствия для участия США в послевоенном восстановлении балканского региона.

31 мая Черчилль послал личное сообщение Рузвельту, уверяя, что соглашение с русскими не станет «разделом Балкан на сферы влияния» и действовать оно будет «только во время войны» [10]. Президент не отвечал. Этим, по-видимому, он демонстрировал своё недовольство попыткой разграничения районов военных операций союзников, которое приведёт к установлению зон контроля.

Вместо этого не оправдавшего себя метода сохранения мира Рузвельт стремился к созданию действенного механизма, при котором все государства будут сообща регулировать возникающие локальные конфликты для предотвращения новой мировой войны. «Американцы, – по словам исследователя Э. Беннета, – предпочитали систему коллективной безопасности, которая исключала необходимость подобного рода баланса сил» [11].

Позиция, занятая Рузвельтом и государственным секретарём, подтверждалась выводами Госдепартамента, что «Соединённые Штаты не могут поддержать любое подобное соглашение и должны делать всё, что в их силах, чтобы помешать его достижению. Мы можем понять естественное желание англичан усилить их позиции на Средиземноморье путём уничтожения причин трений с русскими на Балканах, но считаем, что предложенное соглашение, кажущееся временным, неизбежно приведёт к установлению сфер влияния, против которых мы решительно боремся» [12].

8 июня лорд Галифакс вновь передал Хэллу и его заместителю Эдварду Стеттиниусу послание Черчилля от 31 мая. Его содержание свидетель-

ствовало, что британский премьер намеревался добиться от Москвы широких договорённостей, касавшихся не только Греции и Румынии, но также Югославии и Болгарии [13]. Оценивая меморандум Черчилля, госсекретарь К. Хэлл подчеркнул: «Важность этой телеграммы заключалась в том, что в ней в переговоры вводились две новые страны, до настоящего времени не упоминавшиеся англичанами – Болгария, с которой будет иметь дело Россия, и Югославия, с которой будет иметь дело Великобритания» [14].

10 июня Рузвельт ответил премьер-министру. Президент предложил создать консультативный аппарат, подчеркнув, что военные вопросы, несомненно, повлекут за собой вопросы политические и экономические, а это приведёт к разделу сфер влияния. Перспектива создания трёхсторонней консультативной комиссии мало устраивала Черчилля, поэтому он попытался заверить главу Белого дома в «трёхмесячном испытательном сроке» договорённостей с русскими, после чего «вопрос должен был быть пересмотрен тремя державами». 12 июня Рузвельт согласился с последним предложением английского коллеги, отметив: «Мы должны ясно показать, что не устанавливаем никаких послевоенных сфер влияния» [15].

Президент уступил британскому премьеру, воспользовавшись отсутствием государственного секретаря в Вашингтоне и не поставив в известность Госдепартамент. В своих «Воспоминаниях» Хэлл пишет: «Когда поступила телеграмма от Черчилля, я отдыхал в течение нескольких дней в Херши, штат Пенсильвания. Президент не проконсультировался со мной и не сообщил в Государственный департамент о своём ответе». Не зная о согласии Рузвельта, 12 и 17 июня государственный секретарь отправил в Форин Офис телеграммы, выражавшие неодобрение английских предложений, а 22 числа разослал американским дипломатам в Лондоне и Каире предупреждающий меморандум.

Суть обоих посланий сводилась к идее, озвученной президентом ранее: «военный контроль приведёт к контролю политическому». Вашингтон предлагал «создать необходимые механизмы для откровенных консультаций относительно Балканского региона и таким образом направить политику союзных правительств по линии сотрудничества взамен независимых действий. Мы особо заинтересованы в этом в настоящее время, когда предпринимаются все усилия для создания основ более широкой системы общей безопасности, в которой будут участвовать все страны, как большие, так и малые. Договоренности, ведущие к установлению сфер влияния, препятствуют учреждению и эффективному функционированию такой системы» [16].

В конце июня информация о президентской уступке просочилась к госсекретарю. Посол при греческом и югославском эмигрантских правительствах Л. Маквей 26 июня телеграфировал в Госдепартамент, что его английский коллега упомянул о согласии американского правительства с условием, что договорённости будут пересмотрены через три месяца. Хэлл свидетельствует: «Эта телеграмма была первым намёком на президентское решение 12 июня. Я написал президенту письмо, к которому приложил копию телеграммы посла Маквея, спрашивая его, произошли ли какие-нибудь изменения в позиции, занимаемой нами. Президент ответил 30 июня, просто пересказав содержание переписки между ним и Черчиллем по этому вопросу» [17].

«Этот шаг не означал, что Соединённые Штаты санкционировали послевоенные сферы влияния, но прекрасно показал, как легко президент принимал ответственные решения в отсутствие Хэлла», – заметил Ирвин Геллман в книге «Секретные дела» [18]. Государственный секретарь был недоволен поступком президента. 11 июля во время беседы с послом Маквеем он сказал, что согласие на трёхмесячный период – это ошибка не Государственного департамента, и намекнул на Белый дом [19]. Изменить что-либо было уже поздно, осталась лишь возможность в очередной раз подчеркнуть исключительно испытательный характер трёхмесячного соглашения [20].

Получив от англичан ответ, раскрывающий позицию Вашингтона, 1 июля советское правительство решило самостоятельно выяснить точку зрения США. 15 июля Госдепартамент вынужден был подтвердить американское согласие с английскими предложениями, акцентировав внимание на условиях, предъявленных Рузвельтом [21]. В результате американского давления англо-советские переговоры не завершились разделом сфер влияния на Балканах, как того хотел Лондон. Результатом уступки президента стало лишь разграничение сфер военных операций, поставленное по настоянию Вашингтона в рамки трёхмесячного испытательного срока [22].

Вскоре СССР начал реализацию достигнутых договорённостей. Советская военная операция в Румынии была стремительной – с 20 августа по 22 сентября. В результате к началу октября ситуация на Балканах радикально изменилась: Красная Армия освободила Болгарию, вступила в Югославию и готовилась к наступлению в Венгрии, а положение в Греции было далеко не таким, как хотелось бы Лондону. Это заставило Черчилля предпринять новую попытку договориться со Сталиным и лично приехать в Москву.

Понимая последствия намерений Черчилля, президент 4 октября, накануне московской встречи, отправил советскому лидеру следующее по-

слание: «Я полагаю, что вы понимаете – в этой мировой войне нет ни одного вопроса, военного или политического, в котором Соединённые Штаты не были бы заинтересованы. Я твёрдо уверен, что мы втроем, и только втроем, можем найти решение вопросов, до сих пор не решённых. Исходя из этой уверенности, я, понимая желание м-ра Черчилля, между тем предпочитаю рассматривать ваши предстоящие переговоры как предварительные перед нашей трёхсторонней встречей, которая может состояться сразу же после выборов, которыми я сейчас занят. При условии, что Вы и премьер-министр согласитесь, я предлагаю, чтобы наш посол в Москве участвовал в наступающей конференции как мой наблюдатель. М-р Гарриман, естественно, не уполномочен представлять своё правительство» [23]. Реплика президента, что посол не является представителем, а наделён лишь статусом наблюдателя, свидетельствовала о том, что Рузвельт пытался предотвратить заключение любого соглашения, принятого лишь двумя из трёх держав Большой тройки, объявлением о его нелегитимности в силу несоответствия принципам союзнического единства.

Оценивая результаты октябрьской встречи английского премьера со Сталиным, Хэлл писал: «Дальнейшие события полностью подтвердили наши предчувствия, англо-русские договоренности были достигнуты в результате президентских уступок. Когда премьер-министр Черчилль и министр иностранных дел Иден приехали в Москву в октябре 1944 г., они расширили договоренности ещё дальше, до определения процентов степени влияния... Позже русские использовали это, заявляя, что в соответствии с соглашением Англия и Соединенные Штаты признали часть Балкан, включая Румынию и Болгарию, советской сферой влияния. Это утверждение имело неблагоприятное воздействие на конференцию в Ялте. Если бы мы воспротивились достижению англо-русского согласия, возможно, мы избежали бы некоторых наших более поздних трудностей на Балканах» [24].

Таким образом, англо-советский диалог мая – июня явился первой частью переговорного процесса по Балканам, завершившегося в октябре 1944 г. Уже в мае в английских предложениях помимо Румынии и Греции также фигурировали Болгария и Югославия [25]. На первом этапе – в конце весны – начале лета 1944 г. – речь шла о разграничении на трёхмесячный испытательный срок зон военных операций советских войск и войск западных союзников. По меньшей мере, в такие рамки стремились поставить предлагаемое англичанами соглашение американцы. В сентябре 1944 г. Красная Армия освободила Румынию и Болгарию, вступила в Югославию, а 6 октября – в Венгрию. На втором этапе – осенью

1944 г. – Черчилль поспешил скорректировать последствия военных успехов Москвы путём определения степени советского и западного влияния в балканских государствах, что явилось попыткой раздела сфер влияния.

В целом США не были против «намерения договориться с русскими». Именно этому были подчинены все конференции антигитлеровской коалиции. Но цели Лондона и Вашингтона различались коренным образом. Англичане стремились к разграничению с русскими военно-политического влияния, чтобы сохранить, хотя бы отчасти, своё положение на юго-востоке Европы. Американцы не желали восстановления действия принципа «баланса сил», показывая неприятие и моральное осуждение любых попыток такого «разграничения», тем более за их спиной. Хотя действия Советского Союза далеко не всегда отвечали принципам Атлантической хартии, сотрудники Госдепартамента, в частности из Отдела южноевропейской политики, были более обеспокоены английскими намерениями. Лондон стремился к восстановлению влияния ослабевшей Британской империи, что наталкивалось на советские интересы и приводило к усилению старой длительной англо-русской борьбы на Балканах. Хуже всего, по мнению американских дипломатов, было то, что англичане могли внушить Москве ложное впечатление, что Вашингтон использует Лондон для установления американского влияния в регионе.

Хэлл подчеркивал в своих мемуарах: «Я был решительно против любого раздела Европы и категорично выступал против этого ещё на Московской конференции. Создание зон влияния неизбежно приведёт к новому конфликту. Такое разделение опровергает идею создания международной организации безопасности. Я никогда не верил и не верю сейчас в идеи баланса сил или сфер влияния как в способы сохранения мира. Ещё во время Первой мировой войны я осознал их несправедливые последствия и сформировал своё абсолютное неприятие этих идей» [26].

Слова государственного секретаря отражали принципиальное отношение к данной проблеме официального Вашингтона. Главная задача, по мнению президента Рузвельта и его окружения, заключалась в подписании всеми союзниками документов, предусматривающих статус и объём полномочий союзных войск, освобождающих оккупированные страны, а также процедуру самоопределения освобождённых государств. Всё это соответствовало принципам «свободно выраженного желания народов», «уважения прав всех народов на выбор формы правления», «суверенитета» и «самоуправления», которыми американская дипломатия оперировала в течение всей войны.

Подобная либеральная риторика Соединённых Штатов не была выражением американского бессилия. Наоборот, с помощью принципов, изложенных ещё в Атлантической хартии, Вашингтон, обладавший огромным финансово-экономическим потенциалом, стремился к обеспечению своих интересов в послевоенном мире. Англо-советские переговоры мая – июня 1944 г. о разграничении зон военной ответственности неизбежно вели к разделу сфер влияния, что уже через четыре месяца подтвердил октябрьский визит Черчилля в Москву. Всё это создавало препятствия для участия США в восстановлении освобождаемого балканского региона и вызывало объективно обусловленное противодействие американской дипломатии.

Усилия английского премьера не сдержали продвижение Красной Армии на юго-востоке Европы. Они лишней раз подогревали опасения Сталина о стремлении англичан создать из Греции и других балканских стран новый «санитарный кордон» против СССР и тем самым давали Кремлю основания стремиться к установлению в странах Восточной Европы просоветских режимов. Рузвельт же не стал защищать на Балканах интересы слабеющей Британской империи, обеспечив Соединённым Штатам возможность стать лидером англосаксонского мира после войны.

Чтобы оценить роль американского фактора в англо-американском переговорном процессе по Балканам, необходимо ответить на вопрос: зачем Москва потребовала от англичан проинформировать об их предложении официальный Вашингтон?

Конечно, Сталин дорожил союзным единством, особенно накануне долгожданного открытия второго фронта на Балканах. Заключение соглашения за спиной у американцев не могло не оставить неприятного осадка в отношениях Кремля и Белого дома. Однако предыдущая история показывает, что советский лидер далеко не всегда проявлял подобную щепетильность в международных делах, тем более что сам Черчилль, судя по английским инициативам, не особо опасался ухудшения англо-американских отношений.

Если обратить внимание на даты посланий, то становится очевидным, что в отличие от немедленных английских сообщений русские и американские ответы Лондону запаздывали на неделю-две. Вынуждая британцев ознакомить Вашингтон с ходом переговоров, Москва намеренно затягивала переговоры. Время работало на неё – советские войска начали освобождение Юго-Восточной Европы от фашизма. В мае – июне 1944 г. СССР в отличие от Англии был меньше заинтересован в том, чтобы определить, кто будет «играть ведущую роль в румынских делах». На тот момент открытие второго фронта на северо-западе Франции уже становилось реальностью и Стали-

ну было известно, что крупной операции западных союзников на юге Балкан не будет. Румыния находилась на пути Красной Армии к Берлину, что в случае успеха советских войск без всяких договорённостей позволяло Москве диктовать свои «правила игры» в этой стране. В условиях вступления советских войск в Румынию никакие операции британских агентов не могли привести к установлению в этой стране английского влияния. Поэтому апелляция советской стороны к Вашингтону была, не в последнюю очередь, обусловлена уверенностью в негативном характере американской реакции и стремлением выиграть время с целью получения «свободы рук» для максимального продвижения Красной Армии.

История не терпит сослагательного наклонения, но вполне очевидно, что если бы уже в мае-июне Черчилль предложил Сталину в процентах распределить степень советского и западного влияния в балканских странах, англичане вряд ли уступили русским 50% влияния в Югославии и Венгрии и целых 75% в Болгарии. Иное дело – октябрь 1944 г., когда советские войска контролировали Румынию, Болгарию, северную часть Югославии и начали наступление на Венгрию, а англо-американские части находились лишь в Греции, и крупная операция западных союзников на Балканах была исключена. Определённо, ситуация стремительно менялась в пользу Москвы и не последнюю роль в затягивании инициированных англичанами переговоров в начале лета 1944 г. сыграл американский фактор.

Примечания

1. Советский Союз на международных конференциях в период Великой Отечественной войны, 1941–1945: сборник документов. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). М., 1984. С. 43, 65, 162.
2. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. N. Y., 1948. P. 1298; Московская конференция... С. 176.
3. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1314–1315.
4. Печатнов В. О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 185.
5. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 238–239; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: док. и материалы. Т. II. М., 1983. С. 127.
6. Калинин А. А., Юнгблюд В. Т. Греция в американо-британских отношениях в 1939–1945 гг. Киров, 2009. С. 183–193; Калинин А. А. Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.
7. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной вой-

ны 1941–1945 гг. Т. I. С. 238–239; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Т. II. С. 127.

8. Секретная переписка Рузвельта с Черчиллем в период войны / под ред. Ф. Л. Лоуэнхейма и др. М., 1995. С. 570–571.

9. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1451–1452; *Stettinius E. Roosevelt and the Russians*. The Yalta Conference. N. Y., 1949. P. 10–12.

10. Foreign Relation of the United States. Diplomatic Papers. [Далее – FRUS.] 1944. Vol. V: The Near East, South Asia, and Africa. The Far East. Wash., 1965. P. 112–114.

11. *Bennett E. FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945*. Wilmington, 1990. P. 174.

12. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1453.

13. FRUS. 1944. Vol. V. P. 124–125; Churchill & Roosevelt. Vol. III. P. 200–201; The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1453–1454.

14. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1454.

15. Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence / ed. by W. Kimball. Vol. III. L., 1984. P. 177, 178–180, 182; FRUS. 1944. Vol. V. P. 117–118, 118–119, 120–121, 123–127; The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1454–1455.

16. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1455; *King F. The New Internationalism. Allied Policy and the European Peace. 1939–1945*. L., 1973. P. 72.

17. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1456.

18. *Gellman I. Secret Affairs: Franklin Roosevelt, Cordell Hull, and Sumner Welles*. Baltimore, 1995. P. 353.

19. *Ambassador MacVeagh Reports: Greece, 1933–1947* / ed. by J. Iatrides. Princeton, 1980. P. 568.

20. De Santis, H. The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980. P. 117.

21. FRUS. 1944. Vol. V. P. 128–129, 130–131; The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1457–1458.

22. *Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought*. Princeton, 1967. P. 339–343; *McNeill W. America, Britain and Russia Their Cooperation and Conflict, 1941–1946*. L., 1953. P. 422–425; *Roberts W. Tito, Mihailovic and the Allies. 1941–1945*. New Brunswick, 1973. P. 240–243; *Burns J. Roosevelt: The Soldier of Freedom*. N. Y., 1970. P. 484; *Kolko G. The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945*. N. Y., 1968. P. 142; *The Realignment of Europe* / ed. by A. and V. Toynebee. L., 1955. P. 286.

23. *Harriman A. & Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946*. N. Y., 1975. P. 354; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. С. 161; *Bennett E. FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945*. Wilmington, 1990. P. 135; *Parkinson R. A Day's March Nearer Home. The War History from Alamein to VE Day*. N. Y., 1974. P. 389.

24. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1458–1459.

25. FRUS. 1944. Vol. V. P. 124–125; Churchill & Roosevelt. Vol. III. P. 200–201; The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1453–1454.

26. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II. P. 1452–1453.

УДК 94(495+470+73)"1945/1946"

А. А. Калинин

У ИСТОКОВ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ГРЕЦИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ДЕРЖАВ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦ В 1945–1946 гг.*

В статье рассматриваются противоречия СССР, США и Великобритании по поводу Греции в 1945–1946 гг. Существенное внимание уделено отношению держав Большой тройки к внутривнутриполитическим процессам в Греции, включая самоопределение греческого народа, проблему сохранения монархии и определения послевоенных границ. Показано, что к началу 1946 г. в отношениях великих держав появляются признаки холодной войны.

The article considers the contradictions of the USSR, the USA and the United Kingdom concerning Greece in 1945–1946. The author paid considerable attention to the attitude of the "Big Three" to internal political processes in Greece, such as self-determination of the Greek people, the problem of preserving the monarchy and determining the post-war borders. It is shown that by the beginning of 1946 in the relations of great powers there are signs of cold war.

Ключевые слова: США, Великобритания, СССР, Греция, Вторая мировая война, послевоенное урегулирование, Додеканезские острова, холодная война.

Keywords: the United States, the United Kingdom, the USSR, Greece, the Second World War, the postwar settlement, the Dodecanese Islands, the Cold War.

В 1945–1946 гг. оформляются контуры нового послевоенного порядка. Всего за год характер отношений союзников по антигитлеровской коалиции заметно изменился. Если Ялтинская конференция (4–11 февраля 1945 г.) стала апогеем сотрудничества держав, то всего через год, 22 февраля 1946 г. американский поверенный в Москве Дж. Кеннан отправляет в Вашингтон свою знаменитую «длинную телеграмму», в которой говорилось о «маниакальном» стремлении Москвы к экспансии. Возникает вопрос: что произошло за этот год? Почему за столь короткий срок в отношениях держав-победительниц образовалась трещина?

В настоящей статье автор обращается за ответом на этот вопрос к анализу взаимоотношений держав-победительниц по поводу Греции. На Балканах пересекались интересы Великобритании и Советского Союза, также здесь усиливаются позиции Соединенных Штатов. Греция стала своего рода полигоном по отработке методов удержания европейских стран в орбите влияния

* Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, государственный контракт № П656 от 10.08.2009 г.

западных держав. Противоречия СССР и западных держав по Греции стали одним из симптомов распада антигитлеровской коалиции и генезиса холодной войны.

В отечественной историографии политика великих держав в отношении Греции в 1945–1946 гг. изучалась Н. Д. Смирновой, А. М. Некричем, а также затрагивалась в работах Ар. А. Улуяна [1]. В западной историографии борьбу великих держав за Грецию еще в 1960-х гг. исследовал греческий историк С. Ксайдис [2]. Американскую политику в Греции изучали Дж. Иатридес, М. Амен и Л. Уиттнер [3], британскую – Э. Баркер, Дж. Александер и Х. Рихтер [4]. Американскую и британскую политику в Греции исследовала А. Каралекас [5], отношения США и Великобритании по поводу Греции – Р. Фрейзер [6], советскую политику – П. Ставракис [7].

Внутриполитическая и экономическая ситуация в Греции в начале 1945 г. оставалась очень напряженной. В декабре 1944 г. произошла очередная вспышка конфликта, которую западные историки именуют «вторым раундом» гражданской войны. Попыткой урегулирования конфликта стало заключение Варкизского соглашения от 12 февраля 1945 г. В соответствии с ним отряды Национальной народно-освободительной армии (ЭЛАС), которую контролировали греческие коммунисты, обязывались разоружиться и самораспуститься. Греческое правительство обещало амнистировать политических заключенных, очистить полицию и армию от лиц, которые сотрудничали с оккупантами, провести плебисцит и выборы [8]. Фактически же правительства Н. Пластираса и П. Вулгариса не выполняли достигнутое соглашение и, главное, не смогли воспрепятствовать наводнению государственного аппарата крайне правыми элементами.

В начале 1945 г. англичане стремились сохранить довоенные доминирующие позиции в Греции. В еженедельном отчете Управления стратегических служб (УСС) по ситуации в Греции от 29 марта 1945 г. подчеркивалось, что главная цель англичан в Греции заключается в создании устойчивого правительства, которое будет пользоваться общественной поддержкой и формироваться конституционными методами. Американские разведчики не считали, что Лондон работает на возвращение непопулярного греческого короля Георгиоса II. Но одновременно в документе констатировался факт усиления позиций правых сил в Греции, которые действительно намереваются вернуть к власти короля. Эти силы настроены открыто антисоветски и распространяют слухи о том, что англичане находятся в Греции с целью противодействия Советскому Союзу и могут рассчитывать в этом на поддержку США. Подобного рода утверждения назывались в записке «фан-

тастическими» и «безответственными», однако признавалось их все более широкое распространение в правых кругах. Последние рассматривали события в Афинах в декабре 1944 г. как первый раунд борьбы между СССР и англосаксонскими державами. Кроме того, греческие правые предъявляют территориальные претензии к соседним государствам.

УСС отмечало, что кровавые события в Афинах заметно подорвали общественную поддержку греческих коммунистов. Прекращение гражданской войны, казалось бы, дает греческому правительству возможность проводить политику умеренности и примирения, однако оно не контролирует в полной мере ситуацию в стране. Члены левого Национально-освободительного фронта (ЭАМ) по-прежнему подвергаются дискриминации и преследованиям. При этом правые силы ожидают поддержки англичан в любом случае. Эти надежды оценивались американскими разведчиками как явно завышенные.

Греческие коммунисты, говорилось в отчете, в соответствии с Варкизским соглашением сдали далеко не все имеющееся оружие. Политика правых, в том числе отказ от преследования коллаборационистов, будет способствовать укреплению позиций левых. Все это объективно усложнит британские усилия принести внутренний мир и безопасность в Грецию [9].

В отчете от 4 июля американские разведчики вынуждены были констатировать факт дальнейшего усиления позиций правых в государственном механизме Греции, которые укрепили контроль над полицией, жандармерией, армией и Национальной гвардией. Отмечались тенденция к объединению организаций правого спектра и их склонность к использованию насилия для достижения своих целей. К «коммунистам» правые относили не только членов Коммунистической партии Греции (КПГ), но просто греков левых и даже республиканских взглядов. У англичан же в этой сложной ситуации не оказались эффективного инструментария для борьбы с правым экстремизмом. Лондон был даже готов принять военные меры с целью противодействия любой попытке организации правого путча. В целом же позиция англичан оценивалась как близорукая. Жертвы дискриминации со стороны правых будут более восприимчивы к влиянию ЭАМ и КПГ, подчеркивалось в отчете. Правый роялистский режим в Греции станет причиной внутренней политической нестабильности. Поддержка же англичанами правых даст их критикам прекрасный материал для эффективной пропаганды. Эта ситуация может использоваться с политическими целями для ослабления позиций Лондона на Балканах [10].

Соединенные Штаты в начале 1945 г. еще придерживались политики невмешательства в гречес-

кие дела. Последовательным приверженцем этого курса был президент Ф. Рузвельт.

В Москве Греция не рассматривалась как часть «пояса безопасности» страны и в целом признавалась частью западной сферы интересов, что и было зафиксировано советско-британскими договоренностями 1944 г. [11] Советский Союз был готов и дальше признавать Грецию сферой влияния западных держав, однако стремился извлечь из этого признания максимальные дивиденды. На Ялтинской конференции (4–11 февраля 1945 г.) И. В. Сталин дал понять Великобритании и США, что не собирается вмешиваться в греческие дела и критиковать британские действия в этой стране. Взамен он ожидал от западных союзников гарантии «свободы рук» для Москвы в Болгарии, Румынии и Польше [12]. Однако ни Лондон, ни Вашингтон явно не были готовы к подобной сделке. Не случайно, что вскоре советская позиция по Греции начинает претерпевать изменения. Со второй половины февраля 1945 г. в советской прессе вновь начинает появляться критика действий пробританского правительства в Греции [13].

В течение 1945 г. критика британской политики в Греции в советской прессе нарастала, что вызывало все большую озабоченность в Лондоне. Летом 1945 г. становится заметным охлаждение в отношениях СССР и Великобритании по поводу Греции. 6 июня британский посол А. К. Керр обратил внимание главы НКВД В. М. Молотова на то, что греческий регент и премьер-министр Греции не получили ответов на свои телеграммы по случаю капитуляции Германии, зато ответ И. В. Сталина, опубликованный в советской печати, был направлен лидеру ЭАМ М. Парцалидису. Керр писал, что такая акция может создать впечатление разлада между советским и британским правительствами, «что без сомнения будет нежелательно как для советского правительства, так и для моего правительства» [14].

Через месяц, 6 июля, в новом письме В. М. Молотову А. К. Керр обращал внимание на беспокойство британского правительства «в связи с критикой, которой было разрешено появиться в советской печати... не только в отношении греческого правительства и британской политики в Греции, но также в отношении поведения генерала Скоби [командующий британскими войсками в Греции. – А. К.] и британских войск в этой стране». Керр настаивал на том, чтобы «необоснованная и предумышленная критика политики моего правительства и действий британских войск в этой стране... была прекращена» [15]. Москва отвергла британские претензии [16].

Одним из важнейших вопросов, которым занимались как английские, так и американские дипломаты, явилась организация в освобожден-

ной Греции выборов и плебисцита по «королевскому вопросу», которые были предусмотрены Варкизским соглашением. Этим соглашением, а также Ялтинскими договоренностями предусматривалось участие США, Великобритании и СССР в наблюдении за выборами.

Уже на Ялтинской конференции И. В. Сталин дал понять, что не собирается направлять советских наблюдателей в Грецию. В письме Сталину от 28 апреля Черчилль уверял, что единственной целью англичан в Греции является «восстановление нормального положения вещей как можно скорее и проведение справедливых и свободных выборов» [17]. В послании от 4 мая советский лидер сообщил англичанам об отказе СССР участвовать в комиссии по наблюдению за греческими выборами [18].

У Вашингтона и Лондона подходы к урегулированию внутривосточного кризиса в Греции также несколько различались. США дали согласие на американское участие в наблюдении, но настаивали на проведении выборов раньше плебисцита [19]. К Потсдамской конференции американцами был подготовлен меморандум, в котором говорилось, что после проведения выборов демократически избранное правительство примерно через 6 месяцев должно провести плебисцит по «королевскому вопросу». Отказ советской стороны от участия в наблюдении за греческими выборами был воспринят как нежелание допускать аналогичные формы контроля «в так называемой советской сфере» в странах Восточной Европы [20]. Черчилль не согласился с американским предложением о проведении выборов раньше плебисцита [21].

20 июля советская делегация на Потсдамской конференции в связи с тем, что в Греции отсутствует порядок, не соблюдается закон, а также осуществляется террор против демократических элементов, выступила с предложением «рекомендовать греческому регенту немедленно принять меры к образованию демократического правительства в духе соглашения, заключенного в Варкизе 12 февраля 1945 г.» [22] Британский МИД расценил документ как «удивительный» и не согласился с утверждением, что в Румынии и Болгарии имел место «должный порядок» и правительствам этих стран «доверяло население» [23]. Лондон пришел к выводу, что советское правительство бросает вызов английской политике создания сильных и независимых Греции и Турции, дружественных Великобритании, а также пытается усилить своего клиента Болгарию [24].

Изменение советской позиции по Греции не осталось незамеченным американскими дипломатами. Летом 1945 г. американский посол в СССР А. Гарриман писал своему коллеге Л. Маквею, послу Вашингтона в Греции: «...Кремль не может

пройти мимо ситуации в Греции... Греция может быть использована как британский плацдарм на Балканах... даже если Советский Союз получит контроль над проливами, греческие острова в Эгейском море будут все еще создавать преграду на пути к открытому Средиземноморью» [25].

Госдепартамент 20 августа официально объявил, что Соединенные Штаты направят комиссию для наблюдения за греческими выборами [26]. В ноте на имя В. М. Молотова выражалось сожаление по поводу отказа Москвы принять участие в наблюдении и надежда, что «Советское Правительство займет дружественную позицию в отношении выполнения этих обязательств его тремя союзниками» [27]. В ответ было обнародовано сообщение ТАСС от 24 августа, в котором говорилось, что практика контроля национальных выборов «нарушает принципы демократизма и ущемляет суверенитет той страны, где хотят применить названный контроль» [28].

Под давлением американцев новый английский министр иностранных дел Э. Бевин пересмотрел прежнюю позицию Лондона и 11 августа проинформировал Вашингтон, что согласен на проведение выборов раньше плебисцита. Американский и британский послы должны были «под большим секретом» сообщить об изменении позиции великих держав греческому правительству. Глава Форин Офиса подчеркивал, что иностранные наблюдатели должны присутствовать как на выборах, так и на референдуме [29]. Направить своих наблюдателей на греческие выборы также согласилась Франция [30].

16 августа Бевин дал указание британскому послу в Греции Р. Липеру пригласить регента архиепископа Дамаскиноса в Лондон в первые дни сентября. Проведение в эти дни Совещания министров иностранных дел давало возможность организовать встречу архиепископа и госсекретаря Дж. Бирнса и «получить поддержку правительства Соединенных Штатов нашей греческой политики» [31].

В речи в Палате общин 20 августа Э. Бевин высказался в поддержку правительства П. Вулгариса и выразил надежду, что оно продолжит исполнение служебных обязанностей до выборов, которые следовало провести как можно скорее [32]. В тот же день Госдепартамент объявил о направлении Соединенными Штатами комиссии для наблюдения за греческими выборами [33].

9 сентября архиепископ Дамаскинос прибыл в Лондон. Англичане решили исключить возможность какого-либо участия делегатов СССР в переговорах с регентом. Состоялись переговоры регента с британскими и американскими дипломатами. Дамаскинос предложил провести выборы в самое ближайшее время, а плебисцит отложить на три года [34].

В сентябре Советское правительство потребовало рассмотрения положения в Греции Советом министров иностранных дел. В докладной записке об исполнении Варкизского соглашения, подготовленной заведующим отделом Балканских стран НКВД А. А. Лаврищевым к Лондонской сессии СМВД, говорилось о многочисленных фактах нарушения греческим правительством подписанного соглашения: налеты на редакции газет ЭАМ, запрещение митингов, налеты банд хитосов на здания, где размещаются профсоюзы, и т. д. Приводились выдержки из интервью лейбориста лорда Фарингдона, который говорил, что «сохранение правительства Вулгариса является настоящим скандалом. Это правительство опирается лишь на незначительное монархическое меньшинство и его существование представляет собой явное нарушение ятинского решения... Наблюдение за выборами не может быть гарантией их подлинности, поскольку правительство и государственный аппарат находятся в руках монархистов». Также цитировалось заявление ЦК ЭАМ о том, что в сложившихся в Греции условиях «любая международная комиссия с самой доброй волей не может предотвратить фальсификации, подготовленной всей террористической системой» [35].

О проблемах, затронутых в докладной записке Лаврищева, говорилось в «Меморандуме о положении в Греции» от 11 сентября 1945 г., который на следующий день был вручен Молотовым главам делегаций США, Великобритании, Китая и Франции. В документе отмечалось: «...внутриполитическое положение страны продолжает оставаться чрезвычайно напряженным, чреватым тяжелыми последствиями как для греческого народа, так и для мира и безопасности соседних с Грецией стран». В меморандуме утверждалось, что «при теперешнем положении в Греции наблюдатели не смогут обеспечить свободное волеизъявление греческого народа на выборах», они «послужат лишь прикрытием того ненормального положения, которое создано нынешним греческим правительством, нарушившим Варкизское соглашение от 12 февраля 1945 года...» [36].

При этом советская сторона активно использовала ситуацию в Греции как контраргумент, когда западные страны подвергали критике ее политику в странах Восточной Европы, особенно в Румынии и Болгарии [37]. Как отмечает Г. А. Агафонова, советской делегации на сессии СМВД в соответствии с решением ЦК ВКП(б) было предписано в случае, если встанет вопрос о смене правительства в Болгарии, следует настаивать прежде всего на смене правительства в Греции [38]. США и Великобритания отвергали советские обвинения. По поводу Греции на шест-

надцатой встрече СМВД 21 сентября глава Форин Офиса Бевин подчеркнул, что в Греции не было никакой цензуры, а британское правительство вместе с американским и французским намерено помочь провести демократические выборы, которые будут свободными, со свободой слова и прессы и наблюдением со стороны трех держав. Бирнс в отношении Румынии высказал надежду, что Москва не будет стремиться создать правительство, дружественное одному Советскому Союзу и им контролируемое [39].

Новое британское правительство придерживалось мнения, что англичане должны по-прежнему вмешиваться в дела греков. Однако в Форин Офисе теперь считали, что это вмешательство не должно быть слишком явным. Дамаскинос же настаивал на публичном заявлении англичан о необходимости отсрочки плебисцита, что должно было усилить его позиции в борьбе с роялистами. Только 19 сентября Бевин согласился принять солидарную ответственность с американцами за задержку плебисцита. Соответствующее объявление было выпущено одновременно в Лондоне и Вашингтоне на следующий день. В нем говорилось, что британское и американское правительства желают, чтобы выборы были проведены в самый ранний момент, предпочтительно до конца 1945 г. И только после установления стабильности следовало провести плебисцит [40].

Американский посол в Греции по просьбе англичан был проинструктирован провести переговоры с греческими политиками с целью побудить их к сотрудничеству во время выборов [41]. «Убеждали» всех, кроме коммунистов и их союзников [42].

20 октября президент Г. Трумэн назначил Г. Грейди, бывшего помощника госсекретаря (с 1939 по 1941 г.), руководителем специальной американской миссии по наблюдению за греческими выборами в ранге посла [43]. 14 января 1946 г. Госдепартамент выпустил пресс-релиз о направлении миссии по наблюдению за греческими выборами и ее составе. Гражданский штат миссии состоял примерно из 80 человек, военный – из 500 человек [44].

Греческий вопрос затрагивался на Московском совещании министров иностранных дел в декабре 1945 г. В инструкции для британской делегации «Политика в отношении Румынии и Болгарии» от 12 декабря говорилось, что стратегические позиции Великобритании в Греции и на Ближнем Востоке требуют, чтобы Болгария не была «только инструментом советской внешней политики». В документе говорилось о беспокойстве в Греции и Турции по поводу присутствия советских войск в Румынии и Болгарии [45].

Документ касался и судьбы «процентного соглашения» Черчилля и Сталина. В инструкции

говорилось: «Советское правительство вспомнит, что во время обсуждений, которые имели место в Москве в октябре 1944 г., британское правительство согласилось, что советские интересы в Румынии и Венгрии существенно превосходили британские интересы. Эти интересы были выражены в процентах. Одновременно советское правительство согласилось, что правительство Его Величества имело преобладающий интерес в греческих делах. Поразмыслив, Правительство Его Величества полагает, что “процентные соглашения” были неудовлетворительны, так как было исключительно трудно применить их к специфическим вопросам. Однако британское правительство намеревалось толковать их с максимально возможной строгостью. Оно полагало, что в соответствии с этими соглашениями оно отстранено от любой инициативы в политическом развитии Румынии, Болгарии и Венгрии». При этом подчеркивалось, что «Правительство Его Величества выполнило свою часть соглашения так же тщательно, как советское правительство выполнило соглашение в отношении Греции». Лондон теперь считал, что ялтинская Декларация об освобожденной Европе «заменила Московское соглашение предыдущего года» [46].

На совещании советская сторона выступила с требованием вывести британские войска с территории Греции. В соответствующем меморандуме говорилось о том, что пребывание британских войск превратилось «в ряде случаев в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране, нередко используемое реакционными элементами против демократических сил...». В документе подчеркивался факт невыполнения Варкизского соглашения [47]. Делегация СССР предложила внести данный вопрос в повестку дня. Во время первой встречи министров иностранных дел 16 декабря Бевин выступил решительно против советского предложения. Москва энергично связывала вопрос о выводе британских войск из Греции с вопросом о выводе советских войск из Ирана. В итоге было принято решение не включать в повестку дня вопросы о выводе войск союзников из Китая, Индонезии, Ирана и Греции, эти вопросы могли рассматриваться в ходе неофициального обмена мнениями [48].

17 декабря в резиденции американского посла в Москве состоялась встреча американской и британской делегаций. Обсуждалась советская политика. Э. Бевин сказал, что политика Москвы его очень тревожит, выглядит так, что «русские пытаются подорвать британские позиции на Ближнем Востоке». К этому выводу англичане приходили на основании наблюдения за советской политикой в отношении Греции, Турции и Ирана. Глава английской дипломатии отметил, что «советское правительство держит большое количе-

ство войск в Болгарии и Венгрии, а также имеются большие национальные армии в Болгарии и Югославии». «Мир, кажется, дрейфует к положению “трех доктрин Монро”. – Продолжал Бевин, – Соединенные Штаты уже имеют свою “доктрину Монро” на американском континенте и расширили ее на Тихий океан... Россия, кажется, стремится к оформлению “доктрины Монро” в области от Балтии до Адриатики на западе до Порт-Артура или далее на востоке».

По поводу Греции Бевин отметил, что «если бы мы вывели наши войска, то результатом было бы увеличение давления со стороны советского правительства на Грецию или какой-нибудь сфабрикованный инцидент между Болгарией и Грецией. Даже если будет достигнуто соглашение о выводе советских войск из Болгарии, то угроза Греции со стороны болгарской армии останется» [49].

Во время встречи советской и британской делегаций 18 декабря вновь обсуждался греческий вопрос. Бевин отверг все обвинения Молотова. Он сказал, что гражданская война в Греции была вызвана противостоянием левых и правых экстремистов. В свою очередь, англичане прилагают усилия, чтобы как можно скорее провести выборы и создать устойчивое правительство. Бевин заверил, что выборы будут проведены не позднее апреля 1946 г. Британский министр иностранных дел также сказал, что имеются участки мира, где соприкасаются советские и британские интересы, например в Греции, Турции и Иране. Но Бевин заверил, что последнее, что он хочет, – это конфликт с Советским Союзом [50].

22 декабря 1945 г. на восьмой (неофициальной) встрече трех министров иностранных дел после того, как американцы предложили направить специальных представителей в Румынию и Болгарию, Молотов стал вновь говорить о ситуации в Греции. Он подчеркнул, что Варкизское соглашение должно быть выполнено и выборы в Греции проведены без всякого иностранного вмешательства. Избранный парламент должен сформировать новое правительство [51].

В январе 1946 г. СССР решил воспользоваться новой возможностью поставить на обсуждение греческий вопрос. 21 января Советский Союз подал формальный протест против присутствия британских войск в Греции в недавно сформированный Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН). В западной историографии давно выдвинуто предложение о причине внесения данного протеста [52]. 19 января Иран при поддержке Великобритании и США обратился в СБ ООН с жалобой на присутствие советских войск в Северном Иране. Таким образом, СССР вновь повторил тактику, уже использовавшуюся им с начала 1945 г. Пребывание британских войск

в Греции давало Москве возможность вновь и вновь использовать данный факт в своих интересах. При этом если ранее речь шла только о европейских государствах, то теперь СССР попытался использовать его, чтобы отвести критику западными державами своих действий в Иране.

Журнал «Экономист», комментируя советское предложение, отмечал, что англичане теперь «выступают в роли блестящего помощника американской дипломатии». Для Москвы «английская привычка советоваться с Вашингтоном по любому вопросу представляет собой самое зловещее свидетельство наличия англосаксонского блока». Поэтому СССР «бьет по более слабому партнеру» [53].

Советский демарш вызвал серьезное беспокойство греческого правительства. О. Сарджент призвал греков не впадать в панику и не делать никаких уступок КПГ. Британский посол в Греции Р. Липер был проинструктирован посетить премьер-министра Ф. Софулиса, а возможно, и архиепископа Дамаскиноса, с целью успокоения Афин. После этого греческий премьер заявил прессе, что «британские войска находятся в Греции с полного согласия греческого правительства» [54].

Позиция Москвы не нашла поддержки в Совете Безопасности: из 11 его членов осуждали присутствие британских войск только Советский Союз и Польша. 6 февраля Совет Безопасности согласился принять к сведению заявления, сделанные СССР, Великобританией и Грецией, а также мнения по вопросу о пребывании британских войск в Греции и считать вопрос исчерпанным. Он не был поставлен на голосование и исключен из повестки дня [55]. Достигнутый компромисс оказался очень близок к предложению постоянного представителя США при ООН Э. Стеттиниуса, который настаивал на бесперспективности дальнейшего обсуждения вопроса [56].

В течение 1945 г. заметно изменилась советская позиция по поводу помощи греческим коммунистам. Если в конце 1944 – начале 1945 гг. Москва избегала оказывать какую-либо помощь, то теперь ее позиция меняется. 23 ноября 1945 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение передать греческой компартии 100 тыс. американских долларов [57]. Распоряжением Совета министров СССР от 24 апреля 1946 г. по предложению Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) через Югославию греческим коммунистам была отправлена ротационная машина и 200 тонн газетной бумаги [58].

Важным вопросом в дипломатических контактах Советского Союза, США и Великобритании по поводу Греции стал вопрос о репарационных поставках Греции со стороны Болгарии. София и Москва взяли курс на максимальное затягивание

момента начала репарационных поставок в Грецию. Попытки англичан обратиться непосредственно к советской стороне не привели к позитивным сдвигам [59]. Свою озабоченность по поводу невыполнения Болгарией поставок в соответствии с условиями перемирия выражали и США еще в январе 1945 г. [60] Список необходимых поставок, подготовленный греческим правительством, был отвергнут СССР как необоснованный, «столь далекий от реального ущерба, причиненного Болгарией Греции, и реальных возможностей Болгарии, что едва ли был бы смысл обсуждать их в Союзной Контрольной Комиссии» [61]. Под различными предложениями Москва стремилась уменьшить размер репарационных поставок и максимально оттянуть их начало. В письме В. М. Молотову от 24 декабря 1945 г. глава Форин Офиса Э. Бевин вынужден был констатировать, что Болгария не выполняет условия перемирия, так как поставки в Грецию так и не начались. За год болгары поставили в Грецию в счет репараций «несколько старых лошадей» [62]. В декабре к советскому правительству с просьбой дать указание советскому представителю в Союзной Контрольной Комиссии в Болгарии о безотлагательном выполнении греческих требований обращались и США [63].

Однако в целом позиция Советского Союза оставалась сдержанной. Только в январе 1946 г. греческим коммунистам удалось добиться согласия советской стороны уделить их делегацию (по линии ВЦСПС), которая посетила и другие столицы держав-победительниц. Делегация была принята достаточно холодно. Молотов запретил проводить её официальную встречу и проводы [64]. Возглавил делегацию генеральный секретарь ЦК ЭАМ, член Политбюро и секретарь ЦК Коммунистической партии Греции М. Парцалидис. 19 января Парцалидиса и других членов делегации принял заведующий отделом Балканских стран НКВД А. А. Лаврищев. Парцалидис говорил, что в Греции продолжается террор против участников движения Сопротивления, а лица, сотрудничавшие с немцами, остаются в государственном аппарате. Греция, по оценке секретаря ЦК КПГ, превратилась в британский доминион. Если положение в Греции не изменится в ближайшие два-три месяца, то Парцалидис считал неизбежной гражданскую войну. Представители ЭАМ просили о встрече с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Условием участия ЭАМ в предстоящих выборах Парцалидис назвал исправление избирательных списков и прекращение террора в стране [65]. Секретарь ЦК КПГ также просил СССР оказать материальную помощь бойцам ЭЛАС в виде одежды, обуви и медикаментов [66].

Во встрече со Сталиным и Молотовым грекам было отказано [67]. С санкции Молотова в ре-

дакции газеты «Труд» 22 января была организована пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, на которой выступили представители ЭАМ [68]. Парцалидис просил проконсультировать по поводу целесообразности участия КПГ и ЭАМ в парламентских выборах и курса компартии в отношении реакционеров и англичан. Только при выезде делегации из Москвы в начале февраля ему было сказано, что, «по мнению соответствующих товарищей, компартии Греции и ЭАМ следовало бы принять участие в выборах». КПГ также рекомендовали воздержаться от курса на вооруженное восстание [69].

Так как встреча с главой советской дипломатии не состоялась, делегация передала меморандум для В. М. Молотова. В документе подчеркивалось, что главным требованием ЭАМ является установление в Греции демократического правительства «при широком участии в нем представителей движения Сопротивления». Другим требованием является вывод британских войск из страны, «пребывание которых никакими соображениями нельзя оправдать в стране, являющейся союзником победивших держав» [70]. В РГАСПИ также хранятся записки Парцалидиса «О некоторых вопросах работы коммунистической партии Греции», в которых говорилось и о подготовке греческих коммунистов «в военном отношении, организационно и технически к обороне против наступления реакции и к переходу в энергичное наступление» [71].

В феврале 1946 г. в Вашингтоне в качестве ответа на советское давление возникла идея направить с визитом в Грецию и Турцию несколько американских военных кораблей. Госсекретарь Дж. Бирнс и министр военно-морского флота США Дж. Форрестол считали, что этот жест «окажет поддержку Турции и Греции» [72]. 10 апреля 1946 г. в порт Пирей прибыл американский линкор «Миссури» в сопровождении крейсера «Провиденс», эсминца «Пауэр» и турецкого контрминоносца «Аижа». Прибывший на борту «Миссури» адмирал Хьюитт посетил регента, греческого премьер-министра и некоторых министров [73].

19 января 1946 г. американский посол в Греции Л. Маквей направил госсекретарю копию отчета помощника военного атташе посольства капитана У. Макнила, в котором давался анализ политической ситуации в Греции. В документе подчеркивалось, что греческое правительство удерживает власть преимущественно благодаря присутствию британских войск и обучаемой англичанами полиции и жандармерии, а также армии. Макнил выступил в поддержку идеи «авторитарного» правительства Греции, которое будет опираться на поддержку сильной полиции и армии. Греческое правительство, созданное по

результатам выборов, считал помощник военного атташе, скорее всего, окажется нежизнеспособным перед лицом парламента, резко разделенного между правыми и левыми. В этом случае, вероятнее всего установление левой диктатуры в стране, что будет означать попадание Греции под влияние Советского Союза. Маквей считал, что идею относительно установления в Греции диктатуры с целью недопущения прихода к власти левых «особенно стоит иметь в виду» [74].

Внутриполитическая ситуация в Греции в преддверии выборов оставалась крайне напряженной. II пленум ЦК КПГ, состоявшийся в феврале 1946 г., вопреки рекомендации Москвы принял решение бойкотировать выборы. Результаты выборов коммунисты считали изначально сфальсифицированными.

Как отмечает А. Уитнер, Ф. Софулис, которому было уже 83 года, не смог эффективно управлять страной в условиях резкой политической поляризации. Правительство Софулиса оказалось неспособно обуздать правых. Левые и большая часть центристов в этой ситуации потребовали отложить выборы. Это требование было поддержано Софулисом, который обратился с таким предложением к англичанам. Греческий премьер отмечал, что «психологическое давление и насилие» со стороны правых делает невозможным «настоящее выражение желания народа» [75].

Лондон высказался против переноса даты выборов на более поздний срок [76]. Отказ левых партий участвовать в выборах англичане не расценивали как достаточное основание для их переноса. В послании Э. Бевина греческому премьеру от 7 марта выдвигалось предположение, что отказ левых участвовать в выборах связан с их недостаточной поддержкой избирателями. По расчетам англичан, они могли собрать не более трети голосов [77]. Лондон считал, что отсрочка выборов на два месяца приведет только к дальнейшему ухудшению внутриполитической ситуации в стране, усилит напряженность в отношениях между крайне правыми и крайне левыми. Экономическая ситуация в Греции еще больше ухудшится. Англичане призывали своих американских коллег принять участие в убеждении греческого правительства придерживаться назначенной даты 31 марта [78]. Соединенные Штаты в целом разделяли эту позицию [79].

Советский посол в Греции К. К. Родионов предсказывал серьезные беспорядки в Греции в случае проведения выборов 31 марта [80]. Г. Грейди сообщил в Вашингтон, что коммунисты, требуя отсрочки выборов на 2 месяца, надеются за это время усилить свои позиции [81].

19 марта госсекретарь Дж. Бирнс выступил в прессе с заявлением о желательности проведе-

ния свободных выборов 31 марта. Любая отсрочка выборов, считал Вашингтон, окажет негативное влияние на состояние греческой экономики [82].

Позиция Лондона и Вашингтона, безусловно, повлияла на решение греческого премьер-министра Ф. Софулиса провести выборы в ранее назначенный срок. Об окончательном решении провести выборы 31 марта Г. Грейди сообщил в Госдепартамент 23 марта [83].

Выборы состоялись 31 марта и закончились победой правых сил. Наибольшее количество голосов собрала правая роялистская Народная партия, которая получила 206 мест в парламенте из 354. Либеральная партия потерпела поражение. 11 апреля было обнародовано заявление Союзнической миссии по наблюдению за греческими выборами, в котором признавалась их законность [84].

Глава американской миссии Г. Грейди в своих мемуарах отвергает обвинения левых о массовом повторном голосовании сторонников правых партий. По расчетам Грейди, которые он приводит в мемуарах, незаконно проголосовали примерно 22 000 избирателей, что составляло 2 процента от общего числа проголосовавших [85]. Дипломат отвергает и утверждение о том, что бойкот левых партий изменил результаты выборов. Грейди пишет, что по политическим причинам в голосовании не приняли участие примерно 15 процентов избирателей [86]. В случае своего участия в выборах левые партии получили бы примерно 20–25 процентов мест в парламенте [87]. Как считает Грейди, Москва была полностью на стороне ЭАМ и надеялась, что миссия наблюдения за выборами потерпит поражение [88].

Результаты выборов, формирование по их итогам крайне правого правительства во главе с К. Цалдарисом еще более обострили противостояние левых и правых, столкновения которых все чаще стали приобретать характер вооруженной борьбы. В Греции разгоралась гражданская война.

В 1945 г. на первый план выходят проблемы территориального урегулирования. В апреле англичане уведомили США и СССР о том, что поддерживают требования греков относительно принадлежавших Италии Додеканезских островов. Лондон считал, что все острова, за исключением Кастелоризона, должны быть переданы Греции после окончания войны. Англичане предлагали немедленно начать обсуждения сопутствующих данной акции вопросов, в частности о турецком меньшинстве на этих островах. Лондон обращался с просьбой поддержать их намерения [89].

В ответном меморандуме от 27 апреля 1945 г. английское предложение было отвергнуто. В документе отмечалось, что острова должны в переходный период до окончательного мирного

урегулирования управляться союзническим (или в данном случае британским) военным правительством [90]. В инструкции послу США в СССР от 10 мая подчеркивалось, что Вашингтон выступит против «любого одностороннего действия, наносящего ущерб справедливому и аргументированному урегулированию территориальных споров» [91]. В Москве приняли решение не отвечать на просьбу Лондона поддержать его решение [92].

Летом позиция американцев по Додеканезским островам претерпела изменения. 30 августа Бальфур из Вашингтона сообщил Бевину, что американцы также склоняются к возвращению Греции Додеканезских островов [93].

В Москве в целом позитивно относились к идее передачи Греции Додеканез. В записке заместителя наркома иностранных дел СССР И. М. Майского по вопросам послевоенного устройства от 10 января 1944 г. в разделе «Балканы» говорилось, что Греция может быть восстановлена в своих старых границах и «сверх того, получить Додеканез» [94]. Однако советская сторона решила не делать «бесплатных» подарков и увязать вопрос о передаче Додеканез грекам с удовлетворением советских претензий в отношении предоставления СССР опеки над Триполитанией и аренды базы торговых кораблей на одном из Додеканезских островов. Советская делегация при обсуждении мирного договора с Италией должна была требовать установления индивидуальной опеки над Триполитанией сроком на 10 лет. В случае отказа союзников Москва была готова согласиться с идеей коллективной опеки пяти держав (США, СССР, Великобритании, Франции и Италии) при условии предоставления Советскому Союзу небольшой торговой и военной базы в одном из портов Триполитании или Киренаики [95].

Вопрос о передаче Додеканез Греции обсуждался на конференции СМВД в Лондоне. Во время третьей встречи министров иностранных дел 14 сентября обнаружилось противоречия в позициях Великобритании и США по островам. Американская делегация предложила передать Греции все Додеканезские острова, а также считала необходимой их демилитаризацию. Бевин заявил о позиции англичан, что Кастелоризон нужно передать Турции.

В. М. Молотов связал решение вопроса по Додеканезам с судьбой всех итальянских колоний и поэтому предложил отложить вопрос до обсуждения проблемы колоний. Бевин и Бирнс единым фронтом выступили против предложения Молотова, заявив, что не считают Додеканезы итальянской колонией и, по их мнению, вопрос должен был остаться в повестке дня [96].

На следующий день, 15 сентября, американская сторона разъяснила, что отказ передать один

остров Турции связан с опасениями по поводу возможных претензий СССР на один из Додеканезских островов. По мнению Вашингтона, Москва могла воспользоваться передачей Турции Кастелоризона как прецедентом для предъявления требований передать Советскому Союзу один из Додеканезских островов с целью использования его в качестве базы. Демилитаризация островов также призвана была не допустить никаких претензий Москвы. Член американской делегации Д. К. Данн высказал надежду, что в дальнейшем британская сторона не будет настаивать на передаче Кастелоризона Турции [97].

Англичане сразу же изъявили готовность пойти на уступку по вопросу о Кастелоризоне и согласились на демилитаризацию всех Додеканезских островов. Уже 17 сентября на шестой встрече министров Бевин заявил, что британская делегация отзывает свое предложение по Кастелоризону и согласна с предложением делегации США об уступке всех Додеканезских островов Греции и их демилитаризации. В положительном ключе по поводу передачи Греции островов выступили делегации Франции и Китая. Однако глава советской делегации Молотов высказался за дальнейшее изучение вопроса перед тем, как принять окончательное решение. Он отметил, что данная область представляет интерес для СССР ввиду ее близости к входу в Черное море [98].

В меморандуме Бевина от 19 сентября выдвигалось предположение, что Москва стремится получить военную базу вблизи берегов Греции. И возможно, после выборов, если в Афинах появится более уступчивое правительство, оно согласилось бы на советскую базу в качестве цены за согласие Советского Союза передать Додеканезские острова грекам. Отказ от передачи Греции островов привел бы к снижению британского престижа в этой стране и ослаблению позиций правительства Вулгариса. Опираясь на данные соображения, предлагалось «быстрое решение» проблемы. Англичанам необходимо было потребовать немедленного согласия СМВД на передачу Додеканез Греции и их демилитаризацию. Если данного результата достичь не удастся, то планировалось передать фактическое управление островами грекам, обосновывая при этом свои действия ссылками на аналогичные действия СССР по передаче части Восточной Пруссии Польше до какого-либо решения союзников и фактом, что ни одна держава, представленная в СМВД, не высказала возражений по поводу передачи Греции Додеканез. Премьер-министр К. Эттли согласился с предложениями, изложенными в меморандуме [99].

Во время беседы в советском посольстве министров иностранных дел 1 октября Бирнс вновь задал вопрос Молотову о советской позиции по

Додеканезам. Глава НКВД стал говорить о желательности передачи Триполитании и Киренаики Советскому Союзу, связывая данный шаг с торговыми интересами Москвы в Средиземноморье. Молотов предлагал передать эти области СССР в опеку на 10 лет [100]. Как пишет в своих мемуарах Ш. де Голль, «при этих словах у Бевина и Бирнса перехватило дыхание... и итальянский вопрос окончательно зашел в тупик» [101].

2 октября П. Диксон составил меморандум под названием «Русские цели и тактика». В нем английский дипломат констатировал, что Средиземноморье стало реальным объектом притязаний Москвы на Лондонской конференции. Диксон отметил стремление Москвы не допустить создание любого нового «западного блока». «Беседа госсекретаря с Молотовым 1 октября проливает дополнительный свет на скрытые русские цели», – писал дипломат. Политику СССР в Средиземноморье Диксон связывал с доминированием Великобритании в Средиземноморье, что могло рассматриваться как угроза безопасности Советского Союза [102].

В «Директивах для советской делегации на Совещании заместителей в Совете министров иностранных дел в Лондоне», утвержденных 7 января 1946 г., Политбюро ЦК ВКП(б) давало указание «обеспечить, чтобы в предварительных переговорах с греками было обусловлено, что согласие на передачу островов Додеканез может быть дано, если Советскому Союзу будет предоставлена на условиях аренды база для торговых кораблей на одном из Додеканезских островов (предпочтительно на о. Родос, на о. Стампания или Скорпанто)» [103].

9 марта 1946 г. США были проинформированы греческой стороной о недавнем визите советского посла в Греции К. К. Родионова к премьер-министру Ф. Софулису с просьбой предоставить Советскому Союзу порт для торговых судов на одном из Додеканезских островов. При этом Родионов заявил, что якобы высказывает свое «личное мнение». Несмотря на то, что в дальнейшем советский посол не упоминал о своем предложении, зондаж Родионова был воспринят греками очень серьезно и оценивался как свидетельство намерения Москвы добиваться создания советской базы на Додеканезских островах. Греция надеялась на поддержку Соединенных Штатов, Великобритании и Франции [104].

Обсуждение вопроса о Додеканезах обозначило новые тенденции в отношениях в рамках Большой тройки. Укрепились позиции американцев, англичане теперь готовы были пойти на уступки с тем, чтобы заручиться поддержкой из Вашингтона. Одновременно заметно возросли возможности Советского Союза, который стремился укрепить свои позиции в Средиземном

море. В условиях роста амбиций Москвы интересы англичан и американцев сближались, что обусловило выработку их согласованной позиции по Додеканезам.

Таким образом, политика держав Большой тройки в Греции претерпела за 1945 – начало 1946 г. серьезные изменения. Греция теперь граничила с советской сферой влияния и в случае нового гражданского противостояния КПП могла получать помощь от «дружественных» приграничных стран, что создавало реальную угрозу попадания Греции в орбиту влияния Москвы.

Серьезные трудности в Греции и, особенно, необходимость серьезных финансовых вливаний наводят Лондон на мысль о желательности вовлечения Вашингтона в греческие дела для того, чтобы он нес основную финансовую нагрузку. Англичане опасались, что вакуум силы, образующийся вследствие ослабления их возможностей, может быть заполнен Советским Союзом. С этой точки зрения США являлись «меньшим из зол». Лондон предпринял шаги, чтобы привлечь американцев к сотрудничеству.

Летом – осенью 1945 г. США окончательно расстались с политикой невмешательства во внутренние дела Греции, о чем свидетельствует согласие принять участие в наблюдении за греческими выборами и деятельность американского посла в Афинах. Приход администрации Г. Трумэна, смена руководства Госдепартамента окончательно сняли «табу» на вмешательство в греческие внутривластные проблемы.

Заметные ошибки допустило советское руководство во главе с И.В. Сталиным. В 1945 г. сохранялись определенные разногласия между Лондоном и Вашингтоном по отдельным греческим проблемам. Однако следовавшей курсом «выдержки и стойкости» Москве не удалось воспользоваться этими разногласиями, наоборот, ее недостаточно продуманные шаги привели к сближению позиций США и Великобритании. Москва не обозначила четко пределы своих притязаний. Действия советского руководства создавали у западных дипломатов впечатление об отсутствии этих пределов. Это способствовало консолидации западных союзников против Советского Союза.

Советская политика на Балканах во второй половине 1945 – начале 1946 г. оценивалась в Лондоне и Вашингтоне как экспансионистская. Важным мотивом американского вмешательства были опасения прихода к власти греческой коммунистической партии и попадания Греции в советскую сферу влияния. Международные кризисы вокруг Турции и Ирана заставляли Вашингтон думать, что советская политика в Греции есть часть хорошо проработанной стратегии прорыва Москвы в Восточное Средиземноморье и Ближ-

ний Восток. Опасения США в отношении советских планов в Греции были явно преувеличены и умело подогревались англичанами, которые стремились избавиться от части бремени по помощи своим многочисленным союзникам. Именно ситуация в Греции подтолкнула в 1947 г. американскую администрацию к провозглашению «доктрины Трумэна», которая стала одной из основ американской политики в годы холодной войны.

Примечания

1. *Смирнова Н. Д.* Политика США в Греции (1943–1945) // Новая и новейшая история (далее – НИИ). 1984. № 1. С. 44–62; *Смирнова Н. Д.* Греция в политике США и СССР 1945–1947 гг. Новые архивные документы // НИИ. 1997. № 5. С. 21–34; *Нечрич А. М.* Политика Англии в греческих делах (1941–1945 гг.) // Проблемы британской истории. 1972. М., 1972. С. 102–134; *Улуян Ар. А.* Балканы: горячий мир холодной войны. Греция и Турция между Западом и Востоком. 1945–1960 гг. М., 2001; и др.
2. *Xydis S. G.* Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963; *Xydis S. G.* America, Britain, and the USSR in the Greek Arena, 1944–1947 // Political Science Quarterly. Vol. 78. № 4 (Dec., 1963). P. 581–596; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration // American Slavic and East European Review. Vol. 20. № 1 (Feb., 1961). P. 6–24.
3. *Iatrides J. O.* Revolt in Athens: the Greek communist “second round” 1944–1945. Princeton, 1972; *Amen M.* American Foreign Policy in Greece, 1944–1949: These. Frankfurt a. M. etc., 1978; *Wittner L.* American Intervention in Greece, 1943–1949. N. Y., 1982.
4. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976; *Idem.* Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations 1941–1947 // Greece: From Resistance to Civil War / ed. by M. Sarafis. Nottigham, 1980. P. 15–31; *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947. Oxford, 1982; *Richter H.* British Intervention in Greece: From Varkiza to Civil War, Feb. 1945 to Aug. 1946. L., 1986.
5. *Karalekas A.* Britain, the U.S., and Greece, 1942–1945. N. Y.; L., 1988.
6. *Frazier R.* Anglo-American Relations with Greece. The Coming of the Cold War, 1942–1947. N. Y., 1991.
7. *Stavrakis P. J.* Moscow and Greek Communism, 1944–1949. Ithaca; L., 1989.
8. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 109–113; *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine. P. 94.
9. Greece 1940–1949: Occupation, Resistance, Civil War. A Documentary History / ed. and translated and with an Introduction by R. Clogg. Basingstoke, 2002. P. 191–193.
10. Ibid. P. 193–197.
11. См. подробнее: *Калинин А. А.* Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36; *Калинин А. А.* Великобритания, Советский Союз, Соединенные Штаты и Греция: проблема сфер влияния в 1944 г. (к вопросу предыстории «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина 9 октября 1944 г.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 2. С. 48–61; *Калинин А. А.* Отечественная и зарубежная историография «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина 9 октября 1944 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 73–85.
12. Churchill: the Struggle for Survival, 1940–1945. Taken from the Diaries of Lord Moran. Boston, 1966. P. 232–233; FRUS. 1945. Conferences at Malta and Yalta. P. 848–849; см. также: *Kunibolm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton (N. J.), 1980. P. 229; *Clemens D.* Yalta. N. Y., 1970. P. 199; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 8–9.
13. Правда. 1945. 23 фев.; 3, 5, 10 марта; 13 апр.; и т. д.
14. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 17.
15. Там же. Л. 19–20.
16. Там же. Л. 23.
17. Prime Minister’s Personal Telegram. Prime Minister to Marshall Stalin. 29.4.45 // Historical Papers: Documents from the British Archives. Churchill and Stalin: Documents from the British Archives, 1940–1953. URL: http://www.fco.gov.uk/Files/kfile/churchillstalin_68-1.pdf; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: документы и материалы: в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 367; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: в 2 т. Изд. 2-е. М., 1976. Т. 1. С. 400–407.
18. Советско-английские отношения... Т. 2. С. 374; Переписка... Т. 1. С. 410–412; см. также: *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 10–11.
19. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1945. Vol. 8. P. 132–133; FRUS. 1945. Berlin. Vol. 1. P. 656–658.
20. Ibid. P. 653–654.
21. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 1. P. 42.
22. FRUS. 1945. Berlin. Vol. 2. P. 1044; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М., 1984. С. 330–331.
23. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War: in 5 vols. L., 1976. Vol. 5. P. 483–484.
24. Ibid. P. 488.
25. Цит. по: *Батюк В. И., Евстафьев Д. Г.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М., 1995. С. 19.
26. Documents on American Foreign Relations. Vol. 8. Boston, 1947. P. 878; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 21.
27. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 14. Л. 2–3.
28. Советско-американские отношения... Т. 2. С. 492; Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: документы и материалы. Т. 3: 1 января – 3 сентября 1945 г. М., 1947. С. 492.
29. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 136–137.
30. Ibid. P. 137–138.
31. Documents on British Policy Overseas. Ser. I. Vol. VI: Eastern Europe, 1945–1946. L., 1991. P. 11.
32. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 25–26; *Leefer R.* When Greek Meets Greek. L., 1950. P. 172–173; *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine. P. 130.

33. DAFR. Vol. 8. P. 878; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 21.
34. *Richter H.* British Intervention in Greece. P. 191; *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine. P. 132.
35. АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 8. Д. 49. Л. 4–5.
36. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 156; АВП РФ Ф. 084. Оп. 33. П. 138. Д. 10. Л. 46; Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 14. Л. 5; Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 8. Д. 49. Л. 10.
37. 16 сентября во время своей беседы с Бирнсом, в процессе обсуждения ситуации в Румынии и Болгарии, В. М. Молотов обратился к положению в Греции (Советско-американские отношения. 1945–1948 / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004. С. 20–25; АВП РФ Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 11–13). 19 сентября, чтобы ответить на критику советских действий в Румынии, Молотов вновь стал говорить о Греции. Глава НКИДа обращал внимание на факт пребывания у власти в Греции недемократического правительства, которое американцы прикрывают «своей широкой спиной от критики, не мешая ему проводить террор в отношении демократических элементов. Американцы помогают англичанам в Греции» (Советско-американские отношения. 1945–1948. С. 28–33; АВП РФ Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 4. Д. 18. Л. 22–23).
38. *Агафонова Г. А.* Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война. М., 1997. С. 74.
39. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 280–281.
40. *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine. P. 135–136; *Xydis S. G.* Greece and the Yalta Declaration. P. 24.
41. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 165.
42. Ibid. P. 161–162.
43. Ibid. P. 174.
44. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 93–95; American Group To Observe Elections in Greece // The Department of State Bulletin. Vol. XIV, No. 343. January 27, 1946. P. 129–130.
45. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 699–701.
46. Ibid. P. 703.
47. АВП РФ. Ф. 0430. Оп. 2. П. 5. Д. 14. Л. 1–2.
48. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 724–725.
49. Ibid. P. 733–734.
50. Ibid. P. 748–751.
51. Ibid. P. 825–830.
52. См., например: *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine. P. 171–173.
53. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 84. Д. 33. Л. 196.
54. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. VII. The United Nations: Iran, Cold War and World Organization, 1946–1947. L., 1995. P. 20–21.
55. Совет безопасности ООН. Резолюции 1946 года. Греческий вопрос. URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/1946/res12.pdf>
56. Проект заявления, предложенный Э. Стеттиниусом 5 февраля, см.: FRUS. 1946. Vol. 7. P. 111–112.
57. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 160.
58. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 889. Л. 66; Д. 843. Л. 80–81.
59. См.: письмо от 20 марта 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 5–6. Письмо от 29 марта 1945 г.: Л. 9–10; письмо от 2 июня 1945 г.: Л. 14; письмо от 24 октября 1945 г.: Л. 28–30; письмо от 5 декабря 1945 г.: Л. 32–33.
60. АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 29. П. 167. Д. 14. Л. 1.
61. Письмо А. Я. Вышинского А. К. Керру от 15 апреля 1945 г.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 12.
62. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 35–36.
63. Там же. П. 46. Д. 722. Л. 11.
64. Там же. Оп. 8. П. 29. Д. 451. Л. 1.
65. Там же. Л. 13–16.
66. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 889. Л. 6.
67. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1186. Л. 56–60. Молотов сослался на занятость: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 35; См. также: *Улунян Ар. А.* Гражданская война в Греции и Болгария: мирный и немирный пути (1946–1949 гг.) (К постановке проблемы) // Болгария в сферата на съветските интереси. Кръгли маси “Съветският фактор в развитието на България след 9 септември 1944 година”, “Коминтерът, Коминформбюро и България”. София 21–23 април 1997 г. София, 1998. С. 140–142.
68. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. П. 29. Д. 451. Л. 8–12.
69. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1187. Л. 86.
70. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 848. Л. 5.
71. Там же. Л. 10.
72. *Wittner L. S.* Op. cit. P. 54–55.
73. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 105. Д. 121. Л. 111.
74. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 97–99.
75. *Wittner L.* Op. cit. P. 38–39.
76. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 115–116.
77. Ibid. P. 117–118.
78. Ibid. P. 124–125.
79. Об этом Дж. Бирнс сообщил в Афины 2 марта: Ibid. P. 117.
80. Ibid. P. 116.
81. Ibid. P. 118–119.
82. Ibid. P. 121–122, 126.
83. Ibid. P. 127.
84. Statement of the Allied Mission for Observing the Greek Elections. Released to the press by the White House April 11 // Department of State Bulletin. Vol. 14. № 354. April 14, 1946. P. 671–673.
85. The Memoirs of Ambassador Henry F. Grady. From the Great War to the Cold War / Ed. with an Introduction by John T. McNay. Columbia; L., 2009. P. 93–94.
86. Ibid. P. 94.
87. Ibid. P. 97.
88. Ibid. P. 87.
89. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 306–307; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 25. Д. 290. Л. 13.
90. FRUS. 1945. Vol. 8. P. 307–308.
91. Ibid. P. 307.
92. АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. П. 95. Д. 23. Л. 18.
93. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 39.
94. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1999. Т. 1. С. 31, 41.
95. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 7.
96. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 156.
97. Ibid. P. 171.
98. Ibid. P. 196.
99. Ibid. P. 247–248.
100. Ibid. P. 454.
101. *Голль III. де.* Военные мемуары: Спасение 1944–1946. М., 2004. С. 248.

102. Documents on British Policy Overseas. Ser. 1. Vol. 2. P. 473–474.

103. PГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 7.

104. FRUS. 1946. Vol. 7. P. 119–120.

УДК 94 (73)“1939/1945”

Д. В. Ильин

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СЕНАТОР Р. ТАФТ И ЕГО ВЗГЛЯДЫ (1939–1945 гг.)

В статье рассмотрены внешнеполитические взгляды сенатора-республиканца Роберта Тафта в период Второй мировой войны. Особое внимание автор уделил развитию идей изоляционизма применительно к послевоенному планированию.

It is considered the Robert Taft's views on foreign affairs during World War II in the article. The author paid special attention to the development of isolationism ideas with respect to the postwar planning.

Ключевые слова: Р. Тафт, Конгресс США, изоляционизм, Вторая мировая война, Республиканская партия

Keywords: R. Taft, U.S. Congress, isolationism, World War II, The Republican Party.

Личность сенатора-республиканца от штата Огайо Роберта Альфонсо Тафта (1889–1953 гг.), очевидно, не входит в число крупнейших персонажей американской истории, таких, как Д. Вашингтон, А. Линкольн, Ф. Рузвельт. Однако именно такие фигуры «второго эшелона», как Тафт, не принадлежащие к мейнстриму американского политического процесса, являются носителями альтернативных идей и концепций, без которых невозможно представить историю Соединённых Штатов на любом её этапе.

В советской историографии Тафт рассматривался как закоренелый консерватор, изоляционист и антикоммунист. Традиционно его имя ассоциировалось (и ассоциируется до сих пор) с антистачечным законом Тафта – Хартли 1947 г. [1] Американские историки, не отрицая консервативной природы внутри- и внешнеполитических взглядов сына 27-го президента США У. Тафта, смещали акценты в сторону идейно-политической перестройки Республиканской партии в тот период, когда Тафт-младший возглавлял в Сенате консервативную коалицию республиканцев и южан-демократов [2]. На современном этапе

в отечественной историографии взгляды Тафта были рассмотрены в контексте развития идей экономического национализма [3].

В течение своей сенатской карьеры (январь 1939 – июль 1953 г.) Тафт имел репутацию «домашнего» политика. Он был мало причастен к рутинным законодательным процедурам при рассмотрении вопросов внешней политики, никогда не был членом профильного сенатского комитета или других сенатских структур, тесно связанных с внешнеполитической деятельностью. Сам сенатор никогда не скрывал, что вопросы налогообложения, кредитно-финансовой политики, трудовых отношений ему ближе, чем проблемы мировой политики. В тесном кругу Тафт даже позволял себе иронизировать над теми сенаторами, которые приобрели известность исключительно за счёт выступлений по международной тематике [4].

Тем не менее сказанное выше ничуть не умаляет значимости взглядов сенатора на внешнюю политику Соединённых Штатов. Во-первых, историческое время, в котором жил Тафт, никому не позволяло игнорировать проблемы международных отношений. В публичных выступлениях и частных письмах он с показательной регулярностью затрагивал эти вопросы. Во-вторых, сенатор удивительно быстро снискал уважение и авторитет среди коллег не столько из-за громкой фамилии, сколько благодаря своему ораторскому таланту, несгибаемой принципиальности и крайне дотошному подходу к любой проблеме, рассматриваемой законодателями. Журналист А. Друри в конце 1943 г. отмечал в своём дневнике, что Тафт «принадлежит к числу трёх-четырёх наиболее влиятельных людей в Сенате Соединённых Штатов» [5]. Демократ Т. Коннэлли, которого сложно было заподозрить в особых симпатиях к «великой старой партии», признавал, что Тафт «точнее, чем кто-либо ещё в его время, выражал взгляды республиканцев в Сенате» [6].

С первых дней своего появления на Капитолийском холме Тафт сразу же обозначил свое негативное отношение к внешнеполитическому курсу президента Ф. Рузвельта, а также к тому, что этот курс реализуется без оглядки на мнение парламентариев [7]. Изоляционизм Тафта был в значительной степени продиктован соображениями внутривнутриполитического характера. По мнению сенатора, втягивание Америки в европейскую войну было чревато нарушением конституционных свобод американцев, узурпацией власти президентом и «установлением социалистической диктатуры, ликвидировать которую после окончания войны будет уже невозможно» [8].

Тафт критически относился к европейской политике с её непрекращающимися территори-

* Статья подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., государственный контракт № 14.740.11.0659 от 12 октября 2010 г.

альными спорами и войнами, с постоянно заключаемыми и разрываемыми военными союзами. Эти европейские «болезни» он считал неизлечимыми: «Европейские склоки бесконечны. Там, где смешение народов столь беспорядочно, невозможно провести границы, не создав меньшинства, которые будут постоянным источником разногласий» [9]. Полагая, что задача Соединённых Штатов в условиях надвигающейся войны – укреплять свою собственную оборону, которая на протяжении десятилетий базировалась на географической отдаленности и изолированности от Европы, сенатор призывал не «уподобляться Дон Кихоту», защищая идеалы демократии в других странах от «ветряных мельниц фашизма» [10].

Свою позицию Тафт обосновывал и с точки зрения экономических выгод. Тезис об угрозе торговым интересам США в Европе в случае победы Гитлера он считал крайне неубедительным. Война между Англией и Германией рано или поздно закончится и тогда, по мнению расчётливого представителя Огайо, США смогут осуществлять торговые операции и с теми и с другими. Возможные потери американской торговли от европейской войны в размере 500 млн долларов в глазах Тафта не стоили вмешательства в чужой конфликт [11].

После начала войны в Европе рационализм Тафта обусловил поддержку им движения в пользу пересмотра законодательства о нейтралитете. Он открыто поддерживал отмену эмбарго на поставки оружия при строжайшем соблюдении принципа «плати и вези». Господство английских и французских кораблей в Атлантике Тафта несколько не смущало. Поставки вооружений на чисто коммерческой основе без вовлечения граждан США в процесс транспортировки формально не нарушали американский нейтралитет. «Если мы не обеспечим поставки оружия [Англии и Франции], то это сделает кто-то другой», – цинично заметил сенатор в своем выступлении в Миннеаполисе 6 сентября 1939 г. [12]

В течение первых месяцев войны сенатор поддерживал мероприятия администрации, направленные на укрепление американских вооружённых сил. При его участии Сенат одобрил Закон о национальной обороне, Билль о «флоте двух океанов», санкционировал увеличение численности регулярной армии и Национальной гвардии [13]. В вопросе о способах увеличения численности вооружённых сил позиции Тафта и администрации разошлись. Тафт полагал, что введение обязательной воинской повинности нецелесообразно в условиях, когда США не являются воюющей стороной, и что для обеспечения национальной обороны ставку следует делать не на большую сухопутную армию, а на мощный флот, который на тот момент комплектовался только

из добровольцев [14]. Однако доводы Тафта не были услышаны большинством.

В конце 1940 г. перед американским руководством встал вопрос о расширении помощи Великобритании, которая к тому моменту в одиночку вела борьбу против Гитлера. Тафт принципиально не возражал против оказания помощи Лондону «в той степени, которая не вовлечёт нас в войну» [15]. Однако предложенный Белым домом проект ленд-лиза сенатор посчитал неприемлемым ни с военной, ни с политической точек зрения. Во-первых, он противоречил положениям Закона о нейтралитете 1939 г., запрещавшим применение американских судов для транспортировки оружия, и создавал условия для провокаций со стороны немецких субмарин. Во-вторых, Тафт настаивал на чрезмерно широком объёме полномочий президента, который позволял Рузвельту «сдавать в аренду, одалживать, продавать или просто отдать весь военно-морской флот за исключением личного состава». Сама мысль о передаче оружия в аренду с последующим возвратом в его представлении была абсурдом. «Передача займы вооружений подобна одалживанию жевательной резинки», – с нескрываемым сарказмом отмечал он. В-третьих, с введением ленд-лиза Рузвельт де-факто получал право в обход Конституции объявлять войну без согласия Конгресса [16].

Экономическая сторона проекта администрации также была подвергнута Тафтом критике. Крайне неопределённые условия возврата ленд-лиза создавали все предпосылки к тому, чтобы «превратить Дядюшку Сэма в самого лучшего и самого большого Санта-Клауса, которого когда-либо видел мир». Предоставление британцам крупных долгосрочных кредитов для приобретения американского оружия практичный и осторожный сенатор считал более эффективным и намного более безопасным способом оказания помощи союзникам Америки [17].

Несмотря на отчаянное сопротивление оппозиции в обеих палатах Конгресса, проект закона о ленд-лизе с минимальными поправками был принят Конгрессом и вступил в силу после подписания его Рузвельтом 11 марта 1941 г. [18] Принципиально новое содержание борьба вокруг ленд-лиза приобрела после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Выступление Тафта в эфире CBS 25 июня под общим заголовком «Россия и четыре свободы» стало своеобразной квинтэссенцией изоляционистского подхода как к сотрудничеству с Советским Союзом, так и к американской внешней политике в целом.

По мнению Тафта, вступление России в войну наглядно показало абсурдность утверждений о том, что мировая война является войной де-

мократий против тоталитаризма. Противостояние идеологий – «лживая пропаганда, которой кормят американский народ», поскольку с идеологической точки зрения между коммунизмом и нацизмом нет разницы. «Из полной неразберихи, которая сейчас творится в Европе, американцы могут сделать только один вывод: эти столкновения – исключительно европейские, от которых нам следует держаться подальше», – утверждал Тафт. Теоретически он допускал возможность военного столкновения Америки и гитлеровского режима через несколько лет, но особо подчеркивал, что в этом случае нацистский режим должен быть сломлен исключительно американскими силами [19].

Тафт не ограничился традиционными изоляционистскими рецептами. Специфика его подхода заключалась в том, что одновременно он считал достаточно реальным установление скорого мира в Европе путём переговоров. Факт вторжения немецких войск в Россию, по мнению сенатора, свидетельствовал о том, что Гитлер оставил мысль завоевать Британские острова и связывает отныне будущее Германии только с континентальной Европой, но не с господством на морях. А это, в свою очередь, создавало условия для мирного соглашения между ведущей морской державой (т. е. Великобританией) и главной силой на континенте – Третьим рейхом. Тафт призывал не подталкивать Англию к миру на условиях, выгодных Германии, но и не препятствовать соглашению между двумя государствами, если в Лондоне пожелают пойти на такую сделку [20].

Схема, предложенная Тафтом, произвольно вызывает аналогии с Мюнхенскими соглашениями 1938 г., не столько содержанием, сколько своей философией – компромисс двух сторон за счёт третьей. В данном случае Англия и Германия разделили бы между собой господство над Восточным полушарием при молчаливом участии Соединённых Штатов, контролирующих Западное полушарие. Сохранение СССР как великой державы такой план, очевидно, не предусматривал. «Прожект» Тафта совершенно не учитывал последствия предполагаемого полного военного разгрома Советского Союза. Ни Тафт, ни другие противники оказания военной помощи Советскому Союзу не могли хотя бы с маленькой толикой уверенности спрогнозировать действия Гитлера в том случае, если к нему в руки попадут материальные и человеческие ресурсы советского государства.

Осенью 1941 г. среди большинства коллег Тафта возобладал рационализм иного толка. По своим политическим и экономическим стандартам Советская Россия оставалась для сенаторов и конгрессменов чуждой страной, но в то же

время – единственной, способной вести успешную борьбу с Гитлером. В октябре 1941 г. Конгресс выделил ассигнования на финансирование поставок грузов ленд-лиза в Россию. В ноябре законодатели отменили положения Закона о нейтралитете 1939 г. В обоих случаях Тафт голосовал против, и в обеих же случаях он и его единомышленники оказывались в меньшинстве [21].

Философия невмешательства, которой придерживались Тафт, А. Ванденберг, Д. Най, Б. Уиллер и другие известные сенаторы, потерпела полный крах 7 декабря 1941 г., когда японские ВВС атаковали Пёрл-Харбор. Однако можно ли считать это концом американского изоляционизма? Нам представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным, поскольку термины «изоляционизм» и «нейтралитет» (пусть даже в чисто военном понимании) не являются тождественными. Парадигма, подразумевающая примат американских военных, политических и экономических интересов при минимально возможном уровне обязательств США и максимальной свободе рук на международной арене, формировалась десятилетиями и не могла исчезнуть в одночасье. После Пёрл-Харбора встал иной вопрос: как эта парадигма интегрируется в реалии послевоенного времени?

Для республиканцев поиски ответа на этот вопрос были сопряжены с решением другой важной задачи – идейно-политической самоидентификации партии. Для таких известных апологетов политики невмешательства, как Тафт, Ванденберг, Ч. Макнери и некоторых других, афиширование своих изоляционистских взглядов теперь было равносильно политическому самоубийству. Но в то же время резкая смена позиции давала бы повод оппонентам для обвинений в беспринципности и приспособленчестве [22]. У лидеров «великой старой партии» оставался только один вариант действий – продвижение идеи сотрудничества партий в условиях войны. 11 декабря Макнери на заседании Сената огласил резолюцию общего собрания членов фракции республиканцев, автором проекта которой был Тафт [23]. Резолюция обещала президенту «единогласную поддержку решительного и эффективного ведения войны» и была с одобрением встречена лидером демократов А. Баркли [24].

Однако идиллия сотрудничества, порождённая шоком Пёрл-Харбора, просуществовала недолго. Уже 19 декабря Тафт в публичной речи сформулировал концепцию «ответственной критики» президента со стороны оппозиции в условиях войны. Избрав умеренно-атакующий стиль, сенатор потребовал допустить профильные комитеты Конгресса к расследованию катастрофы Пёрл-Харбора и в то же время настаивал на том, что дискуссия между изоляционистами и их оп-

понентами должна быть отложена, а прошлые различия – забыты [25].

Как бы то ни было, взаимные нападки республиканцев и демократов не приобрели ожесточённого характера. Лидеры республиканцев переключились на выработку единого подхода к проблемам послевоенного мира. В условиях войны Тафт стал более лоялен идее международного сотрудничества и одобрял участие США в некоем аналоге Лиги Наций, однако любые конкретные обязательства считал преждевременными. Особо он подчёркивал, что американская ответственность не должна распространяться на поддержание порядка в послевоенной Европе [26].

Схема «сотрудничество без обязательств» была положена Тафтом в основу проекта резолюции о послевоенном мире на съезде Национального комитета республиканцев в Чикаго в апреле 1942 г. Умеренно-консервативный проект сенатора из Огайо конкурировал с резолюцией У. Уилки, предусматривавшей полномасштабное международное сотрудничество, и краткой сентенцией сенатора У. Брукса, призывавшей к войне до победного конца и незыблемости двухпартийной системы. НК принял компромиссное решение: итоговое постановление содержало туманное обещание, что «ответственность нации не будет ограничиваться территорией Соединённых Штатов» [27].

В ходе начавшихся весной 1943 г. в Конгрессе дискуссий о послевоенном мире Тафт конкретизировал свои взгляды на международное сотрудничество. 7 апреля он выступил по радио с большой речью, посвящённой резолюции группы В₂-Н₂ [28]. Лидер консервативного крыла Конгресса поддержал подход президента Рузвельта, который ратовал за урегулирование территориальных вопросов только после достижения полной победы над врагом. Более того, Тафт полагал, что создавать международную организацию по поддержанию безопасности следует после справедливого решения экономических и территориальных проблем, а на время переходного периода, который, по расчётам сенатора, мог продлиться до 5 лет, Большая тройка приняла бы на себя ответственность за поддержание мира. Функционирование новой «лиги» должно было осуществляться на принципах регионализма – только такая схема обеспечивала столь желанное для Тафта минимальное вмешательство Соединённых Штатов в европейские дела [29].

Особо Тафт подчёркивал необходимость реалистичного подхода к международным проблемам, то есть того, чего, по его мнению, так не хватало Америке в годы Первой мировой войны. Соединённым Штатам не следует уподобляться крестоносцу, с войной несущему в другие государства идеалы демократии, в противном случае

США должны признать право Советского Союза на аналогичный «крестовый поход по навязыванию коммунизма остальному миру». «Едиственный эффективный способ, которым мы можем распространить “четыре свободы” по миру – это сила нашего собственного примера», – убеждал слушателей сенатор [30].

Тафтовский реализм, по его собственному убеждению, не имел ничего общего с концепцией У. Липпмана, который в основе нового мироустройства видел постоянный военный союз США, Великобритании и, возможно, СССР [31]. Схема Липпмана базировалась на подавляющем военном доминировании трёх великих держав над остальным миром. Тафт предлагал поставить во главу угла доминирование принципов международного права, которые во всех спорных ситуациях трактовал бы международный суд, и уже потом применялись бы военные санкции. Именно благодаря сенатору из Огайо в сентябре 1943 г. в резолюции съезда республиканцев на о. Макинак, одобрявшей «ответственное участие Соединённых Штатов в послевоенной организации сотрудничества», вместо упоминания системы коллективной безопасности появилась ссылка на «организованное правосудие» [32].

Двойственность подхода Тафта к проблеме международного сотрудничества наглядно проявилась в ходе дебатов по резолюции Коннэлли [33] осенью 1943 г. Раскритиковав предложенную Уилки концепцию мирового федеративного государства за идеализм и нежизнеспособность, а также подход Липпмана за империализм, сенатор с готовностью поддержал резолюцию за то, что та выражала идею международной организации, но не содержала в себе ровно никакой конкретики [34]. 5 ноября 1943 г. за резолюцию вместе с Тафтом проголосовали такие известные приверженцы изоляционизма, как Б. Кларк, Д. Най, Ч. Макнери [35].

К процессу разработки и кулуарного обсуждения американских планов создания ООН, которые активно шли в 1944 – начале 1945 г., Тафт по понятным причинам привлечён не был. Результаты этого планирования, равно как и отношения держав Большой тройки, вызывали у него серьёзные нарекания. В июне 1944 г. в ходе очередного радиовыступления сенатор подверг серьёзной критике внешнюю политику Рузвельта за потворствование империалистическим планам Великобритании и, особенно, Советского Союза. Тафт полагал, что решение конкретных проблем (польский вопрос, судьба Прибалтики, Голландской Ост-Индии, Гонконга) намного важнее теоретических рассуждений о новой международной организации. Урегулирование этих вопросов методами Сталина и Черчилля превратило бы деятельность этой новой организации в фикцию.

Он осудил практику безоговорочной помощи Москве на фоне нарастающего кома проблем в Европе: «Наша внешняя политика основана на идеалистическом убеждении, что мистер Сталин превратится в ангела и добровольно сделает все то, на чём мы должны были настаивать с самого начала, прежде чем посылать грузы ленд-лиза» [36].

Тафт не прекращал поддерживать идею американского участия в организации безопасности, что демонстрировал не только в личных письмах, но и в СМИ [37]. Однако некоторые основополагающие элементы будущей ООН, ставшие известными после конференции в Думбартон-Оксе, он с трудом мог вписать в своё видение послевоенного мира. Право вето великих держав, по его мнению, «девальвировало само предназначение “Лиги”». В течение 20 лет после окончания войны расклад сил в мире будет таков, что начать агрессию сможет только кто-то из 4 великих держав. Но поскольку СССР, США, Великобритания и Китай смогут заблокировать применение санкций против себя, предотвращение агрессии будет невозможно [38]. Использование Соединёнными Штатами права вето для того, чтобы не дать втянуть себя в реализацию империалистических планов Советского Союза, оставалось единственным фактором, примирившим сенатора со спорным положением [39].

Устав ООН был ратифицирован Сенатом 28 июля 1945 г. с редкостным для этого органа единодушием. В числе 89 сенаторов, подавших голоса в пользу ратификации, был и Тафт [40]. Важнейший вопрос – о порядке контроля за деятельностью американского представителя в ООН – был вынесен за рамки ратификации. Проблему надлежало решить отдельным законом, который Конгресс рассмотрел в конце 1945 г. Парламентский контроль за работой американского представителя был едва ли не последним шансом для изоляционистов минимизировать объём внешнеполитических обязательств США. По мнению Тафта, проблема отпала бы сама собой, если бы ООН базировалась на верховенстве права, а не на вооружённой силе. В сложившихся условиях Тафт упорно требовал максимально ограничить свободу действий американского делегата. Но в итоге был принят проект администрации, не предусматривавший контроля Конгресса, что сказалось уже летом 1950 г., когда разразилась полномасштабная война, и по решению Г. Трумэна американские войска были направлены на помощь южанам [41].

Воззрения Тафта на экономические аспекты планирования послевоенного мира представляют особый интерес, поскольку данная сфера была ему особенно близка и здесь он вполне мог чувствовать себя экспертом.

Ориентируясь на опыт межвоенного периода, лидер республиканцев полагал, что без «справедливого экономического базиса», обеспечивающего государствам равный доступ к сырьевым ресурсам и рынкам товаров, все политические конструкции по поддержанию мира будут несостоятельны. На Версальской конференции 1919 г. экономические факторы были отброшены в сторону во имя абстрактного идеала национального самоопределения. Возникшие в Восточной Европе государства оказались экономически слабы, что и породило постоянные трения между ними. Вслед за Г. Гувером и Х. Гибсоном Тафт видел решение проблемы в установлении государственных границ в соответствии с «естественными экономическими зонами», что обеспечило бы экономическую самодостаточность и политическую стабильность государств Европы. Другим важным компонентом экономической интеграции он считал минимизацию торговых барьеров путем создания таможенных союзов между государствами-победителями, чьи экономики были тесно связаны друг с другом [42].

Консерватизм Тафта очень ярко проявился именно в сфере кредитно-финансовых отношений. В июле 1944 г. участниками антигитлеровской коалиции в Бреттон-Вудсе были подписаны соглашения о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития. Так были заложены основы финансовой системы послевоенного мира. Уставный капитал фонда размером 8,8 млрд долларов планировалось использовать для стабилизации обменных курсов национальных валют. В задачи банка, уставный капитал которого составил 9,1 млрд долларов, входило долгосрочное кредитование государств-членов и выдача банковских гарантий для частных инвестиций [43].

Участие Соединённых Штатов в международных финансовых институтах сенатор допускал только для консультаций и обсуждения проблем. При решении вопросов кредитования и валютных курсов Америке следовало во что бы то ни стало обеспечить свободу рук. Предложенная в Бреттон-Вудсе схема по своей неэффективности напоминала консервативному сенатору «сливание денег в канализационную трубу», столь характерное для внутренних проектов «нового курса», с той лишь разницей, что участие в международных финансовых институтах, с его точки зрения, вообще не несло никакой выгоды американцам [44].

Тафт настаивал на том, что стабилизации валют тех стран, чья экономика была разрушена войной, должно предшествовать восстановление нормального функционирования промышленности и торговли. Для этих целей наиболее оптимальным вариантом он считал прямые американские кредиты на «приемлемых для нас условиях». Отправной

же точкой стабилизации обменных курсов должно было стать двухстороннее американо-британское соглашение, устанавливающее курсы доллара и фунта, а вовсе не создание МВФ. Практику подобных двухсторонних соглашений Тафт предлагал распространить на весь остальной мир [45].

Возврат американских денег, выделенных по линии МБРР на нужды восстановления, представлялся ему маловероятным. Дальнейшие перспективы виделись Тафту мрачными: отказ иностранных заёмщиков от выплаты по долгам приведёт к падению американского производства, ориентированного на экспорт, это вызовет рост безработицы, новый виток промышленного спада и вполне сможет спровоцировать глубокий кризис [46]. Усиленная же работа печатного станка, направленная на спасение иностранных валют, не породит ничего, кроме инфляции в самих Соединённых Штатах [47].

В июле 1945 г. в ходе дебатов по Бреттон-Вудским соглашениям Тафт пустил в ход весь свой арсенал аргументов: неэффективность расходования средств, отсутствие прямых американских выгод, узурпация полномочий Конгресса по ассигнованию денежных средств, подрыв стимулов иностранных государств к самостоятельной нормализации экономической жизни. Поправки, снижающие объём американских финансовых обязательств, следовали одна за другой [48]. Однако экономический национализм Тафта объективно не соответствовал реалиям послевоенной экономики, которую уже немислимо было представить без определяющей роли Соединённых Штатов. Вопреки мнению неисправимого экономического националиста, и фонд и банк обладали механизмами, обеспечивающими доминирующую позицию США и препятствующими неэффективному расходованию денежных средств [49]. 19 июля Сенат с ощутимым перевесом (61 голос против 16) ратифицировал Бреттон-Вудские соглашения без серьёзных поправок. Тафт не терял оптимизма, полагая, что в не столь отдалённом будущем американцам надоест тратить миллиарды долларов на зарубежную помощь [50].

Подытоживая развитие взглядов лидера консервативного крыла Конгресса на мировую политику и экономику в критические годы Второй мировой войны, отметим красноречивый факт. В годы торжества интернационалистских идей Тафт продолжал активно отстаивать свои изоляционистские взгляды, однако не потерял место среди высшей политической элиты США (что случилось с Д. Наем, Б. Кларком, Г. Фишем после поражения на выборах 1944 г.) и не был оттеснён на обочину политической жизни (что произошло с Р. Ла Фоллетом-младшим) [51]. Более того, уже после своей смерти Тафт был признан специальной сенатской комиссией под руковод-

ством Д. Кеннеди одним из пяти наиболее выдающихся сенаторов Америки, и его парадный портрет украсил Зал приёмов американского Сената [52].

В чем же причина политической непотопляемости Тафта? Очевидно, свою роль сыграли те его качества (ораторский талант, принципиальность, смелость, известная фамилия), которые обеспечили быстрое выдвижение Тафта на лидирующие позиции в партии и Конгрессе в 1939–1941 гг. Также следует отметить благоприятную экономическую конъюнктуру военных и послевоенных лет, благодаря которой политическая жизнь США дала значительный «крен» вправо, создав условия для реабилитации идей консерватизма. Наконец, применительно к внешнеполитической сфере крайне важным фактором стала политическая гибкость Тафта, обусловленная эклектичностью воззрений сенатора на внешнюю политику. Как никто другой, он сочетал в своих взглядах расчётливость и даже цинизм в экономических вопросах с идеалистическими, почти вильсонистскими, требованиями доминирования принципов международного права над военной силой, а свободу действий США на международной арене – с поддержкой ООН. Однако доминантой его политической деятельности и до войны и после оставался американизм, подразумевавший верховенство экономических и политических интересов Америки по отношению ко всему остальному миру. Временами американизм сенатора мешал ему со всей необходимой адекватностью оценивать происходящие в мире перемены. Однако именно благодаря преданности интересам своей страны имя Роберта Тафта заняло далеко не последнее место в истории Соединённых Штатов.

Примечания

1. *Лан В. И.* США в военные и послевоенные годы (1940–1960 гг.). М., 1978. С. 40, 42–44, 107, 243, 252; *История США*. Т. 3. С. 335; Т. 4. С. 29–32, 103.
2. *White W. S.* The Taft Story. N. Y., 1954; *Patterson J. Mr. Republican: Biography of Robert A. Taft*. N. Y., 1972; *Darilek R.* A Loyal Opposition in Time of War. Westport; L., 1976; *Wunderlin C.* Robert A. Taft: Ideas, Tradition, and Party in U.S. Foreign Policy. N. Y., 2005; *Matthews G.* Robert A. Taft, the Constitution and American Foreign Policy, 1939–1945 // *Journal of Contemporary History*. 1944. Vol. 17. № 3. P. 507–522.
3. *Юнгблуд В. Т.* Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 гг. Киров, 1998. С. 215–221.
3. *White W.* Op. cit. P. 145.
5. *Drury A.* A Senate Journal. 1943–1945. N. Y., 1963. P. 30.
6. *Connally T.* My Name Is Tom Connally. N. Y., 1954. P. 311.
7. *Congressional Record. Proceedings and Debates of 76th Congress* (далее – CR). Vol. 84. P. A1698.
8. *Ibid.* P. A253.
9. CR. Vol. 86. P. A1218.

10. CR. Vol. 84. P. A253.
11. CR. Vol. 86. P. A2557 – 2559, A3178.
12. The Papers of Robert A. Taft (далее – PRAT) / ed. by C. Wunderlin. Vol. 2. 1939–1944. Kent, 2001. P. 72.
13. Wunderlin C. Op. cit. P. 56.
14. PRAT. Vol. 2. P. 578.
15. Ibid. P. 211.
16. Ibid. P. 226–229.
17. Ibid. P. 227–228.
18. Kimball W. The Most Unsordid Act. Baltimore, 1969. P. 219–220.
19. PRAT. Vol. 2. P. 255–256.
20. Ibid. P. 256.
21. CR. Vol. 87. P. 8200, 8680.
22. О метаморфозах воззрений Ванденберга на внешнюю политику США в условиях войны см.: Ильин Д. В. Эволюция внешнеполитических взглядов сенатора А. Ванденберга в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 123. С. 39–44.
23. Darilek R. Op. cit. P. 23.
24. CR. Vol. 87. P. 9650.
25. Darilek R. Op. cit. P. 28.
26. PRAT. Vol. 2. P. 364.
27. Darilek R. Op. cit. P. 44–45.
28. Резолюция группы четырёх сенаторов (Д. Бола, Д. Бёртона, К. Хэтча и Л. Хилла), представленная в верхней палате Конгресса в марте 1943 г., предусматривала скорейшее создание международной организации, наделённой широкими полномочиями как в области экономики, так и в сфере безопасности, включая применение вооруженной силы против агрессора (CR. Vol. 89. P. 2030).
29. Patterson J. Op. cit. P. 287.
30. Ibid. P. 287–288.
31. Подробнее о взглядах Липпмана см.: Юнзблюд В. Т. Указ. соч. С. 125–140; Печатнов О. В. Уолтер Липпман и пути Америки. М., 1994. Гл. 1, 2.
32. Patterson J. Op. cit. P. 290.
33. Принятая 5 ноября 1943 г. резолюция Коннэлли носила весьма умеренный характер, ограничиваясь призывом к участию Соединённых Штатов в «международной организации, уполномоченной предупредить агрессию и охранять всеобщий мир» (CR. Vol. 89. P. 8620)
34. CR. Vol. 89. P. 9097–9101.
35. Ibid. P. 9221–9222.
36. PRAT. Vol. 2. P. 554.
37. Vital Speeches of the Day. Vol. 10. June 1, 1944. P. 492–495.
38. PRAT. Vol. 2. P. 605.
39. CR. Vol. 91. P. 8152.
40. Ibid. P. 8190.
41. Ibid. P. 11401–11409.
42. PRAT. Vol. 2. P. 449.
43. Patterson O. Op. cit. P. 292.
44. PRAT. Vol. 2. P. 557.
45. Ibid.
46. CR. Vol. 91. P. A220.
47. Ibid. P. 3218.
48. Ibid. P. 7439–7443, 7771–7774, 7828. Острые на язык вашингтонские журналисты даже шутили, что буква А в инициалах Тафта означает amendment (поправка). (Patterson J. Op. cit. P. 266.)
49. Буддс Р. Бреттон-Вудская конференция Объединённых наций в 1944 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 48.

50. PRAT. Vol. 3. Kent, 2003. P. 61.

51. Cole W. Roosevelt and Isolationists. 1932–1945. Lincoln; L., 1983. P. 546–549.

52. U. S. Senate. Art&History Home / Historical Minutes / 1941–1963 / Famous Five. URL: http://www.senate.gov/artandhistory/history/minute/The_Famous_Five.htm

УДК 94(73+560)“1920/1930”

И. В. Смольняк

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ АМЕРИКАНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются основные этапы американо-турецких отношений до начала Второй мировой войны. Особое внимание уделяется вопросам единства и расхождения американской и турецкой дипломатии по различным международным проблемам. Автор делает вывод о совпадении позиций, занимаемых дипломатами двух стран, по различным вопросам международной безопасности 20–30-х гг. XX в.

The article considered fundamental stages American-Turkish relations before to the beginning of the Second World War. The special attention is given to studying of unity and a divergence of interests of the American and Turkish diplomacy on a various problems of international relations. The author makes the conclusion about concurrence of the positions borrowed by Turkey and the United States on various questions of the international security 20–30 years XX century.

Ключевые слова: дипломатия, Османская империя, пакт Бриана – Келлога, Турция, Конвенция Монтрё, национализм, Черноморские проливы.

Keywords: diplomacy, Ottoman Empire, Kellog – Briand Pact, Turkey, Montreux Convention, nationalism, the Black Sea Straits.

Редкие комментарии историков, затрагивающие турецко-американские отношения, обычно пропускают период, предшествовавший Второй мировой войне, говоря о том, что в это время отношений между Турцией и США фактически не было. «До начала второй мировой войны, – писали Томас В. Левис и Ричард Фрай, – Турция оставалась для большинства американцев неизвестной землёй» [1]. Согласно другому автору, «политический подход США к Ближнему Востоку до 1941 г. может быть описан так – безразличие, доброжелательность и убеждённость в том, что это “заповедник” Великобритании, где у США нет интересов» [2]. Один из известных исследователей истории Востока Дж. Кирк писал: «Интересы Соединённых Штатов на Ближнем Востоке к началу Второй мировой войны носили неполитический характер» [3]. Но так ли это было на самом деле?

© Смольняк И. В., 2011

О первых попытках наладить политические контакты между двумя странами можно говорить с 1776 г., когда на Втором Континентальном конгрессе рассматривался вопрос об возможности отправки посольства к султану и начале переговоров с Блистательной Портой, но никаких практических шагов в этом направлении предпринято не было. Год спустя, Континентальный конгресс вновь вернулся к обсуждению этого вопроса, но в результате обсуждения делегаты пришли к выводу, что стоимость подарков, предназначенных султану, была слишком велика, и вопрос об отправке посольства вновь был отложен.

Из-за отсутствия официальных отношений между государствами американские коммерсанты были беззащитны перед произволом османских чиновников и вели свои дела в Турции на свой страх и риск, так как их права некому было защищать. Правда, английский консул соглашался иногда за плату представлять интересы американских граждан. Однако эта практика вскоре закончилась, так как Великобритания попыталась монополизировать торговлю с Турцией и конкуренция со стороны американских предпринимателей была ей ни к чему. В 1811 г. американскому коммерсанту Дэвиду Оффлею удалось получить у султана Махмуда II, гарантии того, что американские коммерсанты будут уравниены в своих правах с англичанами. Дэвида Оффлея по праву можно считать первым консулом США в Османской империи [4].

В Вашингтоне не прекращали попыток установить официальные отношения с империей. Усилия увенчались успехом весной 1830 г., когда американская делегация в составе Чарльза Рида, успешного коммерсанта из Нью-Йорка, командора Джеймса Биддла – командира американской средиземноморской эскадры и Дэвида Оффлея подписали с правительством Османской империи первый американо-турецкий договор о дружбе и торговле. Согласно этому документу США получали в империи статус «благоприятствующей нации» в торговле, а также право на «капитулянтские» привилегии, согласно которым американские граждане получали статус экстерриториальности, освобождения от большинства налогов, неподсудность имперскими судами. Американо-турецкое соглашение включало в себя и секретный протокол, который предусматривал строительство турецких военных кораблей на американских верфях. Несмотря на то, что Сенат отклонил этот пункт соглашения как противоречащий политике нейтралитета, сам факт включения этого протокола в текст договора указывает на то, что уже в начале XIX в. у американских и турецких военных возникла обоюдная заинтересованность в военном сотрудничестве [5].

Однако власти США не препятствовали найму американских военно-морских и сухопутных офицеров на службу в Османский флот и армию. Так, например, в 1831 г., под руководством опытного военно-морского инженера Генри Экфорда на верфях Константинополя было начато строительство нескольких военных кораблей. Турецкие военные моряки служили и стажировались на американских военных кораблях.

Миссионерская активность также обеспечивала дополнительные связи США с Турцией. В 1820 г. первые американские миссионеры П. Фиск и Л. Парсонс обосновались в Смирне, а в 1831 г. преподобный Уильям Гудел основал первую постоянную религиозную миссию в Константинополе. В 1835 г. Смирна была центром проникновения протестантских миссионеров на Ближний Восток. Американские протестантские миссионеры учредили сеть клиник, профессионально-технических училищ и колледжей, которые играли существенную роль в здравоохранении и подготовке образованной местной элиты [6].

Таким образом, проследив развитие американо-турецких отношений с самого начала их возникновения, мы можем сказать, что к середине XIX в. в дипломатическом ведомстве США была выработана модель поведения, в соответствии с которой должны были развиваться отношения США с Турцией в будущем. Интересы Соединённых Штатов в Турции сводились к расширению торгово-экономических связей между двумя странами, а расширение миссионерской деятельности рассматривалось как инструмент расширения культурных связей. Контакты на политическом уровне практически прекратились и отодвинулись на второй план.

Первая мировая война знаменует собой начало нового этапа в американо-турецких отношениях. Сразу же после начала боевых действий в августе 1914 г. посол США в Османской империи Генри Моргантау проинформировал правительство султана, что правительство США продолжит свою политику невмешательства в европейские дела. Однако обеим сторонам не удалось сохранить дружеские отношения. Шестого апреля 1917 г. после вступления США в войну против Германии на стороне стран Антанты американо-турецкие отношения были разорваны. Но тем не менее ни США, ни Османская империя официально так и не объявили войну друг другу. В Вашингтоне опасались, что военные действия с их стороны вынудят турков к ещё большему сближению с Германией, что в свою очередь потребует переброски части американской армии на Ближний Восток [7].

После завершения войны американский экспедиционный корпус участвовал в оккупации Константинополя, но во многом благодаря так-

тичности и дальновидности официального представителя США адмирала Марка Л. Бристоля американцы оставили о себе хорошие воспоминания среди населения и у турецких официальных лиц [8].

На Парижской мирной конференции американская делегация поддержала идею демилитаризации зоны Проливов и передачу этой территории под управление Лиги Наций. При распределении мандатов на управление бывшими территориями Османской империи Великобритания и Франция предложили правительству США взять на себя контроль над зоной Проливов. Однако президент Вильсон, несмотря на давление со стороны миссионерских организаций и союзнических правительств, не был настроен принимать на свою страну ответственность за дальнейшую судьбу Турции.

После окончания Первой мировой войны Османская империя перестала существовать. Однако благодаря деятельности Кемаля Ататюрка турецкий народ смог оказать сопротивление войскам союзников. В июле 1923 г. на конференции в Лозанне кемалистская Турция была признана как суверенное и независимое государство Великобританией, Францией и другими европейскими государствами [9].

После того, как американское правительство отказалось участвовать в распределении мандатов на управление бывшими территориями Османской империи, США вернулись к политике невмешательства в ближневосточные дела. Тем не менее США продолжили поддерживать отношения с Турецкой республикой, однако характер двусторонних отношений претерпел сильные изменения по сравнению с теми, которые существовали между двумя странами в прошлом. Это выражалось в том, что, уклоняясь от заключения каких-либо политических договоров с Турцией, правительство США внимательно следило за тем, чтобы не нарушались интересы американских компаний и частных лиц, работающих в этом регионе. США уклонились от подписания Севрского договора, а также не принимали участия в Лозаннской конференции, но американская делегация, отправленная в Лозанну, внимательно наблюдала за ходом переговоров, следя за тем, чтобы в результате подписания соглашения интересы США не были нарушены.

В общих чертах главная цель американской делегации на конференции состояла в том, чтобы содействовать мирному урегулированию на Ближнем Востоке, установлению нормальных, основанных на системе договоренностей международных отношений в данном регионе при максимальном возможном соблюдении интересов Соединенных Штатов [10].

В военном ведомстве США одобрительно отнеслись к предложению Великобритании об ин-

тернационализации Проливов. Так, еще накануне конференции командование военно-морским флотом США заявило, что «США следует иметь своего представителя в международной комиссии по Проливам, наделенным точно такими же полномочиями, как и представители других стран». Однако, в соответствии с полученными из Вашингтона инструкциями, американская делегация уклонилась от подписания итоговых документов конференции [11].

В свою очередь, правительство Турецкой республики стремилось наладить с США не только коммерческие, но и политические отношения. Во время Лозаннской конференции член турецкой делегации Исмет Иненю (будущий премьер, а затем президент Турецкой республики) предложил американской делегации обдумать вопрос о заключении между двумя странами договора о дружбе и сотрудничестве.

В результате контактов между американской и турецкой делегациями, 6 августа 1923 г., было подписано соглашение. Основанное на принципах взаимности, оно напоминало соглашение, подписанное Турцией с другими странами в Лозанне. Так, в статье 2 этого договора полностью отменялся режим капитуляций для американских граждан. Статья 10 договора предоставляла судам и самолётам США право беспрепятственного прохода через Проливы наравне с судами и самолётами других стран. Однако, несмотря на поддержку со стороны миссионерских организаций, а также бизнесменов, живших в Турции, американо-турецкое соглашение не было ратифицировано Сенатом США [12].

После отказа Сената США ратифицировать американо-турецкий договор, отношения между двумя странами фактически прекратились. Дипломатические отношения были восстановлены только 17 февраля 1927 г. путем простого обмена письмами между верховным комиссаром США в Турции адмиралом Марком Л. Бристолем и министром иностранных дел Турции Тевфиком Рюштю Арасом.

После нормализации отношений две страны начали проводить политику сближения. США одобряли программу Ататюрка, направленную на вестернизацию и модернизацию страны. Турция в свою очередь воспринимала США как дружественную страну, рассматривая её в качестве источника экономической и дипломатической поддержки.

В 1928 г. турецкие и американские дипломаты выражали обоюдную заинтересованность в заключении двустороннего американо-турецкого договора о разрешении возникающих разногласий мирными средствами. В своей телеграмме от 23 марта 1928 г. послу США в Турции Дж. Грю госсекретарь Ф. Келлог изложил свою точку зре-

ния на состояние американо-турецких отношений. Признав их неудовлетворительными, госсекретарь предложил послу начать работу по заключению американо-турецкого соглашения, которое, по его мнению, стало бы отправной точкой для начала сотрудничества между США и Турецкой республикой [13].

Грю также считал, что турецкое правительство будет радо начать переговорный процесс. И действительно, прежде чем Грю обратился к турецкому правительству с предложением о подписании двустороннего договора, министр иностранных дел Турции Р. Арас поднял этот вопрос на одной из встреч с послом. Однако во время обсуждения проекта договора возникли трудности. Арас был согласен подписать договор только в том случае, если в его текст будет внесена статья, согласно которой США обязуются не оказывать поддержку армянскому населению Турецкой республики [14].

В Государственном департаменте ясно дали понять, что США никогда не согласятся на включение такого пункта в текст договора, но одновременно с этим туркам было заявлено, что никогда правительство США не использовало подобные договоры для вмешательства во внутренние дела другого государства. В результате первый раунд американо-турецких переговоров закончился безрезультатно.

Арас вновь вернулся к этому вопросу только в январе 1929 г. 10 января он отправил письмо Грю, в котором подверг резкой критике американо-турецкий договор от 1830 г. По мнению турецкого министра, этот договор утратил свою актуальность и перестал отвечать современным реалиям. В качестве примера посол ссылаясь на статью, согласно которой американским гражданам предоставлялся режим экстерриториальности, хотя по Лозаннским соглашениям режим экстерриториальности был отменён. Но и в этот раз министр не удержался от выдвижения некоторых условий. Он предложил внести в текст договора статью, согласно которой спорные вопросы, возникшие до подписания договора, не подпадали под его действие.

Однако предложения турецкой стороны с неодобанием восприняли многие сенаторы, что привело к прекращению переговоров в конце 1929 г. И только 1932 г. после того как Сенат США ратифицировал договор о торговле и мореплавании, который автоматически отменял договор 1830 г. и режим капитуляций, Государственный департамент предложил турецкому правительству вновь вернуться и поговорить.

Незадолго до подписания пакта Бриана – Келлога Грю предложил госсекретарю включить Турцию в число стран, которые первыми должны были подписать этот документ. По его мысли, подобный шаг не только поднял бы автори-

тет США в Турции, но и показал бы всему миру, что на Ближнем и Среднем Востоке с одобрением относятся к идеям пакта. Помимо этого Грю полагал, что подобные действия также будут способствовать дальнейшей вестернизации Турции, а также снизят влияние СССР в этой стране. Однако Келлог отклонил предложение Грю как непрактичное, так как, по его мнению, включение Турции в число стран-учредительниц договора неизбежно повлечёт за собой приглашение на конференцию и других стран, что в тот момент, по его мнению, было не допустимо [15].

27 августа Грю сообщил турецкому министру иностранных дел о подписании пакта и предложил Турции присоединиться к нему. 12 декабря 1928 г. Арас заявил Грю, что вопрос о ратификации пакта внесён в повестку дня Великого национального собрания и что пакт будет ратифицирован сразу же, как только станет известно о ратификации пакта Сенатом. Сенат ратифицировал пакт 16 января 1929 г., а три дня спустя это сделал и турецкий парламент [16].

Первым испытанием пакта на прочность послужил советско-японский конфликт по поводу КВЖД. Государственный секретарь Г. Стимсон в июле 1929 г. попытался применить пакт на практике, когда возникли стычки между советской охраной КВЖД и китайскими войсками. 1 декабря 1929 г. Стимсон разослал специальные инструкции дипломатическим представителям США в тех странах, которые подписали пакт о том, что настала пора на практике применить принципы, изложенные в пакте, и заставить противоборствующие стороны сесть за стол переговоров [17].

Турецкое правительство неожиданно для американцев отказалось осуществить нажим на советское и китайское правительства, объясняя свой отказ тем, что переговоры между противоборствующими сторонами практически закончены. Кроме того, по информации, имевшейся у Грю, советский посол убедил министра иностранных дел Турции в том, что Советский Союз стал жертвой агрессии со стороны Китая, в армии которого служило много белогвардейцев, которые и подстрекали китайцев к вооружённым провокациям против СССР. В результате анализа действий турецкой стороны в Госдепартаменте пришли к выводу, что на данном этапе для Турции отношения с СССР являются приоритетными, но в то же время Турция будет стремиться сохранить дружественные отношения и с США.

И всё же, несмотря на неудачную попытку США заставить Турцию выполнить свои обязательства в рамках пакта, сотрудничество между США и Турцией в рамках пакта Бриана – Келлога оказало благоприятное воздействие на отношения между двумя странами. Рвение, которое продемонстрировали турецкие лидеры в деле рати-

фикации пакта, дало понять правительству США, что Турция в своей внешней политике придерживается тех же принципов, что и Вашингтон.

К середине 30-х гг. международная обстановка в Европе изменилась радикальным образом. Германия разорвала пути Версальского договора и активно готовилась к расширению своих границ с помощью оружия. В Турции с тревогой следили за разворачивающимися в Европе событиями, но, в отличие от диктаторских режимов Европы, турецкие политические деятели – Мустафа Кемаль и его преемник на посту президента республики Исмет Иненю – искали мирные способы разрешения спорных вопросов.

В связи с ростом напряженности в Европе турецкие лидеры стали больше внимания уделять безопасности страны. Внешняя политика была направлена на сохранение дружественных отношений с соседями, но в Турции не могли игнорировать нарастание угрозы со стороны стран-ревизионистов – Германии с её вечным стремлением *Drang nach Osten* и Италии, чей лидер Бенито Муссолини открыто заявлял, что у Италии имеются исторические цели в Азии и Африке. При этом турецкие политики не могли игнорировать заявления итальянского лидера о том, что Средиземное море является внутренним морем Италии, а размещение итальянских войск на Додеканезских островах в непосредственной близости от берегов Турции не добавляло оптимизма [18].

Согласно Лозаннскому соглашению зона Проливов была демилитаризована и находилась под управлением международной комиссии. Несмотря на то, что Турция являлась номинальным председателем этой комиссии, турецкие лидеры считали, что подобное состояние вещей грубо нарушает суверенитет республики и ослабляет её обороноспособность [19]. Поэтому в начале 30-х гг. перед лицом угрозы войны с Италией, Турция начала кампанию по пересмотру Лозаннского соглашения. Этому способствовало принятие в 1932 г. Турцией в Лигу Наций. В период между 1933 и 1936 гг. министр иностранных дел Турции Арас неоднократно выступал с трибуны Лиги с речами о необходимости пересмотра режима Проливов. В 1936 г. Турция официально потребовала от стран-участниц Лозаннского соглашения пересмотра режима Проливов [20].

Несмотря на колебания некоторых стран-участниц, было принято решение о созыве в швейцарском городе Монтрё 22 июня 1936 г. международной конференции по выработке нового режима Проливов.

В Вашингтоне полагали, что любое изменение режима Проливов самым непосредственным образом будет затрагивать экономические интересы США и оказывать влияние на состояние американо-турецких отношений.

Вскоре после того как 10 апреля 1936 г. Турция официально обратилась к странам-участникам Лозаннской конференции с требованием о пересмотре режима Проливов, недавно назначенный на свой пост посол США в Турции Дж. Макмюррей встречался с министром иностранных дел Турции Арасом. На встрече речь зашла о соблюдении прав США в зоне Проливов. В своём отчёте в Госдепартамент об этой беседе посол сообщил о том, что правительство Турецкой республики весьма заинтересованно в дальнейшем развитии торговых отношений с США, и что нет никаких причин для беспокойства, что права американских торговых компаний не будут ущемляться [21].

В итоге США отказались от участия в конференции в Монтрё во многом благодаря сообщениям американского посла о том, что турки не заинтересованы в ущемлении торгово-экономических интересов США в Проливах.

После внимательного изучения текста договора в Госдепартаменте пришли к выводу, что договор ни к какой мере не ущемляет интересов США. Специалисты Госдепартамента полагали, что США могут юридически признать конвенцию Монтрё, даже при том, что они не подписали её, так как Турция брала на себя полную ответственность за проход судов через Проливы, включая и суда США.

В дальнейшем США не возражали против строительства Турцией военных укреплений в зоне Проливов, так как, по их мнению, эти действия вели только к повышению безопасности судоходства, но при обязательном условии – права США в зоне Проливов должны соблюдаться в обязательном порядке.

В тот же день, когда была подписана конвенция, тридцатитысячная турецкая военная группировка вошла в демилитаризованную зону. Весьма любопытный факт – группировку судов военно-морского флота Турции возглавлял крейсер «Явуз», бывший «Гёбен», тот самый немецкий крейсер, который под турецким флагом рейдерствовал в Черном море в годы Первой мировой войны.

Характеризуя американскую внешнеполитику в межвоенный период как изоляционистскую обычно вспоминают и о политике «добротного соседа», проводимой по отношению к странам Латинской Америки. США пытались применить принципы добрососедства и в отношении Турции. В отличие от европейских стран они не пытались играть роль «большого брата». В отношениях Турции с другими европейскими странами правительство США придерживалось позиции строгого нейтралитета, кроме тех случаев, когда затрагивались интересы американских граждан. Как показывают комментарии турец-

ких должностных лиц, политическая беспристрастность США в Турции была фактором, способствующим сближению двух стран.

Турецкие официальные лица благожелательно отреагировали на речь Госсекретаря Хэлла, посвящённую основным принципам американской внешней политики, с которой он выступил 16 июля 1937 г. «США, поддерживая сохранение мира, воздерживаются от использования силы для разрешения международных споров. США хотели бы избежать вступления в союзы или быть связанными обязательствами, но мы верим в совместные усилия и мирные средства», – отметил Хэлл [22]. Комментируя выступление госсекретаря, министр иностранных дел Турции Арас заявил, что полностью согласен с теми идеями, которые были изложены Хэллом. В особенности турецкое правительство, – по его словам, – поддерживало предложение о проведении консультаций для мирного урегулирования спорных вопросов между государствами.

Незадолго до выступления Хэлла, 8 июля 1937 г. в Саадабаде Турция заключила с Ираном, Ираком и Афганистаном пакт, который содержал принципы невмешательства, ненападения и совместных консультаций при разрешении возникающих споров между сторонами.

Хотя этот договор был заключён для обеспечения безопасности на Ближнем Востоке и непосредственно не затрагивал интересы Соединённых Штатов, принципы, закреплённые в нём, были созвучны внешнеполитическим декларациям Вашингтона [23].

Однако, несмотря на то что кемалистская революция способствовала улучшению американо-турецких отношений, в американском общественном мнении сформировалось негативное представление о турках, что осложняло работу дипломатов и Госдепартамента, которым в своей деятельности приходилось учитывать настроения американского общества. Примером тому, что думали о турках простые американцы, может служить запись, сделанная в дневнике молодой турецкой девушки Сельмы Эркем во время её поездки по США после Первой мировой войны: «Здесь, в Америке существует легенда, основанная на крови и ужасе. Образ “жестокого турка” владеет умами американцев. Огромный человек с горящими от ярости глазами под густыми бровями, сжимающий в своих могучих руках окровавленные кинжалы. К огромному сожалению для многих американцев, с которыми я общалась, я никоим образом не соотвествовала этому образу, что кажется вызывало у них недоумение – ведь перед ними была обычная девушка, практически ничем не отличавшаяся от них» [24].

Турецкая путешественница лицом к лицу столкнулась с образом, сформировавшимся в амери-

канском общественном мнении во многом по вине самих турок, развернувших в конце XIX – начале XX в. геноцид против армянского населения Османской империи. Кроме того, многочисленные армянские организации также способствовали укреплению в умах американцев негативного образа Турции, что весьма осложняло развитие американо-турецких отношений. Печатные органы армянских организаций в США подливали масла в огонь. Так, газета «Новая Армения» на своих страницах рекомендовала американцам остерегаться турок: «Турки никогда не раскаиваются в содеянных ими преступлениях. Они по природе своей злобны и невежественны. В настоящее время турки – самая ужасная нация в Европе» [25].

Но, несмотря на антитурецкую кампанию, организованную в США армянскими эмигрантами, американские официальные лица сочли возможным весьма хладнокровно отнестись к известиям о геноциде армянского населения в Турции и выступить с заявлением о том, что в данном случае право народов на самоопределение не может быть применено, поддержав в этом конфликте турецкое правительство.

Давая оценку действиям правительств США и Турции по устранению спорных моментов в американо-турецких отношениях до начала Второй мировой войны, мы с уверенностью можем говорить о том, что к 1939 г. в американском общественном мнении произошло кардинальное изменение в лучшую сторону образа турок и Турции. В результате со страниц американских газет и журналов к 1939 г. практически полностью исчезли статьи, в которых содержалась критика в адрес Турции и её правительства. Установление дружеских отношений к началу Второй мировой войны не было бы возможно без усилий, принимаемых обеими сторонами.

Таким образом, рассмотрев характер американо-турецких отношений в периоды, предшествовавшие Второй мировой войне, мы можем говорить о том, что между двумя странами не было каких-либо острых споров и разногласий. Схожесть взглядов правительств двух стран на способы решения международных споров путем переговоров способствовала развитию дружеских отношений между ними. Ни одна из стран не жертвовала своими политическими принципами, принимая компромиссные решения для урегулирования спорных вопросов.

Примечания

1. *Thomas L. V. and Frye R. N.* The United States and Turkey and Iran. Cambridge (Mass.): Harvard University press, 1962. P. 143.
2. *Lenczowski G.* The Middle East in World Affairs. Ithaca; N. Y., 1962. P. 671.
3. *Kirk G.* The Middle East in the war. L.: Oxford Univ. press, 1954. P. 455.

4. *Alvarez D.* Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943–1946. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1980. P. 16; *Hurewitz J. C.* Middle East Dilemmas: The Background of United States Policy. N. Y., 1963. P. 160.
5. *Alvarez D.* Op. cit. P. 17.
6. Более подробно о деятельности американских миссионерских организаций на территории Османской империи можно ознакомиться: *Thomas L. V. and Frye R. N.* Op. cit.
7. *Alvarez D.* Op. cit. P. 18; *Howard H.* Turkey, the Straits and U.S. Policy. Baltimore, 1974. P. 38–39.
8. *Thomas L. V. and Frye R. N.* Op. cit. P. 139.
9. *Yale W.* The Near East: A Modern History. Ann Arbor, Mich., 1958. P. 276–293; *Lenczowski G.* Op. cit. P. 98–110; *Gordon Craig and Felix Gilbert.* The Diplomats, 1919–1939. L.; Melbourne, Toronto & N. Y., 1966. P. 353–387; *Lewis Bernard.* The Emergence of Modern Turkey. L., 1951. P. 234–250.
10. *Hurewitz J. C.* Op. cit. P. 117.
11. Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne, July 24, 1923. URL: http://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne
12. См.: Efforts by the Department of State to Obtain Ratification of the General Treaty between the United States and Turkey, signed at Lausanne, August 6, 1923 / FRUS. 1926. Vol. 2. P. 974–992; Rejected Treaties. United States Senate. URL: <http://www.senate.gov/artandhistory/history/common/briefing/Treaties>
13. *Trask R.* The United States response to Turkish nationalism and reform 1914–1939. Minneapolis: The Univ. of Minnesota press, 1971. P. 220; См. также: Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, 1928. Vol. III (далее – FRUS) – Frank B. Kellogg to Joseph C. Grew, March 23, 1928. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1942–1943. P. 940.
14. *Trask R.* Op. cit. P. 220; FRUS. 1928. Vol. III. Frank B. Kellogg to Joseph C. Grew, P. 945–946.
15. *Trask R.* Op. cit. P. 224.
16. *Trask R.* Op. cit. P. 225
17. FRUS. 1929. VII. Stimson to Certain Diplomatic Representatives, December 1. 1929. P. 371–373.
18. *Lenczowski G.* Op. cit. P. 132–133, 139–140; *Trask R.* Op. cit. P. 227.
19. *Anderson M. S.* The Eastern Question 1774–1923: A Study in International Relations. London; Melbourne; Toronto & N. Y., 1966, P. 372–373; *Trask R.* Op. cit. P. 228.
20. FRUS. 1935. Vol. IV. P. 1026–1027; *Wheeler-Bennet J. W.* Documents on International Affairs. L., 1937. P. 645–648; *Trask R.* Op. cit. P. 228.
21. FRUS. 1936, Vol. V, III. MacMurray to Hull, April 23, 1936. P. 512–514.
22. FRUS. 1937, Vol. I. P. 697–802.
23. *Trask R.* Op. cit. P. 233.
24. The Autobiography of a Turkish Girl. N. Y., 1942. P. 302.
25. *Trask R.* Op. cit. P. 85.

ПРАВО

УДК 347.91(470.342)

В. М. Туйчиев

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В МИРОВЫХ СУДАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (1864–1917 гг.)

В статье освещаются проблемы и особенности функционирования института судебных приставов в мировых судах Вятской губернии в пореформенный период. Анализируются отличия организационно-правового статуса судебных приставов мировых и общих судов Вятской губернии, исследуются полномочия судебных приставов.

In the article the author explains matters and particularities the functioning of bailiff service for magistrate court in Vyatka province in the course of reforming. The article clearly illustrates organizational and legal differences of bailiff status for magistrate court and common court in Vyatka province, analyzing the functions of bailiff.

Ключевые слова: судебные приставы, мировые суды, судебная реформа, Вятская губерния.

Keywords: bailiff, magistrate court, forensic reform, Vyatka province.

Демократические преобразования, осуществление которых началось в Российской Федерации в 90-е гг. XX в., затронули одну из важнейших сфер государственного устройства страны – исполнительное производство. В 1997 г., с принятием федеральных законов «О судебных приставах» и «Об исполнительном производстве», в Российской Федерации был создан, а правильнее сказать, возрожден институт судебных приставов, существовавший в дореволюционный период. Преемственность в конструировании и совершенствовании современной законодательной базы диктует необходимость изучения процессов формирования и эволюции отечественных государственно-правовых институтов.

Несмотря на появление в последнее время работ, в которых затрагиваются вопросы функционирования дореволюционных органов принудительного исполнения [1], на наш взгляд, не уделяется должного внимания институту судебных приставов мировых судов. К примеру, в недавно увидевшем свет учебном пособии «Исто-

рия российского правосудия» [2] указывается, что судебные приставы состояли при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената. Однако в пособии отсутствуют сведения о судебных приставах, состоящих при съездах мировых судей. Настоящая статья позволяет в некоторой степени восполнить указанный пробел, тем более что этому способствует обширный источниковедческий материал по Вятской губернии.

Судебная реформа 1864 г. в корне изменила механизм исполнения решения судов, ядром которого стали судебные приставы. Принятые в ходе реформы Судебные уставы (Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) регламентировали правовой статус судебных приставов.

Различные стороны судебной реформы обсуждались в общественно-политических кругах Вятской губернии. В ходе дискуссий были даны оценки как реформе в целом, так и ее отдельным институтам. Представители привилегированных социальных слоев губернии настороженно отнеслись к возникновению мировой юстиции, полагая, что новый институт приведет к ослаблению исполнительной власти [3]. Органы местного самоуправления, напротив, положительно восприняли введение мировых судов [4].

Мировые судебные учреждения начали функционировать в Вятской губернии в первой половине 1869 г. На ее территории было образовано 11 судебных мировых округов по числу уездов. На протяжении 1869–1870 гг. должности судебных приставов в мировых судах были созданы во всех 11 уездах губернии. По состоянию на 1 января 1870 г. их штатная численность составляла 12 человек [5], к началу 1880 г. число судебных приставов увеличилось и насчитывало 26 человек [6].

Организация института судебных приставов в мировых судах Вятской губернии строилась на основе территориального принципа: за каждым приставом закреплялась определенная территория, на которой он уполномочен был совершать исполнительные действия. Сведения об этом публиковались в губернском органе печати. Как правило, судебные приставы обслуживали несколько мировых судебных участков, в отличие от

мировых судей, число которых было равно числу судебных участков. В среднем на каждый съезд мировых судей губернии приходилось по два судебных пристава.

На начальном этапе становления института судебных приставов в мировых судах Вятской губернии возникли определенные проблемы, связанные с отсутствием указаний или рекомендаций о необходимой штатной численности приставов. В результате введение должностей судебных приставов происходило без учета нужного числа приставов, их реальной нагрузки в мировых участках. Например, в августе 1869 г. председатель съезда мировых судей Сарапульского мирового округа Вятской губернии Н. А. Шиллегодский направил в Сарапульскую земскую управу предложения о порядке формирования и финансирования мирового съезда. Председатель не был уверен в том, хватит ли одного пристава для исполнения судебных решений и оправдан ли размер жалования приставу в 600 рублей. В обоснование своих сомнений Шиллегодский подчеркивал, что «достаточно ли будет иметь одного судебного пристава при съезде в настоящее время судить нельзя по неимению ввиду практических указаний, потому же нельзя судить, насколько будут вознаграждены труды пристава с назначением ему содержания 600 р.» [7]

Деятельность судебных приставов Вятской губернии в целях решения стоящих перед ними задач проходила в рамках общей концепции судебной реформы. Однако в соответствии с нормами Учреждения судебных установлений при окружных судах, судебных палатах и кассационных департаментах Сената судебные приставы создавались в обязательном порядке [8]. В отличие от общих судебных мест, вопрос о введении должностей судебных приставов в мировых судебных учреждениях находился в компетенции органов местного самоуправления. В законе было записано, что «для исполнения решений мировых судей и их съездов и для других исполнительных действий по распоряжениям съездов и их председателей, при сих съездах могут быть назначаемы особые судебные приставы», а число приставов и их содержание определяются земскими собраниями или городскими думами [9].

Одна из главных особенностей института судебных приставов в системе мировых судов состояла в том, что его учреждение не носило обязательного характера. Земские собрания самостоятельно определяли число судебных приставов и их денежное содержание. Подобный порядок генерировал существенные отличия в организационно-правовом статусе судебных приставов мировых и общих судов Вятской губернии.

Во-первых, денежное содержание приставов при мировых съездах отличалось в разных уез-

дах в зависимости от уровня экономики, отношения земства к судебным приставам и других факторов. Так, в октябре 1869 г. депутаты Слободского земского собрания утвердили годовое жалование двум судебным приставам при местном мировом съезде в размере 300 р. каждому [10]. В сентябре 1869 г. земское собрание Глазовского уезда утвердило жалование судебному приставу в сумме 500 р. [11] В 1878–1879 гг. ежегодное денежное содержание судебного пристава съезда мировых судей Нолинского уезда составляло 600 р. [12] В то же время депутаты Уржумского уездного земского собрания в своем постановлении от 7 октября 1878 г. установили содержание судебным приставам по 700 р. в год [13].

Во-вторых, судебные приставы мировых судов за совершение исполнительных действий получали меньшее вознаграждение по таксе, чем их коллеги в общих судах. Определение вознаграждения по таксе зависело от позиции земских органов, поэтому в ряде уездов некоторое время такса не действовала. Например, Орловское земское собрание в октябре 1869 г. приняло за основу таксу, утвержденную Министерством юстиции Российской империи, с понижением на 10% [14]. Такое же постановление вынесло в мае 1874 г. Уржумское собрание, приняв для судебных приставов уезда «таксу, установленную для судебных приставов окружного суда, уменьшив ее на 10%» [15]. Депутаты Глазовского земского собрания в 1869 г. решили вообще не принимать таксу для судебных приставов мирового съезда, посчитав, что им и так достаточно имеющегося жалования [16].

В-третьих, количество судебных приставов при съездах мировых судей периодически менялось, а в нескольких уездах нами выявлены факты временной ликвидации судебных приставов мировых судов и передачи их полномочий органам полиции. К примеру, в Глазовском мировом округе в 1869–1870 гг. был назначен и работал судебный пристав. В сентябре 1870 г. депутаты Глазовского земского собрания постановили возложить обязанности по исполнению судебных решений на становых приставов, а должность судебного пристава ликвидировать [17]. Однако в связи с «неудовлетворительным исполнением становыми приставами судебных решений» Глазовское уездное собрание в сентябре 1872 г. решило снова ввести в уезде две должности судебных приставов [18].

Наконец, земские органы Вятской губернии кроме ежегодного жалования могли выделять судебным приставам мировых судов дополнительные денежные средства на оплату труда рассыльных, канцелярских расходов, а также обеспечивать бесплатным проездом на земских лошадях и предоставлять иные льготы.

Правовую базу функционирования института судебных приставов в мировых судебных учреждениях составляли законы и многочисленные подзаконные правовые акты. Несмотря на противоречивый характер решений Правительствующего Сената, на наш взгляд, их следует отнести к регулятивным актам, которые в значительной степени упорядочивали общественные отношения в деятельности службы судебных приставов.

Спецификой правового регулирования института судебных приставов мировых судебных органов являлись широкие правотворческие функции органов местного самоуправления в этой сфере. В Вятской губернии земство реализовывало делегированные законом полномочия по определению числа судебных приставов и назначению им денежного содержания. В то же время юридические права земских органов не ограничивались только этими вопросами. Земские собрания губернии самостоятельно утверждали таксу вознаграждения судебным приставам, предоставляли различные льготы, осуществляли земский контроль за действиями судебных приставов. В силу правовых пробелов в законодательстве и ряда других причин отношение органов местного самоуправления к судебным приставам мировых судов отличалось как в разное время, так и в различных уездах Вятской губернии.

Основными полномочиями судебных приставов мировых судов Вятской губернии являлись обязанности по исполнению судебных решений по гражданским и уголовным делам. В соответствии с Уставом гражданского судопроизводства судебные приставы могли использовать следующие основные способы исполнения: 1) передача имущества натурой лицу, которому оно присуждено; 2) обращение взыскания на движимое имущество должника; 3) обращение взыскания на недвижимое имущество должника [19].

Самым распространенным способом исполнения решения суда в Вятской губернии, как и в целом в Российской империи [20], являлось обращение взыскания на движимое имущество должника. Статистических данных по этому вопросу в источниках крайне мало, но имеющиеся документальные материалы вполне позволяют сделать такой вывод. Так, при анализе деятельности судебных приставов при Слободском съезде мировых судей в 1883–1884 гг. нами не было выявлено ни одного факта волеизъявления взыскателей в отношении взыскания на недвижимое имущество должников. В заявлениях они просили обратить взыскание на какие-либо вещи должников или его жалованье, то есть на движимое имущество [21]. Нет оснований сомневаться в том, что аналогичная ситуация была и в других уездах Вятской губернии.

Судебные приставы выполняли функции по охране наследственного имущества умерших лиц. Меры по охране имущества судебные приставы должны были выполнять немедленно, чтобы не допустить его утраты или расхищения. Поскольку законодательство дореволюционной России не предусматривало разделение судебных приставов на две категории (судебных приставов-исполнителей и судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов), то судебные приставы выполняли также функции по охране порядка в здании судов.

Анализ источников показывает, что деятельность судебных приставов мировых органов Вятской губернии по исполнению судебных актов являлась в целом эффективной. Они активно применяли меры принудительного исполнения, включая обращение взыскания на недвижимость должников. Специфика исполнения судебных решений заключалась в том, что в силу ряда факторов (преобладание крестьянства в губернии, малая плотность населения и др.) судебные приставы мировых судов в процессе исполнительного производства широко использовали административные возможности сельского и волостного начальства.

Волостные правления по просьбе судебных приставов оказывали помощь в доставлении повесток, вывешивали объявления о продаже имущества должников. Представители сельского и волостного руководства принимали участие в производстве публичных торгов, присутствовали при аресте имущества должников. Причем в последнем случае ими давалось заключение о целесообразности ареста имущества должника. Например, 27 октября 1881 г. судебный пристав Слободского мирового съезда Блинов произвел опись движимого имущества должника – крестьянина Шишкина в деревне Лагуновской Шепелевской волости Слободского уезда. По просьбе взыскателя судебным приставом были описаны сено и солома должника. При описи присутствовал сельский староста Вершинин, который предоставил приставу отзыв. В отзыве сообщалось, что имущество, описанное у Шишкина, «может быть подвергнуто публичной продаже без расстройства домашнего хозяйства», так как должник еще имеет в наличии сено и солому около 2 возов [22].

По закону от 12 июля 1889 г. в большинстве регионов России – в 37 губерниях – мировые суды ликвидировались, но продолжали действовать в Санкт-Петербурге, Москве, Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове, Саратове и Кишиневе. Вместо института мировых судей учреждались должности земских участковых начальников, городских судей и уездных членов окружных судов, между которыми поделили дела, подсудные прежде мировым судьям [23].

В Вятской губернии мировая юстиция фактически перестала существовать с начала июля 1891 г. В соответствии с «высочайше» утвержденным мнением Государственного совета от 3 июня 1891 г. в 12 губерниях, в том числе и Вятской, с 1 июля 1891 г. вводился институт земских начальников и городских судей [24].

Одновременно с ликвидацией мировых судей в Вятской губернии были упразднены должности судебных приставов, что негативным образом сказалось на исполнительном процессе. При новых административно-судебных органах не предусматривалось введение судебных приставов. Судебные решения приводились в исполнение судебными приставами окружного суда или чинами полиции.

Возрождение мировых судебных органов последовало в начале XX в., когда был принят закон от 15 июня 1912 г. «О преобразовании местного суда». Однако на территории Вятской губернии съезды мировых судей и состоящие при них судебные приставы появились только после издания постановления Временного правительства «О временном устройстве местного суда» от 4 мая 1917 г. [25]

После Октябрьской революции 22 ноября (5 декабря) 1917 г. был принят Декрет о суде № 1, который ликвидировал дореволюционные судебные органы, кроме мировой юстиции, деятельность которой приостанавливалась.

Как видно из источников, в Вятской губернии судебные приставы мировых судов продолжали исполнять свои служебные обязанности фактически до конца 1917-го, начала 1918 г. К примеру, 18 января 1918 г. управляющий Вятской контрольной палатой направил в съезд мировых судей Вятского мирового округа ответ на запрос, поступивший от руководства съезда. В нем сообщалось, что со стороны контрольной палаты не встречается препятствий к использованию в 1918 г. судебным приставом Усольцевым денежной книги, выданной на 1917 г. [26]

Новые органы правопорядка Вятской губернии стали формироваться в начале 1918 г. В январе был сформирован губернский Революционный трибунал. В марте исполком Вятского горсовета избрал (по существу назначил) народных судей Г. А. Молчанова и А. Л. Тупицына. Профсоюзам, воинским частям и партийным организациям большевиков и левых эсеров было предложено определить кандидатов заседателей в количестве 60 человек для участия в работе народных судов, пришедших на смену дореволюционным окружным судам и мировым судьям [27].

Таким образом, созданный на основе Судебных уставов институт судебных приставов мировых судебных органов явился новым структурным образованием в системе судебной власти

Российской империи по содержанию и по формам деятельности. В соответствии с нормами российского законодательства имелись принципиальные различия в организационно-правовом статусе судебных приставов общих и мировых судов. В Вятской губернии эти различия, в большей степени, были связаны с выплатой судебным приставам ежегодного жалования, определением вознаграждения по таксе за совершение исполнительных действий, предоставлением различных выплат и льгот. Реализация судебной реформы имела свою региональную специфику, что отразилось и на деятельности судебных приставов мировых судов в Вятской губернии.

Примечания

1. См., в частности: *Зезюлина Т. А.* Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006; *Голубев В. М.* Институт судебных исполнителей в России: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
2. История российского правосудия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М., 2009. С. 247–248.
3. Вятские губернские ведомости. 1866. № 79. С. 2–3.
4. Вятские губернские ведомости. 1868. № 48. С. 11.
5. Памятная книжка Вятской губернии. Издана Вятским губернским статистическим комитетом. Вятка, 1870. С. 99–216.
6. Календарь Вятской губернии. 1880 (високосный). Составил член-секретарь статистического комитета Н. Спасский. Год 1-й. Вятка, 1879. С. 56–62.
7. Журналы третьего очередного Сарапульского уездного земского собрания. 25 сентября 1869 года. Вятка, 1871. С. 46.
8. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991. С. 64.
9. Там же. С. 38.
10. Некоторые из докладов Слободской уездной земской управы уездному собранию третьей очередной сессии и журналы этого последнего. Вятка, 1870. С. 133.
11. Доклады и отчеты Глазовской уездной земской управы за 1869 год и постановления уездного собрания 3-й очередной сессии. Вятка, 1870. С. 10.
12. Журналы Нолинского уездного земского собрания XII очередной сессии с докладами уездной управы, ревизионной комиссии и другими приложениями за 1878 год. Вятка, 1879. С. 178–179.
13. Сборник постановлений Уржумского уездного земства с 1867 по 1898 год. Т. I. Вятка, 1903. С. 334.
14. Сборник постановлений Орловского уездного земства. За 46 лет (1867–1912 гг.). Т. II. Вятка, 1916. С. 191.
15. Сборник постановлений Уржумского уездного земства... С. 333.
16. Доклады и отчеты Глазовской уездной земской управы за 1869 год... С. 17.
17. Доклады и отчеты Глазовской уездной земской управы за 1870 год и постановления уездного земского собрания IV очередной сессии. Вятка, 1871. С. 39–40.
18. Доклады и отчеты Глазовской уездной земской управы за 1871 год и постановления уездного зем-

ского собрания V очередной сессии. Вятка, 1872. С. 42–43.

19. Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 14.

20. Захаров В. В. Институт судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 142–143.

21. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 788. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–202.

22. Там же. Ф. 24. Оп. 13. Д. 358. Л. 17–18.

23. Немытина М. В. Местная юстиция в России во второй половине XIX в. // Известия вузов. Правоведение. 1997. № 4. С. 56.

24. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб., 1891. № 61.

25. Вятские известия Временного правительства. 1917. № 10. С. 2.

26. ГАКО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 21. Л. 151.

27. Бакулин В. И. Драма в двух актах: Вятская губерния в 1917–1918 гг. Киров, 2008. С. 118–119.

УДК 342.95

Н. Н. Ордина

ПОДГОТОВКА К РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

В публикации обсуждаются проблемы, возникающие на этапе подготовки рассмотрения дел об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции. Предлагается внести изменения в КоАП РФ, уточняющие требования к протоколу об административном правонарушении. В статье рассматривается вопрос о процессуальном оформлении разрешения отводов и самоотводов, вынесения промежуточных определений.

In article the author examines questions arising at a stage to preparation of legal proceeding about administrative offenses in courts of law. The author comes to a conclusion that it is necessary to make changes in КоАП the Russian Federations specifying the requirements to the protocol on an administrative offense.

Ключевые слова: подготовка дела, протокол, определение.

Keywords: Preparation of legal proceeding, protocol, administrative offense.

Исследуя подготовку к рассмотрению дела об административном правонарушении, необходимо отметить, что она является первым этапом стадии рассмотрения дела – центральной и наиболее объемной стадией производства по делам об административном правонарушении.

Этап подготовки дела к рассмотрению, несомненно, весьма важен, поскольку недостаточная

подготовка дела к рассмотрению приводит к ошибкам при вынесении постановления или решения и, как следствие, к отмене судебных постановлений.

В отличие от ранее действовавшего КоАП РСФСР, в новом Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях законодатель впервые предусмотрел вопросы подготовки рассмотрения дела об административном правонарушении. Статьей 29.1 КоАП РФ закреплен перечень вопросов, подлежащих выяснению при подготовке дела к рассмотрению.

Проанализируем более спорные моменты в действующем законодательстве в данной области.

Согласно п. 4 ст. 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении разрешается вопрос о возвращении протокола об административном правонарушении и других материалов в орган, должностному лицу, которые составили протокол, в случае составления протокола и оформления других материалов дела неправомочными лицами, неправильного составления протокола и оформления других материалов дела либо неполноты представленных материалов, которая не может быть восполнена при рассмотрении дела.

Требования, предъявляемые к протоколу об административном правонарушении, установлены в ст. 28.2 КоАП РФ.

Протокол об административном правонарушении – это «основа всего дела об административном правонарушении, в зависимости от того, насколько полно и правильно он будет составлен, учитывая все реквизиты данного документа, настолько полно и будет далее рассматриваться дело» [1], «это тот документ, содержание которого имеет первостепенное значение для дальнейшего рассмотрения дела» [2].

Рассмотрим протокол об административном правонарушении с точки зрения его качества, т. е. проанализируем, какие нарушения при составлении протокола носят существенный характер, но могут быть устранены должностным лицом, его составившим. Подобные нарушения, как правило, влекут направление судьей в силу ч. 3 ст. 28.8 КоАП РФ дела для окончательного оформления должностному лицу, и, следовательно, такие нарушения при составлении данного процессуального документа признаются существенными. Несущественные нарушения протокола об административном правонарушении возвращения поступивших в суд материалов не влекут, а подлежат оценке судом уже при вынесении окончательного судебного постановления.

Нормами КоАП РФ не определено, какие нарушения требований к составлению протокола являются существенными, а какие – не существенными, влекущими возвращение протокола в

орган, возбудивший производство по делу об административном правонарушении.

По данному вопросу имеется разъяснение Верховного Суда РФ, содержащееся в Постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ», в п. 4 которого указано, что существенным недостатком протокола является отсутствие данных, прямо перечисленных в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, и иных сведений, в зависимости от их значимости для данного конкретного дела об административном правонарушении (например, отсутствие данных о том, владеет ли лицо, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении, языком, на котором ведется производство по делу, а также данных о предоставлении переводчика при составлении протокола и т. п.). Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что, если судьей при подготовке к рассмотрению дела будут установлены нарушения установленных ст. 28.5 и ст. 28.8 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении и направления протокола для рассмотрения судьей, необходимо учитывать, что данные недостатки признаются несущественными, поскольку эти сроки не являются пресекательными, и несоблюдение данных сроков не препятствует возможности рассмотрения дела по существу [3].

Тем не менее на практике остается много неразрешенных вопросов, связанных с возвращением протокола об административном правонарушении, и отсутствует единообразный подход к оценке качества протоколов об административном правонарушении. Практика возвращения судами административных материалов в случаях неправильного составления протокола и оформления других материалов крайне разнообразна.

Изучение вопроса возврата протоколов об административном правонарушении показало, что значительная часть оформленных и переданных на рассмотрение протоколов имеет существенные недостатки, которые препятствуют рассмотрению административного дела или делают рассмотрение невозможным.

К числу основных и существенных недостатков оформления протоколов и других материалов дела, в связи с наличием которых они возвращались, относятся следующие нарушения:

отсутствие указания на место (улица, район) совершения правонарушения или указание его неконкретно, что не позволяет определить подсудность дела данному мировому судье;

неправильное указание дат;

отсутствие подписи правонарушителя под разъяснением ему прав и обязанностей;

отсутствие объяснения лица, привлекаемого к ответственности, или указание об отказе дать

пояснения, отсутствие подписи лица об ознакомлении с протоколом;

неполное указание в протоколе данных о личности правонарушителя или наличие противоречий в данных о личности, что затрудняет или делает невозможным как извещение лица о времени рассмотрения дела, так и рассмотрение дела в отношении данного лица;

наличие многочисленных исправлений, которые не оговорены и не удостоверены подписями должностных лиц и лица, привлекаемого к ответственности;

отсутствие в протоколе об административном правонарушении указания адреса свидетелей правонарушения, что в случае заявления ходатайства о вызове этих лиц исключает эту возможность;

отсутствие при наличии оснований данных, не было ли возбуждено уголовное дело по факту ДТП, в отношении данного лица и по данному факту уже имеется постановление о привлечении к административной ответственности;

отсутствие в материалах дела сведений, кто является законным представителем несовершеннолетнего лица, привлекаемого к ответственности;

истечение в момент поступления дела судьей срока привлечения к ответственности;

привлекаемое к ответственности лицо является военнослужащим, и такие дела должны рассматриваться судьями гарнизонных военных судов (ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ) [4].

Однако, как показало изучение практики рассмотрения дел об административных правонарушениях, имеют место случаи возврата протоколов об административном правонарушении по основаниям, не предусмотренным законом, когда недостатки в их оформлении возможно исправить при рассмотрении дела. К числу таких оснований, в частности, относятся:

отсутствие указания марки автомобиля, которым управляло лицо, привлекаемое к ответственности;

отсутствие указания на номер государственной регистрации автомобиля, которым управляло лицо, привлекаемое к ответственности;

отсутствие сведений, какой спиртной напиток употребляло лицо, в отношении которого составлен протокол;

отсутствие сведений, где находится водительское удостоверение;

отсутствие в акте медицинского освидетельствования сведений о согласии или несогласии лица с результатами освидетельствования, нарушение установленных ст. 28.5 и 28.8 КоАП РФ сроков составления протоколов и сроков направления дела на рассмотрение судьей, поскольку эти сроки не являются пресекательными, и возмож-

ность устранения данных недостатков уже утрачена;

отсутствие в деле определения должностного лица о направлении дела на рассмотрение судьей, когда санкция статьи, по которой обвиняется нарушитель, предусматривает только один вид наказания – лишение водительских прав, назначить которое может лишь судья.

В целях формирования единой практики применения норм, содержащихся в ст. 29.1 КоАП РФ, следует внести в нее изменения или дать соответствующее толкование в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, уточняющие, какие недостатки протокола об административном правонарушении носят существенный характер, влекущие возврат протокола органу, должностному лицу, составившему протокол, а какие недостатки протокола таковыми не являются.

Такие изменения в действующем законодательстве очень важны, поскольку в настоящий момент законодатель связывает возможность реализовать право на возвращение протокола для устранения недостатков только со стадией подготовки дела к рассмотрению. Если же недостатки протокола будут выявлены при непосредственном рассмотрении дела, то судья обязан их оценить и принять решение по существу.

Следующий вопрос, подлежащий выяснению судьей на этапе подготовки дела к рассмотрению, – имеются ли обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5. КоАП РФ).

К данным обстоятельствам законодатель относит: отсутствие события административного правонарушения; отсутствие состава административного правонарушения, в том числе недостижение физическим лицом на момент совершения противоправных действий (бездействия) возраста, предусмотренного Кодексом РФ об административных правонарушениях для привлечения к административной ответственности, или невменяемость физического лица, совершившего противоправные действия (бездействия); действие лица в состоянии крайней необходимости; издание акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания; отмену закона, установившего административную ответственность; истечение сроков давности привлечения к административной ответственности; наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о наложении административного наказания, либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении, либо постановления о возбуждении уголовного дела; смерть физического лица,

в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении (ст. 24.5 КоАП РФ).

Выяснение большинства из указанных в ст. 24.5 КоАП РФ обстоятельств не вызывает затруднений и действительно возможно на этапе подготовки дела к рассмотрению. В то же время сделать на указанном этапе выводы о наличии или отсутствии события и(или) состава административного правонарушения, о действиях лица в состоянии крайней необходимости весьма проблематично. Поэтому, как правило, решение сложных, требующих правовой оценки вопросов происходит на этапе рассмотрения дела об административном правонарушении по существу.

Далее, в соответствии с п. 5 ст. 29.1 КоАП РФ, судья при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении проверяет, достаточно ли имеющихся по делу материалов для его рассмотрения по существу.

В связи с тем, что ст. 28.8 КоАП РФ предусматривает обязанность уполномоченного лица по направлению для рассмотрения судьей только протокола или постановления прокурора об административном правонарушении, редакция п. 5 ст. 29.1 КоАП РФ возлагает на судью несвойственную его статусу обязанность по проверке полноты представленных для рассмотрения дела об административном правонарушении материалов.

На наш взгляд, вопрос о достаточности имеющихся по делу материалов – это вопрос о достаточности доказательств по делу, ведь протокол или постановление прокурора по делу об административном правонарушении являются процессуальным основанием производства и всего лишь одним из доказательств. К числу других доказательств относятся материалы – документы, вещественные доказательства и иные документы, прилагаемые к протоколу или постановлению прокурора.

Вопрос о достаточности доказательств, с нашей точки зрения, не должен разрешаться при подготовке дела к рассмотрению. Судья не должен в нарушение принципов производства по делу об административном правонарушении вмешиваться в деятельность административных органов по сбору доказательств по делу. Недостаточность доказательств по делу является одним из оснований для прекращения производства по делу – в соответствии с п. 2 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава административного правонарушения.

В связи с этим, по нашему мнению, п. 5 ст. 29.1 КоАП РФ подлежит исключению из КоАП РФ.

В подтверждение нашей позиции следует привести разъяснение из Обзора судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г., свидетельствующее об индифферентном отноше-

нии данного суда к количеству представляемых для рассмотрения вместе с протоколом или постановлением прокурора по делу об административном правонарушении материалов. На вопрос о том, какие документы кроме протокола об административном правонарушении, за совершение которого в соответствии с нормами КоАП РФ может быть назначено административное наказание в виде административного приостановления деятельности, могут быть представлены в суд, Верховным Судом РФ дан следующий ответ: В соответствии со ст. 26.2 КоАП РФ доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Следовательно, должностное лицо кроме составленного им протокола вправе представить в суд любые документы (материалы), на основании которых могут быть установлены обстоятельства, предусмотренные ст. 26.2 КоАП РФ. К таким документам, исходя из положений федерального закона от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», могут относиться: акт о результатах проведения мероприятий по контролю за соблюдением юридическим лицом при осуществлении его деятельности обязательных требований к товарам (работам, услугам), составленный на основании распоряжения (приказа) о проведении такого мероприятия; акты об отборе образцов продукции; заключения проведенных исследований и экспертиз; иные документы, связанные с результатами мероприятий по контролю. Учитывая изложенное и согласно ст. 28.8 КоАП РФ, должностное лицо направляет протокол об административном правонарушении со всеми материалами дела в адрес суда [5].

В соответствии с п. 6 ст. 29.1 КоАП РФ судья при подготовке дела об административном правонарушении должен выяснить вопрос о наличии или отсутствии отводов и ходатайств.

В соответствии со ст. 29.2 КоАП РФ к обстоятельствам, исключающим возможность рассмотрения дела об административном правонарушении судьей, относятся следующие случаи:

1) если судья является родственником лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшего, законного представителя физического или юридического лица, защитника или представителя;

2) судья лично, прямо или косвенно заинтересован в разрешении дела.

На наш взгляд, положения данной нормы не учитывают всех особенностей производства по делу об административном правонарушении.

Так, в практике встречаются случаи, когда протокол об административном правонарушении составляется должностным лицом, которое впоследствии избирается или назначается на должность судьи. И когда такое дело поступает для рассмотрения этому же судье, то формальных оснований для отвода (самоотвода) не имеется. Но вместе с тем рассмотрение этим судьей дела не вполне корректно.

В связи с этим для восполнения обнаруженного пробела считаем необходимым внести изменения в ст. 29.2 КоАП РФ, дополнив её пунктом 3 следующего содержания: «3) если судья участвовал в ходе производства по делу об административном правонарушении в качестве лица, уполномоченного на составление протокола об административном правонарушении».

КоАП РФ содержит новеллу – нормы, предусматривающие возможность самоотвода судьи при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 29.2 КоАП РФ. При этом в соответствии с п. 1 ст. 29.3 КоАП РФ заявление о самоотводе подается председателю соответствующего суда.

Считаем, что введение нормы, предусматривающей самоотвод, соответствует принципам производства по делу об административном правонарушении, обоснованно с точки зрения формализации судебного процесса.

Право заявлять отводы предоставлено следующим участникам производства по делам об административных правонарушениях: лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшему, законному представителю физического или юридического лица, защитнику, представителю и прокурору.

Пункт 3 ст. 29.3 КоАП РФ четко указывает вид судебного акта, которым разрешается вопрос по заявленному отводу или самоотводу: по результатам рассмотрения заявления об отводе или самоотводе судьи выносится определение об удовлетворении заявления либо об отказе в его удовлетворении.

Данная формулировка вполне удачна, однако, по нашему представлению, следует более детально урегулировать случаи разрешения председателем суда самоотводов. В интересах быстроты и экономичности производства по делам об административных правонарушениях целесообразно внести уточнение в ч. 1 ст. 29.3 КоАП РФ о возложении на председателя суда обязанности в случае удовлетворения заявления о самоотводе определить дальнейшую судьбу дела,

т. е. указать конкретного судью, которому будет передано дело для рассмотрения по существу.

Как судебный акт, препятствующий дальнейшему движению дела, определение об удовлетворении заявления либо об отказе в удовлетворении заявления об отводе в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию [6].

Представляется необходимым закрепить данное право обжалования в КоАП РФ.

Что касается формы, в которой излагается отвод, то КоАП РФ не отвечает на этот вопрос.

В связи с этим полагаем, что отвод может быть заявлен в любой форме, в том числе и в устной. Но вместе с тем устная форма отвода и отсутствие письменной фиксации приведенных в обоснование заявления отвода доводов в дальнейшем затруднит проверку дела вышестоящими инстанциями.

Поэтому по аналогии с ч. 2 ст. 24.4 КоАП РФ, предусматривающей обязательную письменную форму подачи ходатайств, рационально внести дополнение в п. 2 ст. 29.3 КоАП РФ, а именно законодательно закрепить письменную форму заявления об отводе.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на то, что КоАП РФ не устанавливает срок, в течение которого заявление об отводе (самоотводе) должно быть рассмотрено.

В соответствии с принципами производства по делу об административном правонарушении, в т. ч. в соответствии с принципом экономичности, считаем целесообразным установить законодателем в КоАП РФ такой срок, который, с нашей точки зрения, должен составлять одни сутки.

Формулировка пп. «а» п. 7 ч. 1 ст. 29.7 КоАП РФ об отложении дела «в случае поступления заявления об отводе судьи, рассматривающего дело» представляется некорректной, поскольку в случае поступления заявления об отводе судьи данный вопрос подлежит немедленному разрешению и смысла в отложении дела слушанием не усматривается. Поэтому данная норма, на наш взгляд, подлежит исключению из КоАП РФ.

Заявление же о самоотводе разрешается в соответствии с ч. 1 ст. 29.3 КоАП РФ председателем соответствующего суда, поэтому норма, предусматривающая возможность отложения дела слушанием в случае поступления заявления о самоотводе, вполне оправданна.

В соответствии с п. 6 ст. 29.1 КоАП РФ на этапе подготовки к рассмотрению дела об административном правонарушении судья также выясняет, имеются ли у участников производства по делу какие-либо ходатайства.

На наш взгляд, данная норма не обязывает судью проводить предварительное судебное за-

седание с целью разрешения заявленных ходатайств, а установление факта наличия или отсутствия ходатайств осуществляется на основе изучения поступивших на рассмотрение материалов дела. В случае, если ходатайство участника производства по делу об административном правонарушении уже имеется в материалах дела или поступило судье после получения дела об административном правонарушении (например, ходатайство об отложении дела слушанием), данное ходатайство подлежит разрешению.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении судья разрешает вопрос об отложении рассмотрения дела.

По нашему мнению, включение в состав ст. 29.4 КоАП РФ именно этого пункта не вполне корректно. Данное замечание можно аргументировать тем, что отложение рассмотрения дела возможно только тогда, когда рассмотрение дела уже было начато. Следовательно, отложение рассмотрения дела возможно лишь на этапе рассмотрения его по существу.

Кроме того, п. 7 ч. 1 ст. 29.7 КоАП РФ также предусматривает возможность отложения дела слушанием, но законодатель относит эту возможность уже конкретно к этапу непосредственного рассмотрения дела об административном правонарушении, что следует из названия ст. 29.7 КоАП РФ.

С учетом приведенных доводов п. 3 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ подлежит исключению.

В п. 5 рассматриваемой статьи также, на наш взгляд, допущена неточность. Так, при вынесении определения об отводе судьи, в дальнейшем не может ставиться вопрос о подведомственности дела. Поэтому с учетом ранее сформулированных предложений о том, что в случае удовлетворения заявления об отводе вопрос о судье, которому впоследствии будет передано дело об административном правонарушении для рассмотрения, решает председатель соответствующего суда, слова «либо вынесено определение об отводе судьи» подлежат исключению из п. 5 ч. 1 ст. 29.4 КоАП РФ.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что законодателем не установлены требования к определению, выносимому как в порядке подготовки дела к рассмотрению, так и к определению, выносимому в соответствии со ст. 29.9 КоАП РФ.

Представляется, что главу 29 КоАП РФ следует дополнить статьей, предусматривающей требования, предъявляемые к содержанию определения по делу об административном правонарушении, выносимых на различных этапах стадии рассмотрения дела.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 29.4 КоАП РФ судья разрешает вопрос о назначении времени и

места рассмотрения дела, о вызове лиц, указанных в ст. 25.1–25.10 КоАП РФ, об истребовании необходимых материалов по делу, о назначении экспертизы.

Несоблюдение процессуальных требований, предусмотренных указанной нормой, влечет отмену вынесенных судебных постановлений.

В заключение хотелось бы отметить, что подготовка к рассмотрению дела об административном правонарушении – это обязательный и самостоятельный этап стадии рассмотрения дела об административном правонарушении судом, имеющий целью обеспечить правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела, заключающийся в выяснении ряда важных вопросов и включающий следующие действия судьи: определение подведомственности и подсудности дела об административном правонарушении; проверку качества формы и содержания поступивших на рассмотрение материалов по делу об административном правонарушении; выяснение наличия обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении и возможность рассмотрения дела судьей; наличие ходатайств и отводов. Этап подготовки дела к рассмотрению является важным, поскольку недостаточная подготовка дела к рассмотрению приводит к ошибкам при вынесении постановления или решения. Учитывая сжатые сроки привлечения к административной ответственности, отмена судебного постановления может способствовать уклонению виновных от привлечения к административной ответственности. Поэтому при подготовке дела к рассмотрению необходимо выяснить достаточно полно и своевременно все вопросы, подлежащие проверке на данном этапе согласно КоАП РФ.

Примечания

1. Соловьева О. М. Производство по делам об административных правонарушениях: опыт системного изучения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 94.

2. Там же. С. 101.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса об административных правонарушениях» от 24 марта 2005 г. № 5 // Российская газета. 2005. 19 апр.

4. Справка о практике рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с безопасностью движения и эксплуатации транспорта (подготовлена Пермским краевым судом 23.04.2007 г.). URL: <http://www.nordcup.ru/index.php?ds=353006>.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2005 г., утв. Постановлением Президиума ВС РФ от 01.03.2006 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 5. С. 5.

6. Обзор практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2003 // Бюллетень ВС РФ. 2003. № 11. С. 12; Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О не-

которых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 24 марта 2005 г. № 5 // Российская газета. 2005. 19 апр.

УДК 342.922

Ф. Н. Киселев

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ И РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕГИСТРАЦИОННЫХ МЕР В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО САНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье вскрыты проблемы комплексной систематизации и регламентации регистрационных мер в сфере административного санкционирования и предложены пути их преодоления.

In the article problems of complex systematization and regulation of registration measures in the administrative sanctioning sphere are revealed and the ways of their surmounting are suggested.

Ключевые слова: административное санкционирование, регистрационное законодательство, регистрационные меры, регистрационные процедуры.

Keywords: administrative sanctioning, registration legislation; registration measures, registration procedures.

Из анализа сформировавшегося отечественного административного федерального законодательства, регулирующего общественные отношения, связанные с официальным разрешением, одобрением, признанием правильным, возможным правомерного использования техногенных и природных источников опасности (далее – сфера административного санкционирования), можно выделить ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, содержащих нормы, в которых формально определены, детализированы и конкретизированы разнообразные способы и приемы официального признания возможности физических и юридических лиц по использованию отдельных видов техногенных источников опасности.

Выделяемый массив федерального законодательства предлагается назвать регистрационным законодательством в сфере административного санкционирования.

В структуре регистрационного законодательства в сфере административного санкционирования можно выделить следующие специальные федеральные законы: ФЗ от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [1]; ФЗ от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых

продуктов» [2]; ФЗ от 22.06.1998 г. № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» ФЗ от 21.07.1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» [3]; ФЗ от 19.07.1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» [4]; ФЗ от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [5]; ФЗ от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» [6]; ФЗ от 14.03.2009 г. № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» [7].

Из множества подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации к регистрационному законодательству можно отнести:

– специальные постановления Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 21.12.2000 г. № 988 «О государственной регистрации новых пищевых продуктов, материалов и изделий» [8]; Постановление Правительства РФ от 04.04.2001 г. № 262 «О государственной регистрации отдельных видов продукции, представляющих потенциальную опасность для человека, а также отдельных видов продукции, впервые ввозимых на территорию Российской Федерации» [9]; Постановление Правительства РФ от 12.11.1992 г. № 869 «О государственной регистрации потенциально опасных химических и биологических веществ» [10]; Постановление Правительства РФ от 18.01.2002 г. № 26 «О государственной регистрации кормов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов» [11]; Постановление Правительства РФ от 12.10.2004 г. № 539 «О порядке регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств» [12]; Постановление Правительства РФ от 24.11.1998 г. № 1371 «Об утверждении Правил регистрации объектов в государственном реестре опасных производственных объектов» [13];

– административные регламенты федеральных органов исполнительной власти, наделяемых регистрационными полномочиями (Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по регистрации изделий медицинского назначения [14]; Административный регламент Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по государственной регистрации лекарственных средств [15]; Административный регламент исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по осуществлению государственной регистрации пестицидов и агрохимикатов [16]; Административный регламент исполнения Федеральной службой по ветеринар-

ному и фитосанитарному надзору государственной функции по государственной регистрации кормов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов [17]; Административный регламент Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по исполнению государственной функции по регистрации опасных производственных объектов и ведению реестра опасных производственных объектов [18]; Административный регламент исполнения Роспотребнадзором государственной функции по государственной регистрации отдельных видов продукции, представляющих потенциальную опасность для человека (кроме лекарственных средств); отдельных видов продукции, в том числе пищевых продуктов, впервые ввозимых на территорию Российской Федерации) [19];

– специальные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, устанавливающие общеобязательные правила государственной регистрации отдельных видов техногенных источников опасности (Приказ Минсельхоза России от 10.07.2007 г. № 357 «Об утверждении Порядка государственной регистрации пестицидов и агрохимикатов» [20], Правила государственной регистрации тракторов, самоходных дорожно-строительных и иных машин и прицепов к ним органами государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации (Гостехнадзора) (утв. Минсельхозпродом РФ 16.01.1995) [21], Приказ Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 26.02.2006 г. № 35 «О государственной регистрации пищевых добавок территориальными органами Роспотребнадзора» [22] и др.).

Следует заметить, что в нормах составленного ряда нормативных правовых актов закреплены разнообразные регистрационные административно-правовые меры, применяемые уполномоченными субъектами исполнительной власти в отношении физических и юридических лиц. При этом следует отметить, что формально определенные регистрационные меры до настоящего времени не систематизированы и не унифицированы.

Действия и решения органов исполнительной власти по применению регистрационных мер в сфере административного санкционирования регламентированы в разной степени посредством нормативных актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти. Наиболее глубокой регламентации подвергнуты те виды регистрационных мер, которые закреплены в административных регламентах уполномоченных федеральных органов исполнительной власти. В этих случаях основным

средством регламентации выступают административные регистрационные процедуры, определяющие вид, характер, последовательность и срочность типичных регистрационных действий органов исполнительной власти по использованию техногенных источников опасности.

По нашему убеждению, достигнутый уровень регистрационного законодательства не обеспечивает необходимого единообразия, высокого качества и оперативности применения регистрационных мер в Российской Федерации. В свете проводимой в стране административной реформы считаем необходимым разработать и провести в жизнь научно обоснованную комплексную систематизацию и регламентацию регистрационных мер в сфере административного санкционирования.

В рамках предложенной систематизации и регламентации исследуемых мер из анализа материальных норм выделенного массива законодательства можно составить ряд унифицированных регистрационных мер, применяемых в сфере административного санкционирования:

1) государственная регистрация потенциально опасных для человека видов продукции, а также отдельных видов продукции, химических и биологических веществ, отходов производства и потребления [23];

2) государственная регистрация новых пищевых продуктов, материалов и изделий [24];

3) государственная регистрация лекарственных средств [25];

4) государственная регистрация пестицидов и ядохимикатов [26];

5) государственная регистрация медицинских изделий [27];

6) государственная регистрация управляемых техногенных источников опасности (автотранспорта [28], тракторов, самоходных дорожно-строительных и иных машин [29], маломерных судов [30], воздушных судов [31] и др.);

8) государственная регистрация корма, полученного из генно-инженерно-модифицированных организмов [32];

9) государственная регистрация опасных производственных объектов [33].

Комплексный анализ административно-процессуальных норм, регламентирующих выделенные меры, позволяет разработать ряд типизированных административных процедур, в соответствии с которыми применяются регистрационные меры.

С нашей точки зрения, типизированными административными процедурами государственной регистрации отдельных видов продукции, веществ и препаратов являются:

– проведение экспертизы документов, представляемых заявителем;

– проведение экспертизы результатов токсикологических, гигиенических, ветеринарных и иных видов исследований (испытаний) (органолептические, физико-химические, микробиологические, радиологические по допустимому содержанию химических, радиологических, биологических объектов, запрещенных компонентов и их соединений, микроорганизмов и других биологических агентов, представляющих опасность для здоровья человека, эффективность применения – для дезинфекционных средств и биологически активных добавок к пище) продукции;

– принятие решения о выдаче свидетельства о государственной регистрации продукции, веществ, препаратов или об отказе в государственной регистрации;

– внесение сведений о продукции и ее изготовителе (поставщике), веществах и препаратах в соответствующие государственные реестры;

– внесение изменений в свидетельство о государственной регистрации, выдача нового свидетельства о государственной регистрации взамен утраченного.

Типизированными административными процедурами регистрации лекарственных средств, на наш взгляд, следует признать:

– рассмотрение документов и принятие решения о государственной регистрации лекарственных средств;

– внесение изменений в регистрационную документацию на лекарственные средства.

В качестве типизированных административных процедур государственной регистрации пестицидов или агрохимикатов следует признать:

– рассмотрение заявления с комплектом документов на государственную регистрацию пестицида или агрохимиката;

– принятие решения о государственной регистрации пестицида или агрохимиката или об отказе в государственной регистрации пестицида или агрохимиката;

– направление в Минсельхоз России информации о государственной регистрации пестицида или агрохимиката после выдачи свидетельства о государственной регистрации пестицида или агрохимиката;

– издание приказа Россельхознадзора о государственной регистрации пестицида или агрохимиката и выдача свидетельства о государственной регистрации пестицида или агрохимиката.

– направление в Минсельхоз России информации о государственной регистрации пестицида или агрохимиката для ее внесения в Государственный каталог пестицидов и агрохимикатов, разрешенных к применению на территории Российской Федерации.

Типизированными административными процедурами государственной регистрации изделий

медицинского назначения, на наш взгляд, являются:

– рассмотрение документов и принятие решения о регистрации изделий медицинского назначения;

– внесение изменений в регистрационную документацию на изделия медицинского назначения.

В качестве типизированных административных процедур государственной регистрации управляемых техногенных источников опасности предлагается следующее:

– прием заявления о государственной регистрации управляемого техногенного источника опасности;

– осмотр и проверка учетных данных представленного управляемого техногенного источника опасности;

– постановка и снятие с учета представленного управляемого техногенного источника опасности;

– выдача регистрационных документов и знаков управляемого техногенного источника опасности.

Типизированными административными процедурами государственной регистрации корма, полученного из генно-инженерно-модифицированных организмов, являются:

– рассмотрение регистрационных документов,
– принятие Россельхознадзором решения о государственной регистрации генно-инженерно-модифицированного корма;

– выдача свидетельства о государственной регистрации генно-инженерно-модифицированного корма или отказ в государственной регистрации корма;

– продление срока действия свидетельства о государственной регистрации генно-инженерно-модифицированного корма.

Типизированными административными процедурами государственной регистрации опасных производственных объектов являются:

– регистрация (перерегистрация) опасных производственных объектов;

– ведение государственного реестра опасных производственных объектов.

К типизированным административным процедурам государственной регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств гражданского назначения относятся:

– оформление свидетельства о регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств;

– оформление дубликата свидетельства о регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств;

– перерегистрация радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств гражданского назначения;

– прекращение действия ранее выданного свидетельства о регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств;

– предоставление сведений о радиоэлектронных средствах и высокочастотных устройствах и их владельцах государственным органам в соответствии с их полномочиями.

Выделенные унифицированные виды регистрационных мер административного санкционирования и соответствующие им типизированные административные процедуры предлагается закрепить в специальном кодифицированном федеральном законе «Об основах административного санкционирования». Соответственно, будет логичным объединить данные меры в специальной главе закона «Регистрационные меры». В названной главе целесообразно закрепить типизированные административные процедуры, определяющие содержание данных мер, в таких разделах, как «Государственная регистрация отдельных видов продукции, веществ и препаратов», «Государственная регистрация лекарственных средств», «Государственная регистрация изделий медицинского назначения», «Государственная регистрация корма, полученного из генно-инженерно-модифицированных организмов», «Государственная регистрация управляемых техногенных источников опасности», «Государственная регистрация опасных производственных объектов», «Государственная регистрация радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств гражданского назначения».

Примечания

1. СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.
2. СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.
3. СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3006.
4. СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510.
5. СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348.
6. СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.
7. СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1260.
8. СЗ РФ. 2001. № 1 (ч. II). Ст. 124.
9. СЗ РФ. 2001. № 28. Ст. 2895.
10. САПП. 1992. № 20. Ст. 1669.
11. СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 323.
12. БНА. 2006. № 36.
13. СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5938.
14. Приказ Минздравсоцразвития России от 30.10.2006 № 735 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по регистрации изделий медицинского назначения» // БНА. 2006. № 51.
15. Приказ Минздравсоцразвития России от 30.10.2006 № 736 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по государственной регистрации лекарственных средств» // БНА. 2006. № 52.
16. Приказ Минсельхоза России от 17.06.2009 № 231 «Об утверждении Административного регламента»

мента исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по осуществлению государственной регистрации пестицидов и агрохимикатов» // БНА. 2009. № 34.

17. Приказ Минсельхоза России от 06.10.2009 № 466 «Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору государственной функции по государственной регистрации кормов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов» // БНА. 2009. № 51.

18. Приказ Ростехнадзора от 04.09.2007 № 606 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору по исполнению государственной функции по регистрации опасных производственных объектов и ведению государственного реестра опасных производственных объектов» // БНА. 2007. № 46.

19. Приказ Минздравсоцразвития России от 19.10.2007 № 657 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по исполнению государственной функции по государственной регистрации впервые внедряемых в производство и ранее не использовавшихся химических, биологических веществ и изготавливаемых на их основе препаратов, потенциально опасных для человека (кроме лекарственных средств); отдельных видов продукции, представляющих потенциальную опасность для человека (кроме лекарственных средств); отдельных видов продукции, в том числе пищевых продуктов, впервые ввозимых на территорию Российской Федерации» // БНА. 2008. № 6.

20. БНА. 2007. № 37.

21. БНА. 2005. № 5.

22. БНА. 2006. № 17.

23. См.: Ст. 2 ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

24. См.: Ст. 10 ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000 № 29-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

25. См.: Гл 15 ФЗ «О лекарственных средствах» от 22.06.1998 № 86-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3006.

26. См.: Ст. 12 ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» от 19.07.1997 № 109-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510.

27. См.: Приказ Минздравсоцразвития России от 30.10.2006 № 735 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития по исполнению государственной функции по регистрации изделий медицинского назначения» // БНА. 2006. № 51.

28. См.: Ст. 15 ФЗ «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4873.

29. См.: Правила государственной регистрации тракторов, самоходных дорожно-строительных и иных машин и прицепов к ним органами государственного надзора за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники в Российской Федерации (гостехнадзора) (утв. Минсельхозпродом РФ 16.01.1995) // БНА. 2005. № 5.

30. См.: Приказ МЧС РФ от 29.06.2005 № 500 «Об утверждении Правил государственной регистрации

маломерных судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» // БНА. 2005. № 35.

31. См.: Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 12. Ст. 1383; ФЗ от 14.03.2009 № 31-ФЗ «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними» // СЗ РФ. 2009. № 11. Ст. 1260.

32. См.: ФЗ от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 28. Ст. 3348; Постановление Правительства РФ от 18.01.2002 № 26 «О государственной регистрации кормов, полученных из генно-инженерно-модифицированных организмов» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 323.

33. Ст. 2 ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 № 116-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3588.

УДК 342.9(410)

Е. А. Устюжанинова

Трибуналы как форма административной юстиции Великобритании

В статье рассматриваются основы правового статуса трибуналов Великобритании, образующих систему квазисудебных органов по разрешению споров между гражданами, организациями и органами публичного управления в сфере административно-правового регулирования. Исследуются отличительные черты и преимущества трибуналов в сравнении с обычными судами Великобритании. Автор касается также современной реформы системы трибуналов, осуществленной на основе Закона о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г.

The article considers the foundations of legal status of tribunals in Great Britain, constituting the system of quasi-judicial bodies to resolve disputes between citizens, organizations and public authorities in the administrative law regulated field. The distinguishing features and advantages of tribunals as compared to the courts of law in Great Britain are also examined. In addition the author touches upon the present-day reforms made to the tribunal system on the base of Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007.

Ключевые слова: административная юстиция, судебный контроль, публичная власть, квазисудебные органы, трибуналы, преимущества трибуналов, доступность, независимость, открытость, беспристрастность, право обжалования, реформа системы трибуналов, Трибунал первого уровня, Высший трибунал, Совет по административной юстиции и трибуналам.

Keywords: administrative justice, judicial review, public authority, quasijudicial bodies, tribunals, advantages of tribunals, accessibility, independence, openness, impartiality, right of appeal, reorganization of tribunal system, First-tier tribunal, Upper Tribunal, Administrative Justice and Tribunals Council.

© Устюжанинова Е. А., 2011

Как известно, в российской науке административного права понятие административной юстиции определяется многоаспектно. Так, по мнению Н. Г. Салищевой и Н. Ю. Хаманевой, основное содержание института административной юстиции составляет судебный контроль за законностью действий органа (должностного лица) публичной власти [1]. Ю. Н. Старилов считает, что в настоящее время основную тенденцию в формировании судебного контроля за публичным управлением в России можно обозначить как переход от административной юстиции к административному судопроизводству. В современном «правовом мире» административная юстиция выполняет важную функцию судебного контроля посредством использования соответствующих процессуальных норм в системе административного судопроизводства. Административная юстиция – самостоятельная ветвь судопроизводства (правосудие), занимающегося рассмотрением правовых споров, возникающих в сфере управления, и направленного на обеспечение субъективных публичных прав и свобод физических и юридических лиц [2].

Что касается конкретных моделей административной юстиции в различных странах, то они весьма разнообразны. Во французском административном праве данный институт понимается как отдельная ветвь правосудия – административное правосудие, осуществляемое системой специально созданных для этой цели учреждений – административных судов. Англосаксонская модель административной юстиции исходит из того, что акты управления должны подчиняться контролю общих судов. Однако в Англии существуют также многочисленные квазисудебные органы (трибуналы, расследования и т. д.), занимающие промежуточное положение между администрацией и судебной властью, решения которых, тем не менее, также подлежат надзорной юрисдикции, осуществляемой судами. Изучение своеобразного положения указанных органов в правовой системе Великобритании позволило многим отечественным ученым прийти к выводу, что именно трибуналы и расследования представляют собой органы административной юстиции Великобритании [3].

По мнению И. А. Кузовкова [4], трибуналы представляют собой независимые судебские органы, учрежденные парламентом для рассмотрения жалоб на решения, принятые по некоторым категориям дел государственными служащими, а также иными уполномоченными лицами. По своей природе трибуналы сочетают в себе как черты судебных (государственных), так и черты арбитражных органов. В последнее время также появились работы, посвященные административной юстиции Великобритании как судебному пе-

ресмотру действий и решений органов исполнительной власти и должностных лиц [5]. Однако все исследователи сходятся в том, что система трибуналов не входит в состав судебной системы Великобритании [6].

Анализируя современное положение трибуналов, необходимо иметь в виду, что в течение последнего десятилетия правовая система Великобритании подверглась существенным изменениям в связи с конституционной реформой, начатой в 2005 г. [7] До Закона о конституционной реформе 2005 г. были приняты также Закон о правах человека 1998 г. (Human Rights Act 1998) [8], инкорпориовавший в британское законодательство Европейскую конвенцию по правам человека, что еще более усилило роль суда в сфере ограничения возможных злоупотреблений властью, и Правила гражданского судопроизводства 1998 г. (Civil Procedure Rules 1998) [9], явившиеся, в том числе, правовой основой юрисдикции судебного контроля (Judicial Review) за действиями и решениями органов публичного управления Великобритании. В свете принятых мер система трибуналов также нуждалась в принципиальных изменениях, которые и были осуществлены путем принятия Закона о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. (Tribunal, Courts and Enforcement Act 2007) [10]. Однако, прежде чем анализировать сущность реформы системы трибуналов 2007 г., необходимо рассмотреть ее исторические предпосылки.

Считается, что трибуналы появились в Великобритании главным образом в XX в. Уже в 1916 г. В. А. Гаген [11], говоря об организации административной юстиции в Западной Европе, указывал, что английское право не знает административных судов, отличных от обыкновенных судов, которые бы имели общую компетенцию в сфере управления. Однако в виде исключения в Англии есть специальные суды, не зависящие от администрации, которые разрешают некоторые вопросы публичного права. Среди них В. А. Гаген называет Железнодорожную Комиссию, которая разрешает иски, жалобы по поводу невыполнения железнодорожными компаниями обязательств, возложенных на них законом относительно эксплуатации; наблюдательные суды, учрежденные актом 1876 г. о торговых судах, которые разрешают споры между арматорами и министерством торговли по поводу способности данного корабля плавать; а также об органах власти, которые не называются судами, но тем не менее могут рассматриваться как настоящие административные суды, например Комиссия по обложению налогом.

В. К. Пучинский в 1974 г. отмечал «тенденцию к увеличению количества и расширению сферы деятельности различных административ-

ных трибуналов, иногда формально именуемых судами» [12], а также то, что на протяжении XX в. объем работы этих учреждений непрерывно возрастает. Это учреждения, которые являются более гибкими, оперативными, чем суды, органами. Анализ деятельности трибуналов даже позволил ему сделать вывод о том, что «издавна рекламируемая в Англии идея о праве каждого человека искать защиты нарушенных интересов в обычных британских судах терпит явный урон в связи с развитием административной юстиции» [13].

В английской юридической литературе [14] отмечается, что впервые принцип разрешения вопросов права исключительно судом был нарушен для обеспечения более эффективного взимания таможенных сборов. Выполнение судебных функций было возложено на Уполномоченных по таможенным и акцизным сборам (Commissioners of Customs and Excise) статутами, датированными 1660 г. Закон о пенсиях по достижении преклонного возраста 1908 г. (Old Age Pensions Act 1908) и Закон о национальном страховании 1911 г. (National Insurance Act 1911) создали новый вид трибуналов: Закон 1908 г. учредил местные пенсионные комитеты (local pensions committees) для разрешения споров в данной сфере с правом обжалования их решений в Совет по местному самоуправлению (Local Government Board), а Закон 1911 г., явившийся во многом прототипом современного английского законодательства по социальному обеспечению, предусматривал обжалование относительно страхования от безработицы в третейский суд (court of referees) с дальнейшим правом апелляции арбитру (umpire). Хотя в начале века использовались различные методы урегулирования споров, но модель, существующая в сфере страхования от безработицы, была вскоре признана самой удачной, и трибуналы в других областях создавались по ее типу.

Требования к трибуналам впервые были определены Комитетом по министерским полномочиям, созданным под председательством Лорда Дономора (Lord Donoughmore) в связи с наметившейся тенденцией усиления влияния исполнительной власти, что выразилось в росте делегированного законодательства, предоставлении гражданским служащим полномочий по принятию решений, носящих квазисудебный характер, и возможности избегать судебного контроля над принятыми решениями. В своем докладе, опубликованном в 1932 г., Комитет обратил внимание на необходимость соблюдения трибуналами принципов естественного правосудия (Natural Justice), выделил такие виды решений, как судебные, квазисудебные и административные, и определил три типа трибуналов [15].

Комитет считал, что там, где возможно, судебные решения должны выноситься судами. Вынесение квазисудебных решений должно возлагаться на органы, отличные от судов. Подобный метод обычно быстрее и дешевле. Он менее техничен и, находясь за пределами традиций судов, менее формален. Кроме того, в этом случае обстоятельства дела рассматриваются специалистами в той сфере, к которой относится спорный вопрос. Конечно, эти характеристики делают трибуналы менее совершенным инструментом для установления фактов, чем обычные суды, что и служит основанием для возражений. Более важно, утверждают противники данного метода, то, чтобы свершилось правосудие, а не то, чтобы неправосудие вершилось быстрее и удобнее. Однако там, где тяжущиеся часто малоимущи и малознакомы с судебной процедурой, сложный и дорогой судебный процесс исключительно по этой причине может действовать несправедливо (may work injustice). Там, где совершенство недостижимо, можно только сопоставить различные факторы, ведущие к несправедливости, и принять наименее неудовлетворительный метод.

Комитет выделил три типа внесудебных трибуналов (extra-judicial tribunals). Специализированными судами (specialized courts) Комитет называл те трибуналы, которые, находясь вне обычной судебной системы, тем не менее являются судами, действующими по нормам права (courts of law). Это, например, Транспортный трибунал (Transport Tribunal) или трибунал по вопросам квартирной платы (rent tribunal). Есть весьма мало оснований утверждать, что эти трибуналы составляют часть исполнительной власти. Они имели бы большую претензию на беспристрастность, если бы назначение и освобождение их членов от должности было бы независимым от каких-либо правительственных министров, но в любом случае их процедура, по существу, может быть описана как судебное слушание (as a hearing before a court). Кроме того, существуют менее формальные трибуналы, предназначенные для разрешения споров определенных типов, возникающих в связи с деятельностью отдельного департамента. Таковым, например, был третейский суд, действовавший согласно Законам о страховании от безработицы (Unemployment Insurance Acts) в период с 1920 по 1930 г. Комитет отнес их к так называемым министерским трибуналам (ministerial tribunals). И наконец, споры могут разрешаться самим министром. Комитет считал, что в большинстве случаев эта практика менее удовлетворительна, чем передача спора на разрешение министерского трибунала, учрежденного для этой цели. По словам П. Арчера [16], было бы слишком требовать от министра выполнения функций и администратора, и судьи, а затем на-

стаивать, чтобы перед принятием любого решения он останавливался и спрашивал себя, действует ли он сейчас в качестве судьи (и потому подчиняется нормам, применимым к судебным трибуналам) или в роли администратора (и в этом случае нормы уступают место необходимости решительного руководства).

Однако Комитет настаивал, что при передаче некоторых типов споров юрисдикции министерских трибуналов требуются определенные меры предосторожности (safeguards). Прежде всего, необходимо сохранить надзорную юрисдикцию Высокого Суда над нижестоящими трибуналами, действующими с превышением своей юрисдикции. Было указано на необходимость более простой и более эффективной процедуры, посредством которой такая юрисдикция могла бы осуществляться. Во-вторых, трибуналы должны соблюдать принципы естественного правосудия, о чем уже было сказано выше. В-третьих, Комитет рекомендовал, чтобы после проведения публичных расследований (public inquiries) доклады инспекторов подлежали опубликованию. Имелась в виду ситуация, когда определенные решения принимаются после проведения публичного расследования инспектором, представляющим затем свой доклад министру. В таких случаях решение принимает министр, функция инспектора ограничена представлением министру результатов расследования. Обычно доклад инспектора конфиденциален, и стороны не могут знать, содержит ли доклад какие-либо наблюдения, которые надо оспаривать, и были ли надлежащим образом оценены их доводы. Комитет возражал против секретности и анонимности в судебных и квазисудебных процедурах, утверждая, что таким образом может быть достигнут большой прогресс в судебном контроле даже при существующем состоянии права, поскольку сейчас трибунал может избежать такого контроля, просто утаивая свои мотивы. Кроме того, секретность может принимать иную форму. Некоторые департаменты выпускают руководства для применения их ведомственными трибуналами, но которые часто трактуются как строго конфиденциальные. Однако элементарным принципом конституционного правления является то, что каждый перед преданием суду может знать закон, в соответствии с которым его будут судить. Хотя в определенных обстоятельствах могут существовать мотивы для данной формы секретности, справедливость требует, чтобы обычно нормы, в соответствии с которыми трибуналы принимают свои решения, были известны обеим сторонам. Это особенно важно, когда одна из сторон – это департамент, который издал эти нормы. И наконец, Комитет подчеркнул, что должна существовать возможность обращения в Вы-

сокий суд в случае, если возникает вопрос права. Жалоба в Высокий суд по вопросу фактических обстоятельств является нежелательной, и, если когда-либо такая необходимость возникнет, для этой цели должны быть созданы специальные апелляционные трибуналы. Должна быть разработана специальная процедура для того, чтобы обращение в данные трибуналы не привело к аннулированию тех преимуществ рассмотрения спора, которыми обладает система трибуналов, а именно дешевизны и более быстрой процедуры. Решение Высокого суда должно быть окончательным.

В 1957 г. Комитет по административным трибуналам и расследованиям (Committee on Administrative Tribunals and Enquiries) [17], созданный в 1955 г. под руководством сэра Оливера Фрэнкса (Sir Oliver Franks), опубликовал свой доклад [18], в котором отметил, что система трибуналов должна отвечать трем тесно связанным характеристикам: открытость (что требует публичности процедуры и изложения мотивов решения), справедливость (что означает понятную процедуру, которая позволяет сторонам знать свои права, обстоятельства дела и излагать свое дело полностью) и беспристрастность (что требует свободы трибуналов от влияния, реального или кажущегося, департаментов, которых затрагивают их решения). Комитет Фрэнкса подчеркнул также, что трибуналы имеют определенные преимущества перед судами, это дешевизна, доступность, свобода от формальностей, быстрота и знание экспертами специфических вопросов. Однако в качестве основного принципа Комитет выдвинул то, что «принятие решения должно быть возложено на суд, а не на трибунал, если отсутствуют особые соображения, которые делают трибунал более предпочтительным» [19]. Доклад Комитета Фрэнкса содержал полный анализ системы трибуналов и явился поворотным пунктом в ее развитии. Если ранее трибуналы были слишком изолированы от остальных составляющих правовой системы, то с тех пор было признано, что создаваемые статутами трибуналы составляют часть механизма правосудия (justice) в государстве, а не просто административное приспособление для более комфортабельного рассмотрения жалоб. Позиция Комитета заключалась в том, что трибуналы не могут быть придатком администрации, за которую несет ответственность правительство. Трибуналы предназначены для разрешения споров, не являются частью администрации, и решения трибуналов должны быть независимы от соответствующего департамента.

Комитет по административным трибуналам и расследованиям рекомендовал ряд мер по приведению системы трибуналов в контакт с обычны-

ми судами, совершенствованию стандартов правосудия, которые использовали трибуналы, и наведению порядка и дисциплины. В том числе было рекомендовано образование постоянного Совета по трибуналам, который осуществлял бы надзор за их созданием и процедурой. Необходимые изменения были осуществлены Законом о трибуналах и расследованиях 1958 г. и путем внесения изменений в административные руководства и практику. В результате трибуналы «заняли свое надлежащее место в правовой системе и начали действовать во взаимодействии с ней, вместо того, чтобы ей противостоять» [20]. В последующие годы Закон 1958 г. был заменен Законом о трибуналах и расследованиях 1971 г. (Tribunals and Enquiries Act 1971), а затем – Законом 1992 г. (Tribunals and Enquiries Act 1992).

В мае 2000 г. правительство поручило провести независимый анализ системы трибуналов, который был выполнен сэром Эндрю Легаттом, бывшим судьей Апелляционного суда (Sir Andrew Leggatt, a former Lord Justice of Appeal) с помощью экспертов. В докладе, явившемся результатом данного анализа, который назывался «Трибуналы для потребителей, одна система – один сервис: доклад по результатам анализа системы трибуналов» (“Tribunals for Users, One System One Service: Report of the Review of Tribunals”) [21] (август 2001 г.), эксперты пришли к выводу, что из всех качеств, которыми должны бы обладать трибуналы, наиболее важным является независимость, которая в нынешних условиях, когда государственные департаменты могут оказывать трибуналам административную поддержку, выплачивать членам трибуналов гонорары и оплачивать их издержки, назначать некоторых из них, обеспечивать поддержку в сфере информационных технологий и способствовать принятию законодательства, устанавливающего процедуру, которой трибуналы должны следовать, является недостижимой [22]. В докладе рекомендовалось учредить единую Службу трибуналов (Tribunals Service), задачами которой было бы повышение статуса трибуналов путем сохранения качеств, отличающих трибуналы от судов; обеспечение большей административной эффективности, лучшего использования имеющихся ресурсов; улучшение географического положения центров трибуналов, применение общих стандартов, усиление корпоративного имиджа, предоставление больших возможности для получения удовлетворения от работы; достижение лучших отношений между членами трибуналов и административным персоналом и т. д.

Доклад Легатта рекомендовал упрощение процедуры обжалования решений трибуналов, поскольку существовали разные формы обжалования. Решение одного трибунала могло обжаловаться

в другой; решения обжаловались в обычный суд; министру; решение министра – в обычный суд; право обжалования могло вообще не предусматриваться. В разных случаях было возможно обжаловать решение трибунала по вопросам права или факта или по обоим основаниям.

Кроме того, рекомендовалось, чтобы система трибуналов была реорганизована в единую структуру, предоставляющую доступ во все трибуналы. Трибуналы первого уровня (first-tier tribunals) должны быть организованы в 8 отделений (Divisions) для рассмотрения споров между гражданами и государством и одно отделение для рассмотрения споров между сторонами. Каждое отделение будет объединять соответствующие трибуналы вместе (в сфере финансов, социального обеспечения, транспорта и т. д.). Отделение для рассмотрения споров между сторонами будет состоять преимущественно из трудовых трибуналов. Рекомендации, выраженные в Докладе Легатта, нашли свое отражение в Законе о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. (Tribunals, Courts and Enforcement Act 2007), о котором речь пойдет ниже.

Трибуналы учреждаются на основании статутов, поэтому их называют статутными трибуналами. Часто используемое название «административные трибуналы» способно по некоторым причинам ввести в заблуждение. Для учреждения трибунала необходим акт парламента. Иногда полномочия по учреждению трибунала делегируются министру, но в акте парламента указывается ясное намерение законодателя создать трибунал. Кроме того, решения большинства трибуналов носят скорее судебный, чем административный характер, поскольку трибунал должен установить факты, а затем применить к ним установленные нормы права, безотносительно к политике исполнительной власти. Помимо этого трибуналы разрешают не только те дела, где стороной является правительственный департамент и, что наиболее важно, трибуналы являются независимыми органами. Административное вмешательство в разрешение дела трибуналом недопустимо, никакой министр не отвечает за вынесенное трибуналом решение, в качестве членов трибуналов не назначаются чиновники или лица, подчиняющиеся администрации.

Суды и трибуналы выполняют функции по разрешению споров. Обычно само название указывает на то, является данный орган судом или трибуналом. Однако более важным критерием для их разграничения является природа выполняемых ими функций. Как было указано в деле «A-G v BBC» [23], обычный суд (court of law or court of judicature) является органом, созданным законом для осуществления судебной власти госу-

дарства. В этом контексте судебная власть отличается от законодательной и исполнительной (т. е. административной) властей. Если рассматриваемый орган создается с чисто законодательной или административной целью, он является частью законодательной или административной системы государства, даже если он должен выполнять судебные по характеру обязанности.

В настоящее время трибуналы сохранили свои преимущества, которые обусловили их возникновение и существование, отличающие их от системы обычных судов. Трибуналы рассматривают дела быстрее, процедура менее формальна, чем в судах, все стороны могут сидеть за одним столом. Трибуналы не приводят к присяге и обычно не придерживаются норм о доказательствах, применяемых в судах. При рассмотрении дела трибуналы обычно используют устную процедуру. Часто не требуется представительство (если не рассматриваются вопросы права), но, если оно все же используется, плата за него бывает меньше, чем при аналогичной процедуре в суде. Обычно не бывает нужна и юридическая консультация. Практический опыт членов трибуналов позволяет им быстрее вникать в суть дела и разрешать его к общему удовлетворению, особенно если обстоятельства дела сходны с теми случаями, которые обычно рассматриваются трибуналами. За исключением председателя, который обычно является юристом, все остальные члены трибуналов имеют специализацию в отдельных областях. Трибуналы более доступны не только в плане процессуальных вопросов и в материальном смысле, но и в том, что касается физической доступности. Обычно трибуналы стараются располагать таким образом, чтобы обеспечить возможность для потребителей добираться до них легко и быстро. Трибуналы имеют местные представительства, а кроме того, могут сами передвигаться по стране, осуществляя рассмотрение дел. Еще одним подтверждением стремления государства сделать трибуналы по-настоящему доступными для всех слоев населения является руководство (guidance), выпущенное в ноябре 2002 г. Советом по трибуналам совместно с Комиссией по правам недееспособных граждан (Disability Rights Commission), о том, как сделать трибуналы доступными для недееспособных лиц. Данное руководство явилось результатом Закона о запрете дискриминации недееспособных лиц 1995 г. (Disability Discrimination Act 1995) [24], который признает незаконной дискриминацию недееспособных лиц в отношении некоторых видов деятельности, в том числе услуг, предоставляемых трибуналами.

Весьма значительная роль, которую играют трибуналы в современной правовой системе Великобритании, может быть показана на примере

специализированных трудовых трибуналов (employment tribunals), действующих при разрешении трудовых споров [25]. Ранее данные трибуналы назывались промышленными (industrial tribunals). Трудовые трибуналы, как отмечается в современной британской юридической литературе [26], представляют собой гибридную форму между судебным разбирательством и альтернативным разрешением трудовых споров. За последние годы их роль существенно возросла, что подтверждается следующей статистикой: если в 1989 г. трудовые трибуналы рассмотрели 29 тысяч дел, то к 1999 г. количество рассмотренных дел увеличилось до 74 тысяч [27]; количество принятых исковых заявлений в британские трудовые трибуналы увеличивалось с 2004 г. по 2007 г. с 86 181 до 132 577 [28]. Однако отмечается заметная тенденция к существенному уменьшению количества коллективных трудовых споров при одновременном росте числа индивидуальных, причиной чего может быть ослабление профсоюзного движения и снижение забастовочной активности, что способствует увеличению загрузки трудовых трибуналов как оставшегося канала для защиты работниками своих прав.

Тем не менее используемая политика учреждения нового трибунала *ad hoc* для целей отдельного статута, вместо реорганизации уже существующих трибуналов, в конце концов привела к неконтролируемому росту различных типов трибуналов, в результате чего в 2004 г. их было более 50, а общее количество трибуналов вместе с местными подразделениями – более 2000 (включая Шотландию). Причем среди них были как чрезвычайно востребованные (например, в сфере занятости), так и те, которые никогда не назначались, например трибуналы по рудникам и каменоломным (mines and quarries tribunals) [29]. В 2008 г. Н. Парпворт указывал на существование приблизительно 70 трибуналов в Англии и Уэльсе [30]. Попытки сгруппировать трибуналы в соответствии с выполняемыми ими функциями уже предпринимались, хотя система трибуналов имеет врожденную сопротивляемость к упрощению и единообразию. В соответствии с Законом о семейных пособиях 1959 г. (Family Allowances Act 1959) и Законом о национальном страховании 1966 г. (National Insurance Act 1966), местные трибуналы, рассматривающие дела относительно семейных пособий, и трибуналы, рассматривающие дела о профессиональных травмах, были объединены в трибуналы по вопросам национального страхования (national insurance tribunals). Дальнейшие преобразования привели к созданию единых апелляционных трибуналов согласно Закону о социальном страховании 1998 г. (Social Security Act 1998), которым были переданы все функции апелляционных трибуна-

лов по делам о социальном обеспечении, нетрудоспособности, медицинских услугах, детских пособиях и ущербе от вакцинации. Трудовые трибуналы (Employment Tribunals) представляют собой другой пример объединения различных юрисдикций.

Указанный выше Закон о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. [31] принял кардинальные меры в данном направлении.

Закон состоит из 8 разделов (parts). Как следует из Пояснительной записки, в первом разделе представлена новая, упрощенная структура системы трибуналов, которая обеспечивает преемственность и возможность дальнейших преобразований. Намерением законодателя было объединить вместе существующие юрисдикции и обеспечить структуру для новых. Совет по трибуналам (Council on Tribunals), надзорный орган над трибуналами, заменяется Советом по административной юстиции и трибуналам (Administrative Justice and Tribunals Council) [32] (ст. 44(1) Закона 2007 г. и Приложение 7). Согласно ст. 13(2) Приложения 7 вновь созданный Совет должен в том числе осуществлять надзор над системой административной юстиции; изучать способы, как сделать систему доступной, справедливой и эффективной; давать лицам, указанным в подпункте 2 данной статьи (Лорд-канцлер, министры Шотландии, министры Уэльса и Главный президент трибуналов), рекомендации по совершенствованию системы. Второй раздел говорит об обязательном минимуме требований, необходимых для назначения на судебную должность; о процедуре отбора для назначения на определенную судебную должность и на должность председателя Правовой комиссии (Chairman of the Law Commission). Разделы 3–7 содержат нормы, в основном посвященные исполнительному производству. Кроме того, в разделе 7 содержится положение о включении в Закон о Верховном Суде 1981 г. (Supreme Court Act 1981) [33] ст. 31, дающей возможность Высокому Суду при определенных условиях заменить своим решением решение суда или трибунала (ст. 141).

Закон 2007 г. предусматривает образование новой, единой структуры путем создания двух новых трибуналов, Трибунала первого уровня (First-tier Tribunal) (ст. 3(1) Закона 2007 г.) и Высшего трибунала (Upper Tribunal) (ст. 3(2)). В ряде статей излагается порядок и основания пересмотра решений Трибунала первого уровня и Высшего трибунала (ст. 9–14). Закон 2007 г. предоставляет Лорду-канцлеру полномочия передать юрисдикцию существующих трибуналов в два новых (раздел 3 и Приложение № 6). На Лорда-канцлера возлагаются определенные статутные полномочия и обязанности в отношении уп-

равления трибуналами. Его основная обязанность – обеспечить административную поддержку двум новым трибуналам, а также трудовым трибуналам, Апелляционному трудовому трибуналу (Employment Appeal Tribunal) и Трибуналу по делам о предоставлении убежища и иммиграции (Asylum and Immigration Tribunal) (ст. 39 Закона 2007 г.). Закон 2007 г. также учреждает новую судебную должность Главного президента трибуналов (Senior President of Tribunals) для осуществления контроля над системой трибуналов (ст. 2(1)). Это глава системы трибуналов. При выполнении своих должностных функций Главный президент не подлежит указаниям лица, занимающего какую-либо другую судебную должность. Закон 2007 г. содержит положения относительно членства в трибуналах (ст. 4–8), праве обжалования решений трибуналов (ст. 9–14) и создании новых Правил производства в трибуналах (Tribunal Procedure Rules) (ст. 22); предоставляет Высшему трибуналу право осуществления юрисдикции судебного контроля (Judicial Review) в определенных обстоятельствах и предусматривает его право предоставлять соответствующие средства правовой защиты, аналогично процедуре судебного контроля, осуществляемой Административным судом (ст. 15–18). В ст. 19 Закона 2007 г. предусматривается обязанность (или в некоторых случаях право) Высокого Суда при наличии определенных условий, указанных в Законе, передать заявление, поданное в порядке судебного контроля в Высокий Суд, в Высший трибунал.

Необходимо отметить положения ст. 2(3) Закона 2007 г., в соответствии с которой лицо, занимающее должность Главного президента трибуналов, осуществляя свои функции, обязано иметь в виду, что трибуналы должны быть доступны, процедура рассмотрения дел в трибуналах – справедливой и исполняться быстро и эффективно, члены трибуналов должны быть специалистами в той области, к которой относится рассматриваемое ими дело, или законе, который надлежит применить в данном случае, и что необходимо совершенствовать инновационные методы разрешения тех споров, которые рассматриваются трибуналами.

Как следует из вышеизложенного, несмотря на то, что в XX в. трибуналы (в основном в сфере социального обеспечения) оказались востребованы по чисто административным причинам, поскольку данная область всегда была перегружена спорами с малой ценой иска (small claims), несомненно, что трибуналы обладают определенными преимуществами. Одним из них является наличие у членов трибуналов специальных знаний из той или иной области, в которой возникает спор. Специализированные трибуналы рас-

смастривают дела более квалифицированно и быстро по сравнению с обычными судами, поскольку «в Высоком суде консультант может потратить день или два, чтобы объяснить судье, как действует определенная программа, предусмотренная статутом» [34], т. е. специализированная юрисдикция является более предпочтительной там, где постоянно возникают однотипные дела.

Говоря об организации и нормальном функционировании трибуналов, Вэйд отмечает, что данный аспект механизма административной юстиции весьма важен, поскольку «чем более удовлетворительны трибуналы, тем менее требуется судебный контроль. Трибуналы существуют для того, чтобы предоставить более простое, быстрое, дешевое и доступное правосудие, чем обычные суды» [35].

Судебная система и система трибуналов развиваются бок о бок. Между ними существует тесная взаимосвязь, поскольку, во-первых, в большинстве случаев закон предусматривает возможность обжалования решений трибуналов в суде. Во-вторых, трибуналы подлежат надзорной юрисдикции судов. Как Правила гражданского судопроизводства 1998 г., так и Закон о трибуналах, судах и исполнительном производстве 2007 г. предусматривают нормы, регламентирующие порядок осуществления процедуры судебного контроля (Judicial Review) в отношении решений трибуналов.

Необходимо указать еще на некоторые важные положения законодательства, свидетельствующие об усилении требований, предъявляемых к трибуналам. По Закону о правах человека 1998 г. (Human Rights Act 1998), о котором шла речь выше, определение «публичной власти» (ст. 6(3)(а)) включает трибуналы. Согласно ст. 6(1) Закона о правах человека 1998 г., действия публичной власти должны быть совместимы с конвенционными правами, в противном случае они признаются незаконными (unlawful), и лицо, являющееся потерпевшим от действий публичной власти, может возбудить процесс против власти в соответствии с Законом о правах человека 1998 г. в соответствующем суде или трибунале (ст. 7(1)).

Таким образом, изменения, произошедшие в правовой системе Великобритании в связи с конституционной реформой 2005 г., некоторые положения вновь принятого законодательства, в том числе меры, предпринимаемые законодателем с тем, чтобы сблизить систему трибуналов и судебную систему, исключить их противостояние и обозначить повышение роли и статуса трибуналов как органов, которые наряду с судами осуществляют деятельность по разрешению споров, защите и восстановлению публичных прав граждан и организаций в сфере административного

права, свидетельствуют о том, что деятельность трибуналов можно рассматривать в настоящее время как одну из форм административной юстиции в Великобритании и, как следует из вышеизложенного, государство не собирается отказываться от данной формы, а намерено и далее развивать ее и совершенствовать.

Примечания

1. Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. Административная юстиция и административное судопроизводство в Российской Федерации / Академический правовой университет при Институте государства и права РАН; под ред. М. М. Славина. М., 2001. С. 22.

2. Стариков Ю. Н. Административная юстиция: исторические корни и новейшее развитие института административного судопроизводства. Вступительная статья // Административная юстиция: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Ч. 1 / сост. и вступ. ст. Ю. Н. Старикова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. С. 9–12.

3. Салищева Н. Г., Хаманева Н. Ю. Указ. соч. С. 13–17; Сажина В. В. Административная юстиция Великобритании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 45–48; Пучинский В. К. Английский гражданский процесс. М.: УДН, 1974. Цит. по: Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. В. В. Безбаха. М.: Зерцало, 2008. С. 86; Тимошенко И. Г. Административная юстиция в Великобритании // Журнал российского права. 1997. № 5. С. 128–136.

4. Кузовков И. А. Теоретические проблемы апелляционного производства в судах Англии и Уэльса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

5. Соколов И. А. Судебный пересмотр решений органов исполнительной власти как форма административной юстиции в Великобритании // Административное право и процесс. 2009. № 2. С. 26–28.

6. О положении трибуналов в английской правовой системе см. также: Д. Гарнер. Великобритания: центральное и местное управление (J. F. Garner. Administrative Law. Fifth Edition. London, Butterworths, 1979) / под ред. и с предисл. Г. В. Барабашева; пер. с англ. Н. А. Шульженко и В. А. Энтина. М.: Прогресс, 1984. С. 31–35; Анарова Т. В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М., 1996. С. 91; Давид Р., Жоффре-Стинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 241, 278; Гражданский процесс зарубежных стран: учеб. пособие / под. ред. А. Г. Давтян. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 145–146.

7. См. Закон о конституционной реформе 2005 г. (Constitutional Reform Act 2005). URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/4/contents>

8. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/42/contents>

9. URL: http://www.justice.gov.uk/civil/procrules_fin/menus/rules.htm#part41

10. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/15/notes/division/2>

11. Гаген В. А. Административная юстиция: конспект лекций. Ростов н/Д, 1916. Цит. по: Административная юстиция: конец XIX – начало XX века. С. 162–164.

12. Пучинский В. К. Указ. соч. С. 81.

13. Там же. С. 86.

14. *Wade W., Forsyth C.* Administrative Law. Ninth Edition. N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. 907.
15. *Archer P.* The Queen's Courts. Butler and Tanner Ltd, Frome and L., 1956. P. 233–240.
16. *Ibid.* P. 235.
17. Cmnd 218 (1957).
18. См: *Bailey S. H.* Cases, Materials & Commentary on Administrative Law. Fourth Edition. L.: Sweet & Maxwell Ltd, 2005. P. 95–100.
19. *Parpworth N.* Constitutional & Administrative Law (Fifth Edition). Chapter 12. The Nature of Judicial Review. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2008. P. 352.
20. *Wade W., Forsyth C.* Op. cit. P. 920.
21. URL: www.tribunals-review.org.uk
22. *Parpworth N.* Op. cit. P. 356.
23. "A-G v BBC" [1981] AC 303.
24. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/50/contents>
25. *Люттов Н. А.* Коллективное трудовое право Великобритании. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 119–120.
26. *Collins H., Ewing K. D., McColan A.* Labour Law. Text and Materials. 2nd ed. Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2005. P. 28.
27. *Schneider M.* Employment Litigation on the Rise? Comparing British Employment Tribunals and German Labor Courts // Comparative Labor Law and Policy Journal. Vol. 22. Issues 2 and 3. 2001. P. 261.
28. См.: Employment Tribunals and EAT Statistics (GB) 1 April 2006 to 31 March 007. P. 2. URL: http://www.employmenttribunals.gov.uk/publications/documents/annual_reports/ETSAS06-07.pdf
29. *Wade W., Forsyth C.* Op. cit. P. 909–910.
30. *Parpworth N.* Op. cit. P. 350.
31. Далее – Закон 2007 г.
32. URL: <http://www.ajtc.gov.uk/> официальный сайт Совета по административной юстиции и трибуналам.
33. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents>
34. *Wade W., Forsyth C.* Op. cit. P. 908.
35. *Ibid.* P. 906.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-191

Ulrike Jekutsch

AUTUMN AND WINTER: CONSTRUCTIONS OF OLD AGE IN NIKOLAJ ZABOLOCKIJ'S POETRY

By using images and metaphors which contradict in various and oblique ways the official Stalinist conception of man, the later poetry of Nikolaj Zabolockij (1903–1958) outlines an individual concept of old age. Most of Zabolockij's poems construct old age as heroic and male, and only a very few texts allow us glimpses at his very different concepts of old women and couples. His reading of old age concentrates on the male body, its strength and illnesses, linking it to underlying questions of poetics and artistic creativity. Another layer of text hints at Soviet history and the individual biography of the author. The following paper will focus on the complex interaction of these three layers of text.

Keywords: Nikolaj Zabolockij, Old Age, metaphor.

The young Soviet Union adored youth and everything new. The new state understood itself as the world's only representative of socialism and as a new socialist society. This self-concept in particular implied a negative assessment not only of tsarist times, but of old times in general, and of old age and old people. The opposition "old age – new age", "old people – young people" became a distinctive feature of Soviet and Stalinist culture. In such a climate, old people were looked upon as representatives of bygone times and educational and ideological backwardness. Accordingly, they were suspected of hostility towards the new socialist order. Mariġtta Ćudakova even maintains that the term "pokolenie" (generation) tended to be identified with "class" – the old generation was looked upon as a special class, infected by having lived in pre-revolutionary times [1]. Therefore, I shall begin by outlining how, according to recent historical research [2], the semantics of "old age" developed in Soviet culture.

After the October Revolution and the Civil War, the term "old age" came close to being pejorative. In a society which praised youth, strength, and vigour, old people were marginalized in all kinds of ways. They were likely to be described as physically weak, and as "stubborn, superstitious, and poorly

educated" [3]. However, at the end of the twenties, attitudes towards old age began to change. As Soviet society developed an interest in its own history, old people were detected as valuable witnesses and participants in the great historical changes of the October Revolution and the shaping of the Soviet Union. If politically correct, the memories of old people became highly valued. It was acknowledged also, that old workers in particular had often proved themselves to be valuable members of production, and that old age was not necessarily bound to infirmity and decrepitude, but that they could compensate lesser strength with skill and experience. Thus, the process of re-evaluation of old age and old people played an integral part in the great Soviet utopian dream, and in the plans of forming a new man and abolishing disease and death [4]. "Old age, death, and decrepitude represented a huge challenge for intellectuals professing a faith in voluntarism and world transformation." [5] The new man of the future was seen as a strong, healthy and rational human being who preserved his youth and vigour until a "natural death", which means death at the end of his biological time without illness or accident. Practical recommendations for diet and hygiene were issued to help people to live until their "natural death" [6]. If Soviet medical research in the twenties concentrated on means of rejuvenation, then the focus shifted to research on the conditions of longevity in the thirties. Old age, it was argued, should no longer be viewed as pathological, as an undesirable condition to be cured or alleviated by medication or surgical intervention. It was to be seen as a period in life that could be healthy and productive. Medical science – so it was assumed – would, in time, if not abolish death, then at least radically push back the boundaries of human life expectancy. Soviet medicine claimed to postpone senescence to the 90 to 140 age range, and it maintained that, if the precepts of hygienic and rational living were followed, Soviet people might well expect to live to an age of 120. When the foundation of the first Soviet Institute of Gerontology was celebrated in Kiev in 1938, Bogomolec, the president of the Ukrainian Academy of Sciences, declared as the aim of prospected research, to extend the life expectancy of Soviet people to somewhere between 125 and 150 [7]. In these years, great symbolic value was attached to feats of longevity, examples of which were presented and discussed in

the Soviet mass media. Scientific expeditions were carried out into several regions of the Soviet Union to conduct field studies on the years and number of old people and their way of living. The highest incidence of longevity was reported in the Caucasus. Soviet people were expected to preserve their health and abilities by hygiene, sports, rational living and by the help of medicine, in order to remain productive and valuable members of society even in old age. However, "productive" in relation to older workers was not understood as being "as productive as a young man": research on the work of young and old workers had proved that old people's work differed from that of the young, that they had learned by experience to use just the right amount of strength for their given tasks, that they worked in another rhythm than young people, and that, above all, they proved to be more dependable and working more evenly than young people. Thus, by the second half of the thirties, old age was not longer viewed as a form of disability, but as a positive virtue. Especially after Stalin's "Cadres decide everything" speech (1935), the term "starik – old man" could be used synonymously with "kadrovik" (qualified, experienced worker). "Senior citizens were integrated into the prevailing vision of Soviet society as mature, harmonious and productive" [8]. Old age was seen as tantamount to professional and social experience and knowledge, and it came to be recognized as an age with its own virtues and its own values. But in contrast to earlier patriarchal understandings of seniority, it did not develop any constant association with authority or power. Experience showed, that there were also many old people not confirming to the ideal picture of the vigorous old man. In general, however, this concept of old age and old people was maintained until the end of Stalinism, partly even until the end of the Soviet Union.

Having in mind this context of general Soviet conceptions of old age, I would like to discuss the different constructions of old age in the poetry of Nikolaj Zabolockij. He is one of the leading poets of the twentieth century, though he is little known outside of Russia. Since Zabolockij's later poetic works, in particular, are to be read in the context of his biography, I will give a short survey of his life, before turning to his poetry on ageing and old age.

Zabolockij came from a peasant family, he was reared in the country and lived there during Revolution and War Communism [9]. In 1921, he came to Petersburg, where he studied at the Herzen Institute and came into contact with avantgardist circles of art and literature. In 1928, he was a founding member of the last avantgardist circle, Oberiu (Society for Real Art), which was quickly forced to cease its activities. Zabolockij was the only member of the circle who could publish a volume of verses in 1929, which, however, was followed by severe attacks

of semi-official critics, accusing him of slandering the Soviet Union. Turning to the writing of children's literature and literary translation in the thirties, he tried to avoid publishing the official praises of Stalin's Soviet Union, demanded by cultural politics. He was arrested in 1938 and sentenced, and spent eight years in forced labour camps and exile in Siberia. In 1946, he was allowed to return to Moscow and to work as a poet and translator again. The remaining years of his life – until 1958 – he concentrated on translations. In 1957, Zabolockij arranged the corpus of his own poetry in the way he wanted it to be presented to the public, destroying all texts which he thought not good or not characteristic. Before and after his death small selections of his poetry were published, other editions followed later. In 1983, an edition of his Collected Works appeared, which contained almost all of his own poetry. During Perestrojka, the few still unpublished texts were edited. On the whole, his poetry – accredited by himself – consists of 178 poems, among them six verse tales or long poems [10].

His early poems (published as *Stolbcy/Columns* in 1929) present a world of distorted dimensions and equally distorted, crippled people, among them youths of the modern age who are developing far too quickly and are therefore not maturing. His poetic world is almost exclusively male, there are only a very few references to women. Only rarely, old people appear, and then often in a distinctly gendered view – old men as slow-thinking human beings, inquisitive about questions of life and death, old women as witches and whores. The poem "Novyj byt" ("The new way of life", written 1928) [11] ridicules the career of the Soviet new man, who here is characterized by constant youth or – rather – childishness: After having been baptized by the pope at the request of his elders, the baby joins the Komsomol, starts working, marries, rejecting the services of the church and celebrating in the company of his working brigade. In a short statement, the status of the older generation is pointed out: They have been banned to the margins of the new world, upon which they look with horror, and which they can only hope to leave soon.

A different picture of an old man is presented in the long poem *Pticy* (Birds), written 1934 to the memory of his father. It conveys a monologue of an old man and teacher, addressing his pupil, to whom he demonstrates the wonders of the living world by dissecting a dove. By this, he shows the power and knowledge of man, which is gained by cutting up the body of the bird. At the same time, he points out the powerlessness of man, who destroys the bird without being able to reawaken it to life. The old man is preparing for his own death. He appears to be in harmony with his own life and to readily accept his imminent death. In the following years, death and

the eternal circle of life, feeding on death, became the main topic of Zabolockij's poetry on nature.

In the early fifties, the motif of ageing – and the feeling of old age coming nearer – begin to play a role in Zabolockij's poetry. Old age, and old men, become elements connected with the gradual withdrawal from life, with physical decay, and ultimately with death, but also with love and partnership. In the following, I will present the unfolding of these topoi by analysing the relevant poems of the years 1952 up to 1957.

The motif of old age and getting old appears in 1952, and though it is to be encountered until 1957, it most prominently occurs in the years 1952 and 1953. However, this is not only the time, when Zabolockij is nearing his fiftieth birthday, but also the last years of Stalin's rule, which brought a return of the terror of the thirties. In order to protect himself from the growing threat of impending arrest and renewed imprisonment, Zabolockij gave up writing poetry in 1949 [12]. It seems that he was not able to write under this renewed threat, and as later research proved, his fear was well founded [13]. He knew from experience what imprisonment and forced labour camp meant. Nonetheless, in 1952, he began to write again, apparently unable to be silent any longer. The poems of these two years concentrate upon the aforementioned threats and anxieties.

The first of them, the poem "Obletajut poslednie maki" (The last poppies are flying away, 1952), is constructed as a soliloquy of the lyrical persona walking down autumnal park lanes. It focuses on the knowledge of being threatened: the persona and autumnal nature are described in similar terms, they correspond to each other: Nature, "in morbid darkness", is not like herself, just as the lyrical persona is not his usual self: with uncovered head, not taking care of himself, he wanders aimlessly down an empty and naked tree-lined walk, where the fallen leaves rustle under his feet. The life of the plants, described as now hidden "v tich strannykh obrubkach vetvej" ("in these strange logs / cuttings of wood"), recalls the mutilated life of the author [14]. The persona is equally withdrawn in himself, entrapped in his anxieties. His wanderings mirror the wanderings of his soul in doubt and in fear of coming darkness. The last stanza exposes the cause of the persona's wanderings and inner arguments by presenting the final conclusion:

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уведит во тьму, –
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому [15].

Let the walls of houses be no protection,
Let the way lead into darkness –
There is not a more wretched treason in this world
Than the treason of one's self [16].

The threat of imprisonment awakens depression and fear of a past which the persona had imagined to be forever gone, it awakens the memories of GULag and death in the snow-laden deserts of Siberia. The poem "Vospominanie" (Remembering, 1952) continues the argument, beginning to portray the persona as weary of life, while his memory has been recalled into his past, which may be also his possible future. The poem is built as a succession of two separate pictures: The first portrays the persona as troubled by tiredness, doubting, and fear of the end of life:

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь действительно прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола [17].

The months of tiredness have come.
Life is either really gone already,
Or, having completed all labours,
It sat down at the table like a late visitor.

Life of this sort – personified as a late visitor – means not speaking any more, loosing one's self in doubts and fears, being able only to listen to the song of a bird outside the window. The second half of the poem displays the fearful memories of the persona as the content of the bird's song. It is a song about a far away land, where there are almost no distinctive signs which help to distinguish the lonely grave-hill from the white, cold landscape, where there are no words, no communication between hill and frozen trees, where even the "blood-stained moon" is caught in a ring of frost.

In this poem, Zabolockij creates a double, if not triple distance between himself and the persona of the poem: The persona speaks in pictures, he anthropomorphizes the last term of life as a person, a visitor, whose worries are not described directly, but presented in the pictures of a song, attributed to the bird before the window. By contrast, the lyrics of the song accentuate the present situation of the persona: He is not yet in a snowy desert, but in a house, at a table, in a surrounding where nature communicates with man. All this is lacking in the far-away land of the bird's song, where there is only death, whiteness and frost.

After presenting a future which one must be afraid of, the following poem of the same year can be read as an attempt to overcome this fear. "Proščanie z druž'jami" / "Farewell to friends" (1952) is dedicated to the friends of the poet's youth, to his colleagues of the Oberiu group, who had died in prison, and labour camps, in the early forties. The poem combines the memories of youth with the memory of death; the persona as the only surviving member addresses the "comrades," and describes their figures

as they appear before his eyes, carrying booklets of their verses which, at the time this was written, were still unpublished and believed to be lost [18]. The comrades have gone into the realm of death, which is depicted in negative terms as “land beneath the earth”. There are no fixed or stable forms. Insects sing soundlessly in an unintelligible language, while the friends cannot speak any more. For them, sky and moon have been replaced by the vault of the grave-hill they are lying in. This contrasting counter-world, however, contains the seeds of new beginnings of life in every possible form: Amidst the nameless insects, a beetle-man welcomes newcomers with a lantern. The beetle had been a prominent image of Oberiu-poetry, where it is linked to the *Skarabaeus*, symbolizing the ending and beginning of life at the same time. By turning to the memories of the companions of his youth, the lyrical persona builds up an image of death as “rite of passage” into another form of life.

The description of death as a realm of dissolving, unstable forms is continued and specified in other poems, for example in “Son” (“Dream” or “Sleep”, 1953), which depicts a dream of the persona. He describes himself as “inhabitant of the earth, aged fifty”, who undertakes a dream-journey into a realm, which is gradually seen as the other world. In this other world, the persona is floating in the universe without effort. He is now without name, without either will or wish, he seems not to exist as an individual any more. Rejecting the vanishing light of the distant earth, his soul does no longer want to realize itself, but wants to become a particle of the universe. This realm is equally a place without love or fear, without form or labour, without individual existence; the persona feels himself dispersing into the multitude of dissolving and evolving forms, out of which new forms shall arise. Motion, perpetual motion between being and not-being, between stable and unstable forms is the only positive characteristic of this realm of the other world. Here, Zabolockij returns to his nature poems on the character of life and death, on mortality and immortality, on the problem of life after death. Darra Goldstein interpreted this poem as manifesting a “deep resignation of the dreamer” and a general “sense of surrender” [19].

The poem “*Neudačnik*” (written in the following year, 1953) strikes another tone. The title can be translated as “The Unlucky One” or “The Unsuccessful One”. The poem’s dominant theme is a review of past life’s misfortunes and miscarriages. It is built as an apostrophe addressed to an aged man, wandering about and lost in his worries. The persona plays the role of the spectator looking at that man from a distance and arguing inwardly with him about the reasons for his estrangement from life. As one of these reasons is named old age,

externalised as a “*ved'ma glazastaja*” (big-eyed witch), watching him the whole day long, while hiding behind an old willow. The silent discussion of the past life of the man in the mind of the spectator is centred around the crucial decision the man once took, namely, always to behave with the utmost caution and prudence. This he did, but the outcome of it was, the spectator-persona assumes, that he missed his life, that he squandered his spirit on mediocre, unworthy things, that for him all sense of living was lost. The final judgement is *conveyed* in the last two stanzas:

Вот теперь и ходи и рассчитывай,
Сумасшедшие мысли тая,
Да смотри, как под тенью раковой
Усмехается старость твоя.

Не дорогой ты шел, а обочиной,
Не нашел ты пути своего,
Осторожный, всю жизнь озабоченный,
Неизвестно, во имя чего? [20]

Now you go and calculate,
While hiding your mad thoughts,
And look, see how old age is laughing at you
In the shadow of the willow.

You did not walk in the street, but on the verge of it,
You did not find your way,
Being cautious, you worried all your life,
Without knowing, in the name of what!

In the biography of his father, Zabolockij’s son Nikita pointed out that Zabolockij often felt sad, worried and angry in these days thinking about the damages which the Stalinist regime had inflicted on himself and his friends. He thought not only of himself, but also of his companions, especially of his life-long friend, the literary scholar Nikolaj Stepanov, who had often advised Zabolockij how to behave towards official institutions when publishing his verses [21]. Stepanov had often dissuaded his friend from politically reckless behaviour, and Zabolockij knew that he had to be grateful to him, but he could not help discerning this way of life as a failure. At the same time, the text can be read as a reference to Zabolockij’s own biography, for he also adopted for his own life the rules of caution and reasonable behaviour. Especially after his return from the GULag, Zabolockij deliberately chose to declare the translation of Georgian poetry into Russian as his future work. He was eager to edit a representative anthology of classical and modern Georgian poetry in his own translation – and with the help of his Georgian friends he realized it in the course of the following years. On this project he could work with pleasure, and he was able to publish his translations

without great difficulties, whereas his politically cautious advisers often warned him off from giving his own verses to print. In these years, the number of translations he made exceeded by far the number of his own verses – published and unpublished. Even before his arrest Zabolockij had deliberately reduced the writing of poetry in favour of translations and – as we know – he totally refrained from it between 1949 and 1952.

The second context, in which the motif of old age appears, is in combination with love, or more precisely, with old love, that has endured the test of time. The poem “Staraja skazka” (An Old Fairy Tale), addressed to the persona’s beloved, also dates from the year 1952. It may be read as another way of coping with the threat of these years. The poem creates the atmosphere of a fairy tale. The word “skazka” not only appears in the title, but also in the first stanza, describing the situation of the couple and characterizing the process they are going through: “we are growing old together, like the king in a fairy tale”. In the first two stanzas the speaker uses only the first person pluralis, thus he includes the addressed one in his description. The second stanza describes ageing as growing nearer death: “our’ life is burning down like a candle in a shielded place, ‘we’ are patiently meeting ‘our’ inevitable fate”. The third stanza belongs to the persona alone, who now turns to his beloved with promises for the future: “when your hair will show strands of silver, I will destroy my manuscripts and part with my verses.” The allusion to the author is clear. This promise is also the confession of the persona, that it is his profession as poet, to endanger their life and love. The last stanza describes a strange image of the soul, of their souls:

Пусть душа, словно озеро, плещет,
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод [22].

Let the soul be lapping like a lake
At the threshold of the gates to the underworld,
And let purple leaves be trembling
Without touching the surface of the water.

Individual elements of this imagined landscape of the soul echo the nearness of death: the lake not yet overflowing the threshold; the purple leaves not yet falling down, not yet touching the surface of the water beneath them. The gates of the underworld mimetically enhance this threatening closeness [23]. The couple is near to yielding to death, but still burning with life. The reference to the fairy tale hints at the happy ending, which is usually connected with the genre. It points to an eternity of love and life, which is encapsulated in this last moment of

life. The assumed eternity of love opposes the grim reality of ageing and dying in the end.

The second poem which combines love and old age is titled “Starost” (Old age, 1956). It starts describing an old couple from an outside perspective:

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, –
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна [24].

Plain, silent, grey –
He with cane, she with umbrella –
They look upon golden leaves,
Walking until darkness.

Zabolockij’s couple does not need to talk to each other any more, they remain silent, while their souls are communicating with each other in perfect understanding. Turning back to the couple’s past, the spectator-persona characterizes it as inconspicuous: they were tested by sorrow and yielded to their weaknesses like cripples, now their souls are united into one. In the last period of their lives they have been enlightened by the knowledge that their present happiness is only a far reflection of evening light. Now, when everything terrible is gone, they can live with more ease, their souls can give out their last light “like candles”. Thus, Zabolockij is rewriting the traditional combination of love and death, recalling the idyllic myth of the old couple, of Philemon and Baucis, living and waiting for death in harmony. In addition to that, the description of the couple recalls “The Lady with the dog”, one of the most famous stories of Anton Čechov. This tale about a love affair between two married people ends with a description of them both living their genuine, deep love to each other in secret hiding-places. In socialist times, these private hiding-places turned into politically motivated ones.

In 1953, after Stalin’s death, the motif of old age recedes to the background of the texts. However, it returns in some poems written in 1955 and 1957, where old age is combined with pictures of nature, especially of trees. The first example of this is “Pri pervom nastupenii zimy” (At the First Approachment of Winter, 1955). The initial stanza presents people’s usual reactions to the beginning of winter: they tend to see the last golden leaves of autumn as reminders of the summer’s warmth, whereas the persona professes to prefer old poplars, which try to preserve their “dry rust-infected armour” until the onslaught of winter’s first blizzard. In contrast to this picture of the old poplars shielding themselves in armour, the last stanza is set, in which the male persona reflects how to describe his own likeness to them:

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополю, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод [25].

How can I describe our likeness?
Like the poplars, I am not young,
And I also would need an armour to meet
The arrival of winter, and its lethal cold.

The comparison underlines both their similarity and their difference: The persona has to meet winter without armour.

The next poem, also presenting a comparison of man and tree, is “Odinokij dub” (The Lonesome Oak, 1957). The first two of the three stanzas describe the oak as gnarled and devoid of grandeur. The oak (he in Russian) seems to be clothed in dirty rags and shreds. The reason for its/his deformity is made explicit in the very beginning: “Bad soil: Far too gnarled is this oak...”. But he has developed his “mortally tortured limbs” in a striking way – so that he sings like a bell of glory, while amber is dropping out of his trunk. The verses allude to questions of aesthetics, of the poetics of the sublime, the tree is coded as an image of the tortured poet. The last stanza points out the tree to the spectator/reader:

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один [26].

Look at him! He [27] is distinguished and tranquil
In the midst of his lifeless surroundings.
Who says that he is not a warrior in the field?
He is a warrior, even when alone.

In this poem, the persona totally recedes behind the description of the object, which is fore-grounded; he seeks not to talk of himself. The first two stanzas concentrate on the oak, in the third stanza, the persona appears as the interpreter requesting the reader to see the oak from his perspective as a mighty, majestic tree. The rhetorical question with its explicit answer allows the persona to speak the last word. He looks upon the lonely oak as a warrior on the battle field, though there are no adversaries and no surrounding armies to be seen – to present a warrior as part of an army would have been the officially acknowledged version. Zabolockij's oak is alone on the field, its/his enemy – can be implied – is the soil on which it stands. Thus, the poem opens a number of contexts beside the meta-poetical: the Marxist discussions on the relation between foundation and superstructure, on the relation between the individual and the collective, on the

cult of the soldier after World War II. At the same time, the poem again alludes to the author's biography and his reputation as a far too individualistic writer. Now, in 1957, during the thaw, the poet dares to name the main adversary in the battle of his life – he would not have dared to do so before.

Conclusions. If we compare the concepts of old age and ageing, developed in Zabolockij's poetry, we realize that his description of old age supports and at the same time contradicts the official reading of the term. While the official interpretation prefers the healthy, vigorous old man as experienced worker and soldier, as a valuable part of the collective of Socialist society, Zabolockij's describes troubled and crippled old age, which he endows with heroic qualities. At the same time, he denounces the living conditions in the Soviet Union as bad soil not only for poets. Instead of finding his goal, his fulfilment in active social life, Zabolockij's persona at the end of his life seeks harmony and fulfilment in the individual work of creating poetry and in family life, in the individual union with his beloved. Pictures of nature, of trees and seasons, are used to present the human tragedy of the times the poet lived through. Old age, as presented by Zabolockij, is the time to look back on one's life and failures, reassessing one's past in the context of historical time.

Примечания

1. Чудакова М. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 75.
2. S. Lovell's article (*Lovell S. Soviet Socialism and the Construction of Old Age // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. S. 564–585) analyzes the development of the meaning of “old age” during the early history of the Soviet Union, that is during the twenties, thirties and forties of the 20th century, focussing on two aspects, first on old age and soviet medicine and then on old age and the establishment of the Soviet welfare system.
3. *Lovell S.* Op. cit. P. 565.
4. For further information see: *Masing-Delič I.* *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Literature*. Stanford, 1992.
5. *Lovell S.* Op. cit. P. 566.
6. *Lovell S.* Op. cit. P. 567
7. *Lovell S.* Op. cit. P. 569.
8. *Lovell S.* Op. cit. P. 583; *Pat Thane.* *Das 20. Jahrhundert: Grenzen und Perspektiven // Pat Thane (ed.). Das Alter: Eine Kulturgeschichte. Aus dem Englischen von D. Oetzmann und H. M. Langer.* Darmstadt, 2005. P. 275–278.
9. For more detailed information about Zabolockij see the biography, written by his son Nikita: *Zabolotsky N.* *The Life of Zabolotsky / ed. by R. Milner-Gulland.* Cardiff, 1994.
10. The numbers are given after the numeration of the texts in: *Заболоцкий Н. А.* *Полное собрание стихотворений и поэм.* СПб., 2002.
11. The poem “Novyj byt” is cited by Lovell as a “statement of generation hierarchy of the 1920s”, see: *Lovell S.* Op. cit. P. 565.

12. Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky. P. 291.
13. Ibid. P. 298f.
14. Шилова К. А. О сюжете в лирике Н. Заболоцкого // Проблемы русского романтизма и реализма: сб. ст. Кемерово, 1973. С. 171–173.
15. Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 244.
16. All translations from the texts of Zabolockij are my own, U. J.
17. Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 245.
18. For more details see: Эткин Е. Прощание с друзьями // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 307.
19. Goldstein D. Nikolai Zabolotsky: Play for Mortal Stakes. Cambridge, 1993.
20. Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 252.
21. Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky. S. 300.
22. Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 244.
23. Денисова Е. А. Философско-эстетические искания в поэзии Н. Заболоцкого. К вопросу о художественной преемственности. М., 1980. С. 10.
24. Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 271.
25. Там же. С. 261.
26. Там же. С. 283.
27. The Russian word “dub” (oak) is a masculine word.

УДК 821.161.1-191

У. Екутч

ОСЕНЬ И ЗИМА: КОНСТРУКЦИИ СТАРОСТИ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ЗАБОЛОЦКОГО

Пользуясь образами и метафорами, которые прямо и косвенно противоречат официальному сталинскому концепту «человек», поздняя поэзия Николая Заболоцкого (1903–1958) очерчивает индивидуальное понятие старости. Большинство стихотворений Заболоцкого создают концепт «старость» как героический и мужской, и только очень малое число текстов позволяет нам взглянуть на его совершенно отличные концепты «старуха» и «семейная пара». Его прочтение «старости» концентрируется на мужском теле, его мощи и немощи, таким образом, связывая его с вопросами поэтики и художественного творчества. Прослеживается и другой подтекст, намекающий на советскую историю и личную биографию автора. Данная работа сфокусирована на взаимодействии этих трех слоев текста.

Ключевые слова: Николай Заболоцкий, старость, метафора.

Недавно образованный Советский Союз обожал молодость и всё новое. Новое государство воспринимало себя как единственного представителя социализма в мире и как новое социалистическое общество. Такое самовосприятие отражалось, в частности, не только в негативном отношении к царизму, но и в целом к старым временам, старости и старикам. Противопоставление «старое время – новое время»; «старика –

молодые люди» стало отличительной чертой советской и сталинской культуры. В такой ситуации старые люди рассматривались как представители ушедшего времени, отсталые в смысле идеологии и образования. Соответственно, они подозревались во враждебности к новому социалистическому порядку. Мариэтта Чудакова даже утверждает, что термин «поколение», имеющее тенденцию ассоциироваться с термином «класс» – старое поколение, рассматривался как специальный класс, зараженный, отравленный жизнью в дореволюционные времена [1]. Поэтому я начну с того, что обрисую, как в соответствии с последними историческими исследованиями менялась семантика концепта «старость» в советской культуре [2].

После Октябрьской революции и гражданской войны термин «старость» стал близок к пренебрежительному. В обществе, где ценились юность, сила и бодрость, старики притеснялись всеми способами. Их описывали как физически слабых, «упрямых, суеверных и плохо образованных» [3]. Тем не менее к концу 1920-х гг. отношение к старости начало меняться. Советское общество заинтересовалось собственной историей, и обнаружилось, что старики являются ценными свидетелями и участниками великих исторических изменений Октябрьской революции и формирования Советского Союза. Будучи политкорректными, воспоминания стариков получали высокую оценку. Стало общеизвестным, что старые работники, в частности, оказывались наиболее ценными участниками производства, и что преклонный возраст совсем не обязательно связан со хилостью и дряхлостью, и что старики умеют компенсировать меньшую энергию навыками и опытом. Так процесс переоценки старости и стариков сыграл важную роль в великой советской утопической мечте и в планах формирования нового человека и уничтожении болезней и смерти [4]. «Старость, смерть и дряхлость являли собой огромную задачу для интеллигентов, провозгласивших веру в духовную силу и мировые изменения. Новый человек будущего представлялся как сильная, здоровая и рациональная особь, сохраняющая юность и задор до «естественной смерти» [5], подразумевающей смерть в конце биологического времени без болезни или несчастных случаев. Выпускались практические рекомендации по диете и гигиене, чтобы помогать людям дожить до их «естественной смерти» [6]. Если в 1920-х гг. медицинские исследования в СССР концентрировались на средствах омоложения, то в 1930-х гг. они сместились в сторону увеличения продолжительности жизни. Теперь утверждалось, что старость не следует рассматривать как патологическое состояние, как нежелательное последствие, требующее лечения, облегчения

или хирургического вмешательства. Она должна была рассматриваться как период в жизни, могущий быть здоровым и продуктивным. Медицинская наука, так утверждалось, сможет со временем если не победить смерть, то по меньшей мере радикально увеличить продолжительность человеческой жизни. Советская медицина претендовала на то, чтобы отсрочить старение до 90–140 лет, и утверждала, что при соблюдении правил гигиены и здорового образа жизни советские люди могли бы жить до 120 лет. Когда в Киеве праздновалось открытие первого советского Института геронтологии в 1938 г., А. А. Богомолец, президент Украинской Академии наук, провозгласил целью будущего исследования увеличение продолжительности жизни советских людей от 125 до 150 лет [7]. В эти годы борьба за продолжительность жизни была придана большая символическая ценность, примеры этой борьбы были представлены и обсуждались в советских средствах массовой информации. Научные экспедиции направлялись в разные регионы СССР, чтобы на местах изучить возраст и количество долгожителей, а также их образ жизни. Самая высокая продолжительность жизни отмечалась на Кавказе. Предполагалось, что советские люди сохраняют здоровье и способности с помощью гигиены, спорта, правильного образа жизни, а также с помощью медицины, чтобы оставаться работоспособными и ценными членами общества даже в старости. Тем не менее «производительность» в отношении пожилых работающих не предполагала такой же производительности, как у молодых. Исследования работы молодых и старых работников доказали, что работа последних отличалась от работы молодых, что приобретенный опыт позволяет им использовать нужные усилия для выполнения поставленной задачи, что они работают в другом ритме и, кроме прочего, они оказались более надежными и работали более ровно, чем молодые сотрудники. Таким образом, к концу 1930-х гг. старость более не рассматривалась как форма инвалидности, но как достоинство.

Особенно после речи Сталина в 1935 г. «Кадры решают всё» термин «старик» можно использовать как синоним слову «кадровик» (кадровый, квалифицированный работник). «Пожилые граждане рассматриваются советским обществом как умудренные опытом, гармоничные и работоспособные» [8]. Старость ассоциировалась с профессиональным и социальным опытом и знаниями и была признана возрастом, имеющим свои преимущества и ценности. Но по контрасту с прежним пониманием старшинства старость не имела ассоциаций с властью или силой. Опыт показал, что существует много старых людей, не подтверждающих идеальную картину энер-

гичных стариков. В целом тем не менее эта идея сохранялась до конца эпохи сталинизма, частично и до распада Советского Союза. Помня о данном содержании основного концепта «старость», мне бы хотелось обсудить различные конструкции старости в поэзии Николая Заболоцкого. Он является одним из ведущих поэтов XX в., хотя мало известен за пределами России. Так как поздние поэтические работы Заболоцкого должны быть читаемы в контексте его биографии, мы дадим короткий обзор его жизни, прежде чем обратиться к его поэзии старения и старости.

Заболоцкий – выходец из потомственной крестьянской семьи, воспитывался в деревне и жил там во время революции и военного коммунизма [9]. В 1921 г. он приехал в Петербург и, учась в Педагогическом институте имени Герцена, познакомился с представителями авангарда в искусстве и литературе. В 1928 г. он стал одним из основателей авангардистского кружка, ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), которому пришлось быстро свернуть свою деятельность. Заболоцкий опубликовал первую книгу своих стихов в 1929 г., которая, впрочем, подверглась суровым атакам полуофициальной критики, обвинившей его в клевете на Советский Союз. Занявшись в 1930-е гг. детской литературой и литературными переводами, Заболоцкий попытался избежать официального восхваления сталинского Советского Союза, как этого требовала культурная политика. Он был арестован и осужден в 1938 г., провел восемь лет в трудовых лагерях и ссылке в Сибири, на Алтае, в Казахстане. В 1946 г. ему разрешили вернуться в Москву и снова работать литератором и переводчиком. Оставшиеся годы жизни, до 1958 г., он сосредоточился на переводах. В 1957 г. Заболоцкий привёл всё им написанное в систему, в которой он хотел представить свою поэзию читателю, уничтожив все тексты, рассматриваемые им как недостаточно хорошие или нехарактерные для него.

До и после его смерти были опубликованы только небольшие подборки его стихов, другие издания последовали позднее. В 1983 г. вышло из печати полное собрание сочинений поэта, содержащее почти все его поэтические работы. Во времена перестройки были изданы ранее не публиковавшиеся стихи и статьи Заболоцкого. В целом его творчество, по подсчетам самого автора, составляет 178 стихотворений, среди них шесть поэм [10].

Ранние стихи Заболоцкого, опубликованные в «Столбах» в 1929 г., представляют мир искаженных пропорций и так же искривленных, искаленных людей, развивающихся слишком быстро, но так и не достигающих зрелости. Его поэтический мир – почти исключительно маску-

лииний, имеется лишь несколько упоминаний о женщинах. Старики появляются лишь изредка и всегда с четко определенной гендерной принадлежностью: старики – тугодумные, раздумывающие над вопросами жизни и смерти, старухи – в виде ведьм или шлюх. Поэма «Новый быт» (1928) [11] осмеивает карьеру нового советского человека, который характеризуется неизменной юностью, или скорее – ребячеством. После обряда крещения, совершенного по настоянию старших, дитя вступает в комсомол, начинает работать, женится, отвергает службы в церкви и веселится в компании членов своей бригады. Короче говоря, статус стариков определен: они низведены до положения изгоев нового мира, на который они с ужасом взирают и утешаются надеждой вскоре покинуть его.

Другая картина старости представлена в поэме «Птицы» (1934), она посвящена памяти отца поэта. Она передает монолог старика-учителя, обращающегося к своему ученику. Он показывает ему чудеса живого мира, расчлняя голубя. Таким образом, автор показывает силу знания человека, которые умножаются во время анатомирования птицы. В то же самое время поэт подчеркивает беспомощность человека, который уничтожает птицу, не имея возможности возродить ее к жизни. Старик-учитель готовится к собственной смерти. Он находится в гармонии с собственной жизнью, но с готовностью принимает и неминуемую смерть. В последующие годы смерть и извечный цикл жизни, питающий смерть, стали главной темой поэзии Заболоцкого о природе.

В начале пятидесятых мотив старения и ощущения приближающейся старости начинают просматриваться в поэзии Заболоцкого. Старость, старики становятся элементами, связанными с отходом от жизни, с физическим распадом и, в конце концов, со смертью, но также и с любовью и партнерством. В дальнейшем я представлю формирование образа старости в его поэзии, анализируя соответствующие стихи 1952–1957 гг.

Тема старости и старения появляется в 1952 г. и, хотя она встречается вплоть до 1957 г., наиболее четко прослеживается в 1952 и 1953 гг. Тем не менее это ведь не только период, когда Заболоцкий приближается к своему пятидесятилетию, но также и последние годы сталинского режима, который вернул террор тридцатых годов. Для того, чтобы обезопасить себя от надвигающейся угрозы ареста и нового тюремного заключения, Заболоцкий перестал писать стихи в 1949 г. [12] Казалось, он был не в состоянии творить в условиях новой угрозы, и, как доказали более поздние исследования, он был совершенно прав [13]. Заболоцкий хорошо знал, что такое тюрьма и работы в трудовых лагерях. Тем не менее в 1952 г. он снова начал писать, по-видимому будучи не в

состоянии дольше молчать. Стихи этого и следующего года концентрировались на вышеперечисленных угрозах и тревогах.

Первое из них, стихотворение «Облетают последние маки» (1952), создано как монолог лирического героя, прогуливающегося по аллеям осеннего парка. Стихотворение фокусируется на знании, что и личность, и осенняя природа находятся в опасности: и человек и природа описываются одними и теми же словами, соответствующим друг другу. Природа «в болезненной темноте» не похожа на себя, так же как и лирический герой: с непокрытой головой, не заботясь о себе, он бесцельно бродит по пустым аллеям с шуршащими под ногами облетевшими листьями. Жизнь растений, сейчас скрытая «в этих странных обрубках ветвей», напоминает искаленную жизнь автора [14]. Лирический герой также погружен в себя, находится в ловушке собственных тревог. Его блуждание отражает блуждания его в сомнениях и страхах перед приближающейся темнотой. Последние строки стихотворения выявляют причину скитаний человека и внутренние аргументы. Они представлены в последнем выводе:

Пусть непрочно домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, –
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому [15].

Угроза заключения под стражу пробуждает депрессию и прошлые страхи, которые, по представлению автора, уже давно канули в Лету; угроза пробуждает воспоминание о Гулаге и смерти на заснеженных просторах Сибири. Стихотворение «Воспоминание» (1952) продолжает внутренний конфликт, представляя героя уставшим от жизни, ушедшим в своё прошлое, которое также может стать и возможным его будущим. Стихотворение построено на серии двух отдельных картин: первая показывает героя, измотанного усталостью, сомневающегося, страшящегося последней черты жизни:

Наступили месяцы дремоты...
То ли жизнь действительно прошла,
То ль она, закончив все работы,
Поздней гостьей села у стола [16].

Жизнь такого сорта, персонифицированная в позднем посетителе, означает дальнейшее молчание, потерю себя в сомнениях и страхах, возможность слушать только пение птиц за окном. Вторая часть стихотворения представляет собой устрашающие воспоминания героя, ассоциированные с содержанием песни птицы. Эта песня о дальней стране, где почти невозможно различить

одиноким могильным холмиком в окружающем холодном пейзаже, где царит безмолвие, где нет взаимодействия между холмом и замерзшими деревьями, где даже «луна в кровавых пятнах» стянута морозным кольцом.

В этом стихотворении Заболоцкий создает двойную, если не тройную дистанцию между собой и героем: он говорит картинными, он одушевляет последний срок жизни в виде человека, посетителя, чьи тревоги не описываются напрямую, но представлены песней птицы за окном. По контрасту текст песни этой птицы подчеркивает существующую ситуацию, в которой находится герой: он – еще не в снежной пустыне, но в доме за столом, окруженный природой, которая взаимодействует с человеком. Это все утрачено в далекой стране из птичьей песни, где есть только смерть, белизна и холод.

После представления пугающего будущего следующее стихотворение, написанное в этом же году, можно уже считать попыткой преодолеть свои страхи. «Прощание с друзьями» (1952) посвящено друзьям юности поэта, соратникам по группе ОБЭРИУ, которые погибли в тюрьмах и трудовых лагерях, в начале сороковых годов. Стихотворение комбинирует воспоминания о юности с воспоминаниями о смерти; автор как единственный выживший участник ОБЭРИУ обращается к своим товарищам и описывает их держащими книги своих стихов, которые во время написания этого произведения еще не были опубликованы и считались утерянными [17]. Товарищи ушли в царство смерти, которая описывается негативно, как «подземная страна». Там не существует фиксированных или постоянных форм. Насекомые поют беззвучно на непонятном языке, в то же время друзья автора уж не могут более говорить. Небо и луна заменены для них сводом могильного холма, под которым они лежат. Этот потусторонний мир содержит тем не менее ростки новой жизни. Посреди безымянных насекомых человек-жук приветствует вновь прибывших фонариком. Жук был известным образом в поэзии ОБЭРИУ, где он был связан со скарабеем, который символизировал одновременно и начало и конец жизни. Обращаясь в воспоминаниях к друзьям своей юности, лирический герой создает образ смерти как «ритуальный переход» в другую форму жизни.

Описание смерти как царства разлагающихся нестабильных форм продолжается и специфицируется в других стихотворениях, например «Сон» (1953), которое отражает сновидения героя. Он описывает себе как «обитателя земли, пятидесяти лет», во сне предпринимającego путешествие в пространство, которое постепенно рассматривается как другой мир. В этом другом мире личность без всякого усилия плавает во вселенной.

Она не имеет имени, ни воли, ни желаний, кажетя, она не существует более как индивидуум. Отвергая исчезающий свет далекой Земли, душа не хочет больше реализовать себе, а хочет стать частицей Вселенной. Эта реальность не имеет ни любви, ни страха, ни формы, ни усилия, ни индивидуального существования; личность ощущает себя распыленной во многие возникающие и исчезающие формы, из которых возникают новые формы. Движение, постоянное движение между бытием и небытием, между стабильными и нестабильными формами – единственная позитивная характеристика этой реальности другого мира. Здесь Заболоцкий возвращается к характерным для него стихам о соединенности жизни и смерти, о вопросах бессмертия, к проблемам жизни после смерти. Дара Голдштайн (Darra Goldstein) интерпретировала это стихотворение как провозглашающее «глубокое примирение мечтателя» и общее «чувство капитуляции» [18].

Стихотворение «Неудачник», написанное в следующем 1953 г., поражает другим тоном. Основная тема произведения – это воспоминания ошибок и неудач. Оно построено как обращение к скитающемуся и погруженному в свои тревоги старику. Автор играет роль стороннего наблюдателя, безмолвно спорящего с героем о причинах его отстраненности от жизни. Одной из таких причин названа старость, по внешнему виду она напоминает «ведьму глазастую», весь день наблюдающую за ним, прячась за старой ивой. В центре молчаливого спора автора со стариком по поводу прожитой жизни находится важное решение, однажды принятое последним, а именно всегда вести себя осторожно и принимать только хорошо обдуманное решения. Так он и поступал, но в итоге, по мнению автора, старик упустил свою жизнь, растратил свой ум на посредственные, не стоящие того вещи, потерял сам смысл жизни. Последнее суждение автора передано в двух последних строфах:

Вот теперь и ходи и рассчитывай,
Сумасшедшие мысли тая,
Да смотри, как под тенью раковой
Усмехается старость твоя.

Не дорогой ты шел, а обочиной,
Не нашел ты пути своего,
Осторожный, всю жизнь озабоченный,
Неизвестно, во имя чего! [19]

Сын Заболоцкого Никита в биографии своего отца указывает, что Заболоцкий в те дни часто ощущал печаль, был расстроенным и сердитым, думал о вреде, который сталинский режим нанес ему и его товарищам. Он подумал не только о

себе, но и о своих коллегах, особенно о человеке, дружба с которым продолжалась всю его жизнь, об ученом-литературоведе Николае Степанове, который часто советовал самому Заболоцкому, как вести себя в официальных учреждениях, когда тот публиковал свои стихи [20]. Степанов отговорил товарища от политически безответственного поведения. Заболоцкий знал, что должен быть благодарен ему, но он не мог считать такой образ жизни удачей. В то же время стихотворение можно читать как намек на собственную жизнь автора, ибо он сам взял за правило предусмотрительность и разумное поведение. Вернувшись из ГУЛАГа, Заболоцкий объявил, что займется переводом грузинской поэзии на русский язык. Он горел желанием издать представительную антологию классической и современной грузинской поэзии в своих переводах и в последующие годы он осуществил это с помощью грузинских товарищей. Над этим проектом он работал с наслаждением. Он смог опубликовать свои переводы без особых трудностей, хотя политически осторожные советчики часто отговаривали его от публикаций собственных стихов. В те годы количество сделанных им переводов намного превысило количество его собственных опубликованных и неопубликованных стихов. Даже до ареста Заболоцкий намеренно сократил написание стихов в пользу переводов и, как мы знаем, полностью отказался от своих стихов в период между 1949 и 1952 гг.

Вторая ситуация, в которой проявляется мотив старости, это в комбинации с любовью, или более точно, со старой любовью, которая выдержала испытание временем. Стихотворение «Старая сказка», адресованное любящей друг друга супружеской паре, датируется 1952 г. Оно может рассматриваться как другой способ раскрытия угрозы тех лет. Стихотворение создает атмосферу сказки. Слово «сказка» появляется не только в названии стихотворения, но и в первой строфе, описывающей ситуацию с парой и характеризующей процесс, через который пара проходит: «Мы с тобою состаримся оба, / Как состарится в сказке герой» [21]. В первых двух строфах стихотворения автор-герой обращается к любимой женщине в первом лице множественного числа, воспринимая их как единое целое. Вторая строфа описывает старение как приближение к смерти: «Догорает, светясь терпеливо, / Наша жизнь в заповедном краю, / И встречаем мы здесь молчаливо / Неизбежную участь свою». Третья строфа воспроизводит слова одного героя, написанные в первом лице единственного числа. Герой обращается к своей любимой, обещает уничтожить свои записи и расстаться со стихами, когда она состарится совсем. Данная аллюзия совершенно ясна. Это обещание явля-

ется также признанием героя, что его профессия – поэт – приносит опасности в их жизнь и любовь. Последняя строфа описывает странный образ их трепещущих душ, в частности:

Пусть душа, словно озеро, плещет,
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод [22].

Отдельные элементы этого воображаемого пейзажа перекликаются с близостью смерти. Душа, как вода озера, еще не перешагнула через порог подземного мира, багровые листья еще не опали, еще не коснулись поверхности воды под ними. Упоминание ворот подземного мира ассоциативно увеличивает опасную близость смерти [23]. Пара близка к тому, чтобы отдаться смерти, но все еще горит жизнью. Отсылка к сказке намекает на счастливый конец, который обычно связывают с этим жанром. Он указывает на бесконечность любви и жизни, которая сконцентрирована в этом последнем мгновении жизни. Предполагаемая бесконечность любви противопоставляется суровой действительности старения и смерти.

Второе стихотворение, которое комбинирует любовь и старость, так и называется «Старость» (1956). Оно начинается с описания пожилой пары с точки зрения стороннего наблюдателя:

Простые, тихие, седые,
Он с палкой, с зонтиком она, –
Они на листья золотые
Глядят, гуляя дотемна [24].

Эта пожилая чета уже не нуждается в разговорах друг с другом, они остаются молчаливыми, в то время как их души общаются, совершенно понимая одна другую. Вглядываясь в прошлое этих людей, автор-наблюдатель показывает его как «неприметное». Сейчас их души слились воедино, потому что они были проверены горем и страданиями, своими слабостями. В последний период своей жизни они уже осведомлены, что их нынешнее счастье – это только далёкий отблеск вечернего света. Сейчас, когда всё ужасное позади, они могут жить более легко, их души светятся последним светом, «как свечи». Таким образом, Заболоцкий заново осмысливает традиционный мотив «любви и смерти». Вспомним идиллический миф пары Филемона и Бавкиды, живущих и ожидающих смерть в гармонии. В довершение к этому описание пары воскрешает в памяти «Даму с собачкой» А. П. Чехова. Аллюзия о рассказе о любовной связи двух женатых людей, живущих большой, искренней и глубокой любовью, но тайно, скрываясь от всех, передает

представление, что пара замыкается в себе, уходит из мира.

В 1953 г., после смерти Сталина, мотив старости у Заболоцкого отходит на задний план его поэзии. Тем не менее мотив возвращается в некоторых стихах 1955–1957 гг., где старость органично соединяется с картинами природы, ассоциируется особенно с деревьями. Первым таким примером является стихотворение «При первом наступлении зимы» (1955). Первоначальная строфа представляет обычную реакцию людей на начало зимы: они склонны в последних осенних золотых листьях видеть напоминание о летнем тепле. Однако лирический герой отдаёт предпочтение старым тополям, которые пытаются сохранить на ветвях свою «сухую заржавленную кольчугу» до первых губительных зимних метелей. В последней строфе автор-герой сравнивает себя самого со старым тополем. В этом сравнении подчеркивается и сходство, и отличие автора-героя от дерева:

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополю, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод [25].

Следующим стихотворением, также содержащим сравнение человека и дерева, является «Одинокий дуб» (1957). Первые две из трех строф этого стихотворения описывают дуб сучковатым, лишенным великолепия. Дуб кажется одетым в грязные лохмотья. Причина такой деформации становится понятней уже с самого начала: плохая почва, поэтому слишком много сучков у этого дуба. Но дерево развило свои смертельно изуродованные ветки удивительным образом: если ударить по дубу, то он зазвучит, как колокол славы, победы, а из его ствола будет сочиться сок, как янтарь. Стихи отсылают нас к эстетике, поэтике возвышенного; дуб – это закодированный образ изуродованного поэта. Последняя строфа демонстрирует дуб зрителю/читателю во всем его величии:

Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?
Он воин в поле, даже и один [26].

В этом стихотворении лирический герой полностью отходит на задний план, за описание дуба, который выходит на передний план; герой же стремится не говорить о себе. Две первые строфы сконцентрированы на дубе, в третьей строфе герой появляется как переводчик, предлагающий читателю взглянуть на дуб как на могучее, величественное дерево. Риторический вопрос с очевидным ответом позволяет герою констатировать, что

он рассматривает одинокий дуб как воина на поле брани, хотя нигде не видно ни врагов, ни сподвижников. Дуб Заболоцкого, на наш взгляд, – один в «безжизненных равнинах», его врагом является почва, где он вырос. Таким образом автор создаёт в стихотворении множество подтекстов, одним из которых является метапоэтический, отражающий марксистские дискуссии: об отношении базиса и надстройки, а также об отношении индивидуума и коллектива, о культе солдата после Второй мировой войны. Одновременно стихотворение вновь делает отсылку к биографии поэта и его репутации чрезмерного писателя-индивидуалиста. В 1957 г., в период «оттепели», поэт осмеливается называть имя главного врага в битве своей жизни, чего не смел сделать ранее.

Заключение. Сравнивая концепты *старость* и *старение* в поэзии Заболоцкого, мы осознаем, что его описание старости поддерживает официальное прочтение термина и одновременно противоречит ему. В то время как официальная трактовка предпочитает здорового бодрого старика в качестве квалифицированного рабочего и солдата как ценную часть коллектива социалистического общества, Заболоцкий описывает тревожную изувеченную старость, которую в то же время он наделяет героическими качествами. Заболоцкий обвиняет Советский Союз в плохих условиях проживания, как в плохой почве, отнюдь не только для поэтов. Вместо исполнения активной роли в социальной жизни герой Заболоцкого в конце своей жизни ищет гармонии и удовлетворения в поэтической работе, в семейной жизни, в индивидуальном союзе с любимой. Описания природы, деревьев, растений, времен года часто использовались для иносказательного изображения переживаемых поэтом трагедий. Старость, по представлению Заболоцкого, – это время, когда можно оглянуться на прожитую жизнь и сделанные ошибки, время переоценки прошлого в контексте исторического времени.

Примечания

1. Чудакова М. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 75.

2. S. Lovell's article (*Lovell S. Soviet Socialism and the Construction of Old Age* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. S. 564–585) analyzes the development of the meaning of "old age" during the early history of the Soviet Union, that is during the twenties, thirties and forties of the 20th century, focussing on two aspects, first on old age and soviet medicine and then on old age and the establishment of the Soviet welfare system.

3. *Lovell S.* Op. cit. P. 565.

4. For further information see: *Masing-Delic I.* *Abolishing Death: A Salvation Myth of Russian Twentieth Literature*. Stanford, 1992.

5. *Lovell S.* Op. cit. P. 566.

6. *Lovell S.* Op. cit. P. 567

7. *Lovell S.* Op. cit. P. 569.

8. Lovell S. Op. cit. P. 583; *Pat Thane*. Das 20. Jahrhundert: Grenzen und Perspektiven // Pat Thane (ed.). Das Alter: Eine Kulturgeschichte. Aus dem Englischen von D. Oetzmann und H. M. Langer. Darmstadt, 2005. P. 275–278.

9. For more detailed information about Zabolockij see the biography, written by his son Nikita: *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky* / ed. by R. Milner-Gulland. Cardiff, 1994.

10. The numbers are given after the numeration of the texts in: *Заболоцкий Н. А. Полное собрание стихотворений и поэм*. СПб., 2002.

11. The poem “Novyj byt” is cited by Lovell as a “statement of generation hierarchy of the 1920s”, see: *Lovell S. Op. cit.* P. 565.

12. *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky*. P. 291.

13. *Ibid.* P. 298f.

14. *Шилова К. А. О сюжете в лирике Н. Заболоцкого // Проблемы русского романтизма и реализма: сб. ст. Кемерово, 1973. С. 171–173.*

15. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 244.*

16. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 245.*

17. For more details see: *Эткинд Е. Прощание с друзьями // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 307.*

18. *Goldstein D. Nikolai Zabolotsky: Play for Mortal Stakes*. Cambridge, 1993.

19. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 252.*

20. *Zabolotsky N. The Life of Zabolotsky*. S. 300.

21. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 243.*

22. Там же. С. 244.

23. *Денисова Е. А. Философско-эстетические искания в поэзии Н. Заболоцкого. К вопросу о художественной преемственности*. М., 1980. С. 10.

24. *Заболоцкий Н. А. Указ. соч. С. 271.*

25. Там же. С. 261.

26. Там же. С. 283.

УДК 81.27

Н. Ф. Алефиренко

ЖИЗНЕСМЫСЛЫ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКА*

Рассматриваются истоки ценностно-смыслового пространства русской провинции, раскрывается духовно-нравственная синергетика языка и народной культуры. Утверждается мысль о том, что словесная культура провинции – в каких бы территориальных пределах ее ни выделять и какой бы высокой или, наоборот, примитивной она ни казалась – есть творческое выражение в языке и текстах исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей народа. Такого рода потребности придают словесной культуре провинции ту самобытность, которая отличает её от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным воздействием инокультурного слова.

In the article are considered the sources of evaluative-semantic space of Russian province, is opened the spiritual-moral synergetics of language and national culture. It is established the thought that verbal culture of the province is the creative expression in language and text of the historically established spiritual, material and public needs of the nation. Such sort of needs will add to the verbal culture of the province a special kind of originality, which distinguishes it from the metropolitan culture, residing under the constant innovative influence of the foreign word.

Ключевые слова: ценностно-смысловое пространство этноса, словесная культура провинции, столичная культура, инновационное воздействие инокультурного слова.

Keywords: evaluative-semantic space of ethnos, verbal culture of the province, metropolitan culture, innovative influence of the foreign word.

Ценностно-смысловое пространство этноса, носителя и творца той или иной провинциальной культуры, выстраивается вокруг нескольких базовых и вместе с тем таких широко бытующих понятий, как «страна», «культура», «язык» [1]. Прежде всего, это три кита не только фольклора, но и всего словесного творчества любого народа. Для их именованья используются, целые синонимические ряды. Страну называют ещё *родной землёй, краем родным, родной стороной*. Так обращается к своей малой Родине известный в Черноземье поэт, курский соловей Петр Прудников (родился в деревне Плехово, Курской области; там же прошло его детство и отрочество):

* Работа выполнена на материале словесного творчества Черноземья в рамках реализации аналитической ведомственной целевой программы РФ «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)».

В краю родном забытая частица,
Я весь натянута, как струна.
Сюда спешу святой воды напиться,
К тебе, моя родная сторона.

Вдали оставив след тропы бродяжной,
К тебе пришел очиститься душой,
И ту любовь, что испытал однажды,
Сравнить с любовью хочется большой.
(Петр Прудников)

Вместо слова *культура* нередко употребляются словосочетания *наши обычаи, по заветам предков, как у нас принято...* В значении «язык» нередко используются словосочетания *наше слово, родное слово, родная речь*. И как несложно заметить, рядом с названием того или иного понятия имеется постоянное определение *родной (родная, родное)*. Почему? Не потому ли, что без таких понятий, как «страна», «культура», «язык», немислимо самое возвышенное и дорогое – Р о д н а. В названии этого концепта содержится указание на связь с родом, родительским очагом, на что указывают и его поэтические синонимы: *отчизна, отечество, отчий край*.

И за каждым из названных выше концептов стоит то, что объединяет всех нас в Отечество – родная культура и родной язык.

Насколько справедливо такое утверждение?

Стоит ли кого-либо убеждать в очевидном: когда пытаются что-либо узнать про ту или иную страну, интересуются народом, её населяющим, его культурой и языком. Не случайно именно эти сведения предлагают потенциальным туристам все туроператоры мира. Затем информируют о религии, валюте и экономике, увязывая и эти сферы жизни народа с его культурой. Говорят о религиозной культуре, иногда дают историко-культурный экскурс о хождении денег, о культуре экономической жизни. И всё же на первом месте – культура и язык.

Действительно, страна, та или иная земля вне её культуры как ценностно-смыслового пространства – это всего лишь земля. Вода и камень, трава и ветер. Страна же – нечто большее, что обеспечивается единством земли и людей, на ней живущих. И единство это создаётся, прежде всего, «оязыковлением» их ценностно-смыслового пространства, так, как это делает поэтесса Людмила Белевцева в стихотворении, посвященном Борисовке – одной из милых белгородских провинций:

Моя Борисовка – души столица,
Пусть без курантов, без дворцов и площадей.
Но до заката дней стану гордиться
Зеленоглазой Родиной своей.

Семиотическое понимание органического единства культуры и языка в завершённом виде пришло уже к русским мыслителям конца XIX – начала XX в. В результате этого понимания возникла ёмкая и многозначимая формула – «культура как текст». И это не сиюминутный риторический всплеск, а интеллектуальное озарение, давшее жизнь глубоко содержательному постулату влиятельного научного течения XX в. В его основании лежат идеи выдающегося русского мыслителя Михаила Бахтина. Оригинальные идеи учёного затем получили своё развитие в учении Ю. М. Лотмана, согласно которому культура в целом может рассматриваться как текст, понимаемый, конечно, не в школьной его интерпретации, то есть не только и не столько как единство линейно сочетающихся речевых знаков, сколько как особый феномен сложно устроенного семиотического (знакового) континуума. Его специфика обуславливается самобытностью того ценностно-смыслового пространства, в котором этнос формируется, развивается и которое обеспечивает его будущее. Причём такое пространство «культуры как текста», в отличие от обычного текста, имеет принципиально иную организацию. Её специфика обуславливается не линейной последовательностью знаков культуры, а их вертикальным контекстом, образующимся сложным переплетением текстов, точнее, элементов их духовно-нравственной синергетики. Именно многообразие возможных связей между элементами столь сложного смыслового континуума создаёт масштабность того феномена, который мы называем ценностно-смысловым пространством культуры. Его осмысление возможно только путём установления мотивированных отношений между всеми ценностными смыслами и каждого из них к целостному тексту культуры как единой системе. Только в таком системном представлении ценностно-смыслового пространства порождается то уникальное свойство, которое называется «памятью культуры». Причём такого рода память уникальна, так как удерживает в себе не только сведения о предшествующих доминантах ценностно-смыслового пространства, но и проецирует потенциальное «предчувствие» будущего. Не случайно академик Ю. М. Лотман уподобил культуру священной книге, в которой записано, что было, предписано сегодняшнее состояние умов (и, значит, дел) и «предсказано», что будет. Именно в этом, культурологическом, смысле суть часто используемой фразы «Без прошлого нет будущего». Память культуры по сути своей можно в каком-то смысле определить новомодным ныне выражением «воспоминание о будущем». По существу, культура представляет собой живой текст книги, которую нельзя дважды открыть на одной странице, поскольку про-

шлое и будущее в ней переплетены в едином континууме. И в этом смысле ценностно-смысловое пространство культуры можно назвать рабочей моделью времени, её *perpetuum mobile*.

Ценностно-смысловое пространство такого рода модели времени можно представить в виде структуры, состоящей из центра и периферии. Её центр составляют столичные культурные образования, а периферию – провинция. Причём в России, как ни в какой другой стране, остро чувствуется деление государства на центр и провинцию. Это деление происходит не только по географическим, но и по политическим, экономическим, социокультурным параметрам. Российская провинция – особый мир, государство в государстве, общество, живущее по своим законам и нормам поведения, подходящее к текущим событиям с собственной шкалой ценностей. Оторванность российской провинции от центра, её психологическая обособленность, порожденная социально-экономическими реалиями, выработали у её жителей особое мироощущение и миропонимание.

Россия – одно из немногих государств, где сохраняется разделение национальной жизни на «столичную» и «провинциальную» (здесь не учитываются имеющие иную природу противопоставления «город – село», «мегаполисы – малые населенные пункты»). По сути, в России существуют две цивилизации: одна базируется в Москве и Петербурге, другая – во всей остальной (провинциальной) России. Причём одна без другой немислимы.

Вот почему для разработки теоретических основ национально-языковой политики в РФ, как и для жителей самой провинции, важным является постижение жизненных смыслов «провинциальности», особенно в XXI в., когда географический смысл понятия провинции подвергается значительным видоизменениям. Выступая в роли инерционной системы отсчета, провинция позволяет оценить достоинства (художественные, нравственные, социальные) и устоявшихся явлений, и инновационных процессов.

Давно ведутся споры о неоднозначности определения провинции, о соотношении определенных *провинциальный* и *региональный*. Современное неоднозначное отношение к провинциальной культуре сложилось, видимо, под влиянием словесно-культурного контекста, сформировавшегося ещё в XIX веке. В то время провинцию воспринимали как застойную, инертную, враждебную социальному процессу и идейному началу. Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, А. Платонов и Ф. Сологуб изображали её духовно дремлющей, умертвляющей самых достойных людей.

И всё же основу русской провинциальной культуры составляли не только народный быт,

но и сложившиеся веками высокие нравственные и этические нормы, народная художественная культура, фольклор. И это на фоне таких её традиционных признаков, как тишина и покой жизненного уклада; средоточие народного искусства, промыслов, фольклора [2]. Иными словами, её специфика определяется органическим единством (а) высокой провинциальной духовности и повседневности быта; (б) особым влиянием православной культуры и этнокультурной самобытностью. Каждый из названных признаков русской провинциальной культуры в разные времена интерпретировался то как её недостаток, то как достоинство. Особенно полярным было отношение к традиционному укладу жизни и православной культуре.

Однако наиболее пронизательные умы видели в провинциальной культуре источник развития и обогащения общенациональной культуры. В связи с этим полезно вспомнить ставшие сегодня особенно актуальными суждения В. Г. Короленко, воспринимавшего провинцию как основополагающий остов русской культуры. В них раскрывается суть проблемы: диалектическая взаимозависимость в ценностно-смысловом пространстве России центра и периферии. «Идеи, зарождающиеся в столицах, проникают в провинцию, откладываются здесь, накапливаются, растут и часто затем питают самые центры этой живой, сохранившейся силой тогда, когда в столицах источники порой уже иссякли... Жизнь – всюду! Есть жизнь и в столицах – кипучая и интересная! Но тут есть одна черта существенного отличия: то, что в столице является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью, – здесь мы видим в лицах, осязаем, чувствуем, воспринимаем на себе. Поэтому поневоле то самое, что в столице является борьбой идей, здесь принимает форму реальной борьбы живых лиц и явлений» [3]. Примечательно здесь то, что писатель, конечно же, чувствовал ледяную инертность русской провинциальной культуры, но объяснял её не природой провинции, а социальным устройством общества. Поэтому писатель оптимистично сравнивает русскую провинцию с множеством весенних ручейков, которые, сливаясь, превращаются в потоки, взламывающие лед.

Понятия «провинция» и «центр» в современной русской культуре характеризуются, скорее, не столько географической противопоставленностью, сколько лингвокреативной оппозицией.

Культура русской провинции является, пожалуй, самой сложной и всеобъемлющей категорией, с которой сопоставим разве что феномен быденной (не элитной) жизни вообще. Провинциальная культура внутренне противоречива, поскольку несет в себе два начала: (а) «консервативное» («сохраняющее») и (б) «прогрессивное»

(«развивающее»), что предполагает пересмотр, переоценку, а нередко и отказ от того, что было вполне приемлемым на предыдущих этапах социокультурного развития региона. Но тем и сильна, тем и жизнеспособна провинциальная культура, что обладает способностью отбирать, возвращаться к прежнему опыту или отказываться от него.

Провинциальная культура характеризуется рядом важнейших признаков, которые необходимо учитывать при разработке концепции культурной и языковой политики и в регионах, и в РФ в целом. Провинциальная культура выполняет следующие функции:

- характеризует жизнедеятельность личности, группы общества и региона в целом;
- является специфическим способом бытия человека;
- имеет свои пространственно-временные границы;
- раскрывается через особенности поведения, сознание и деятельность человека, репрезентируемых прежде всего в языковых формах, символах и знаках, равно как и через вещи, предметы, произведения искусства, орудия труда.

Поскольку провинциальная культура – часть культуры всего народа, для её определения следует учитывать все признаки культуры вообще. Не нужно быть специалистом-культурологом, чтобы убедиться в широкозначности и многозначности того феномена, который именуется культурой. Каждый, кто попытается определить культуру несколькими фразами, непременно почувствует ущербность таких дефиниций. Всегда останется ощущение, что в найденном определении что-то упущено, не все существенные признаки названы. Кроме того, весьма затруднительно подобрать другое подобное слово, которое имело бы такое множество терминологических смыслов. Ситуация, прямо скажем, непростая: обычно любой термин по природе своей стремится к понятию, а этот настолько амбивалентен (двойствен, противоречив), что никак не укладывается в строгие понятийные рамки. И всё же наша задача – поймать суть данного феномена, попытаться очертить его важнейшие категориальные свойства.

Прежде всего, при всей широкозначности понятия культуры (особенно провинциальной) его целесообразно отграничивать от понятия «цивилизация». С этой целью был введен аксиологический (ценностно-оценочный) критерий. Данный критерий используется не только для разграничения культуры и цивилизации. Он нередко служит «водоразделом» между представленной в языке примитивной и высокой культурой. Хотя такое деление и не ново, оно требует дополнительных размышлений. Прежде всего, оно содер-

жит несколько поверхностных и поэтому опасных последствий, напрямую касающихся взаимодействия языка и культуры. Во-первых, приходится встречаться с утверждениями о том, что примитивная культура объективируется примитивными языками. Существует и зеркально отраженное суждение: примитивным языкам соответствует карнавальная культура.

Утверждают, что вырождение культуры создает отраженное в языке бескультурье или, наоборот, «рафинированную культуру». Вслед за Н. Я. Данилевским [4] – предшественником Шпенглера и Тойнби, отвергшим европоцентристскую, однолинейную схему развития мировой истории и обосновавшим идею множественности и качественной многоликости человеческих культур, под цивилизацией будем понимать высший этап развития культуры. Особенно многолика и провинциальная культура. Попытка в советское время подвести её под одну гребёнку, лишить её этнической ценностно-смысловой уникальности имела, как известно, печальные последствия. Национально-культурное возрождение началось с требований создать благоприятные условия для развития и продуктивного функционирования всех форм этнической жизни, а первыми декретами СНГ стали законы о государственных языках. По сути, те же проблемы, хотя и в иной плоскости, решались и субъектами РФ (Татарстан, Калмыкия, Башкортостан, Тува и др.).

Почему так важно ощущение духовной свободы, ведь экономические требования выдвигались только вслед за духовно-нравственной многоликостью провинциальной культуры? Ответ – в причинах самой многоликости культуры.

Причину многоликости понятия «культура», по мнению П. С. Гуревича, следует усматривать, прежде всего, в том, что родной язык и культура выражают всю глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Поэтому важно всем, кто занимается проблемами культурно-языковой политики, удерживать в поле зрения каждую её грань. Оказаться апологетом одного из подходов к пониманию провинциальной культуры несложно, поскольку каждый исследователь культуры обращает внимание на одну из её сторон. Кроме того, «культуру изучают не только культурологи, но и философы, социологи, историки, антропологи... Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами» [5].

Действительно, проблематика культуры охватывает трудно обозримое пространство: от философии истории – до освещения частных вопросов материальной и духовной культуры различных эпох, народов, цивилизаций. Неудивительно, что понятие «культура» существует практи-

чески во всех языках и употребляется в самых разных ситуациях, часто в различных контекстах. Однако в самом обобщенном виде культура – это способ существования человека. Человек как вид есть культура. Итак, он не потому культурен, что является человеком, а потому он и человек, что является культурным. Это значит, что содержанием культуры становится все содержание человеческой деятельности. О том, что находится вне сферы деятельности, практической или теоретической, ничего определенного мы не можем сказать.

Включать в содержание культуры то, что не охвачено деятельностью, нет никаких оснований. Границы деятельности – это и есть то, что можно назвать и миром, и культурой. В. М. Межуев, один из теоретиков культуры в нашей стране, так и считает: «Весь мир в целом есть для философии мир культуры, существующий в непосредственном единстве с человеком. Но культура – все же способ организации деятельности, а не только сама деятельность. Это значит, что она представляет собой и способ выражения человека, или, как мы говорили выше, культура – явление человека. Это значит, что человек хоть и находится в единстве с нею, но все же не растворен в ней среди массы предметов. <...> Действительным содержанием культуры оказывается развитие самого человека как общественного человека, развитие его творческих сил, отношений, потребностей, способностей, форм общения и т. д.» [6]. Примем данный взгляд на содержание культуры за основу. Но при этом добавим, что действительным содержанием культуры является не сам человек, а его представление о самом себе.

С тех пор как в XIX в. термин «культура» был введен в научный оборот, появилось множество его определений. Альфред Кребер и Клайд Клакхон в 1952 г. насчитали их 164, и еще большее количество родилось после этой публикации. По последним исследованиям, определений уже больше 500. И все же у всех существующих дефиниций культуры необходимо выделить нечто объединяющее и на этой основе попытаться вывести самое общее определение, которое бы по сути своей не противоречило всем остальным.

Обратимся к этимологии слова «культура». Оно латинского происхождения. Первоначально словом культура (лат. *cultura*) обозначали возделывание, обработку и уход за землей (лат. *agricultura*), чтобы сделать ее пригодной для удовлетворения человеческих потребностей, чтобы она могла служить человеку (отсюда употребляющееся ныне выражение культура техники земледелия). Затем слово *культура* приобрело переносный смысл – ‘уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонно-

стей и способностей человека; соответственно существует культура тела, культура души и духовная культура’. Со временем слово «культура» стало широкозначным, будучи употребляемым в значении ‘возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание’. Видимо, поэтому слово культура стало использоваться по отношению к человеку в качестве синонима к словам *образованность, просвещенность, воспитанность*.

Кстати, рассуждая о *cultura animi*, следует отметить, что в этом смысле уже в 45 г. до н. э. оно употреблялось и римским оратором Цицероном. В его «Тускуланских беседах» встречается выражение: «Культура ума есть философия». Цицерон считал, что ум тоже нужно совершенствовать, «обрабатывать», как и землю. Только обработка земли – удел раба или крестьянина, а обработка ума – удел свободного человека. Таким образом, уже в то время слово культура приобрело значение, близкое к современному.

В Средневековье человека понимали как соединение двух противоположных начал: божественного и природного. Но в Новое время появляется представление о том, что в окружающем мире помимо этих двух миров существует еще один, созданный самим человеком. Именно он и называется «культура». С тех пор мир условно начали делить на две части: природа и культура. Все неприродное стали относить к культуре. Что не вкладывается в такое понимание культуры – то принадлежит природе. Таким образом, появляется самое широкое значение понятия «культура»: это мир человека, созданный им самим.

Иными словами, к объектам культуры, в отличие от природы, относится все созданное, внеприродное. Мир культуры, любой его предмет или явление воспринимаются не как следствие действия природных сил, а как результат усилий самих людей, направленных на совершенствование, обработку, преобразование того, что дано непосредственно природой.

В самом широком смысле культура – это совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа. Столь широкое определение вряд ли удовлетворит потребности лингвокультурологии (науки, изучающей культуру сквозь призму языка), поскольку в нем растворяется сам предмет ее изучения. Ведь язык и есть универсальное средство выражения всей жизни.

Ситуацию не спасает и членение этого понятия на смысловые части, когда с точки зрения содержания культуру пытаются разложить на такие различные сферы, как нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, принципы воспитания, общественно-по-

литическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия. Иными словами, если принять такое понимание культуры, то все формы проявленного в языке объективного духа народа должны были бы стать объектом лингвокультурологии. Некоторые исследователи так и поступают, формулируя так называемый широкий предмет ее изучения.

Итак, поскольку культура охватывает все, что отличает жизнь человеческого общества от жизни природы, все стороны человеческого бытия, некоторые ученые пытаются выделить ту категорию, которая, собственно, и отличает жизнь человеческого общества от жизни природы. Такой категорией, по признанию отечественных культурологов, следует считать деятельность. Если следовать их логике, то понять сущность культуры можно лишь через призму деятельности человека, точнее, народов, населяющих планету. Согласно сторонникам такого подхода, сущность культуры обуславливается «специфическим способом деятельности», или «специфической функцией коллективной жизни людей» [7]. При этом обычно делается акцент на развитии общественного человека. Однако эта проблема заслуживает отдельного обсуждения. Пока уясним главное: культура не существует вне человека и человечества. Она изначально связана с человеком и порождена тем, что он постоянно стремится искать смысл своей жизни и деятельности. И наоборот, нет ни общества, ни социальной группы, ни человека без культуры и вне культуры.

Согласно одному из основоположников русской и американской социологических школ П. С. Сорокину [8], любая организованная группа неизбежно обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни индивид (за исключением просто биологического организма) не могут существовать... без культуры. Отсюда вытекает методологически важное положение: все народы имеют культуру, нет и не может быть «некультурных» народов. Есть русская культура, европейская, восточная, африканская, цыганская. Разумеется, каждому народу присуща своя, уникальная и неповторимая культура, нетождественная культурам других народов, но совпадающая с ними по многим когнитивным и ценностно-смысловым параметрам и требующая к себе уважительного отношения.

Поскольку явления культуры представляют собой сложные и многоплановые явления, они изучаются различными методами. А значит, что они могут быть истолкованы и поняты по-разному. Стоит ли удивляться, что существует не одна, а множество концепций культуры, каждая из которых по-своему объясняет и систематизирует элементы культурного пространства того или иного народа.

По А. И. Кравченко, в обыденной жизни понятие «культура» употребляется, как минимум, в трех значениях.

Во-первых, под культурой подразумевают определенную сферу жизни общества, получившую институциональное закрепление (министерства культуры с разветвленным аппаратом чиновников; средние специальные и высшие учебные заведения, готовые специалисты по культуре; журналы, общества, клубы, театры, музеи и т. д., занимающиеся производством и распространением духовных ценностей).

Во-вторых, под культурой понимается совокупность духовных ценностей и норм, присущих большой социальной группе, общности, народу или нации (элитарная культура, русская культура, русская зарубежная культура, культура молодежи и др.).

В-третьих, культура выражает высокий уровень качественного развития духовных достижений («культурный» человек в значении «воспитанный», «культура рабочего места» в значении «опрятно прибранное, чистое функциональное пространство») [9].

Для понимания провинциальной культуры особое значение приобретает первое определение культуры. Это то, что объединяет человеческую культуру в целом и провинциальную культуру, в частности словесную, которая имеет свои пространственные и временные координаты, свои нравы, культурные традиции, нормы, привычки, представление о красоте, идеале, духовности. Одной из функций, определяющей место регионального словотворчества в русской лингвокультуре, является функция оппозиции, обусловленная тем, что провинция обладает другой мерой внутренней свободы, компетентности. Это открывает возможности для развития тех областей лингвокультуры, которые выходят за пределы столичных стандартов и норм. Среди отличительных черт провинциальной лингвокультуры, определяющих содержание ее духовной жизни, современные исследователи выделяют следующие:

- обозримость и ограниченность лингвокультурного пространства и происходящих в нем процессов,
- приближенность лингвокультурных процессов к человеку,
- включенность явлений лингвокультуры в повседневное бытие провинциального общества,
- ограниченность контактов со столичной лингвокультурой,
- консерватизм вкусов,
- неадекватность оценок,
- большая эмоциональность,
- яркость впечатлений.

Региональная словесная культура в России всегда воспринималась в двух взаимосвязанных ракурсах:

а) как особое пространство духовной жизни, связанное с традициями фольклорной лингвокультуры; пространство, открытое для свободной творческой самореализации и максимально приближенное к человеку так называемой малой родины;

б) пространство, воспринимающее художественно-эстетические идеалы общерусской (национальной) лингвокультуры.

Особое место в этой оппозиции занимает белгородская лингвокультура, которая, на первый взгляд, носит исключительно общерусский характер. И всё же, как показывают наши предварительные изыскания, белгородское словотворчество представляет собой русскую провинциальную лингвокультуру, в которой имплицитно локализируются общие лингвокультурные принципы развития и функционирования русского языка. Последние обусловлены региональными условиями творческой репрезентации концептосферы современного русского языка, главными среди которых выступают русско-украинское пограничье и исторически сложившийся слобожанский менталитет.

Завершая размышления о жизненном смысле провинции в зеркале языка, правомерно поставить всё тот же сакральный вопрос: в чём же состоит истинная взаимосвязь провинциальной лингвокультуры и языка? Наиболее простым и верным будет суждение: словесная культура провинции – в каких бы территориальных пределах ее ни выделять и какой бы высокой или, наоборот, примитивной она ни казалась – есть творческое выражение в языке и текстах исторически сложившихся духовных, материальных и общественных потребностей народа. Именно эти потребности придают провинциальной культуре тот оригинальный облик, который отличает ее от культуры столичной, находящейся под постоянным инновационным воздействием Запада. Многообразие России позволяет любой провинции иметь собственную значимость. С другой стороны, культура местная есть часть культуры общероссийской. С таким утверждением, кажется, никто и не спорит, но и не относится к провинциальной культуре так, как того требует данный постулат.

Прежде всего, следует помнить, что именно в контексте провинциальной культуры складывалось особое отношение к культурной среде, воспринятой и переживаемой как ценность. Именно в таком контексте провинциальная культура воспринимается как альтернатива официальности, отчужденности мира стандартных урбанистических

центров. Среди главных ценностей – ощущение значимости тепла и уюта общего «дома», неотчужденной духовности. Вместе с тем нельзя даже представить себе существование современного русского человека в замкнутом мире провинциальной культуры. Это таит в себе опасность абсолютизации ценностей повседневности, изменения всех явлений духовной жизни только критериями быта.

Словесная культура русской провинции как историко-культурный феномен – важный фактор, (а) оказывающий влияние на процесс смены мировоззренческих парадигм; (б) инициирующий обращенность общественного сознания к поиску общих корней развития этноса, его культуры и языка при непереносимом сохранении эмпирической отдельности и творческого своеобразия каждого индивидуального бытия. Возрождение провинции, несомненно, будет способствовать преодолению кризиса, вызванного прерываниями этнокультурных традиций, изменениями в духовной жизни и спровоцированным ими разрывом между культурными архетипами прошлого и устремлениями в будущее.

Актуальным остается гармоничное соотношение в ценностно-смысловом пространстве провинциальной культуры (а) традиционной высокой культуры, ориентированной на духовные ценности бытия, и (б) особого культурного смысла, которым пронизана повседневная жизнь каждого носителя истинно русской культуры.

Примечания

1. *Алефифренко Н. Ф.* Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
2. *Инюшкин Н. М.* Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 23.
3. *Короленко В. Г.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: Десять лет в провинции. М.: Худож. лит., 1955. С. 17.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. 374 с.
5. *Гуревич П. С.* Культурология: учеб. для студентов вузов. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2010. 427 с.
6. *Межуев В. М.* Культурология и философия культуры // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 32.
7. *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969. 326 с.
8. *Софокли П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 315 с.
9. *Кравченко А. И.* Культурология: учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 496 с.

УДК 81-13

А. И. Бардовская

ПРОБЛЕМА СИНЕСТЕЗИИ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье обсуждается характер интеграционных процессов в современном языкознании, акцентируется роль исследований синестезии в их развитии, ставится вопрос о синестезии в контексте корпоральной парадигмы.

The article regards the character of the integrative trends in the modern Linguistics, stresses the role of the research of synaesthesia in their development and points the timeliness of the problem of synaesthesia for the corporeal paradigm.

Ключевые слова: междисциплинарная область знания, антропоцентрический принцип, корпоральность, синестезия, корпоральная семантика.

Keywords: interdisciplinary sphere of knowledge, anthropocentric approach, corporeality, synaesthesia, corporeal semantics.

Антропоцентрическая направленность лингвистики и философии языка на текущем этапе их развития знаменует отход от понимания языка как замкнутой системы и предопределяет акцентирование внимания современных ученых на отношениях язык – внутренний мир индивида. Обращаясь к проблеме смены системы координат в лингвистических исследованиях, Н. О. Швец отмечает: «Долгое время господствовавший в лингвистике системоцентризм носил скорее описательный характер, при этом стремление четко разграничить лингвистическое и нелингвистическое и заниматься только первым привело в своеобразный тупик: накоплено огромное количество описаний фактов языка, но сами рамки подобных теорий не позволяют строить модели, адекватно отражающие и объясняющие действие механизмов языка» [1]. Вполне очевидно, что требованием актуального подхода в данном случае становится то, что он «не может ограничиваться более рамками “чистой” лингвистики или философии языка и требует опоры на результаты исследований в различных областях науки о человеке» [2]. Осознание значимости обеих составляющих в диаде «человек – язык» обуславливает стремление языковедов к взаимодействию с представителями других сфер знания в поисках ответа на вопросы, не находящие разрешения в рамках строго определяющих себя научных направлений, и ставит задачу разработки единой теории интегративного типа, учитывающей достижения конкретных дисциплин.

Очевидно, нахождение некоего варианта решения этой задачи принадлежит далекому будущему. Однако важным шагом на пути к нему представляется уже то, что обсуждение путей междисциплинарной интеграции, еще недавно оказывавшееся способным послужить поводом для уличения инициаторовавших его в очередном «-изме», приобретает в современном лингвистическом сообществе легальный характер. Мысль о плодотворности синтеза усилий представителей разных дисциплин в языковедческих изысканиях не ограничивается конференц-залами и сборниками научных статей, но и выносится на страницы учебных пособий. К примеру, авторы недавно вышедшего и отвечающего всем современным требованиям учебника к курсу «Общее языкознание» в отдельной главе, посвященной междисциплинарным исследованиям языка, пишут: «Тенденция к образованию особых междисциплинарных областей знания характерна для современной науки, стремящейся к комплексному рассмотрению своего объекта, что предполагает включение в его моделирование данных, полученных в других дисциплинах» [3], при этом, что видится особо значимым, отмечая: «Многомерные модели, создаваемые с учетом ограничительных требований разных наук, нередко оказываются наиболее жизнеспособными» [4].

Положительный опыт, накопленный к настоящему времени в лингвистике, обосновывает правомерность этого утверждения. Вряд ли нуждается в напоминании тот факт, что во второй половине прошлого века возникает широкий спектр по сей день успешно развивающихся направлений, сочетающих в своих названиях два, а то и три компонента, в зависимости от совмещаемых научных подходов [5]. Их замечательным примером может служить психолингвистика, в значительной степени подготовившая когнитивную революцию конца прошлого века, представляющая собой сегодня «не простое “сложение” возможностей двух контактирующих наук или эпизодическое привлечение теоретических положений и результатов исследований из смежной области знаний, а именно разработку нового научного подхода, способного преодолеть ограниченность “узковедомственного” изучения фактов и тем самым обеспечить новые ракурсы их видения и объяснения» [6]. Дальнейшее углубление в историю лингвистических учений, обращение к трудам таких ее основоположников, как В. фон Гумбольдт, А. А. Потемня, И. А. Бодуэн де Куртене, А. В. Щерба, позволяет говорить о том, что открытость междисциплинарным контактам была присуща ей изначально [7], что дает основания для определения наметившихся сегодня тенденций как «возвращения к истокам». Не ставя целью предлагаемой статьи обзор всех возмож-

ных вариантов междисциплинарного взаимодействия, еще раз подчеркнем, что расширение междисциплинарных связей в большой мере связано с антропоцентрическим принципом, означающим стремление учитывать человеческий фактор в языке. Имея глубокие корни в науке о языке и выходя на первый план в современных исследованиях, он «может оборачиваться различными гранями – от исследования языковой способности человека до многочисленных работ культурологической направленности» [8].

Говоря о характере интеграционных процессов, охватывающих сегодня все гуманитарное знание и лингвистику в частности, нельзя обойти вниманием тот факт, что они не ограничиваются укреплением взаимодействия между представителями различных дисциплин, результатом которого становится возникновение новых междисциплинарных сфер знания, но и простираются на сам объект внимания этих наук. Речь идет о становлении новой, корпоральной парадигмы исследований, исходящей из необходимости целостного, «интегрированного» рассмотрения человека, представляющего собой единство души и тела, психического и соматического. Становление такого подхода к определению человека связано с осознанием все большим количеством ученых, работающих в разных областях науки, неправомочности умаления проблематики тела, места и роли феномена телесности в культуре и языке и, как следствие, переоценкой отношений разума и тела. Если раньше эта проблема составляла, главным образом, компетенцию философии (вспомним дуализм Декарта, монизм Спинозы), то в данный момент в дискуссию включаются представители нейронаук, а вслед за ними – психологи, антропологи, лингвисты и литературоведы [9]. Термины «телесность», «корпоральность», «embodiment», «corporeality», «body in the mind» становятся сегодня поистине «хитами» гуманитарных исследований. Эти изменения несут новые вызовы для науки о языке и выдвигают новые требования к творческим усилиям языковедов.

Так, в авторитетном аналитическом обзоре [10], посвященном *корпоральной семантике*, А. А. Залевская обращает внимание на неверные толкования этого термина, приписываемые ему многими отечественными читателями (кто-то увязывает его с «наивной анатомией», с отображением в языке различных органов человека, их функций и т. п., кто-то ассоциирует этот термин с исследованиями аксиологических особенностей толкования соматизмов представителями разных культур, кто-то – с анализом лексических полей, связанных с телом человека и его функционированием). На самом деле становление такого подхода сигнализирует о «новом витке

в развитии теории языка и делает предметом дискуссий многие вопросы, считавшиеся ранее решенными или получившие статус «вечных» [11]. По мысли автора, к числу подобных вопросов относятся следующие: является ли язык автономной сущностью, как он соотносится с невербальными знаковыми системами и как он вообще может что-то означать, как соотносится между собой языковые и энциклопедические знания человека и в чем состоит тайна семиозиса, благодаря чему происходит взаимопонимание между людьми, в том числе принадлежащими разным культурам и т. п. Происходит переход от трактовки языка как самодостаточной сущности к пониманию невозможности его отрыва от других психических процессов, а «души» – от «тела», которое «остается действующим, реальным, базовым даже в самых, казалось бы, абстрагированных «полетах мысли»» [12], восстанавливается роль тела как основы языковой коммуникации.

Перекидывая мостик от сказанного к обсуждению представляющей для нас интерес проблеме синестезии (досл. с греч. – «совместное ощущение», далее в тексте – Сз), следует начать с того, что при попытке ее формулировки ученые всегда испытывали трудности с определением, где здесь заканчивается психологическое и даже физиологическое и начинается собственно лингвистическое [13] (вполне понятно, что эта особенность Сз обусловила ее периферическое положение в кругу актуальных проблем языкознания большей части прошлого столетия). Показателен в этом смысле тот факт, что, представ взору первых исследователей как смелый языковой эксперимент в творчестве поэтов рубежа XIX–XX вв. (вспомним, к примеру, сонет «Гласные» А. Рембо или «флейты звук зорево-голубой» К. Бальмонта), Сз первоначально оказалась в центре внимания психологов, а уже потом – языковедов и филологов. Ярко выраженный «стыковый» характер явления, проявившийся уже на начальном этапе изучения, обусловил его особое положение в кругу объектов научного рассмотрения: построение успешных синестетических моделей всегда предполагало выход за пределы собственной науки, и опыт научного освоения темы Сз демонстрирует укрепляющуюся взаимосвязь между различными течениями и направлениями. Более того, не будет преувеличением, если мы скажем, что на протяжении истории изучения Сз выступает в качестве своего рода «аттрактора», точки наибольшего притяжения усилий со стороны представителей различных дисциплин, служа «катализатором» ставших столь актуальными сегодня интеграционных тенденций.

Интересно в связи с этим замечание Н. М. Фортунатова, касающееся перспектив Сз, связанных

с ее «объединяющим» потенциалом: по мнению этого ученого, Сз, лежащая в основе синтеза искусств, позволит объединить теории искусств, методологии филологических дисциплин и когда-то позволит идти рука об руку гуманитарным и точным наукам [14]. Комментируя это положение, согласимся, что мы действительно еще не знаем всех возможностей, которые способна предоставить ученым Сз. Однако уже сейчас можно говорить о том, что многие современные и вошедшие в историю исследования и направления исследований Сз могут служить ориентиром для ищущих интегративных путей в разных областях науки.

Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно привести несколько примеров. Так, по сей день ученые, стремящиеся к комплексному рассмотрению своего объекта, черпают вдохновение в ставшем классическим «Учении о цвете» (1810) И. В. Гете [15], представляющем собой уникальный образец взаимопроникновения гуманитарного и естественнонаучного. НИИ «Прометей» [16], основанный на базе Казанского государственного технического университета вот уже более полувека назад, может по праву претендовать на определение прообраза современных когнитивных лабораторий. Результатом проводившихся в его стенах поистине междисциплинарных исследований стала оригинальная теория Сз, востребованная сегодня представителями многих дисциплин как в России, так и за рубежом – от искусствоведов до педагогов и лингвистов. Новые знания о Сз, полученные в ходе сопоставления медицинских, нейропсихологических и лингвистических данных современными американскими исследователями [17], открывают перспективы для новых ракурсов рассмотрения восприятия, памяти, воображения, языка и сознания в целом [18]. Успешно развивается сейчас в значительной степени сложившееся «вокруг Сз» комплексное языковедческое направление – фоносемантика, сочетающая методологии фонетики, семантики, лексикологии, психолингвистики и открытая для взаимодействия с эстетикой, физиологией и нейропсихологией [19]. Немалая роль отводится Сз в психосемантике [20].

Обращает на себя внимание неординарность личностей, оставивших свой след в изучении Сз, которые, подобно своему объекту, зачастую оказываются способны совместить в себе, казалось бы, несовместимое. Здесь мы встречаем физика, обращавшегося к синестетическим метафорам в искусстве, Б. М. Галеева (являвшегося идейным лидером упоминавшегося выше НИИ «Прометей»); ученого широкого круга интересов, одного из основоположников отечественной психолингвистики, основателя советской нейропсихологии и нейролингвистики, психолога А. Р. Лу-

рия [21]; синестетов, людей, которые в действительности способны «вкусать формы» и «слышать цвета» – врача Г. Сакса [22], художника и теоретика искусства В. Кандинского [23] и президента Американской ассоциации синестезии антрополога Ш. Дэя [24]. В ряду известных синестетов, несомненно, следует упомянуть писателя В. Набокова, чья фигура уже сама по себе знакова для теории Сз. Вероятно, набоковские исследования Сз, зашифрованные в его творческом наследии, еще многое смогут поведать их вдумчивому толкователю [25].

Общий вектор исследований в области Сз задается сегодня отходом от определения «соощущений» как чего-то необычного, из ряда выходящего к их трактовке как неотъемлемой части психики, «сквозной» характер которых обеспечивает их теснейшую взаимосвязь с различными психическими процессами, в том числе языком. Это становится возможным благодаря усилиям, приложенным большим количеством ученых, остановиться на каждом из которых в одной статье невозможно. Всех их отличает творческий подход к своему объекту и открытость новому, достигнутому в интересующем вопросе не только своими коллегами, но и в русле других научных направлений. Кроме того, все они предстают людьми смелыми, не побоявшимися приниматься за столь непростое явление, бывшее весьма «неформатным» для науки до недавнего времени. Результатом их работы становится ситуация, наблюдаемая в данный момент, весьма удачным описанием которой представляется данное одним из ведущих современных отечественных специалистов в области Сз А. П. Прокофьевой: «Не вызывает сомнений, что, пройдя через этап раздробления, рождения новых направлений, наука подошла к эпохе синтеза. В случае с синестезией – это еще и этап соединения ручейков и притоков стран, мнений, эмпирического и практического опыта в магистральное направление. Только сейчас оформляется научная теория синестезии, только сейчас апробируются методики ее исследования, но уже можно говорить о многослойности феномена, его глубинной психофизиологической основе и различных способах проявления...» [26]

Однако можно ли говорить сегодня о становлении отдельной междисциплинарной отрасли, занимающейся Сз? Скорее всего, нет. Слишком велик разброс толкований, подходов и методов ее изучения, слишком разрознены наблюдения [27]. К примеру, как свести воедино такие факты, как синестетические эффекты в искусствах, случаи яркого «синестетизма», вроде описанного А. Р. Лурия «феномена Шерешевского», наконец, синестетические выражения, широко распространенные в повседневном общении, такие,

как «темная личность», «сладкий запах», «низкий голос»? Ситуация осложняется тем, что для некоторых исследователей Сз – гипотеза, которую еще нужно проверять, для других же – своего рода аксиома, сомневаться в которой не приходится (и главное, она действительно действует!). Например, в русле нейронаук разработаны тесты для определения, является человек синестетом или нет [28]; в то же время действие широко применяемого в психологии и психолингвистике метода семантического дифференциала изначально полагается основанным на *универсальных* механизмах Сз. Кто-то убежден в физиологической основе Сз, акцентируя ее произвольность, кто-то видит в ней семантический конструкт и говорит о ее психологической подоплеке, обсуждая в том числе социальные и культурные факторы в ее функционировании, для кого-то она по-прежнему – некая аномалия.

Но сегодня мы становимся свидетелями постепенного преодоления сложившейся ситуации фрагментарности и разногласия в сфере изучения Сз. Исследователи Сз вступают в диалог [29], в ходе которого предпринимаются попытки «ревизии» достигнутого в рамках конкретных дисциплин и обсуждается их вклад в современные представления о Сз, уточняется терминология, фигурирующая в исследованиях Сз и связанных с ней явлений, составляются и сопоставляются таблицы данных различных наук, выдвигаются новые гипотезы и вспоминаются старые, намечаются программы дальнейших, носящих комплексный характер, исследований. Мысль о недостаточности аппарата не только отдельных дисциплин, но и комплексных направлений, сложившихся в русле исследования Сз, высказывается все настойчивее и все более широким кругом специалистов, работающих независимо друг от друга в разных странах и областях знаний.

Новые возможности для укрепления связей между представителями различных течений в сфере изучения Сз представляет обсуждавшаяся выше корпоральная парадигма [30]. Более того, глубинные психофизиологические корни и многообразие манифестаций Сз дают основания ожидать, что ее исследования в контексте проблемы корпоральности способны не только обеспечить новое видение интермодальных явлений, но и привнести вклад в развитие представлений о феномене телесности в целом. При этом, как и всегда, в центре внимания исследователей оказывается языковой аспект Сз. Язык становится своего рода «полигоном», где апробируются теории, сталкиваются и переплетаются научные течения и направления, ведется поиск универсальных когнитивных механизмов. Что нового о его природе можно почерпнуть из современных исследований Сз?

Один из главных постулатов корпоральной семантики гласит, что невербальные знаки составляют глубинную структуру языка, а значение является ассоциацией между невербальными и вербальными знаками. Приверженцы этого подхода считают, что язык, представляющий собой упорядоченную последовательность слов, сам по себе пуст, и означаемые требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически функциональными. Таким образом, с их точки зрения, язык сам по себе ничего не значит, но паразитирует на невербальных знаках, которые представляют собой элементы тактильного, обонятельного, вкусового, слухового, зрительного и других видов перцептивного опыта человека и их фантазийные варианты [31]. Знания, накопленные к настоящему времени в сфере изучения Сз, позволяют пойти дальше и обнаружить присутствие некоего «языка», «интеллекта», «логики» уже на уровне телесного восприятия и эмоций человека, что служит дополнительным основанием неправомочности утверждений о принципиальных различиях между психическим и телесным.

В значительной мере это связано с развенчанием контролирующей функции коры головного мозга, полагавшейся ранее «местом обитания» разума и сознания (при этом считалось, что язык – главная функция сознания, он «вмещает» в себя содержание мозга, следовательно, то, чего нет в языке, невозможно и нелегально). Эксперименты по изучению «расщепленного» мозга, материал афазий и исследования работы мозга синестетов дают основания утверждать, что каждый из нас представляет собой больше, чем одну личность, но что нервные волокна, объединяющие два полушария, создают иллюзию единого, интегрированного «Я», а именно, человека говорящего» [32]. Радикальным следствием этого является то, что язык – лишь одна из интеллектуальных функций. Мы знаем гораздо больше того, что можно постичь посредством рациональной мысли и ее языка. Наши действия существенным образом определяются эмоциональным выбором, а не рациональным путем.

По мнению Р. Сайтовика, чье определение Сз признается сегодня «классическим» в зарубежной науке, Сз представляет собой «непреднамеренный физический опыт межчувственной ассоциации, когда стимуляция одной сенсорной модальности приводит к восприятию в одной или нескольких других модальностях» [33]. Сз связана с абсолютно нормальными процессами в мозге любого человека, однако на поверхность сознания выходит у меньшинства [34]. Полисенсорная оценка окружающего мира, полисенсорное сознание – нечто, утраченное рациональным сознанием большинства из нас. На уровне сознания, по Сайтовика, мы все функционируем

как раздельночувствующие люди, а на подсознательном уровне – в синестезическом мире.

По мнению исследователей, придерживающихся такой точки зрения, связь Сз с языком не ограничивается метафорами (напротив, сам Сайтовик подчеркивает, что подлинная Сз – явление отличное от метафор, звуко-символизма и т. п., которые также традиционно именуется «Сз»: будучи связанными с семантическими процессами, они претендуют лишь на то, чтобы быть чем-то похожим на Сз, «псевдосинестезией») [35]. Причина глубокой связи между языком и Сз кроется в особенностях функционирования головного мозга, где поистине «все связано со всем».

Так, авторы [36] (назовем их по первым буквам фамилий – R&H), выдвигая гипотезу о синестезическом происхождении праязыка, полагают, что толчком для его возникновения могла послужить сенсомоторная Сз, основанная на кросс-активации сенсорной (т. е. слуховой) и моторной зон мозга (зоны Брока). Примером такой Сз (более точным названием для нее R&H полагают термин «синкинезия») служит танец, когда ритм движений имитирует ритм музыки. Синкинезию, по их мнению, демонстрирует также известный эксперимент с псевдословами, когда испытуемые соотносят изображение с заостренными контурами с «острым» словом (kiki), для произнесения которого язык сильнее прижимается к небу, а округлое изображение – с более «закругленным» словом (bouba) [37]. Манифестацию синкинезии мы наблюдаем и в таких примерах, как слова «ты» и «я» во многих языках: указывая на что-то, мы используем жест от себя, аналогичным образом вытягиваются наши губы при произнесении слова «ты» (англ. – you, франц. – tu или vous и т. п.); указывая на себя, наши губы и язык двигаются также внутрь (рус. – «я», англ. – I, франц. – moi и т. п.). «Синестезический след», по мнению R&H, прослеживается, к примеру, и в определении «отвратительный» (англ. – «disgusting», франц. – «dégoûtant(e)'). Мы используем его для выражения реакции на неприятные запахи и вкусы, поднимая руки и закрывая нос (Дарвин отмечал подобную реакцию еще у младенцев, поэтому можно предположить, что это врожденное). Зона обонятельного восприятия проектируется в главно-лобный кортекс, а потому, полагают R&H, совмещение обонятельного и вкусового «отвращения» опосредуется этой частью лобных долей. Но почему же этот эпитет используется также во многих культурах для описания морально отвратительного поведения? Вероятно, рассуждают R&H, в ходе эволюции возникли новые связи, возможно, в одной зоне мозга, отвечающей за кажущиеся на первый взгляд не связанными функции.

Однако вполне очевидно, что язык, соотносясь с телесностью и Сз, в частности, не сводим к сенсомоторному опыту. Большое значение в его функционировании отводится современными исследователями *воображению* [38]. Как мы полагаем, учет взаимосвязи двух факторов – телесного опыта и воображения (в значительной мере обусловленного и вырастающего из первого) – способен привести много нового в понимание как индивидуальных синестезических ассоциаций, по-прежнему представляющих определенную трудность для науки, так и синестезических паттернов, свойственных отдельным культурам, открыв, в конечном итоге, тайну универсального «языка» кросс-модальных переходов.

Примечания

1. Швец Н. О. Смена системы координат в лингвистических исследованиях // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 164.

2. Залевская А. А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005. С. 255.

3. Пищальникова В. А., Сонин А. Г. Общее языкознание: учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2009. С. 31.

4. Там же.

5. Там же.

6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учеб. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2000. С. 11.

7. Интересна в этом отношении работа: Залевская А. А. Ментальный лексикон и проблема «разум – тело» // Обработка текста и когнитивные технологии: сб. докл. междунар. конф. Варна, 2005. № 12. С. 248–258, затрагивающая вопрос специфики национальной языковедческой традиции и демонстрирующая, что многое, к чему мировая наука подошла только сейчас, было знакомо отечественным мыслителям еще более века назад.

8. Швец Н. О. Роль языка в структурировании знания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. С. 11.

9. См., напр., Залевская А. А. Роль тела в языковой коммуникации: корпоральная семантика // Психолингвистические исследования: слово и текст: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 36–46; Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В. П. Зинченко, Т. С. Леви // Психология телесности... М.: АСТ. АСТ МОСКВА, 2007; Рогожникова - Г. М. Стратегии ассоциирования и соматические корни семантики // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып. 3. С. 102–111; Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл. 2002; Damasio A. Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain. N. Y. G. P. Putnam; Lakoff G. & Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N. Y.: Basic Books, 1999; Ramachandran V. S., Blakeslee S. Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind. N. Y.; L.; Toronto; Sydney: Harper Perennial, 1998; Rutherford H. The Body in Language. L.; N. Y.: Cassell, 2000.

10. Залевская А. А. Корпоральная семантика и интегративный подход к языку. С. 245–255.
11. Там же. С. 245.
12. Там же.
13. Удачным в связи с этим представляется принятое в отечественной психолингвистике понимание Сз как психофизиологической универсалии, связанное с именем С. В. Воронина (см., напр.: Воронин С. В. Синестезия и звукоимовизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 120–131).
14. Фортунатов Н. М. Эффект Болдинской осени. А. С. Пушкин: сентябрь – ноябрь 1830 года. Наблюдения и раздумья. Н. Новгород: Деком, 1999.
15. Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. Л.: Академия наук СССР, 1957.
16. Официальный сайт этого учреждения: URL: <http://synesthesia.prometheus.kai.ru/>
17. См.: Бардовская А. И. Что исследования синестетов говорят о том, как работает наше сознание? // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Вып. 10. С. 4–14.
18. См. об этом: Ramachandran V. S. & Hubbard E. M. Synaesthesia – A Window into Perception, Thought and Language. URL: <http://psy2.ucsd.edu/~edhubbard/papers>
19. См. об этом: Прокофьева Л. П. Цвето-звуковая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный и индивидуальный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009.
20. См. об этом, напр.: Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
21. Обязательно в списке ссылок к любому исследованию Сз присутствует работа: Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти (Память мнемониста). М.: Изд-во МГУ, 1968, неоднократно издававшаяся и за рубежом.
22. См. об этом: Ward J. The Frog Who Croaked Blue: Synesthesia and the Mixing of the Senses. Routledge, 2008.
23. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Л., 1989.
24. Наиболее цитируемой работой в лингвистических исследованиях Сз последних лет стала: Day S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors // URL: <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>
25. По вопросу Сз Набокова отдельного интереса заслуживают работы: Комина Э. В. Синестезийные опыты в творчестве Набокова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Prokofieva L. The Sound Palette of V. Nabokov. URL: <http://www.synaesthesia.narod.ru>
26. Прокофьева Л. П. Цвето-звуковая ассоциативность... С. 3–4.
27. О разнообразии портретов Сз см.: Бардовская А. И. Определение синестезии в современных гуманитарных науках // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. 7. С. 4–8; Кузнецова Э. А. История изучения феномена синестезии: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2005; Прокофьева Л. П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 1. С. 3–10; Расников Г. В. Особенности цвето-звуковой синестезии: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006; Bretones-Callejas C. M. What's your Definition of Synesthesia: a Matter of Language or Thought? URL: <http://csjarchive.cogsci.rpi.edu/Proceedings/2005/docs/Sampen> C. van The Hidden Sense: Synesthesia in Art and Science (Leonardo Books). The Mit Press. Cambridge; Massachusetts; L., England, 2010; Synaesthesia: Classic and Contemporary Readings / ed. by S. Baron-Cohen and J. E. Harrison // Synaesthesia... Cambridge, Massachusetts; Blackwell, 1997.
28. Пройти эти тесты можно на сайте: URL: <http://synesthete.org/?&lang=russian>
29. К примеру, в Казани уже стали традицией Галеевские чтения, проводимые ежегодно и собирающие специалистов из разных стран мира.
30. Разработка проблемы Сз в подобном ракурсе ведется в работах: Карасева Е. В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2007; Комина Э. В. Вербальная синестезия. URL: http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2006/komina_verb.htm; Молодкина Ю. Н. Синестетические номинации как отражение телесности в языке // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвуз. сб. науч. тр. Курск: Изд-во КГУ, 2008. С. 65–70; Сидоров (Дорсо) А. В. Метафора, сенсибилизация, синестезия: общий естественнонаучный фундамент данных когнитивных процессов. URL: <http://www.synaesthesia.ru/application.html>; Bretones-Callejas C. M. Synaesthetic Metaphors in English. URL: <http://www.icsi.berkeley.edu/ftp/pub/techreports/2001/tr-01-008.pdf>; Ikegami T. & Zlatev J. From Pre-Representational Cognition to Language. URL: <http://www.sedsu.org/Pdf/ArticlesForPage/Ikegami-Zlatev.pdf>. Однако добавим, что многие исследования Сз, как современные, так и выполненные ранее, не озвучивая проблемы корпоральности, фактически затрагивают ее. К примеру, к их числу могут быть отнесены опыты по изучению взаимодействия органов чувств, проводившиеся С. В. Кравковым и его школой (см.: Кравков С. В. Очерк общей психофизиологии органов чувств. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946) и эксперименты А. Н. Леонтьева, направленные на изучение неспецифической чувствительности (см.: Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981). Из лингвистических исследований обращает на себя внимание небольшая работа: Юрелов И. Н. Синестезия и мотивированные знаки подязыков искусствоведения // Проблемы мотивированности языкового знака. Калининград, 1976. С. 74–81, автор которой самым непосредственным образом выходит на проблему корпоральности, выдвигая гипотезу о психофизиологической обусловленности манифестаций Сз на различных уровнях языка. Гипотеза эта находит развитие в исследованиях Л. П. Прокофьевой (см. ссылки выше), М. Я. Сабанадзе (Сабанадзе М. Я. Синестезия в подязыке музыковедения: (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987), Е. А. Елиной (Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2002), а также в собственном: Бардовская А. И. Средства номинации синестетических сообщений (на материале английских и русских художественных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. Удивительно современна также работа: Колодкина Е. Н. Полиmodalная образность в психологической структуре слова // Актуальные проблемы психолингвистики: слово и текст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. С. 9–17.
31. Rutbrof H. The Body...

32. Cytowic R. E. The Man Who Tasted Shapes. MIT Press edition with new afterword. 2003. P. 17. (Перевод мой. – А. Б.)

33. Cytowic R. E. Synesthesia: Phenomenology and Neuropsychology. URL: <http://psyche.cs.monash.edu.au>. (Перевод мой. – А. Б.)

34. Оценки частоты «синестетизма» у разных авторов различны. Ф. Гальтон говорил о пропорции 1:20, наши современники (см.: *Hubbard E. M., Ramachandran V. S. Neurocognitive Mechanisms of Synaesthesia*. URL: http://psy2.ucsd.edu/~edhubbard/papers/Hubbard_NeuronReview05.pdf) называют отношения 1:25000 (Cytowic), 1:2000 (Baron-Cohen), 1:200 (Ramachandran, Hubbard). Интересен также пример К. ван Кампена, долгое время занимавшегося проблемой Сз и, в конечном счете, обнаружившего ее у себя (см.: *Campen C. van. Synaesthesia...*).

35. Тем не менее нейрopsихологи придают большое значение анализу синестетических метафор в разных культурах и языках мира. См. об этом: *Бардовская А. И. Современные тенденции изучения синестетической метафоры // Вестник ТвГУ. 2010. Сер. Филология (4). С. 168–181.*

36. *Ramachandran V. S. & Hubbard E. M. Synaesthesia...*

37. Похожий эксперимент проводился И. Н. Гореловым: *Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. С. 14–15.* См. также: *Ткаченко Н. М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ижевск, 2007.*

38. См., например: *Fauconnier G. & Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y.: Basic Books, 2002.*

УДК 811.112.2'282.3(470.342)

О. В. Байкова

ФУНКЦИИ И КОНТУРЫ ЗАВЕРШЕННЫХ ИНТОНАЦИОННЫХ ФРАЗ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ И НИЖНЕНЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТОВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье при помощи компьютерной программы анализа звучащей речи PRAAT проводится детальное исследование функций и интонационных контуров завершенных интонационных фраз российских немцев – носителей верхненемецких и нижненемецких диалектов поселков Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области. До сих пор исследований подобного рода не проводилось.

The article investigates functions and intonation contours of completed intonation phrases of Russian Germans speaking Upper and Lower German dialects in the settlements Sozimovsky and Chernigovsky of Verchnekamsy district of the Kirov Region. The given investigation is held by means of the computer programme of sounding speech PRAAT for the first time.

Ключевые слова: функции, интонационные контуры, абсолютные и возможные интонационные фразы, линейные контуры.

Keywords: functions, intonation contours, absolute and possible intonation phrases, linear contours.

На начальной ступени исследования нами ставилась цель установить неинтонационные критерии для определения завершенных и незавершенных интонационных фраз (далее – ИФ), основанные на их синтаксических, семантических и прагматических особенностях, а именно абсолютная завершенность ИФ только тогда налично, когда она с точки зрения синтаксиса, семантики и прагматики имеет законченную структуру. При определении возможной завершенности ИФ предполагается отсутствие в речевом акте смены говорящих. Абсолютная незавершенность определяется, во-первых, с точки зрения незавершенности синтаксиса и семантики. Если же мы говорим о возможно незавершенных ИФ, то имеем в виду уже не только их синтаксическую и семантическую, но прагматическую незавершенность.

Определение функций и анализ интонационных контуров завершенных ИФ проводилось на основе расшифрованных магнитофонных записей верхненемецких и нижненемецких диалектов, сделанных в период с 1999 по 2008 г. во время диалектологических экспедиций в поселки Созимский и Черниговский Верхнекамского района Кировской области. У каждого информанта-диктора, носителя верхненемецких и нижненемецких диалектов вышеназванных поселков были проанализированы интонационные контуры завершенных ИФ, общее количество которых составило 500.

Рассмотрим теперь на примерах, какие интонационные контуры характеризуют ИФ как абсолютной, так и возможной завершенности. Допустим, что в абсолютно и возможно завершенных ИФ в зависимости от наличия или отсутствия смены говорящих высота пограничного тона различна.

В приведенном ниже примере – рассказе предстателя верхненемецких диалектов Кировской области (в разговоре принимают участие интервьюер (ОГ) и информант-диктор (МИБж) – для определения абсолютно и возможно завершенных ИФ используются следующие символы: абсолютно завершенные ИФ – (=>); возможно завершенные ИФ – (->); микропаузы – (.); короткие паузы до 0,25 сек. – (-); средние паузы до 0,75 сек. – (--); длинные паузы до 1,00 сек. – (---); паузы продолжительностью более 1,00 сек., обозначаются цифрами – (1,5), (2,00); растягивание слова – (und=äh); заполненная пауза – (äh); главное ударение (ядерный слог) в ИФ – выде-

ление слога заглавными буквами (geSTORben); второстепенное ударение в ИФ – выделение гласного заглавной буквой (frIher); семантика: да – наличие семантического показателя завершенности, нет – отсутствие семантического показателя завершенности; синтаксис: да – наличие синтаксического показателя завершенности, нет – отсутствие синтаксического показателя завершенности; прагматика: да – наличие прагматического показателя завершенности, нет – отсутствие прагматического показателя завершенности; смена разговора: да – наличие смены собеседников, нет – отсутствие смены собеседников.

В представленном отрывке информанта-диктора о возникновении и строительстве поселка Черниговский нами выбраны завершенные ИФ 6, ИФ 15 и ИФ 22, так как, во-первых, их синтаксическая и семантическая структуры являются завершенными, во-вторых, с точки зрения прагматики ИФ 6 заканчивает рассказ о брате информанта, ИФ 15 резюмирует информацию о жене брата, а ИФ 22 подводит к концу рассказ о строительстве поселка. ИФ 15 и ИФ 22 определяются нами как абсолютно завершенные ИФ, так как после вышеназванных ИФ происходит смена говорящих. ИФ 6 определяется нами как возможная завершенная ИФ, так как она не пре-

дусматривает смену собеседников. Выбранные нами абсолютно и возможно завершенные ИФ оформляются следующим интонационным контуром.

На рис. 1 представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур возможной завершенной ИФ 6, ядерный слог которого выделен заглавными буквами. Главное ударение в ИФ падает на первый слог существительного Bruder. Ядро контура включает в себя 2 слога: ядерный слог – BRU и один заядерный слог – der. Ударный слог двусложного ядерного контура – BRU реализуется в начале ядерного слога на среднем уровне тона ($F0_{min}$ 175.83 Гц / $F0_{min}$ 8.99 пт), затем ко второй трети ядерного слога контур повышается до $F0_{max}$ 275.49 Гц, что соответствует $F0_{max}$ 17.19 пт, поэтому мы обозначаем его схематически МН. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить следующим образом МНт%. Нисходящее движение ядерного тона до конца ИФ реализуется достаточно плавно. $F0_{max}$ составляет 275.49 Гц / $F0_{max}$ 17.19 пт, $F0_{min}$ равно 199.32 Гц, что составляет $F0_{min}$ 9.20 пт. Высота фразового пограничного тона т% составляет 199.32 Гц. Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F0_{umfang}$ составляет 76.17 Гц, что показывает не-

Таблица 1

МИБЖ «Die Gründung der Siedlung Tschernigowskij»

Тип ИФ	n/n ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
→	1	ОГ	<i>Und wissen Sie, wann wurde diese Siedlung gegründet?</i>	Да	Да	Да	Нет
	2	МИБ	<i>Diese SIEdlung wurde gebaut (---)</i>				
	3		<i>im ANfang (2.0)</i>				
	4		<i>ENde zwanziger Jahre (--)</i>				
	5		<i>ENde zwanziger Jahre (---)</i>				
	6		<i>hIEr war mein BRUder (--)</i>				
	7		<i>hat ein(e) FRAU von hier (--)</i>				
	8		<i>die war aus ODEssa hergeschickt worden (---)</i>				
	9		<i>im DREIßigsten Jahr (---)</i>				
	10		<i>war DREI Jahr (--)</i>				
	11		<i>NEUNundzwanzigsten (--)</i>				
	12		<i>so war DREI Jahre alt erst (.)</i>				
	13		<i>die ist aus dem SIEbenundzwanzigsten Jahr (1.5)</i>				
=>	14	ОГ	<i>war hierher geschickt (---)</i>	Да	Да	Да	Да
	15		<i>und die hatte ALles (.)</i>				
	16		<i>Ja. Und gab es auch die anderen?</i>				
	17		<i>und die Anderen waren hier aus GORKovgebiet (.)</i>				
=>	18	МИБ	<i>HERgeschichte (.)</i>	Да	Да	Да	Да
	19		<i>nu das waren SO: (.)</i>				
	20		<i>waren vielleicht etwas REIcher oder wie (-)</i>				
	21		<i>irgendwIE wurde sowas ANGesehen (--)</i>				
	22		<i>und hAm hier das ALles gebaut (---)</i>				
	23		ОГ				

сколько суженный диапазон голоса МИБЖ в представленной ИФ ($F0_{\text{umfang global}} 169.70$ Гц, $F0_{\text{umfang global}} 8.52$ пт).

На рис. 2. представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур абсолютно завершенной ИФ 22, ядро которого включает в себя 4 слога: ядерный слог – AL и три заядерных слога les, ge, baut. Ударный слог четырехсложного ядерного контура – AL реализуется в начале ядерного слога на среднем уровне тона ($F0_{\text{min}} 269.15$ Гц / $F0_{\text{min}} 16.95$ пт), затем ко второй

половине ядерного слога контур повышается до $F0_{\text{max}} 281.22$ Гц, что соответствует $F0_{\text{max}} 17.73$ пт, поэтому мы обозначаем его схематически MH-. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить следующим образом MH-m%. Нисходящее движение ядерного тона до конца ИФ реализуется достаточно плавно. $F0_{\text{max}}$ составляет 281.22 Гц, что соответствует $F0_{\text{max}} 17.73$ пт, $F0_{\text{min}}$ равно 184.50 Гц, что составляет $F0_{\text{min}} 8.71$ пт. Высота фразового пограничного тона m%, который мы можем обозначить как сред-

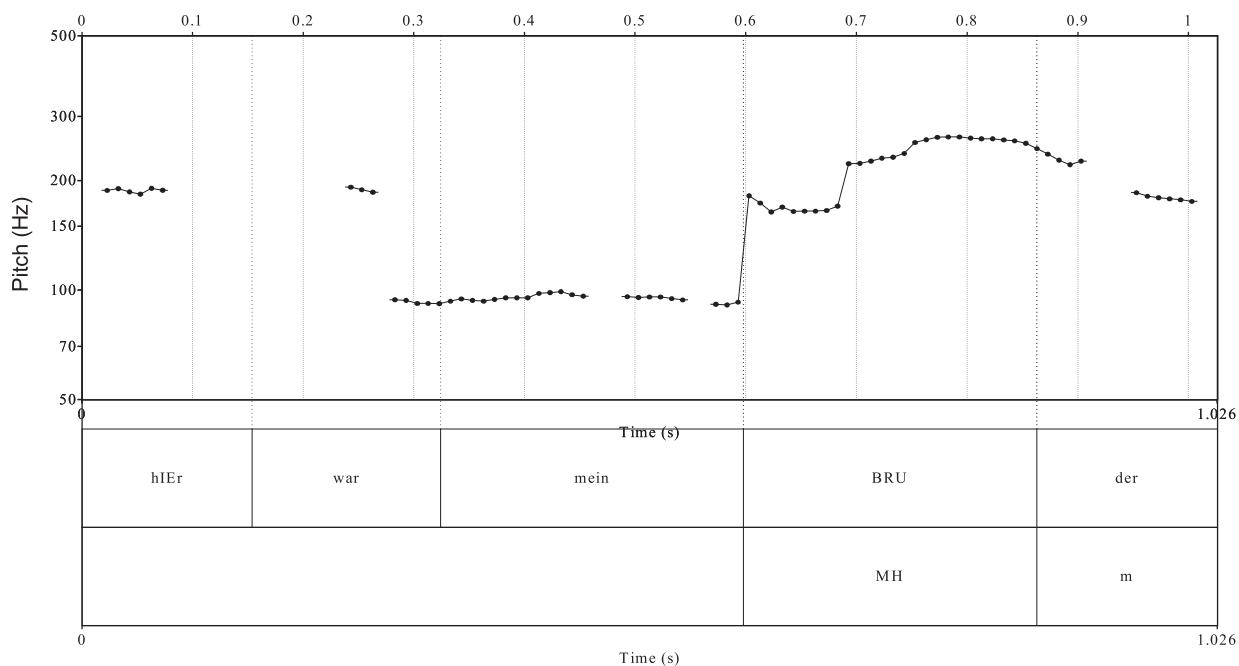

Рис. 1. МИБЖ ИФ 6 «Hier war mein Bruder»

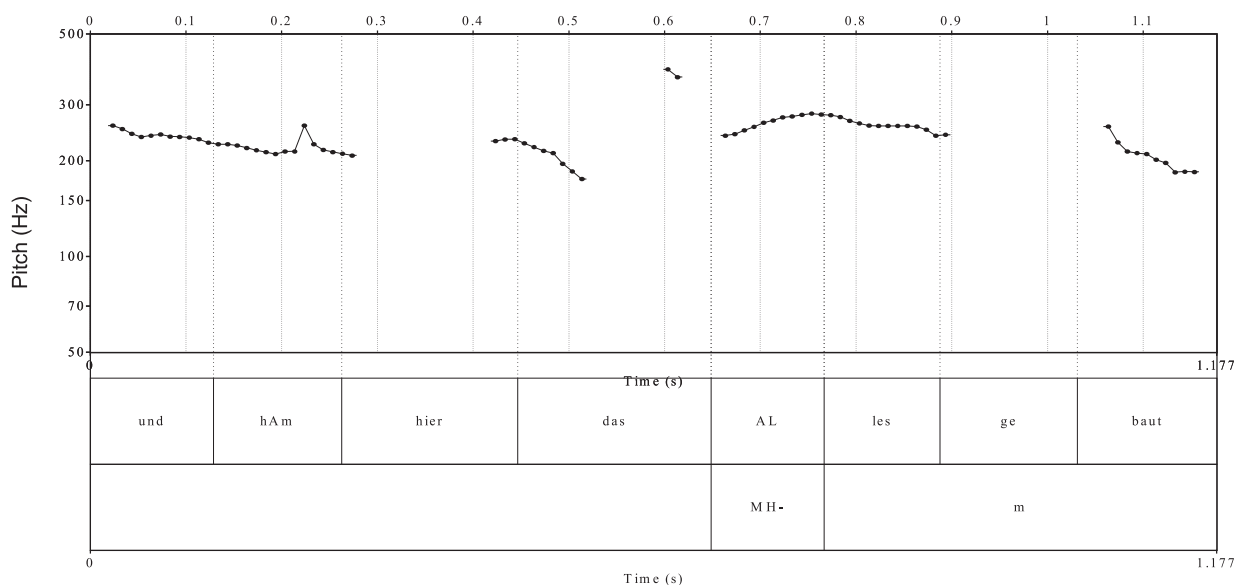

Рис. 2. МИБЖ ИФ 22 «Und haben hier das alles gebaut»

не-высокий, составляет 184.50 Гц, что значительно выше для фразовых пограничных тонов в речи МИБЖ ($F0_{\min \text{ global}} 109.66 / 1.59$ пт). Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F0_{\text{umfang}} - 100.45$ Гц.

Следующий отрывок представляет нам часть беседы информанта-диктора КАХж, представительницы нижненемецких диалектов, и диалектолога МК (табл. 2).

В этом отрывке информант-диктор описывает своих родственников, которые родились в Рождество. При помощи неинтонационных критериев мы находим три возможно завершённые ИФ: ИФ 3, ИФ 7, ИФ 13. Данные ИФ имеют синтаксически законченную структуру, с точки зрения прагматики и семантики ИФ 3 отвечает в полной мере на поставленный вопрос собеседника (*Und Weihnachten, Ostern feiern Sie? – da: fei(e)re ich objaSAtelno*). После данного ответа ожидается смена темы и смена собеседников. Однако наблюдается только смена темы «Рождение родственников в Рождество», поэтому данную ИФ мы определяем как возможную ИФ завершённости. Что касается ИФ 7, то ее лексико-семантическая структура приводит к окончанию речевого акта – небольшой подтемы о зяте сына информанта. Затем начинается рассказ о втором зяте. ИФ 7 также является лишь возможной, так как на данной ИФ не предусматривается смена собеседников. ИФ 13 заканчивает следующую

небольшую тему о втором зяте сына и затем информант-диктор ставит вопрос о длительности поста в Германии. Данная ИФ также является лишь возможной, так как смена собеседников на данном этапе не предусматривается.

Что касается интонационной реализации возможно завершённых ИФ, следует указать, что выбранные нами ИФ оформляются восходяще-нисходящим интонационным контуром.

На рис. 3. представлен линейный восходяще-нисходящий интонационный контур возможно завершённой ИФ 13, ядро которого включает в себя 2 слога: ядерный слог – SECHS и одного заядерного слога ten. Ударный слог двусложного ядерного контура – SECHS реализуется на начальном этапе ядерного слога на низком уровне тона ($F0_{\min} 130.68$ Гц / $F0_{\min} 3.62$ пт), затем ко второй половине ядерного слога контур достигает своей максимальной высоты $F0_{\max} 256.32$ Гц, что соответствует $F0_{\max} 14.19$ пт, поэтому мы обозначаем его схематически LH. Восходяще-нисходящий ядерный контур можно графически обозначить следующим образом LH1%. Высота фразового пограничного тона 1%, который мы можем обозначить как низкий, составляет 117.50 Гц, что характерно для фразовых пограничных тонов в речи КАХж ($F0_{\min \text{ global}} 106.27 / 1.02$ пт). Диапазон представленного восходяще-нисходящего контура $F0_{\text{umfang}} - 138.82$ Гц, что показывает несколько узкий диапазон голоса КАХж в пред-

Таблица 2

КАХж «Die Kirchenfeste»

Тип ИФ	п/п ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
→	1	МК	<i>Und Weihnachten, Ostern feiern Sie?</i>	Да	Да	Да	Нет
	2	КАХ	oh: WEIHnachten (.)				
→	3		da: fEI(e)re ich objaSAtelno (---)	Да	Да	Да	Нет
	4		ich hAbe ein=äh: (-)				
	5		mein SOhn hat ein(en) SCHWIEgersohn (.)				
	6		der ist o:ch RUss(e)				
	7		der ist gebOren zu UNser(e) weihnachten (--)				
	8		un der ANdere (.)				
	9		der ZWEIte (-)				
	10		der ist geBOren (.)				
	11		wenn IHR weihnachten habt (---)				
	12		am sEchsten net SIEbenten (1,2)				
→	13		heilig(en) drElkönig haben wir am SECHsten (0,7)	Да	Да	Да	Нет
	14		aber das möchte ich EUCH fra:gen (1,0)				
	15		hier die ALten (--)				
	16		sind schOn alle WEGgestorben (.)				
	17		und ich wEIss nicht und ich FIND(e) nie (.)				
	18		wo geSCHRIEb(en) ist (--)				
	19		WIEviel (--)				
	20		wIEviel wochen fasten wir vor OSTern (1,0)				
	21		WIEviel wochen (--)				
	22	МК	<i>Vierzig Tage, vierzig Tage.</i>				

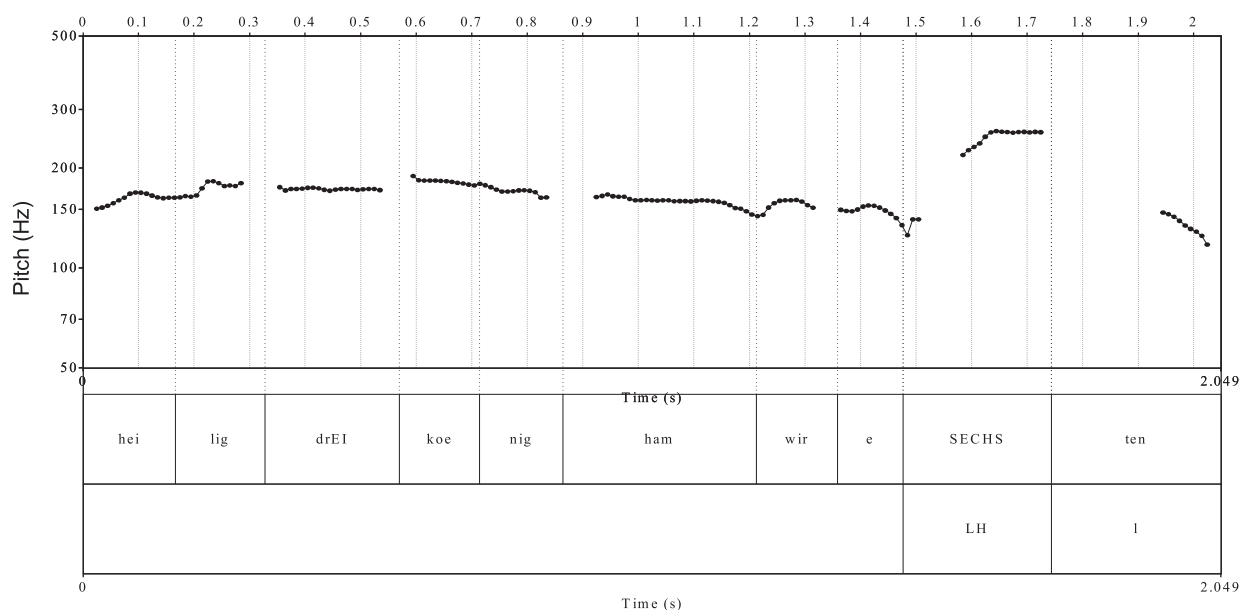

Рис. 3. КАХЖ ИФ 13 «Heiligen Dreikönig haben wir am sechsten»

Таблица 3

ГОДЖ «Die Verwandten in Deutschland»

Тип ИФ	п/п ИФ	Участники разговора	Интонационные фразы	Семантика	Синтаксис	Прагматика	Смена говорящих
→	1	ГОД	nu: ich WEISS o:ch jetzt nicht (-)	Да	Да	Да	Нет
	2		wo wer geBOren ist (-)				
	3		welchen JAHR... (--)				
	4		da muss mAn äh: ALLES wissen (.)				
	5		dAmals waren wir JUNG und dumm (.)				
	6		hab(en) NICHTS gebraucht(-)				
	7		jEtzt sind wir ALT geworden (.)				
⇒	8	ОБ	sind wir KLÜger jetzt (---)	Да	Да	Да	Да
	9		<i>Und Sie... Sie schreiben ihnen auch nicht. Ja? Diesen Verwandten?</i>				
⇒	10	ГОД	Erst hat mir geSCHRIEb(en) (-)	Да	Да	Да	Да
	11		mein HALBSchwester (0,7)				
	12		sie hat dort gehEIrat(et) 'n REICHdeutschen (---)				
	13		und IHREn Namen (.)				
	14		wie sie jetzt hat gehabt mit ihrem Mann (---)				
	15		ihre mÜtter hat noch geLEbt (.)				
	16		zwar meine TANTE (.)				
	17		meiner Mutter ihre SCHWester (.)				
	18		hab(en) immer auf IHR geschrieben (--)				
	19		Bis SIEbzig (-)				
	20		bis EINundsiebzig (--)				
	21		EInundsiebzig haben sie mir geSCHRIEben (-)				
	22		ich soll NICHT schreiben (-)				
	23		bis eine neue ANschrift kommt (-)				
	24		Und so ist nicht mehr (2,0)				
	25		keine nEUe ANschrift gekommen (---)				
26	ОБ	<i>Ja. Und Sie wohnen jetzt allein?</i>					

ставленном ИФ ($F0_{umfang\ global} 196.51$ Гц, $F0_{umfang\ global} 10.17$ пт).

Рассмотрим еще один фрагмент из беседы ГОДЖ – представительницы нижненемецких диалектов поселка Черниговский Кировской области и диалектолога ОБ:

Данный фрагмент представляет нам рассказ информанта-диктора о его родственниках, которые проживают в Германии. Используя неинтонационные критерии, мы находим три абсолютно и возможно завершённые ИФ. Такие ИФ, как ИФ 8 и ИФ 25, на наш взгляд, являются абсолютно завершёнными, так как они, во-первых, синтаксически закончены, во-вторых, с точки зрения праг-

матики и семантики ИФ 8 заканчивает первый рассказ информанта о юности и старости, а ИФ 25 завершает рассказ о письмах родственникам в Германию, в-третьих, после каждой из представленных ИФ происходит смена собеседников. В качестве возможно завершённой ИФ нами выбрана лишь ИФ 4, которая имеет законченную синтаксическую структуру. С точки зрения прагматики ИФ 4 является завершающей ИФ рассказа, о том, что нужно все всегда знать. И абсолютные, и возможные ИФ вышепредставленного фрагмента оформляются нисходящим интонационным контуром. Рассмотрим интонационный контур возможной ИФ 4 «Da muss man alles wissen».

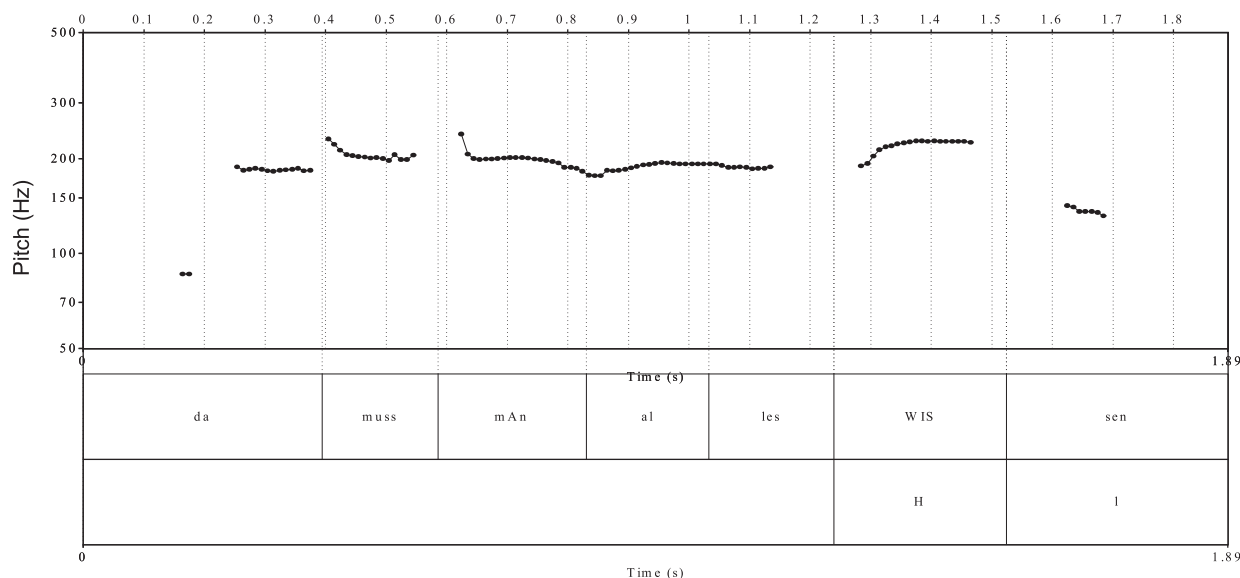

Рис. 4. ГОДЖ ИФ 4 «Da muss man alles wissen»

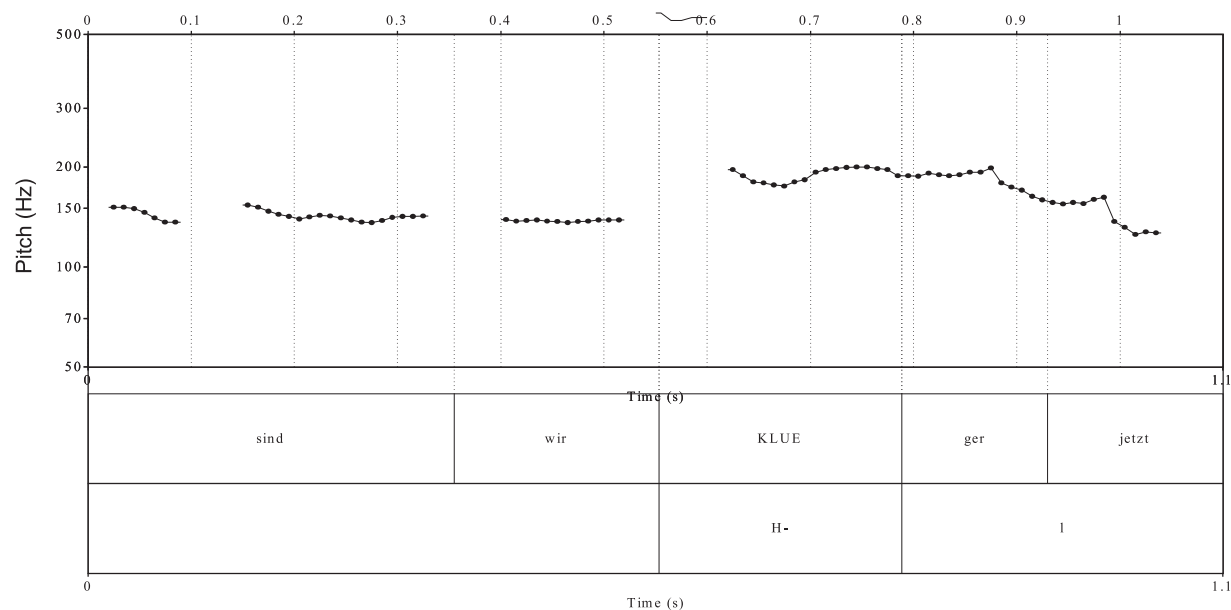

Рис. 5. ГОДЖ ИФ 8 «Sind wir klüger jetzt»

На рис. 4. представлен линейный нисходящий интонационный контур возможной завершённой ИФ 4, ядерный слог которого выделен заглавными буквами. Главное ударение в ИФ падает на первый слог глагола *wissen*, где мы и наблюдаем вершину интонационного контура. Направление ядерного контура (включающего в себя ядерный и заядерный слоги – общим количеством 2 слога: *WIS, sen*) нисходящее. Нисходящий ядерный контур можно графически обозначить как $H1\%$. Нисходящее движение тона в ядерном контуре реализуется несколько скачкообразно, то есть происходит резкое падение тона с ядерного слога (227.15 Гц) к концу ИФ (122.56 Гц). $F0_{max}$ составляет 227.15 Гц, что соответствует $F0_{max}$ 13.78 пт, $F0_{min}$ равно 122.56 Гц, что составляет $F0_{min}$ 3.51 пт. Высота фразового пограничного тона 1% составляет 122.56 Гц или 3.51 пт, что характерно для фразовых пограничных тонов в речи ГОД ($F0_{min\ global}$ 128.03 / 3.54 пт). Диапазон представленного нисходящего контура: $F0_{umfang}$ составляет 104.59 Гц, что определяет несколько суженный диапазон голоса ГОДж в представленном ИФ ($F0_{umfang\ global}$ 156.71 Гц, $F0_{umfang\ global}$ 6.76 пт).

Следующий пример представлен абсолютно завершённой ИФ 8 (ГОДж) «*Sind wir klüger jetzt*».

Рис. 5. представляет линейный нисходящий интонационный контур, главное ударение которого падает на первый слог прилагательного *klüger*. Направление движения основного тона ядерного контура (включающего в себя ядерный и заядерные слоги – общим количеством 2 слога: *KLÜ, ger, jetzt*) нисходящее. Нисходящий ядерный контур, в котором наблюдается значительное падение к концу ИФ (с 194.93 Гц до 142.10 Гц), графически обозначается как $H-1\%$. $F0_{max}$ составляет 194.93 Гц, что соответствует $F0_{max}$ 9.91 пт, $F0_{min}$ равно 142.10 Гц, что составляет $F0_{min}$ 5.29 пт. Высота фразового пограничного тона 1% составляет 142.10 Гц или 5.29 пт, что несколько выше фразовых пограничных тонов в речи ГОД ($F0_{min\ global}$ 128.03 / 3.54 пт). Диапазон представленного нисходящего контура $F0_{umfang}$ составляет 56,83 Гц.

Таким образом, общее количество проанализированных интонационных контуров завершённых ИФ составило 500 ИФ. Наша гипотеза о различной высоте тона в абсолютно и возможно завершённых ИФ в зависимости от наличия или отсутствия смены говорящих не подтвердилась.

На основе анализа исследуемого языкового материала нами были определены два интонационных контура завершённых ИФ (как абсолютно завершённых, так и возможно завершённых): нисходящий ($Hm\%$), а также его вариант ($H1\%$) и восходяще-нисходящий ($MNm\%$) и его вариант ($LH1\%$). Нами выделяются также их две реализации, обусловленные слоговой структурой ядерных контуров: для двусложных ядерных контуров –

$Hm\%$, $MNm\%$, и их варианты $H1\%$, $LH1\%$, для многосложных ядерных контуров – $H-m\%$, $MN-m\%$, и их варианты $H-1\%$, $LH-1\%$. Интонационные контуры абсолютно и возможно завершённых интонационных фраз $Hm\%$, $MNm\%$, ($H-m\%$, $MN-m\%$) последовательно отражаются в речи носителей как нижненемецких, так и верхненемецких диалектов рассматриваемого региона. Нисходящий контур $Hm\%$ ($H-m\%$) характеризуется вершиной основной частоты на ядерном слоге, с которого на последующих заядерных слогах происходит понижение тона до средне-высокого уровня к концу ИФ. При восходяще-нисходящем контуре $MNm\%$ ($MN-m\%$) ядерный слог характеризуется начальным средне-высоким уровнем основной частоты, который повышается во второй половине ядерного слога, на последующих слогах также происходит понижение тона до средне-высокого уровня. Несмотря на то, что нисходящий и восходяще-нисходящий ядерные контуры различаются по направлению акцентного тона, их конечная высота тона совпадает с $F0_{min\ global}$ отдельного информанта-диктора.

Следует обратить внимание на варианты интонационных контуров абсолютно и возможно завершённых интонационных фраз $H1\%$, $LH1\%$ ($H-1\%$, $LH-1\%$), которые были определены нами лишь у трех информантов-дикторов, представителей нижненемецких диалектов. Нисходящий контур $H1\%$ ($H-1\%$) характеризуется вершиной основной частоты на ядерном слоге, с которого на последующих заядерных слогах происходит понижение тона. При восходяще-нисходящем контуре $LH1\%$ ($LH-1\%$) ядерный слог характеризуется начальным низким уровнем основной частоты, который повышается во второй половине ядерного слога, а на последующих заядерных слогах происходит понижение тона.

Для нисходящего и восходяще-нисходящего интонационных контуров нами была определена их линейная конфигурация, которая выражается в резком непрерывно линейно понижающемся движении тона с ядерного слога к концу ИФ. Как отмечает в своей статье «*Prosodie der Deutschen Regionalsprache*» П. Гиллес, линейная конфигурация характеризуется двумя контрольными цифрами: высотой основного тона на ядерном слоге и значением пограничного тона ИФ (*Gilles P. Prosodie der Deutschen Regionalsprache. Berlin; N. Y., 2006. S. 158*). Опираясь на эти контрольные цифры, нисходящий и восходяще-нисходящий интонационные контуры рассматриваются нами как линейные контуры. П. Гиллес подчеркивает, что в завершённых ИФ немецкого литературного языка не наблюдается подобной линейной конфигурации, для них характерны лишь дугообразные и преломляющиеся конфигурации нисходящих и восходяще-нисходящих интонационных контуров.

УДК 008:930.85(470)»8»/»19»

Н. Н. Гашева

КОНТЕКСТ РУССКОЙ ИДЕИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНО 2000-х гг.

Интертекст отечественного кино 2000-х гг. демонстрирует, что русская идея не абстрактный предмет умозрительной философии, касающийся прошлого, а реальное явление современной культурной жизни России. В центре внимания авторского кино – проблема внутреннего раскола русского мира. Непластические ментальные смыслы воплощаются на языке визуальной образности. Преодолевая крайности постмодернизма, авторское кино обращается к методологии христианского реализма.

The intertext of Russian cinematography of the 2000-s reveals that Russian idea is not an abstract subject of speculative philosophy dealing with the past, but a real phenomenon of modern culture life in Russia. In the center of the author's film is the problem of inner split of the Russian world. Nonplastic mental concepts are embodied by the language of visual image. Overcoming the extremes of postmodernism, the author's film uses the methodology of Christian realism.

Ключевые слова: русская идея, контекст, христианский реализм, антиутопия, притча, архетип, монтаж, интертекстуальные связи, палимпсест, символика кинообраза.

Keywords: Russian idea, context, Christian realism, anti-utopia, parable, archetype, intertextual relations, palimpsest, symbols of cinematographic image.

В начале XXI в. художественный постмодернизм находит яркое выражение в механизмах адаптации классических сюжетов к массовым формам современного художественного сознания, в опыте ремейков произведений прошлых лет, в тиражировании культурного наследия, когда автор продолжает чужие либо пристраивает собственные тексты к классическим. Ситуация, в которой нагромождаются приемы художественного заимствования, экспериментов, поисковости, иронии – показательный и непреходящий атрибут кризисного состояния современной культуры. Впрочем, в истории искусства не раз так бывало: устойчивые художественные качества рождались в результате хаотических сплетений, когда в процессе случайных экспериментов выделялся повторяющийся признак, постепенно

становившийся обязательным и приобретающий наиндивидуальное значение. Современное российское кино, как мы полагаем, научается схватывать, сопрягать и устанавливать нечто общее между явлениями, прежде казавшимися несопоставимыми и несоединимыми.

Художественное кино последних лет (см. «Яр» М. Разбежкиной по мотивам повести С. Есенина, «Путешествие Пети по дороге в царство небесное» В. Досталя, «Палата № 6» К. Шахназарова по рассказу А. Чехова, «Юрьев день» К. Серебренникова и др.) убеждает, что поэтические матрицы художественной мысли (ментальные архетипы, топосы) свойственны современной отечественной культуре при всей ее повышенной индивидуализированности, личностности, принципиальной оригинальности и неповторимости.

При всем многообразии художественной реальности в названных кинофильмах матрицы (принципы поэтики) фиксируют некоторые ее общие особенности. «Приключения» русской идеи на уровне профанирования сакральных жанров мифа, сказки, притчи, утопии в их сопряжении с антиутопией, общность мотивов, сюжетики, инвариантность системы образов, композиции, темпоритм точки зрения, выражаемой в характере монтажа, – служат сигналами для создания у зрителя определенного ассоциативного ряда. Непластические ментальные идеи воплощаются на языке визуальной образности.

«Переключка» художественных текстов отечественного кино убеждает, что русская идея не абстрактный предмет умозрительной философии, касающийся прошлого, не анахронизм, а реальное явление современной культурной жизни России, проблема, стоящая перед каждым, кому безразлична судьба его родины. В центре внимания авторского кино проблема внутреннего раскола русского мира. Дилемма «культурная интеллигенция и народная почва» рассматривается кинематографом в контексте, заданном А. Солженицыным в его знаменитых обращениях к соотечественникам «Как нам обустроить Россию» и «Беглецам из семьи». Осмысление трагических событий русской истории XX в., распад всех связей, крушение жизненного уклада, опустошающий атеизм, духовное бездорожье, выраженное опять же в емкой солженицынской формуле «России, полностью проигравшей двадцатый век» –

акцентируют ответственность и очевидную вину культурной личности за внутренний раскол российской жизни. В фильме М. Разбежкиной «Яр» перед зрителем разворачиваются поразительные по своей поэтичности и драматизму картины народно-почвенной русской жизни с ее полуязыческим-полухристианским колоритом. Начало двадцатого века. Русская деревня. Режиссер показывает противоречия этого бытия, где есть все: и добро, и зло, и смирение, и чистота, и простодушие, хитрость, грех, жестокость. Именно в народе хранятся истины жизни на земле, без которых человеку невозможно, – вера, надежда и любовь, а также представление о естественной справедливости, «земном законе», выработанное всей жизнью народа, неразрывной с бытием природы. Фильм воссоздает архетипический универсум, пробуждая в сознании зрителя прапамять, создавая ситуации узнавания, опознавания сакральных смыслов бытия. Местные жители существуют внутри живого мифа и по его магически-анимистическим правилам, непостижимым логическим сознанием. В мифологическом топосе все возможно – здесь уживаются и добрые, и злые духи, возможно при помощи особого обряда изгнание ведьмы с обжитого людьми пространства. И никто не сомневается в том, что Бог живет и в деревне, и в лесу, и на реке. Бог повсюду, в избытке. Он освящает жилище и пищу, труд и урожай, рождение и смерть. «Конкретная метафизика» (П. Флоренский) почвенного бытия выразительно разворачивается перед зрителем в форме медленного монтажа, подробной (в стиле живописи И. Репина) реалистической детализации мира. Этот русский мир самобытен и внеисторичен, – ни цивилизация, ни идеология не в состоянии его изменить. Его можно только разрушить. Бегство героя-интеллекта в город, осознаваемое им самим как спасение своей личности для творческой созидательной жизни и освобождение от инверсии и энтропии национально-природного, иррационального, почвенно-созерцательного, инерционного существования в режиссерской интерпретации трактуется как духовное банкротство. Метафизическая тотальность предательства оттеняется глубоко-символическим образом деревенской бабы-возницы, по-матерински покровительственно-жалостливой по отношению к оторвавшемуся от корней горемыке-русскому страннику, заблудившемуся в хитросплетениях обстоятельств и бегущему от самого себя. Визуально-акустическая семиотика режиссерской точки зрения включает в структуру кинообраза культурософский контекст Н. Бердяева «нечто бабе в русской душе». Метафорически фильм символизирует трагическую судьбу самого С. Есенина, погубленного новым железным веком.

Фильм В. Досталя «Путешествие Пети по дороге в царство небесное» разворачивает перед зрителем картину разрушения, вернее, последствий разрушения естественного, органически-целостного русского мира. Персонажи В. Досталя тоже существуют внутри мифа, однако совсем иного – искусственно сконструированного идеологиями нового Советского государства. Речь о превращенном коллективном сознании и замещении реальности некоей квазиреальностью. Образ рабочего поселка где-то в Сибири, буквально сросшегося с лагерной зоной. Пятидесятые годы двадцатого века. Знаковая форма фильма в упор красноречиво-символична и беспощадно передает горькие приметы парадоксального бытия советского населения, обиходно ворующего колючую проволоку для своих повседневных нужд, отделяющую ужасную жизнь врагов народа, томящихся в сталинском аду, от вольной жизни свободного трудового народа. Условность разницы этого убогого существования двух категорий советских людей очевидна для зрителя. Вся эстетика фильма провоцирует зрительскую память на постоянное сравнение картины с классическими советскими фильмами эпохи социалистического реализма. Жизнеутверждающая музыка – оптимистический камертон всего фильма, выражающий типичное для эпохи коммунизма бодрое настроение народа, энтузиазм масс страны, где «так вольно дышит человек». В этом мире есть все, как и должно быть в советском фильме: трудовой подвиг шахтеров в забое, перевыполняющих план к государственному празднику, строгий, но справедливый начальник, воспитывающий несознательного рабочего. Жалкий индивидуалист-интеллигент. Советские дети, в порыве благородного негодования науськивающие лагерную овчарку на зеков. Нарушители общественного порядка. Бдительность, погоня за врагами советского строя. И наконец, трагическая гибель советского героя на боевом посту, выполняющего свой долг. Однако атмосфера гайдаровских рассказов для детей («Тимур и его команда», «Военная тайна», «РВС») лишь пародируется в фильме, выстраивающем систему кинокадров постмодернистски двусмысленно. Форма палимпсеста-текста, надстраивающегося поверх другого текста, когда смыслы различных текстов переплетаются, вследствие чего возникает особый контекст, вбирает в себя полярно заряженные ассоциации и вызывает амбивалентные зрительские эмоции. Жутковатым обобщением, зловещим символом околдованного народа смотрится ритуальная сцена, своеобразный абсурдистский театр одного актера, больной подросток Петя, неадекватно воспринимающий мир взрослых дядей, разыгрывающий приветствие вождя со стены вырубленного лопатой в снеж-

ном сугробе мавзолея, адресованное прогоняемой в зону матерящимися конвоирами колонне врагов народа. Персонажи фильма, живущие внутри идеологического мифа, действуют, думают, переживают по заданной мифом схеме. Поразительна сцена скорби в день смерти вождя: нищая старуха-зомби крупным планом, воющая возле тарелки репродуктора в жалком интерьере своего убогого жилища. Символически-иллюзорная реальность воспринимается коллективным сознанием как должная. Вот почему никого из взрослых не пугает детская жестокость к заключенным зекам – обыкновенный фашизм повседневной жизни советского человека. Начальник шахты глушит свою совесть классической музыкой. А культурный герой (хоть и на фоне чеховского портрета в своем рабочем кабинете) – врач-вредитель, космополит, способен выразить свой тайный протест против режима лишь через сексуальный акт с женой начальника лагеря в прачечной местной больнички. Пародирование святости умственно-отсталого Пети, гибнущего, героически помогая представителям власти обезвредить опасного преступника, контрастирует с ясностью режиссерской точки зрения: этот бедный мальчик, возможно, единственный из всех жителей поселка, кто достоин рая. Поскольку всего только играл деревянным пистолетом и следил за порядком понарошку, никого не успел убить и ни на кого не успел донести.

Фильм К. Шахназарова – диалог с Чеховым. Если у Чехова Россия – это палата № 6, то в фильме Россия – это огромная клиника для душевнобольных. Режиссер максимально сближает кинореальность с подлинной реальностью нашей повседневности. Фильм построен в жанре документальной хроники, череды сиюминутных интервью с врачом, медицинскими сестрами, психически больными людьми, знакомыми главного героя, то есть всеми реальными свидетелями истории его болезни. Крупным планом перед зрителем предстает страдальческое лицо доктора Рагина – российского интеллигента, решающего гамлетовские вопросы о смысле бытия, о цели собственной жизни, о Боге и бессмертии. Весь джентльменский набор духовных исканий русского интеллигента разворачивается в знаковом контексте: на фоне книжных полок портреты Э. Хемингуэя, Дж. Леннона и В. Высоцкого. Дорогие сердцу шестидесятников имена как отголоски былых интеллигентских иллюзий, разбившихся о жесткую действительность. На обломках рухнувшего мифа – слабый русский культурный герой, опустивший руки под грузом обстоятельств. Количественное преобладание зла в мире ослепило его, не различающего ценности маленьких, конкретных добрых дел, творимых маленькими, конкретными, обыкновенными и та-

кими же слабыми, как он, а совсем не супергероями, людьми, – и присутствия Бога в человеческом мире. Вместе с тем режиссер полемизирует с Чеховым, не оставляющим читателю утешения, – в фильме Господь посылает герою страдание, испытание, но и надежду, и человеческое участие, и ангела-хранителя. Может быть, именно теперь, потеряв свой докторский статус, оказавшись за больничной решеткой, герой и воскреснет для новой, осмысленной жизни, наполнив ее деятельным добром. Символическая рамка истории главного персонажа обозначена двумя крупными планами: в начале фильма – это умственно-отсталый пациент клиники, молодой человек, с трудом произносящий слова искренней веры в окончательную победу добра над злом, и в конце фильма – лица двух смеющихся маленьких девочек, отсылающих зрительскую память к словам Иисуса Христа о невинных детях, не ведающих зла мира, именно им принадлежит царство небесное.

В фильме К. Серебренникова «Юрьев день» русская идея представлена как необходимость возврата культурной личности к «почве» с тем, чтобы, разделив с народом его судьбу, пожертвовав собой, отрекшись от себя, собственных амбиций на исключительность, выбрать смирение, страдание, спасти этот вырождающийся и гибнущий народ, помочь ему занять достойное место в мировой цивилизации. Взамен «почва» даст элите возможность привести ее нравственные ориентиры в согласие с православными идеалами, что является необходимым условием дальнейшего братского слияния элиты и «почвы» в целостный русский мир и его воскрешение. Сюжет фильма обращает зрителя к архетипической схеме возвращения к корням. Героиня фильма – примадонна, перед эмиграцией в цивилизованную Европу привозит сына на родину. Образ заброшенной русской провинции, забытой властями, оставленной на произвол судьбы благополучной элитой, спасающейся бегством с тонущего корабля. Однако не все так просто. Русский мир оказывается живым, пространство родины волшебным, оно не отпускает от себя просто так, посылает испытания, искушения, как в сказке. Троекратным повтором, предлагая героине три дороги, три судьбы, трех потенциальных сыновей, которых она никак не может узнать (мотив угадывания-узнавания – тоже из области чудесного). Амбивалентное русское пространство соединяет реальность и сверхреальность. Столкновение с непознанным, загадки, волшебный русский мир подбрасывает героине в качестве неких мистических подсказок. Местные жители не понимают ее вопросов, русские люди живут, как будто в двух совершенно разных «Россиях», приезжие – пришельцы с другой планеты. Мотив ва-

вилонского столпотворения усиливается с появлением в кадре родственника хозяйки, у которой поселилась примадонна. Образ спившегося бродяги крупным планом в кадре представляет собой полную деградацию и первобытное полуживотное обличье осиротевшей без Бога, утратившей божий образ и подобие нации, изъясняющейся на смешанном наречии животных выкриков и дикой жестикуляции. Голос примадонны, старательно-профессионально исполняющей на непонятном простому народу итальянском языке оперные арии, пропадает, еще больше затрудняя общение интеллигентной героини со своим народом. И наконец, блуждая по городку среди трущоб и помоек, в поисках утраченного сына, она видит неопалимую купину – горящий ветхозаветный куст, увиденный Моисеем, которого Господь благословил на спасение своего народа. Чтобы общаться с Богом, человеку важнее иметь не голос, а слух, не случайно в финале картины героиню, решившую петь в церковном хоре, суровая регентша спросит, есть ли у нее слух («желающий слышать, да услышит»...). Воздух родины растворяет единственного сына героини, давая ей взамен других русских мальчиков, так же как и ее родной сын, нуждающихся в материнской заботе, любви, помощи. Символика кинообразного языка обыгрывает семантику христианских знаков, отталкиваясь от каламбура и пародии: подтягивающийся на перекладине ворот юноша, как бы примеривается к распятию, а через несколько минут он примет крест настоящего страдания. Герой проходит через стеклянные двери на фоне креста, раскидывая руки, повторяя: «Бог или рацион?» Героиня в поисках сына тоже растворяется в воздухе родины, отказавшись от призвания, вступает на путь смирения и подвижничества. На том месте, где много лет назад был дом ее деда, теперь туберкулезный диспансер для заключенных. Слиться с народом, разделить его страдания – эта семантика визуально выражена в решении героини – она красит волосы дешевой стандартной краской местного производства. Вот теперь она ничем от них не отличается, теперь они понимают ее язык. Символична сцена, в которой героиня спасает от смерти истекающего кровью уголовника, по-матерински прижимая его исхудавшее болезненное обнаженное тело к своей груди, обмывает от крови и грязи его голые ноги. Режиссерский монтаж отсылает зрительскую память к сюжету снятия с креста и оплакивания Иисуса Христа девицей Марией. Образ матери, теряющей и оплакивающей сына, на Руси издавна был одним из самых дорогих. Как и системообразующий для русской культуры образ матери-земли.

Думается, что авторское кино, преодолевая ловушки постмодернизма, обращается к методо-

логии христианского реализма (С. Франк), раскрывающего необходимость ответственности человека за активное проникновение в мир сверхмирной благодатной силы. Современное кино пробуждает в человеке генную память о существовании целостного национально-культурного Бытия и наличии своего предопределенного места в нем.

УДК 726'01(470.342)

С. М. Дождевых

**«СИМФОНИЯ СВЯЩЕНСТВА И ЦАРСТВА»:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ
КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ
В АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СРЕДЕ г. ВЯТКИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.**

В статье рассматриваются архитектурные особенности и семиотический потенциал культовых зданий, построенных в г. Вятке в конце XIX – начале XX в. Выясняется их роль и значение в пространственной среде города.

In article are discussed architectural features and semiotics potential of cult buildings of Vyatka in end XX – the beginnings of the XX-th centuries. The author tells about a role and value of these monuments in an architectural and symbolical composition of a city.

Ключевые слова: семиотика архитектуры, религиозный памятник, композиция города, монархические посвящения.

Keywords: architecture semiotics, religious monument, city composition, monument to the emperor.

Доминанты православных храмов являются первостепенными элементами в сложении городской композиции и в целом образа русского города. Очевидно, что, помимо визуального преобладания, церковные сооружения всегда насыщены дополнительным семантическим содержанием, при этом не только религиозным. К сооружению высокому, устремленному вверх, человек, повинувшись бессознательному импульсу, относится по-особому – он видит в нем знак исключительности места. Эта психологическая особенность с давнего времени диктует масштаб и величие культовых строений.

Обилие соборов и церквей в г. Вятке не было случайностью, в пространстве города они были значимы именно на «своем» месте, подобно тому, как располагается церковная утварь в пространстве храма. Человек украшал город храмами в соответствии со своим пониманием красоты, устроенности, упорядоченности бытия. Зачастую по тому, как устроено городское пространство и композиция храмов в нем, можно судить о пред-

© Дождевых С. М., 2011

ставлениях горожан об устройстве мироздания и ценностных ориентациях.

Выявление основных принципов, установок и идеальных стремлений «авторов» замысла архитектурно-пространственного плана города наиболее разработано сегодня в контексте градостроительства средневековой Руси [1]. Применительно к г. Вятке указанные аспекты поднимали в своих исследованиях историки-краеведы В. М. Бадьин [2] и А. Г. Балыбердин [3]. Анализируя градостроительную структуру г. Вятки (Хлынова) XVI–XVIII вв., В. М. Бадьин пришел к выводу о том, что город складывался в результате перенесения на карту основных святынь Иерусалима палестинского – это кафедральный Свято-Троицкий собор, подобно храму Соломона возвышавшийся в центре города, Воскресенский собор в центре посада (палестинская параллель – Храм Гроба Господня), Успенский Трифонов монастырь с Благовещенским собором (Вифлеем), Царево-Константиновская церковь (базилика Константина) и др. [4]. А. Г. Балыбердин, в свою очередь, не соглашаясь с предшественником, выдвинул сразу две гипотезы. Согласно первой г. Вятка конца XVII в. предстает прежде всего как «город Всемилющего Спаса», так как ему посвящено большинство каменных храмов, которые к тому же были расположены в последовательности Евангельских событий: Богоявленский в Кремле, Преображенский в Девичьем монастыре, Воскресенский, Вознесенский и Спасский соборы. В соответствии со второй гипотезой в основу планировки г. Вятки архиепископом Ионой были положены символы Божественной литургии и в таком случае г. Вятка представляется единственным в своем роде.

Стоит, однако, учитывать, что храмовый комплекс г. Вятки не исчерпывается сооружениями XVII–XVIII вв., активное храмоздательство осуществлялось здесь вплоть до 1917 г. Поэтому целесообразно поставить вопрос о том, что нового внесла в «замысел Вятки» культовая архитектура конца XIX – начала XX в., изменились ли смысл и назначение города в это время?

В конце XIX в. в городе насчитывалось около двух десятков православных церквей, а также два монастыря. Таким образом, практически все знаковые городские пространства (перекрестки улиц, площади, холмы и пр.) были обозначены, закреплены вершинами храмов и колоколен.

Святым центром, символом г. Вятки был Свято-Троицкий Кафедральный собор – главный храм города, несомненно, являлся основным в архитектурном силуэте. Построенный в 1760–1772 гг. под наблюдением ведущего московского архитектора Д. В. Ухтомского собор может быть причислен к самым значительным барочным храмам, когда-либо созданным в русской провинции. В полном географическом описании России,

составленном в 1914 г. под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, даже высказано предположение, что Кафедральный собор в г. Вятке построен по рисункам Растрелли [5].

Скомпонованный из нескольких разновеликих объемов: храма с легким пятиглавием, отдельно стоящей пятиярусной колокольни, перехода от колокольни к церкви, – его облик представлял изумительно динамичный силуэт, просматривающийся со всех сторон, особенно красиво со стороны реки. Однако не только внешняя красота храма определяла его главенствующее положение в городской среде Вятки, для местных жителей с Кафедральным собором был связан целый комплекс семантических значений. Во-первых, сооружение располагалось в историческом месте г. Вятки, на берегу реки, именно там, где город был основан. Представляется, что жители приходили именно к нему как в обычные, так и в праздничные дни не потому, что колокола его звенели громче, а он был выше и стройнее других соборов, а потому, что стоял он на святой земле, на которую первыми вступили их предки. Во-вторых, особую святость Кафедрального собора подчеркивали религиозные святыни, находившиеся в нем. Самое драгоценное сокровище составляли чудотворные иконы [6] и прах известных вятских архиепископов [7]. В 1871 г. под теплым храмом был устроен «пещерный» храм во имя всех святых Киевских, в котором хранились части святых мощей Киевских угодников, лично полученных из Киево-Печерской лавры. В связи с этим следует заметить, что захоронения наиболее почитаемых горожан и монахов на территории прибрежных монастырей и соборов также способствовали сакрализации центра как места, семантически связанного с хтоническим миром. При этом все городские кладбища традиционно находились за городской чертой в максимальном отдалении от береговой линии.

Интересно также обратить внимание на то, что на верхнем ярусе колокольни Кафедрального собора с четырех сторон находились часы, которые должны были служить городским хронометром и напоминать обывателям о бренности бытия. Этот храм, таким образом, являлся своеобразной точкой отсчета времени и пространства, связующим звеном между Небом и Землей.

Отношение к этому месту как особо священному сохранялось также в советское время: после сноса храма именно здесь установили памятник И. В. Сталину, а затем устроили мемориальный комплекс «Вечный огонь».

В середине XIX в. в городской среде Вятки появляется новая архитектурная и семантическая доминанта – Александро-Невский собор (1839–1864 гг.). Возведенный по проекту столичного архитектора А. Л. Витберга храм занял

место в центре большой торговой площади в перспективе Казанской и Семеновской улиц. Став доминантой новой южной части города, собор уравновесил тем самым целое созвездие церковных сооружений центрального кремлевского холма. Обладая высотой примерно 58 метров, собор просматривался с любой точки города.

Александр-Невский собор занял особое место в духовной жизни горожан г. Вятки. Идея о заложении храма в честь святого Александра Невского появилась после важного для города события – пребывания в г. Вятке императора Александра I (1824 г.) и наследника цесаревича, будущего Александра II (1837 г.). Такие монархические посвящения (храмы, посвященные ангелам-хранителям членов императорской семьи), как пишет Е. И. Кириченко, приобрели в это время массовый характер, «вырастая до значения качественной характеристики религиозного чувства XIX – начала XX века» [8]. Русское национальное сознание не могло существовать без символов, выражающих любовь граждан к своему отечеству, поэтому самым массовым, поистине всенародным способом прославления и увековечивания монархов являлся теперь православный храм, соименный имени императора.

Молясь в таких храмах-памятниках, русский человек как бы просил помощи не только у «Царя Небесного», но и у «Царя Земного». Е. И. Кириченко, анализируя священное пространство Петербурга конца XIX – начала XX в., указывает, что многие провинциальные города в случае строительства подобных храмов действовали по примеру северной столицы, особенно отмечая Александр-Невский собор в г. Вятке [9].

Сложное переплетение светской и религиозной мемориальности этого храма еще более отчетливо проявилось в конце XIX в. 30 августа 1896 г. вокруг Александр-Невского собора был открыт сквер, имевший овальную форму, диаметром около 195 метров.

Заметим, что сооружение сквера вокруг храма представляется весьма логичным, так как сакральное пространство, в пределах которого расположено сакральное сооружение (храм, мемориал, комплекс ценных исторических зданий и др.), должно быть отделено от светского (профанного) пространства оградой, условной границей в виде мощения, зеленых насаждений, охранной зоны и др. А если учитывать, что Александр-Невский собор был расположен на торговой площади, то устройство такой «адаптационной зоны» между *сакральным* и *профанным* являлось необходимым, она должна была подготавливать человека к восприятию сакраума.

Четверо ворот чугунной ограды сквера (автор арх. И. А. Чарушин) были посвящены русским императорам: северные – Александру III,

западные – Николаю II, восточные – Николаю I, южные – Александру II. Предполагалось, что это будет напоминать, что время строительства собора и сквера «обнимает» их царствование [10]. В 1896 г. в северной части сквера был сооружен памятник Александру III, что окончательно закрепило за комплексом собора мемориальный семантический статус в честь «Царей Земных». Не случайно поэтому в советские годы Александр-Невский собор, несмотря на то что являлся, безусловно, самым удивительным памятником архитектуры всей Вятской земли, был взорван, и все что окружало его, «стерто с лица земли».

Итак, уже в середине XIX в. наблюдается начало процесса изменений в характере посвященных храмов. Традиция создания г. Вятки как города Христа Спасителя или как города, составленного согласно божественной литургии, явно прервалась в это время. В свою очередь процесс обустройства города храмами, посвященными ангелам-хранителям императорской семьи, в начале XX в. демонстрирует тенденцию к расширению.

Семантика большинства вновь возводимых культовых сооружений (Александровский костел, Серафимовская церковь, Федоровская церковь и др.) прочитывается в контексте важных государственных событий конца XIX – начала XX в., так или иначе связанных с императорской фамилией: чудесное спасение Александра III, празднование 300-летия дома Романовых, канонизация Серафима Саровского, указ о веротерпимости и др. Каждое из этих событий породило несколько групп памятников, отличных между собой содержательностью, архитектурным обликом и географией распространения.

Во имя Александра III и в честь спасения Августейшего семейства в октябре 1888 г. в окрестностях г. Вятки был учрежден Александр-Невский Филейский мужской монастырь, а также освящен один из приделов Вознесенской церкви с. Вахруши.

В 1904 г. для Филейского монастыря архитектор И. А. Чарушин разработал проект каменного Александр-Невского храма. Собор представлял собой один из вариантов центрической церкви византийского типа с мощным куполом (возможно, автор учел особенности архитектурного облика Александр-Невского храма в г. Вятке). Если бы не начавшаяся в 1914 г. война, помешавшая осуществлению проекта, Александр-Невский собор, бесспорно, благодаря своей монументальности и торжественности мог бы войти в число красивейших храмов Вятской земли.

После кончины Александра III в 1894 г. новый вятский губернатор Ф. Ф. Трепов, стремившийся привлечь внимание царствующей семьи, поддержал просьбу поляков-католиков о строительстве каменного костела в честь святого Алек-

сандра и в память императора. Для вятских католиков г. Вятки это был удобный случай получить разрешение на строительство собственной каменной каплицы. 31 августа 1903 г. состоялось открытие костела при большом стечении людей, в т. ч. уважаемых лиц. Появление подобного сооружения в г. Вятке оказалось важным событием в архитектурной и духовной жизни города.

Во-первых, здание, выстроенное по проекту варшавского архитектора К. Войцеховского, несмотря на то что обладало привычными классицистическими элементами, все же выполнено в традициях римско-католических костелов, поэтому для вятского жителя все в нем было необычно от внешнего вида до скульптур и фисгармонии.

Во-вторых, вятский костел на тот момент являлся единственным на многие окружавшие Вятскую губернию территории, и, конечно, его строительство не могло пройти незаметно в среде православных г. Вятки. Так, епископ Вятский и Слободской Сергей вначале не давал благословения на его строительство. Положение костела на городской окраине демонстрирует «недоброжелательное» отношение к нему.

В канонизации Серафима Саровского непосредственное участие принимал сам император Николай II, именно он поставил вопрос о причислении его к лику святых. Прокатившаяся после этого по всей России «волна» строительства храмов во имя св. Серафима Саровского затронула также г. Вятку.

По указу Вятской духовной консистории 13 июня 1904 г. на углу Орловской и Успенской улиц состоялась закладка единоверческой церкви, которая в 1907 г. была освещена во имя св. Серафима Саровского. При этом разрешение на ее строительство было получено не сразу. Согласно журналу заседаний Вятской Городской Думы от 1903 г., после «прочтения доклада городской управы по ходатайству Вятского епархиального архиерея об уступке части Ивановской площади под постройку здания для единоверческой церкви. Гл. Шуравин заявил, что Ивановская площадь с постройкой Петербург-Вятской жел. дор. приобретает очень важное значение, почему, по его мнению, отводить здесь места под какие бы то ни было постройки нежелательно. К мнению г. Шуравина присоединились и другие гласные, указывая, что место для постройки церкви может быть отведено и в других пунктах города» [11].

Эта цитата важна тем, что ярко демонстрирует изменение в конце XIX – начале XX в. принципа подхода к построению архитектурно-планировочной структуры города – от духовного к социально-утилитарному. Говорить теперь о том, что храмы располагались в соответствии с определенным религиозным прообразом, представляется в такой ситуации не совсем корректным. Безуслов-

но, определенная логика была, но она соответствовала выбору места для светских памятников. Е. И. Кириченко выделяет два таких варианта выбора: на месте определенного события (например, Храм на крови в г. Петербурге) или на вновь застроенных территориях городских окраин [12].

В связи с тем, что в г. Вятке в конце XIX – начале XX в., пожалуй, не было мест, отмеченных ярким событием, то более актуальным в это время представляется второй вариант. Так, 14 июня 1915 г. на берегу реки «с небывалым торжеством» была заложена церковь Феодоровской Божией Матери. Закладка этого храма непосредственно была связана с праздником 300-летия царствующей династии. Икона Феодоровской Божией Матери являлась их родовой святыней: перед ней в 1613 г. первый государь из рода Романовых – Михаил Федорович – принес присягу на верность Отечеству, а в монастыре, посвященной этой иконе, умер Александр Невский. Представляется, таким образом, совсем не случайным, что в народе церковь получила имя «Романовская».

Расположение церкви на живописном крутом берегу реки, в перспективе Острожной улицы, в визуальной связи с ротондой Александровского сада, комплексом Кремля и Александро-Невским собором подчеркивало особенное внимание местных властей к ее возведению. Церковь включилась в силуэтную панораму города со стороны реки, завершив композиционный строй.

Автором проекта стал И. А. Чарушин, сумевший воплотить в проекте церкви наиболее современные архитектурные идеи, разрабатываемые в русле неорусского направления. Планировочная структура храма традиционна: к основному объему церкви с многочисленными завершениями примыкает трапезная с шатровой колокольней. Легкое венчание Федоровской церкви естественно вырастает из объемов здания, пронизанного неудержимым движением по вертикали. Фасады украшали майоликовые фризы и росписи. Небольшая по своим размерам церковь производила монументальное впечатление, что достигалось лаконизмом и обобщенностью форм, пластичностью и материальностью.

Возведение вятского храма во многом было вдохновлено строительством Федоровского собора в Царском Селе. Так, говоря о стиле вятской церкви, исследователь Б. В. Зырин отмечает, что она была запроектирована «в формах, близких к стилю модного тогда столичного архитектора В. А. Покровского» [13].

Предположим, что и создатели Государева Собора в Царском Селе мыслили его как образец для всех возводимых в то время храмов, не случайно чертежи собора были представлены в «Ежегоднике общества архитекторов-художников» 1910 г., а в том же издании за 1912 г. вышли также натур-

ные фотографии. По заказу Д. Н. Ломана – ктитора собора – Московская художественная скоропечатня «Товарищества “Левинсонъ”», которая входила в тройку лучших в России, выполнила роскошный альбом «Федоровский Государев Собор» (М., 1915), а также расписание церковных служб, открыток, пригласительных билетов, выглядевших как подлинные произведения искусства.

Итак, отметим, что православная топография г. Вятки в конце XIX – начале XX в. претерпевает изменения, которые были обусловлены рядом обстоятельств. Во-первых, в результате выхода в 1905 г. указа императора Николая II «Об утверждении начал веротерпимости» городская среда Вятки активно застраивалась иноверческими храмами.

Как правило, в российских городах мирно сосуществовали общины разных конфессий. При этом еще в середине XIX в. строительство иноверческих храмов «в камне» вообще не предполагалось, а в начале XX столетия не каждый провинциальный город «согласился» на их появление. Постройка «иноверных» церквей близ православного храма воспринималась как оскорбление христианства.

В г. Вятке тем не менее в это время были возведены каменные здания костела (1903 г., арх. К. Войцеховский), магометанской мечети (1909 г., арх. М. В. Дружинин), старообрядческой моленной (1910 г.) и пр. Не многие из них действительно влияли на характер окружающей среды, например старообрядческая моленная, построенная купцом Д. Ф. Зоновым, была спрятана за высоким забором его усадьбы, а вот мечеть, напротив, была устроена в центре города, в непосредственной близости к комплексу вятского Кремля. Но все же ни один иноверческий храм не был обозначен на карте г. Вятки 1914 г.

Второе и более серьезное обстоятельство, повлиявшее на особенности и характер религиозного строительства в г. Вятке и России в целом, – это государственная политика. Как утверждает Е. И. Кириченко, «строительство храмов сосредоточило в себе суть официальной идеологии всех последних царствований, начиная от Николая I» [14]. Именно при правлении императора Николая I культовое зодчество становится средством выражения официальных идей, сформулированных в теорию «православие – самодержавие – народность». Многие города, в большей степени г. Петербург, в течение XIX – начала XX в. затронула целенаправленная программа переустройства в соответствии с новой идеологической концепцией.

Нельзя не отметить помимо культовых сооружений обилие монархических посвящений также в общем городском пространстве г. Вятки конца XIX – начала XX в. Например, улица Николаевская (переименована в 1895 г. в связи с

началом царствования Николая II, бывшая – Вознесенская), сельскохозяйственное училище имени Александра II (1900–1904 гг.), Александровский сад и пр.

Таким образом, символический замысел архитектурно-планировочной структуры г. Вятки, если таковой существовал в том виде, в котором его описывали В. М. Бадьин и А. Г. Балыбердин, в конце XIX – начале XX в., безусловно, дополнился новым содержанием. В этот период посвящения, связанные с именем императора, оттесняют на второй план осмысление городского пространства в собственно христианской традиции. В результате обустройства г. Вятки в начале XX в. храмами во имя ангелов-хранителей императорской семьи характер ее церковно-пространственной системы выражал идею «симфонии священства и царства». Как император заботился о своем Отечестве, так и его ангелы-хранители оберегали теперь русские города. В складывании такой ситуации видятся и социальные причины: в этом перевернутом, взбаламученном мире рубежа XIX–XX вв. единственной устойчивой опорой по-прежнему оставались «Царь Небесный» и «Царь Земной».

Примечания

1. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство X–XV веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М., 1993; *Бондаренко И. А.* Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы. М., 2002; и др.

2. *Бадьин В. М.* Церкви старой Вятки: к вопросу о планировании средневекового города // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар, 1995. С. 60–61; *Бадьин В. М.* Русское средневековое градостроительство: от образа к первообразу // Религия и Церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. К 450-летию преподобного Трифона Вятского чудотворца: материалы Междунар. науч. конф. Киров, 1996. Т. 2. С. 194–196.

3. *Балыбердин А. Г.* Замысел о Вятке. Попытка литургического осмысления символики архитектурно-планировочной структуры города Хлынова (Вятки). URL: http://www.eparhia-vtk.ru/_upload/book/Zamisel_Viatka.doc

4. *Бадьин В. М.* Русское средневековое градостроительство: от образа к первообразу. С. 195.

5. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / ред. В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Т. 5. СПб., 1914. С. 560.

6. Икона Тихвинской Божией Матери, икона Св. Архистратига Михаила и икона Святителя Николая.

7. В усыпальнице Кафедрального собора покоятся прах Архиепископа Ионы (Баранова), Лаврентия (Горки), Варфоломея (Любарского), Лаврентия II Барановича и епископа Антония Илляшевича.

8. *Кириченко Е. И.* «Симфония священства и царства». Храмы-памятники XIX – начала XX века // Русское церковное искусство Нового времени. М., 2004. С. 223.

9. Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Т. 2. М., 2001. С. 119.
10. Вятские губернские ведомости. 1896. № 70. С. 7.
11. Журнал Вятской Городской Думы. Вятка, 1903.
12. Кириченко Е. И. Запечатленная история России. С. 115–116.
13. Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Киров, 1996. С. 161.
14. Кириченко Е. И. «Симфония священства и царства» ... С. 222.

УДК 008

О. Н. Скибинская

ХРОНОТОП РОДА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Вводится определение понятия хронотоп рода как центральное в исследовании родов российской провинции. В рамках данного концепта рассматривается трансформация основных доминант ментального пространства рода в XVIII – начале XX в.: религиозно-философских, патриархального семейного уклада, образования.

The definition of the concept of chronotope as a sort of central in the study of genus of the Russian province. Under this concept consider the transformation of the main dominants of the mental space of genus in the XVIII – early XX century: religio-philosophical, patriarchal way of life, education.

Ключевые слова: хронотоп рода, ментальное пространство, этимология имени, патриархальный уклад, доминанта, образование, интеллектуальная деятельность.

Keywords: genus's chronotope, mental space, etymology of the name, patriarchal way of life, dominant, education, intellectual activity.

В качестве ключевого концепта для исследования родов податных сословий российской провинции мы вводим понятие *хронотоп рода*, рассматриваемое нами как взаимосвязь временных и пространственных отношений, являющихся стержневыми для взаимодействия рода с окружающей, в том числе сформировавшей его средой (по горизонтали) и для функционирования и смены кровно-родственных поколений (по вертикали). Этот концепт помогает выявить особенности формирования, функционирования и трансформации доминант конкретного рода.

Хронос рода рассматривается через такие «временные» характеристики, как длительность, прерывность, развитие и стационарность, импульс, направленность. Кроме того, мы предлагаем дифференцировать макро- и микрохронос рода. *Мак-*

рохронос определяет временные границы существования поколений рода, отдельных линий и рода в целом. Последнее является решающим в установлении временных рамок наших исследований. К *микрохроносу* рода мы относим даты и временные промежутки, связанные с жизнью отдельного персонажа, какого-либо значимого события из жизни семьи или поколения. «Ценность события в том, что оно стягивает в узел разрозненные значения» (П. Рикёр). Восстановление микрохроноса позволяет заполнить «бездны глубочайшего запустения... от праотцев» (Вальтер Беньямин), т. е. вписать результаты наших исследований в конкретную социокультурную и историко-экономическую среду. Таким образом не только ликвидируются лакуны в конкретной родословной, но и вводится в научный оборот информация, по значимости выходящая за «родовые» рамки.

Топос рода мы рассматриваем как пространство: географическое, экономическое и ментальное. Под последним мы понимаем «среду концептуализации и мышления» (Дж. Лакофф). «Ментальное пространство человека является таким системным конструктом, который опосредствует взаимосвязь между образом жизни и образом мира человека, являясь при этом таким образованием, через которое система (человек) оказывается открытой как в объективный (вещный) мир, так и в культуру» [1]. Ментальное пространство податных сословий российской провинции определяется следующими доминантами: религиозно-философскими, патриархальным семейным укладом как определяющим образ жизни, отношением к образованию.

В ходе наших исследований была восстановлена родословная (тринадцать поколений) Жировых, купцов и мещан г. Рыбинска Ярославской губернии (начало XVIII – первая треть XX в.). Родоначальником, «человеком, ставшим в его челе» [2], является Стафей. Его сын, Ларион Стафеевской (? – не позже 1674), упоминается в «Писцовой книге дворцовой ловецкой Рыбной слободы» за 1675–1676 гг. [3] Как менялись на протяжении более чем двух с половиной столетий доминанты ментального пространства этого рода?

Рассматривая хронотоп рода как «качество реального и мыслимого бытия» [4] Жировых, мы выявили характерный момент: существование значительной части представителей родов податного населения не сводилось к «вынужденному движению в пространстве» и времени. Многие представители данного рода не «претерпевали игру судьбы» (Бахтин), а довольно активно создавали доминанты ментального пространства.

О начале формирования ментального топоса можно говорить, на наш взгляд, с возникновения и последующего закрепления имени рода – фа-

мии. С закрепления фамилии появляется осознание себя, своих предков и потомков, не просто как смежных поколений – членов одной семьи, но именно как части единого целого – рода. Так, уже в третьем поколении, у внуков Лариона Стафеевского, на рубеже XVII–XVIII вв., мы впервые встречаем документально зафиксированное – Жиловы. Правда, пока еще это не родовое имя, не фамилия, а лишь *прозванье*, не слишком устойчивое, уже в четвертом поколении, к 1744 г., изменившее свою форму на Жилые. Только в 1874 г. их потомки вернутся к первоначальному варианту, который и станет фамилией. При этом этимология родового имени Жилые-Жиловы, на наш взгляд, восходит именно к их активной экономической деятельности, т. е. изначально – к деловым качествам и хватке. В старину слово «жилой» имело несколько значений, в том числе *опытный*. Жилowymi прозвали тех внуков Лариона Стафеевского, которые занимались уже не тяжелым рыбацким трудом, а стали, говоря современным языком, предпринимателями или главами местного самоуправления. Однако мало кто из них мог выдержать искушение властью и доступом к общественным деньгам. Взятки, воровство, подлоги, мошенничество – даже с учетом документальных потерь за минувшие века, примеров тому в архивных материалах нами обнаружено немало. Не потому ли в четвертом поколении прозвище Жилон меняются на Жилой. Меняются вместе с оттенком: из *опытного* представитель рода отныне превращается в *жулика*; отсюда, по Фасмеру, и *жилить* – присваивать что-либо незаконно [5]. «Ярославский областной словарь» дополняет нюансы истолкования: «Жила, м. и ж. Упрямец, спорщик». «Жилить. Неодобр. Спорить, отстаивать свои интересы, не будучи правым; сердиться» [6].

Одна из доминант ментального пространства патриархального рода – семья. Холостой или одинокий образ жизни – отступление от нормы, статус неженатого расценивается невысоко. Мужчина – глава патриархальной семьи, ее экономическая опора и социальная защита. Более того, исследование хронотопа рода позволяет однозначно утверждать: в Российской империи патриархальная семья брала на себя функции материальной и моральной поддержки, оказываемой дееспособными членами рода малолетним и престарелым, что в условиях отсутствия развитой государственной системы социального обеспечения являлось основой социально-экономической стабильности общества.

Внук Лариона Стафеевского, Алексей Иванов, умер рано. Его осиротевших сыновей, Ивана Жилого (1712–1733) и Филимона Жилого (1720–1778), разобрали по семьям двое братьев усопшего. Дяди добросовестно отнеслись к наследству сирот и сохранили его в целостности. Филимон

Жилой стал уважаемым в городе человеком: в 1754 г. его выбрали одновременно и в «словесный суд», и в «окладчики», а впоследствии он стал старостой и благоустроителем каменного храма Казанской иконы Божией матери, о чем до начала XXI в. сохранилась надпись в клейме правого столпа четверика.

Аналогичные примеры мы находим в каждом поколении рода [7]. Так, представитель седьмого поколения потомков Лариона Стафеевского, торговец «мучного и хлебного товара» В. И. Жилон (1824–1883), проживал на Череможской набережной в своем доме с семейством и службой в 24 человека: женой, 10 детьми, овдовевшей мачехой, тещей, службой (нянька, кухарка, горничная), служащими. Овдовев, в 1880 г. он женился второй раз, и через год у купца родился еще один сын. После смерти главы семьи в 1883-м заботу о младших братьях и немощных домочадцах взял на себя не старший сын, обремененный к тому времени шестью собственными детьми, а второй сын, 26-летний купец 2-й гильдии Н. В. Жилон.

Но уже полвека спустя примат патриархальных семейных ценностей оказывается под угрозой: внук В. И. Жилова, Василий Александрович, вступает во владение домом на углу Мышкинской (ныне Герцена) и Гоголя, ломает все старые постройки и в 1915 г. начинает строить на этом месте новый дом; старожилы судачили, что особняк сей он решил возвести для своей любовницы – актрисы местного театра (завершению строительства помешала революция). Примерно в это же время начались его конфликт с матерью, проблемы в семейном бизнесе. Дело об утаивании Василием Александровичем паев «Торгово-промышленного товарищества наследников А. В. Жилова» дошло до полиции [8].

Другая доминанта ментального пространства рода – постоянный интерес к образованию, понимание того, что даже неплохой материальный достаток не есть гарантия стабильной жизни детей. Исследование хронопота рода показывает, что осознанное стремление дать детям хорошее по своему времени образование поначалу зародилось на вполне прагматичной основе: как без счета и письма торговать? Уже в начале XVIII в. практически все Жилые были грамотными – по тем временам в провинции это большая редкость. Сохранился указ, запрещающий стрелять птиц по дворам, за провинность следовал огромный штраф – 1000 руб. Подтверждая ознакомление, под указом расписались все Жиловы. При этом в Рыбной слободе не было школы. Как овладевали грамотой? Учились частным образом у грамотных церковнослужителей и писцов, служивших в ратуше и таможне... Полтора столетия спустя, во второй половине XIX в., все Жиловы отдадут своих детей в местные гимназии.

В ходе исследования мы установили: в XVIII–XIX вв. представители патриархального рода проходят путь от полустихийного освоения грамоты к получению качественного образования и последующей активизации интеллектуальной деятельности «как условию ментальной самореализации» (Т. С. Злотникова). Наиболее выразительным подтверждением последнего стала восстановленная нами на основании материалов С.-Петербургского филиала Архива РАН и Государственного архива Ярославской области (ГАЯО) судьба М. В. Жиловой (1870–1934). По окончании Рыбинской женской гимназии она уехала в С.-Петербург и в 1890 г. поступила на физико-математическое отделение Бестужевских курсов, где преподавали лучшие профессора и педагоги высшей школы. Примечательно, что в конце XIX в. эти курсы посещали по большей части дочери чиновников, военных, дворян (при этом в основном они слушали лекции историко-филологического отделения). И лишь позже, в 1913–1918 гг., стала отмечаться «тяга к знаниям у дочерей купцов, потомственных почетных и личных граждан, священнослужителей, мещан, ремесленников, нижних военных чинов и крестьян» [9]. А потому девушка из уездного Рыбинска М. И. Жилова стала своего рода исключением: она «пополнила список “первых” женщин» России – стала «первой женщиной-сотрудницей Пулковской обсерватории» [10], где проработала с 1894 по 1934 гг., сотрудничая с известными российскими учеными: О. А. Баклундом, А. А. Кондратьевым, С. К. Костинским, А. А. Белопольским, Б. Б. Голицыным, А. А. Ивановым, Г. Н. Неуйминым, К. Д. Покровским и др. [11]. Разделяла философские взгляды И. В. Мушкетова, близкие к учению о биосфере и ноосфере В. И. Вернадского. Круг ее собственных научных интересов был связан с изучением пятен на Солнце и с теорией движения и определения орбит малых планет. Именем М. В. Жиловой назван один из астероидов, открытый в 1932 г., – 1255 Schilowa [12].

На примере судьбы этой представительницы рода Жиловых можно проиллюстрировать и кризис патриархальных семейных отношений в начале XX в. Мария Васильевна никогда не была замужем, однако продолжала опекать многочисленных сестер и племянников. Примечательно духовное завещание, составленное ею 28 августа 1916 г. После распоряжения о том, чтобы на проценты от банковских бумаг напечатала ее научные работы, она упоминает: «...1) платить за одного, двух или трех моих родственников за учение в низшем, среднем или высшем учебном заведении в России. Если никто из моих родных не нуждается в этой помощи, то платить:

а) за слушательницу Высших Петроградских Бестужевских курсов; б) за одну гимназистку в Рыбинской Мариинской женской гимназии; в) за одного ребенка из слушателей Пулковской обсерватории в низшую школу; г) за одного или нескольких деревенских ребятишек в Пулковскую школу. <...> 3) Остающиеся деньги из ежегодных процентов с этих 10 тысяч выдавать ежегодно или через несколько лет как премию на высших женских Бестужевских курсах за лучшие произведения по астрономии, написанные на русском языке слушательницей этих курсов...». Определенные суммы М. В. Жилова выделила своим племянникам-крестникам, а также бывшей гувернантке А. Д. Царевской и «прислуге Мароп» [13].

На наш взгляд, в XVIII – начале XX в. именно доминанты ментального пространства рода являются основой не только успешного функционирования самого рода, но и социально-культурной и экономической стабильности общества.

Примечания

1. Краснорядцева О. М., Ходжабагиянц Т. Г. Особенности динамических характеристик ментального пространства иммигрантов // Сибирский психологический журнал. 2007. Вып. № 25. С. 163–171.
2. Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М.: «Правда», 1989. С. 496.
3. Писцовая книга дворцовой ловецкой Рыбной слободы. 1674, 1675 и 1676 гг. Ярославль, 1917. С. 16.
4. Лётина Н. Н. Российский хронотоп в культурном опыте рубежей (XVIII–XX вв.): монография. Ярославль: Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К. Д. Ушинского», 2009. С. 9.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.
6. Ярославский областной словарь: учеб. пособие: в 10 т. Ярославль, 1981–1991.
7. Подробнее см.: Скибинская О. Н. Родная кровь: Семейные хроники XVII – начала XXI века: культурно-исторический очерк. Ярославль: Издатель Александр Рутман, 2010. С. 269–403; Скибинская О. Н. Род рыббинских купцов Жиловых на рубеже XIX–XX вв. // XIII Золотаревские чтения: материалы науч. конф. 26 октября 2010 г.: в 2 т. Рыбинск: Рыбинский гос. ист.-арх. музей-заповедник. 2010. Т. 2. С. 111–117.
8. ГАЯО. Филиал в г. Рыбинске. Ф. 106 «Товарищество Жиловых», Оп. 1. Д. 1.
9. Вахромеева О. Б. Первые русские студентки // Санкт-Петербургский университет. 2008. № 13. URL: <http://www.spbumag.nw.ru/2008/13/8.shtml>
10. Там же.
11. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 155 «Комитет учета научных работников и изучения научных сил СССР (КУИНС)». Оп. 2. Д. 259; Оп. 4. Д. 1572.
12. Имена малых планет, связанные с Пулковской обсерваторией. URL: http://astro.websib.ru/istor/14/Pulkovo_astero.htm
13. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711 «М. В. Жилова», Оп. 1. Д. 24.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37(09)(470.342)

В. Б. Помелов

ПЕРВАЯ МУЖСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ (К 200-ЛЕТИЮ ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ)

В статье раскрываются основные события в истории первой мужской гимназии в г. Вятке и дается характеристика педагогической, научной и административной деятельности наиболее видных ее сотрудников (директоров, учителей).

In the article the main events and the characteristics of the pedagogical, scientific and administrative activities of the most prominent figures (directors, teachers) in the history of the first men's gymnasium in the town of Vyatka are delivered.

Ключевые слова: первая мужская гимназия, Вятская губерния, губернатор Ф. И. фон Брадке, прогрессивные директора И. М. Глебов, Н. Ф. Свешников, Ф. М. Керенский, С. А. Богатырев и др., передовые учителя В. Я. Баженов, А. Я. Некрасов, В. П. Хватунов, Я. Г. Рождественский и др., школа и общество.

Keywords: the first men's gymnasium, the Vyatka province, the governor F. I. von Bradke, the progressive directors I. M. Glebov, N. F. Sveshnikov, F. M. Kerensky, S. A. Bogatyrev etc, the outstanding teachers V. Ya. Bazhenov, A. Ya. Nekrasov, V. P. Khvatunov, Ya. G. Rozhdestvensky etc, the school and the society.

В 1802 г. в России в рамках государственно-административного переустройства было создано восемь министерств, включая министерство народного просвещения. Под руководством П. В. Завадовского осуществлялась реформа образования, предусматривавшая, в соответствии с «Уставом учебных заведений, подведомых университетам» (1804 г.), преобразование главных народных училищ (далее – ГНУ) в гимназии; малые народные училища становились уездными училищами. Открывались также приходские училища. Император Александр I стремился оживить существовавшую в России систему образования. Вятская губерния оказалась в числе тех российских регионов, где эта задача нашла отклик и поддержку среди населения и руководства. Вятский губернатор Федор Иванович фон Брадке (1808–1816 гг.) проявил себя ревност-

ным сторонником просвещения и начиная с 1810 г. предпринимал активные действия, направленные на открытие гимназии [1].

По вопросу преобразования Вятского ГНУ в гимназию он вступил в переписку с попечителем Казанского университета, пермским генерал-губернатором и министром. 22 января 1811 г. министр А. К. Разумовский сообщил, что гимназия будет открыта тогда, когда для нее в Вятке найдут помещение. Он писал: «Уверьте в сем обывателей вверенной Вам губернии и приложите старание Ваше к умножению пожертвований, которому усердно Ваше к общественной пользе сделано уже начало. Принося Вам за это душевную благодарность, я буду ожидать от Вас уведомлений о дальнейших успехах Вашего подвига» [2]. Ф. И. фон Брадке предстояло преодолеть инертность и равнодушие купечества. Он просил «лучших людей» обеспечить сбор пожертвований для гимназии, мотивируя свое упорство тем, «что я никакого другого предмета не имею, как доставить способ родителям обогатить детей своих науками, яко капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастье от них отнять не может» [3]. В августе 1810 г. губернатор обратился с письмом в городскую думу, инициировал подписку и пожертвования; в результате было собрано 13 624 р. 85 к., из которых 5000 р. внес уржумский купец Матвеев, награжденный за это золотой медалью «За полезное» на алой ленте. В результате аукциона для гимназии казной был приобретен кирпичный дом. 8 июня директор получил от попечителя округа ассигнования в размере 6650 р., отпущенные министром на открытие гимназии, и предложение озаботиться приисканием учителей.

Попечитель Казанского учебного округа (1803–1812 гг.) Степан Яковлевич Румовский доведения сведения министра, что из учителей ГНУ только один учитель А. Я. Некрасов может занять в гимназии место учителя естественной истории, торговли и технологии. Все остальные, по его мнению, не соответствовали высоким требованиям преподавателя гимназии. Следовало направить в Вятку сразу 7 учителей, что и было сделано. Первые учителя гимназии имели, в основном, университетское образование, а иностранные языки преподавали их носители. Так, учителем французского языка был выпускник академии в Лозанне Франц Яковлевич Лоран, а

после него – воспитанник Парижского лицея Евдоким Якимович Эро, сдавший экзамен в Московском университете на право преподавательской деятельности [4].

В послании губернатору попечитель потребовал, «чтобы учителя не оставались праздны и напрасно не получали жалованья», а потому предложил с наличным составом преподавателей начать поскорее учение, открыв гимназию в «приличный день» и «надлежащим образом». Гимназия была открыта 21 ноября 1811 г. при 39 учениках в составе 3 классов: приготовительного – 9 учеников, 1-го – 18, 2-го – 12 [5]. Так совершилось событие, имевшее большое культурно-историческое значение в жизни местного общества.

Первым директором гимназии был назначен Тимофей Титович Рапинов, «по службе отличавшийся исправностью», человек усердный и знающий, который работал директором Вятского ГНУ с 1801 г. и вообще работал в этом учебном заведении со дня его открытия в 1786 г. Однако уже через полгода, 9 февраля 1812 г., он вышел в отставку. В 1812–1819 гг. директором гимназии служил **Иван Вильгельмович Глейниг**. Он был образованным человеком. С. Я. Румовский высоко ценил его знания, опыт, честность и, представляя его к награде в 1815 г., писал о нем, что «усердием и деятельностью он перед всего директорами округа отличается» (с. 10).

В период директорства **Федора Яковлевича Попова (1819–1835 гг.)** 9 октября 1824 г. Вятскую гимназию посетил Император Александр I. Он прибыл в сопровождении генерала Дибича и лейб-медика Виллие в 13 часов и находился в гимназии около часа. Очевидец Косарев рассказывал: «Входя в гимназию, Государь спрашивал встретивших и сопровождавших его профессора Казанского университета Г. С. Суровцева и Ф. Я. Попова о гимназическом доме, – когда он был построен и как приобретен гимназией, о числе учащихся, куда поступают на работу» (с. 17). Высочайшему «визитатору» были показаны классы, рисунки и изделия учащихся, библиотека, таблицы. В 1830 г. Ф. Я. Попов получил в награду за службу Высочайший подарок – бриллиантовый перстень с аметистом стоимостью в 1000 р.

Учителя гимназии активно занимались научной работой. Они были единственными представителями научной мысли в регионах. Учитель В. Я. Баженов зарекомендовал себя как автор трудов по истории, географии, статистике, флоре и фауне Вятской губернии. В круг его интересов входили составление гербариев, разыскание серебряной, медной и железной руд в пределах Вятской губернии. Фон Брадке всячески поддерживал его в этом деле, посылал подведомственным учреждениям предписания доставлять учителю

необходимые сведения с мест и предложил педагогу вести с ними личную переписку. Учителем-исследователем был А. Я. Некрасов, составивший обширный труд «Вятская флора» (в 2 т.), «Описание насекомых Вятской губернии», доставивший в Казанский университет атлас из 50 видов растений. В 1816 г. он совершил вместе с Глейнигом поездку по Вятской губернии по предписанию Казанского университета по поиску месторождений руды.

В 1814 г. Министерство народного просвещения поручило учителям гимназии «поверить всеобщее землеописание Российской империи в той части ее, которая имеет отношение к Вятскому краю». Смотрители уездных училищ присылали в гимназию описания уездов. Летом были организованы командировки учителей для сбора исторических и статистических сведений. Полученные экспедициями сведения были переданы для обобщения Баженову. В 1816 г. он представил около тысячи «писанных листов», содержащих обработанный, приведенный в надлежащий порядок региональный историко-статистический и топографический материал, который был отправлен в министерство.

Директор гимназии в 1835–1846 гг. Михаил Васильевич Полиновский постоянно занимался делами гимназии: привел в порядок библиотеку и кабинет учебных пособий. Был строг с теми учителями, которых нарушали распорядок: опаздывали, уходили с уроков раньше звонка. Период его директорства был временем страха и трепета для учеников и учителей гимназии.

Приведем такой пример. Андрей Ефимович Скворцов, обер-офицерский сын, воспитанник Симбирской гимназии, выпускник Казанского университета, работавший в гимназии в 1834–1841 гг., не отличался аккуратностью в посещении уроков. Вел «рассеянный» образ жизни; в класс являлся под хмельком или с похмелья. Высокого роста и атлетически сложен, он был всегда груб на слова и не стеснялся давать волю рукам. Как-то раз на уроке славянского языка за какую-то ошибку он так сильно ударил стоявшего у доски ученика, что тот лбом выбил ее с треножника на пол. Скворцов был на плохом счету у начальства, неоднократно получал выговоры за плохое ведение дела, состоял под постоянным надзором директора, который должен был ежемесячно доносить о нем попечителю. Так как все меры воздействия не оказали должного результата, он был уволен в 1841 г. Последнее документальное упоминание о нем относится к 1842 г., когда он обращался в гимназию за получением свидетельства на право работать домашним учителем. В данном материале мы вспоминаем о Скворцове потому, что его имя неоднократно упоминается в произведении А. И. Герце-

на «Былое и думы». Герцен в определенной степени занимался устройством жизни Скворцова; они переписывались после отъезда Герцена из вятской ссылки в 1837 г.

Были в гимназии учителя, которыми она действительно гордилась. Александр Филиппович Михайлов (1841–1845 гг.), поступивший на место Скворцова, представлял собой полную ему противоположность; был очень предан педагогическому делу, серьезно относился к своим обязанностям. Его уроки литературы были своего рода совершенством. Активно занимался наукой и был переведен в Казанский университет. За свою плодотворную деятельность во благо гимназии А. Ф. Михайлов получил большую премию из средств гимназии – 150 р. В Казани его талант еще более развернулся (с. 70).

19 мая 1837 г. гимназию посетил великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) в сопровождении генерал-майора Кавелина, поэта В. А. Жуковского, составителя известного учебника географии К. И. Арсеньева. В 4-м классе Его Высочество соблаговолил слушать урок русского языка. Для чтения и разбора была подготовлена статья о Высочайшем посещении г. Вятки Государем Императором Александром Павловичем в 1824 г. Разбор был сделан лучшими учениками Жирухиным и Жаворонковым. Присутствуя на уроке геометрии в 5-м классе, наследник цесаревич удостоил вопроса о происхождении фамилии отличного ученика Егора Мухачева, который перед этим хорошо и быстро решил задачу. По выходе из гимназии Его Высочество благосклонно заметил, что «здания гимназии весьма древней архитектуры и ветхи, а потому надобно озаботиться исправлением их или постройкою вновь» (с. 62). Современники вспоминали, что М. В. Полиновский стремился к знакомству с местной «аристократией».

А. М. Полиновский вспоминал об отце, что тот «любил компании». Душой и центром небольшого интеллигентского кружка, собиравшегося у Полиновских по вечерам был учитель А. Ф. Михайлов, светлая симпатичная личность и большой знаток русской литературы, обладавший изумительной памятью и богатым даром слова. Помимо Михайлова, приятными собеседниками были учителя французского языка – сначала Иван Антонович Верниковский, потом Иосиф Мартынович Смукрович, поляки, в чем-то провинившиеся перед правительством и сосланные в Вятку. Они были привезены в Вятку с жандармом прямо в гимназию и сданы директору расписку. Несмотря на приданный Верниковскому и Смукровичу «политический оттенок», даже губернатор охотно беседовал с ними и не чуждался их. А. М. Полиновский вспоминал: «Смутно помню, что иногда появлялся в нашей гости-

ной А. И. Герцен, и помню только потому, что матушка моя, женщина хотя тогда и молодая, но старых убеждений и строго религиозных верований, боялась Герцена ужасно и выговаривала отцу, зачем он принимает этого безбожника... Гораздо позднее, уже при губернаторе Хомутове, жил в Вятке и иногда заходил к нам ссыльный архитектор Витберг, который и построил в Вятке на новом базаре громадный и изящный храм. Когда собиралась у нас интеллигентная компания, вечер проходил торжественно и серьезно. Лицо отца было светло и жизнерадостно, угощение же ограничивалось только чаем [6].

Достаточно типичной для своего времени фигурой был директор **Петр Гаврилович Скорняков (1846–1848 гг.)**, отличавшийся жестокостью по отношению к детям. Его «лучшие годы» прошли в Казани, где он ранее служил инспектором 2-й Казанской гимназии. Там, как впоследствии и в Вятке, постоянно применялись физические наказания. Строгость наказания для провинившихся была необычайной даже для того сурового времени. Скорняков любил ловить виновных на месте преступления и затем мучить свою жертву, наслаждаясь ее страданиями. Для того, чтобы иметь возможность подкрасться к ученикам неожиданно и поймать их на какой-нибудь шалости, он носил сапоги с мягкой подошвой без подковок. Профессор Казанского университета, бывший ученик 2-й Казанской гимназии Е. П. Янишевский, вспоминал: «Трудно забыть эту физиономию с белыми злыми глазами, которые, кажется, никогда в жизни не улыбались и не смотрели ласково на учеников, с мягкими, неслышными движениями животного кошачьей породы. С ужасом, бывало, нечаянно оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающегося к стеклянной двери класса. Виновный обычно подвергался сечению, и нужно было видеть, с каким удовольствием занимался Скорняков этим любимым делом. Сечение всегда продолжалось очень долго. Давши пять, шесть розог Скорняков останавливал служителя и начинал увещания, потом пять, шесть розог, опять увещания и т. д...» [7]

Совсем другого типа директором был **Иван Михайлович Глебов (1856–1866 гг.)**, который не только находился под благотворным влиянием демократических идей «шестидесятников», но, несомненно, сам был им. Правда, официальное положение не позволяло ему вслух выражать свои мысли, но его практическая деятельность, манера вести себя, общаться с преподавателями и студентами явно выдавали в нем человека нового времени. Он первым из директоров стал обращаться к учащимся «на Вы», стремился сблизиться с молодежью. «Перемена эта была столь разительна, что ученики отказывались верить ей, боялись ловушки со стороны начальства. Учите-

ля, захваченные общественным движением 60-х годов, с жаром принялись за дело обновления школы. Они стремились стать в положение старших товарищей учеников и действительно служить их воспитанию и образованию. Учителя приглашали тех, кто затруднялся чем-либо по их предмету или нуждался в совете, быть у них на квартире (с. 112).

Под стать директору были и учителя. Это развитой человек, – говорил учитель Москвин про кого-нибудь в качестве высшей похвалы, и лучшие гимназисты употребляли все усилия, чтобы удостоиться такого отзыва. Сам Виктор Павлович пользовался среди учеников авторитетом человека много знающего; он поражал их массой знаний, увлекал широтой умственного кругозора. Замечательной и оригинальной личностью был Алексей Ильич Редников, выпускник Вятской духовной семинарии и Казанского университета, в течение тридцати лет (1848–1878 гг.) преподававший в гимназии латинский язык. Он свободно говорил и писал на латыни, классическую античную литературу знал до тонкостей. С 4-го класса вел беседы с учениками уже исключительно на латыни. Главной целью занятий учителя было овладение языком, а не начетническое знание цитат римских авторов. Трудной, даже непосильной, была такая работа для слабых учеников, с плохой памятью и без филологических способностей; но, подвижные общим настроением в классе, примером более талантливых и способных товарищей, при живости, находчивости и отличным знаниям преподавателя, и они трудились даже сверх сил и давали всё, что могли. «Плохих учеников и лентяев изводил Редников своей требовательностью и настойчивостью; в то же время очень благоволил к успевающим, к которым он умел многообразно и даже трогательно оттенить свое благодарное и доброжелательное отношение» [8].

Учитель русского и старославянского языков А. К. Халютин пользовался большим авторитетом. Выпускники гимназии вспоминали: «Сама наружность Александра Кондратьевича внушала уважение к нему. Это был крепкий, мужественный человек со строгими зоркими глазами. Впечатление производил его звучный суровый голос. Когда он с газетным листом в руках входил во время перемены в классы, в них была поразительная тишина. Не выучить у него было нельзя, потому что незнание неизбежно обнаруживалось и наказывалось. Но под суровой наружностью скрывалось доброе сердце. Дома и в обществе он был приветливым, живым, общительным человеком, любившим шутку. Обладал хорошим голосом и игрой, охотно принимал участие в любительских спектаклях, особенно в комедиях Островского» (с. 121–122).

Выдающимся преподавателем зарекомендовал себя выпускник Казанского университета, учитель физики и математики Василий Петрович Хватунов, прослуживший в Вятской гимназии без малого сорок лет (1843–1881 гг.), а ранее еще и в Пензенской гимназии. На его уроках царило полное внимание. Невнимательность и лень преследовались одинаково резко и беспощадно шутивым замечанием, в которых он был неистощим. Оценка знаний была самой строгой. Преподавание велось энергично и оживлялось неожиданными сравнениями, шутками. Педагог активно использовал опыты, разнообразные методы. При Хватунове гимназия по математике и физике была лучшей в учебном округе. По воспоминаниям современников, это был очень подвижный человек, заполнявший свой досуг чтением книг, особенно по астрономии.

Добрую память о себе оставил Яков Григорьевич Рождественский. Его воспитанник А. К. Лопатин вспоминал: «Это был благороднейший, искуснейший, яркий и сильный представитель так много давшего нам просветительского движения 60-х гг. Всю силу своего духа и разумения он отдал своему делу и до конца был нелицемерным служителем идеи реформ просвещения и народного блага. Влияние его на учеников было глубоким и благотворным, тем более, что он был свободен от крайних увлечений своего времени. Ученики для него были молодыми товарищами, силы которых надо было вызвать к жизни. Во время занятий он порой доходил перед своей благодарной аудиторией до такой силы, что, не вынеся напряжения, выходил из класса и плакал. Даже мы, маленькие ученики конца 60-х гг. относились к нему с благоговением, с почтением слыша кругом его имя. Если кто-нибудь был нам полезен, то он; если кто оторвал нас от чтения пустых романов и побудил к более серьезному материалу, то он; если кто вкладывал нам свою душу, то он. Когда он начинал говорить, так живо и увлекательно, все слушали его с полным вниманием, боясь проронить хотя бы одно слово» (с. 135–136).

Такие учителя отвечали важнейшим требованиям, предъявлявшимся к интеллигенту – стремлением жить для возвышенной идеи, служить делу хотя бы и в ущерб своим личным интересам. Они внушали молодому поколению идею самосовершенствования, самопожертвования, долга, а это самое важное, что старший член общества должен передать младшему. Он был самым ярким представителем этого движения. Ко времени директорства Глебова относится, несомненно, лучший период в жизни гимназии. Она работала во весь размах своих сил, свободно, с увлечением и великой пользой для учащихся. Это было ее самое благородное и возвышенное время. Но и само

время, время больших общественно-политических перемен, несомненно, призывало к активной деятельности такие светлые личности, как учителя вятской гимназии. Состояние гимназии было весьма хорошим.

В отчете за 1857 г. указывается, что гимназия считается одной из лучших, так как ей одной было дано право направлять лучших выпускников в Казанский университет без вступительных экзаменов [9]. Более того, в ознаменование достижений Вятской гимназии в Казанском университете была учреждена Ломоносовская стипендия для студента – одного из воспитанников Вятской гимназии, сбор на которую в 1866 г. достиг 2147 р. в год.

Вятских учителей хорошо знали в других городах. В 1866 г. Халютин и Москвин ездили в Казань на съезд преподавателей словесности и русского языка Казанского округа. В 1857 г. коллектив гимназии участвовал в подписке на сбор средств для сооружения памятника в честь тысячелетия России в Новгороде Великом, в создании естественно-исторического музея при Вятской публичной библиотеке, для которого активно собирали экспонаты.

На период работы директором **Эдуарда Егоровича Фишера (1866–1877 гг.)** пришлось новые школьные уставы 1864 и 1871 гг., положившие конец либерализму. От директора теперь требовалась не инициатива, а точное выполнение предписываемых правительством распоряжений. Директору необходимо много ума и такта, чтобы в такое сложное время удержаться на высоте своего положения. Строгий к себе, в высшей степени аккуратный и исполнительный, Фишер являлся для подчиненных образцом добросовестного отношения к служебным обязанностям. Гимназистов он любил как своих детей. Выпускник гимназии 1871 г. Н. Я. Мальгинов вспоминал: «Фишер оставил по себе светлые воспоминания. Он был в высшей степени корректен в обращении с учениками, проявлял искреннее расположение к ним. Приветлив, входил в их положение. Особенно симпатичной чертой была полная объективность и беспристрастность, с каким он относился к своим питомцам, какого общественного положения они бы ни были» (с. 167). В бытность Э. Е. Фишера директором в гимназии учились будущий основоположник космонавтики К. Э. Циолковский и его брат Игнатий, дети ссыльного поляка. Учился Костя Циолковский неважно, даже оставался на второй год. Во многом причиной этого была рано развившаяся тугоухость [10].

Следующий директор **Федор Михайлович Керенский** руководил гимназией недолго (1877–1879 гг.), но также оставил о себе добрую память. Он происходил из духовного звания, окончил Пензенскую духовную семинарию в 1859 г.

Проработав шесть лет в духовном и уездном училищах, он поступает в Казанский университет. После окончания университета в 1869 г. преподает русскую словесность, педагогику и латинский язык в различных учебных заведениях Казани. Первым из директоров он обратил серьезное внимание на физическое воспитание, для чего были приобретены новые спортивные снаряды. Керенский преподавал в 7–8-х классах русскую словесность, логику, латинский язык совместно с русским и церковно-славянским. Как преподаватель русского языка и словесности, он обращал на себя внимание глубоким знанием предмета и умением излагать его ясно, просто, вместе с тем увлекательно. Уроки его проходили с большим подъемом. Воспитанник Симбирской гимназии М. Крылов вспоминал: «Особенное внимание Керенский обращал на исполнение домашних сочинений, обязательно требовал для исполнения заданных тем пользоваться литературными источниками, что очень важно для развития учеников. Как тещ, Керенский был замечателен; до сих пор осталась в памяти его выразительно отчетливое чтение, особенно из древнерусской литературы, например былины» (с. 168). По предложению директора был установлен график проведения зачетов, письменных и контрольных работ; для занятий со слабоуспевающими учениками после уроков были назначены за дополнительную плату два учителя; привлечены родители для совместной работы по улучшению успеваемости, а в выпускном классе введены консультации в воскресные дни для лучшей подготовки к экзаменам. Особо одаренным ученикам разрешили использовать книги из фундаментальной библиотеки гимназии; до этого времени библиотека была только для преподавателей. Беднейшим ученикам стали бесплатно выдавать учебники и денежные пособия.

Керенский часто посещал квартиры своих учеников, сиротский земский дом, где жили ученики гимназии. Знаменательным в период директорства Керенского было посещение гимназии в декабре 1877 г. помощником попечителя Казанского учебного округа, который остался довольным всем ходом преподавания. В частности, проверяющий отметил, что по русской словесности тетради учеников у директора проверяются аккуратно, замечания делаются обстоятельно. Летом он руководил хозяйственной подготовкой гимназии к новому учебному году: решал вопросы перестилки полов, укрепления перекрытий, устройства лучшей вентиляции в классах, устранения сквозняков, оборудования спортзала, приобретения наглядных пособий для кабинетов [11].

Важным событием для гимназии в период директорства Керенского было посещение ее 23 мая 1878 г. министром народного просвещения

Д. А. Толстым и попечителем Казанского учебного округа П. Д. Шестаковым. Они посетили уроки преподавателей, были на экзаменах по древним языкам в 8-м классе, осматривали кабинеты [12]. Они поблагодарили всех преподавателей за правильное и успешное ведение учебно-воспитательного дела. Истинной причиной посещения Вятки Дмитрием Андреевичем Толстым была революционная деятельность, направленная против самодержавия, осуществлявшаяся в Санкт-Петербурге вятским уроженцем Степаном Николаевичем Халтуриным, некоторое время учившимся в Вятском земском училище по распространению сельскохозяйственных и технических знаний и подготовке учителей. Д. А. Толстой и приехал в Вятку, чтобы разобраться в первопричинах этого дела. И хотя Халтурин был в свое время исключен из училища по причине неуспеваемости и плохого поведения, училище, в котором он числился в течение одного учебного года, было закрыто в 1880 г. Попутно министр, разумеется, инспектировал и другие учебные заведения города, в том числе мужскую гимназию.

1877 г. ознаменовался небывалым подъемом чувства патриотизма в связи с русско-турецкой войной. Гимназия принимала участие в жертвованиях на военные цели и в пользу раненых. 20 июня педсовет принимает решение «жертвовать три процента жалованья раненым и их семьям на все время войны» [13]. 11 мая 1879 г. директор провел последнее заседание педсовета, где сообщил о предписании попечителя округа от 10 апреля о переводе его на должность директора Симбирской гимназии. В 1889 г. он был назначен главным инспектором народных училищ Туркестанского учебного округа.

Ф. М. Керенский зарекомендовал себя как исключительно порядочный и мужественный человек. Его директорство в Симбирске пришлось на период смерти И. Н. Ульянова, пригласившего его на эту должность, а также попытки покушения на царя в составе террористической группы Александра Ульянова. Несмотря на это обстоятельство, директор гимназии Ф. М. Керенский вручил Владимиру Ульянову, младшему брату государственного преступника, золотую медаль по окончании им гимназии. Его сын Александр, впоследствии премьер-министр Временного правительства в 1917 г., родился в Симбирске 22 апреля (4 мая) 1881 г., скончался в США 11 июня 1970 г., похоронен в Лондоне. Из послужного списка Ф. М. Керенского: Составлен 1 октября 1878 г. «Коллежский советник, 38 лет, православный. Ордена: Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени. Жалованье: 2840 р. в год. Есть ли имение – нет. Женат на Надежде Александровне, урожденной Адлер. Две дочери: Надежда, рождения 16 августа 1875 г. Елена, рожде-

ния 6 февраля 1877 г. Жена и дочери православного исповедания» [14]. Впоследствии родились еще одна дочь и два сына. Ф. М. Керенский награжден орденом св. Анны за отличную усердную службу и «особые труды» за время службы директором Вятской гимназии.

25 мая 1879 г. приступил к работе директором **Николай Федорович Свешников**. Современники характеризовали его как человека выдающихся способностей, исключительно требовательного к учителям в отношении безукоризненного отношения к своим обязанностям. Он постоянно посещал уроки, о замечаниях и предложениях докладывал на заседаниях педсовета. Преследуя лень и некритическое отношение к себе отдельных учителей, Свешников не любил нерадивых педагогов, видевших в службе «лишь двадцатое число» (день выдачи зарплаты).

В деле воспитания Свешников придавал огромное значение деятельности классных наставников; он считал их как бы хозяевами своего класса и даже главой отдельной семьи. Каждый из классных наставников должен был собирать «биографические сведения» об учениках своего класса, включавшие очень подробную характеристику ученика в умственном, нравственном и физическом отношении, обстоятельную оценку его способностей, знаний, поведения и т. д. В самых слабых по способностям и успехам учениках он просил учителей поддерживать «надежду на лучшее будущее, предлагал обращаться особенно внимательно к «опускающимся» ученикам и в «переговорах» с родителями проводить ту мысль, что только постоянный непрерывный труд имеет воспитательное значение. По отношению к ленивым рекомендовал строгие меры, осуждал чересчур снисходительную оценку знаний и всякого рода послабления. Не случайно под руководством такого директора росли и сами преподаватели. Лучшие из них в дальнейшем выдвигались на руководящие должности, в том числе становились директорами: законоучитель Н. Н. Кувшинский – ректором Вятской духовной семинарии; А. А. Казаринов – директором Царицынской гимназии; А. К. Кулагин – директором Саратовской гимназии; К. К. Десницкий – директором 2-й Казанской гимназии и др. Так что Вятскую гимназию называли «гнездом директоров».

Сергей Андреевич Нурминский был директором гимназии в 1888–1903 гг. С 1869 г. он работал инспектором, а с 1874 г. – директором народных училищ Вятской губернии. Он сделал особенно много для открытия школ для «малых» народов Вятского края. Сразу несколько приволжских народов считают его своим просветителем. Это был самый известный директор Вятской гимназии за всю ее историю. Педагогичес-

кое дело С. А. Нурминский действительно знал и любил. Он ввел воскресные занятия с неуспевающими. Большим достижением было открытие в 1894 г. общежития для учащихся. Стали устраиваться литературные вечера. Директор заботился об эстетическом и физическом воспитании учащихся. В гимназическом саду был устроен кабак. Превосходно было поставлено военное воспитание. Практиковались военные построения и переходы, военно-гимнастические занятия. Из душных стен гимназии гимназисты шли в походы в окрестности Вятки. Занятия с винтовками на свежем воздухе стали практиковаться с началом мировой войны [15]. Добросердечность и снисходительное отношение к ученикам не мешали ему поддерживать строгий порядок в учебной жизни. Посещение церкви для всех было обязательно, жестко пресекалась лень, был установлен надзор на улицах и посещение квартир учащихся. Ревностный блюститель духовных и материальных интересов гимназии Нурминский при всей простоте и скромности был истинным директором в лучшем, благородном значении этого слова. В 1903 г. он оставил работу в Вятке и поселился в Казани.

Александр Иванович Павлов был директором в 1903–1906 гг. В 1905 г. в гимназии начал работать родительский комитет, собиравший средства для оказания помощи гимназии и отдельным «недостаточным» учащимся для приобретения им одежды, обуви и школьных принадлежностей. Еще раньше, 27 декабря 1883 г., в гимназии было учреждено общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии, который, помимо вышеуказанной деятельности, привлекал средства для устройства квартир приезжим ученикам, оказания денежного пособия поступающим в вузы выпускникам и для освобождения учащихся от платы за обучение. Организация горячих завтраков для детей «недостаточных родителей» осуществлялась даже в 1917 г.

Кстати, годовая плата за обучение в разные годы оставляла следующие суммы: 1838 г. – 10 р., 1863 г. – 12 р., 1864 г. – 15 р., 1873 г. – 20 р., 1874 г. – 25 р., 1875 г. – 35 р., 1888 г. – 40 р., 1905 г. – 46 р., 1909 г. – 55 р.

В заслугу Павлову можно поставить то, что ему удалось привлечь крупного благотворителя предпринимателя Тихона Филипповича Булычева в качестве почетного попечителя и подвигнуть его на строительство нового гимназического здания. Закладка здания состоялась в день празднования славянских просветителей Кирилла и Мефодия 11 мая 1904 г. (по старому стилю). Во второй половине 1905 г. постройка была фактически закончена. Торжественный акт передачи состоялся 11 мая 1907 г. Трехэтажное, изысканной архитектуры с мезонином здание было рас-

считано на 70–100 учеников. (Ныне в нем располагается Вятская гуманитарная гимназия, в которой учится несколько сотен учащихся.)

Самым крупным событием периода директорства **Сергея Адриановича Богатырева (1906–1918 гг.)** стало освоение гимназией «булычевского» корпуса и перестройки в связи с этим учебно-воспитательной работы. В 1907 г. был разбит гимназический сад, который имел прикладное значение в плане преподавания природоведения.

С 1910 г. в гимназии была введена сокольская гимнастика, которую преподавал чешский педагог Ян Венцеслав Штангль. Прекрасный гимнаст и педагог, он быстро освоил русский язык и повел дело энергично и умело. Три дня в неделю по четыре часа учащиеся теперь занимались гимнастикой. Сокольская гимнастика предполагала ритмические движения, массовые построения по команде и под музыку, упражнения на специальных снарядах. Увлечение спортом охватило гимназистов и учащихся реального училища, где также преподавал Штангль. Гимнастикой занимались охотно и без всякого принуждения даже во внеурочные часы, то есть сверх обязательных занятий. Особенно выделялся гимназист Авксентий Пуни (1898–1985), председатель первого в Вятке физкультурного общества «Спорт» (1914), выпускник 1917 г., в будущем основоположник спортивной психологии. Успехи в освоении гимнастики в течение всего лишь одного учебного года были столь значительны, что было решено устроить сокольский праздник. Каждый класс, начиная с первоклассников, показал свое мастерство. Наибольший успех выпал на долю тех «гимнастеров», которые участвовали в построении акробатических пирамид и в соревновании на гимнастических снарядах.

Мировая война внесла коррективы в деятельность гимназии: при ней был открыт лазарет № 9. Гимназисты и учителя, как могли, старались облегчить страдания раненых. Коллектив гимназии и раньше принимал участие в общественно-политической жизни страны, проявлял свои патриотические чувства. В 1854 г. учителя и ученики собрали 400 р. в пользу раненых в Крымской войне. Выпускники гимназии Валерьян Пупырев, Самуил Тимкин и Алексей Хохряков (выпуск 1848 г.), Николай Фомин (выпуск 1846 г.), окончившие медицинские факультеты, ушли на войну врачами, а Павел Халтурин (выпуск 1843 г.) и Леонид Корякин (выпуск 1854 г.) – офицерами. Последний погиб при обороне Севастополя. И в дальнейшем некоторые выпускники гимназии проявили себя героями в военных конфликтах. Так, Анатолий Редкин, лейтенант флота, погиб во время Цусимского сражения на броненосце «Суворов».

Педагоги гимназии зарекомендовали себя гуманными людьми. Приведем такой пример. 1 мая

1917 г. на заседании педсовета среди прочих вопросов заслушивалась информация попечителя Казанского учебного округа от 11 апреля 1917 г. за № 6367 об учащемся 3-го класса Ядринского реального училища Вениамина Лаврентьева, который за совершенную им кражу не только исключался из училища, но и *пожизненно* лишился права обучаться в любом учебном заведении министерства народного просвещения. Педагоги отметили исключительную жестокость такого наказания; даже взрослые закоренелые преступники, отбыв наказание, возвращаются к тем же самым профессиям, которыми были заняты ранее. Педсоветом было принято решение возбудить ходатайство перед министерством об уничтожении такой меры наказания учеников, как лишение права учиться [16].

Февральская революция была воспринята в гимназии с энтузиазмом. На заседании педсовета 23 марта выражалась уверенность в том, что новая власть будет «содействовать возможно более безболезненному переходу родины на новые формы ее жизни». Отмечалось, что «учащиеся удивительно сознательно отнеслись к свершившемуся и спустя несколько дней занятия вошли в обычное будничное деловое русло» [17]. 4 декабря 1917 г., на тридцатом (!) по счету в календарном году заседании педсовета С. А. Богатырев был вынужден констатировать «переживаемые Вяткой события»: захват власти Советом рабочих и солдатских депутатов, состоящим из большевиков, протест против такого захвата, вылившийся в забастовку всех городских предприятий, как-то: водопровода, электрической станции, хлебопекарни и т. д., что побуждало директора задуматься над вопросом о продолжении нормальных занятий в школах. Этому вопросу было посвящено совещание директоров учебных заведений города с представителями городского и земского самоуправления. Совещание нашло желательным прекратить занятия до 8 января [18].

Столкновение с новой властью не заставило себя долго ждать. 14 декабря на заседании педсовета директор сообщил «о посещении гимназии группой вооруженных матросов», потребовавших сообщения им адресов всех учеников 8-го класса «на предмет производства у них обысков с целью конфискации оружия». Директор попросил предъявить документы, на основании которых предъявляют свои требования матросы, снял с них копию, а затем составил протокол, в котором значится, что администрация гимназии выдала адреса учащихся не добровольно, а подчиняясь вооруженной силе. Протокол был подписан представителем матросов. Затем Богатырев беседовал с матросами, убеждая их в том, что ученики никакого отношения к так называемой белой гвардии не имеют, да, насколько ему известно, ее и не

существует в Вятке; что они еще дети, заняты больше всего учением; что к ним нужно относиться с осторожностью и не смотреть на них как на сознательных, вполне взрослых деятелей. Директору казалось, что разговор его в защиту учеников произвел на матросов впечатление: один из них, уходя, успокоительно заметил, что, «конечно, они еще ребята» [19]. Тем не менее у учеников были произведены обыски, но «в большинстве случаев безрезультатно» [20].

Несмотря на все трудности, гимназия продолжала работать и в 1918 г. Помимо обычной для гимназии работы, она выполняла функцию губернского центра педагогического образования: имела право принимать экзамены за курс средней школы и выдавать свидетельства на право работы учителем. Так, служащий 1-го Воздухоплавательного парка Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота Семен Кузьмич Овсянников обратился в августе 1918 г. в гимназию с просьбой «срочно его экзаменовать ввиду внезапного перевода Парка из г. Вятки». В заявлении он указывал, что это ему необходимо для получения «1-го классного чина», и прилагал ходатайство командира Парка и квитанцию об оплате экзамена [21].

Среди известных выпускников гимназии ученые с мировым именем – психиатр В. М. Бехтерев и хирург А. Н. Бакулев, археолог А. А. Спицын, астроном М. М. Гусев, ботаник Н. А. Буш, ректор Томского университета М. Г. Курлов, архитектор И. А. Чарушин, художник Ю. А. Васнецов, председатели Вятской губернской земской управы М. М. Синцов и А. П. Батуев, литератор П. А. Голубев, селекционер Н. В. Рудницкий, профессора Казанского университета Я. С. Степанов и А. Ф. Попов и др.

В соответствии с декретами советской власти о школе (октябрь 1918 г.), гимназия была преобразована в единую трудовую школу 2-й ступени и 1918–1919 учебный год начала в этом статусе. В течение многих десятилетий она была главным рассадником просвещения в губернии; вторая мужская гимназия в Вятке открылась лишь в 1914 г. Первая Вятская мужская гимназия в полной мере проявила себя культурным светочем для обширного северного края, поэтому значение ее деятельности в истории Вятки невозможно переоценить.

Примечания

1. Любавин М. А. Федор фон Брадке – губерна-тор «по присяге и совести» // Петряевские чтения '98: тезисы докладов к чтениям / ред. Н. Е. Петряева, А. Л. Рашковский. Киров, 1998. С. 57.

2. Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. Вятка, 1911. С. 6. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием страниц.

3. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 582. Оп. 46. Д. 10. Л. 4.

4. Дворецкая Т. А. Француз на русской службе: учитель Евдоким Эро в Вятской ссылке // Краеведение в развитии провинциальной культуры России: материалы науч. конф. / ред. М. С. Судовиков. Киров, 2009. С. 219–227.

5. Из Вятки. Краткое описание открытия // Казанский вестник. 1811. № 35.

6. Вятка и Вятская гимназия // Волжский вестник. 1890. № 251.

7. Воспоминания старого Казанского студента. 2-я Казанская гимназия. 1746–1848 // Волжский вестник. 1890. № 306.

8. Спицын А. А. Директора, инспектора и преподавателя Вятской гимназии. Вятка, 1904. С. 70.

9. Там же. С. 11.

10. Патрушев В. Н. Новые документы о гимназических годах К. Э. Циолковского // История и культура Волго-Вятского края: материалы науч. конф. / ред. В. В. Низов. Киров, 1994. С. 489–492.

11. Патрушев В. Н. Вятский период биографии Ф. М. Керенского // История и культура Волго-Вятского края. С. 487.

12. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 314. Л. 52, 53, 83–85.

13. Там же. Д. 308. Л. 40.

14. Там же. Д. 314. Л. 68.

15. Там же. Д. 677. Л. 10.

16. Там же. Л. 23.

17. Там же. Л. 11.

18. Там же. Л. 63.

19. Там же. Л. 69об.

20. Там же. Л. 70.

21. Там же. Д. 678. Листы не нумерованы.

Keywords: differentiated teaching, psychological and pedagogical support, comprehensive development of students, psychological readiness for innovation, technology of differentiated teaching.

Решение задачи повышения эффективности классно-урочной системы обозначило актуальность проблемы дифференцированного подхода к обучению школьников. На протяжении развития массовой школы дифференциация обучения принимала различные формы и виды в соответствии с социальным заказом общества.

Овладение школьниками знаниями, умениями и навыками, необходимыми в последующей жизни компетенциями, зависит от их индивидуальных особенностей, определяющих те субъективные трудности, которые испытывают разные учащиеся при усвоении содержания материала различной сложности. Это недостаточно учитывается при традиционных формах обучения. Принятое в практике преподавания деление учащихся на категории «слабых», «средних» и «сильных» зачастую трактуется педагогами как дифференцированный подход. Такая насильственная дифференциация, выдаваемая за дифференцированный подход к процессу обучения, не помогает, а мешает происходящей в науке смене парадигмы образования с технократической на гуманистическую.

Многомерная модель выпускника общеобразовательного учреждения требует разработки новых подходов к обучению, новых методических систем. Учет индивидуальных особенностей, возможностей при обучении является резервом повышения эффективности образовательного процесса. В связи с этим современной школой в качестве детерминанты разностороннего развития обучающихся может рассматриваться задача разработки технологии дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода.

Несмотря на большое количество серьезных и глубоких теоретико-методологических исследований различных сторон проблемы дифференцированного обучения она остается недостаточной разработанной в прикладном аспекте.

Анализ подходов к психолого-педагогическому проектированию образовательного процесса (В. И. Слободчиков [1], В. З. Юсупов [2], К. С. Бажин [3]), учет специфики дифференцированного обучения позволяют определить технологию дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода как совокупность последовательно сменяющих друг друга этапов организации обучения (подготовительный, практический, контрольно-оценочный), обладающих специфическими формами, методами, средствами решения поставленной задачи в целях обеспечения разностороннего развития обучающихся.

УДК 371.31

К. С. Бажин

ТЕХНОЛОГИЯ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье обосновываются психолого-педагогические аспекты технологии дифференцированного обучения школьников, раскрываются основные формы работы с педагогическим коллективом и учащимися, приводятся промежуточные итоги эксперимента по организации дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода.

The article substantiates the psychological and pedagogical aspects of the technology of pupils' differentiated teaching, reveals the basic ways of working with teaching staff and students, gives the interim results of an experiment on the organization of differentiated teaching based on psychological and didactic approach.

Ключевые слова: дифференцированное обучение, психолого-педагогическое сопровождение, разностороннее развитие учащихся, психологическая готовность к инновационной деятельности, технология дифференцированного обучения.

На первом, подготовительном, этапе организации дифференцированного обучения (2007–2008 гг.) в процессе определения стратегических целей и тактических задач дифференцированного обучения из числа заинтересованных ученых ВятГГУ, творчески мыслящих и работающих педагогов МАОУ «Гимназия имени А. Грина» г. Кирова был создан временный научный коллектив. В целях оказания педагогам квалифицированной помощи целесообразным стало сотрудничество коллектива гимназии с учеными Вятского государственного гуманитарного университета. Фактом сотрудничества, во-первых, обеспечивается научное сопровождение инновационной идеи в процессе совместной деятельности гимназии с научно-исследовательской лабораторией «Психолого-педагогическое сопровождение дифференцированного обучения школьников» ВятГГУ. Во-вторых, достигается повышение уровня профессиональной культуры педагогов гимназии с целью участия их в проектировании образовательного процесса. В-третьих, происходит внедрение в учебно-воспитательный процесс технологии дифференцированного обучения на основе психодиактического подхода, предусматривающего организацию обучения с учетом психодиактических закономерностей; дифференциацию – по результатам психофизиологических особенностей школьников.

Творческой группой педагогов и администрацией гимназии были изучены теория и практика данного вопроса, разработан проект «Сопровождение» (2007–2012 гг.), работа над содержанием которого поставила перед его участниками частные, но вполне конкретные и важные вопросы: «Действительно ли мы развиваем личностный потенциал каждого ученика?», «Что собой представляет класс с точки зрения диагностики психофизиологических особенностей его учащихся?», «Как учитель-предметник осуществляет дифференцированный подход в обучении?», «На что он опирается при дифференциации?»

На втором (практическом) этапе организации дифференцированного обучения (2009–2011 гг.) членами временного научного коллектива была определена последовательность действий, необходимых для успешной реализации проекта «Сопровождение»:

- диагностика уровня психолого-педагогической готовности педагогов к инновационной деятельности, разработка и реализация авторской программы по его повышению;
- кадровое и методическое развитие психологической службы гимназии;
- психологическая диагностика обучающихся гимназии, составление диагностических карт классов, разработка рекомендаций для учителей по обучению гимназистов;

- повышение дидактической готовности педагогов к организации дифференцированного обучения на основе психодиактического подхода;
- разработка и апробация моделей (технологических карт) различных типов уроков.

В целях создания информационного поля по проблемам дифференцированного обучения и психодиактики кафедра практической психологии ВятГГУ провела экспериментальное исследование психолого-педагогической готовности педагогов к инновационной деятельности. Готовность к инновационной деятельности – совокупность качеств учителя, определяющих его направленность на развитие собственной педагогической деятельности и деятельности всего коллектива школы, а также его способности выявлять актуальные проблемы образования учеников, находить и реализовать эффективные способы их решения. Для определения уровня психолого-педагогической готовности к организации дифференцированного обучения учителей гимназии на основе психодиактического подхода производилась диагностика по методике Л. С. Подымовой «Карта педагогической оценки готовности педагога к инновационной деятельности», оценка общего уровня общительности (тест В. Ф. Ряховского), стиля общения (на основе тестовой карты коммуникативной деятельности А. А. Леонтьева), самоконтроля в общении (методика М. Снайдера); уровня развития коммуникативных навыков. Результаты исследования показали, что 48% педагогов имеют высокий уровень готовности к инновационной деятельности, 43% – средний уровень, низкий уровень – 9%.

Данные психодиагностического обследования легли в основу программы повышения готовности педагогов к инновационной деятельности, которая была апробирована в 2008–2009 гг. Тематика обучения предполагала участие в тренингах по выработке коммуникативных умений, преодолению барьеров в общении, конфликтологии; освоению модели конструктивного взаимодействия с «проблемными» учениками. В процессе проведения занятий акцент ставился на формирование у каждого педагога базы психологических знаний, установление их связи с эффективностью учебного процесса, обучении умению использовать полученные знания при построении урока. Наряду с тренинговыми занятиями педагоги принимали участие в практико-ориентированных семинарах и тренингах: «Психофизиологические особенности ученика», «Психологические основы обучения», «Современные подходы к организации дифференцированного обучения: психолого-педагогические аспекты».

В целом результаты итоговой диагностики позволили сформулировать вывод о том, что педагоги гимназии обладают достаточным уровнем

развития психологических компонентов готовности к инновационной деятельности и в целом готовы к участию в ней.

Проведенный рефлексивный анализ свидетельствует об эффективности реализованных совместными усилиями Гимназии имени А. Грина г. Кирова и ВятГГУ мероприятий, направленных на развитие психолого-педагогической готовности учителя к инновационной деятельности. В настоящее время предполагается использовать данный курс при обучении вновь пришедших на работу в гимназию учителей. Содержание курса может расширяться для углубления полученных психологических знаний через индивидуальные консультации педагогов, использование деловых игр, кейс-технологий.

Особенное внимание на практическом этапе организации дифференцированного обучения было уделено кадровому и методическому развитию психологической службы Гимназии. Совместными усилиями ученых кафедры практической психологии ВятГГУ и администрации образовательного учреждения был увеличен штат службы – введена дополнительная к двум имеющимся единица педагога-психолога.

В целях определения оснований для дифференциации обучения на основе психодиактического подхода был сформулирован специальный заказ в адрес психологической службы гимназии. Очевидно, что одаренным детям нужно особое внимание, им тесно в рамках стандартного учебного процесса. В свою очередь ученики с несформированной мотивацией, с высоким уровнем тревожности, недостаточными интеллектуальными возможностями также требуют особого внимания. Следовательно, для обеспечения высокого качества обучения в первую очередь необходим всесторонний анализ классного коллектива, во многом влияющего на формирование каждого из учащихся.

С целью выбора наиболее подходящих методов дифференцированного обучения на основе психодиактического подхода важно было провести диагностику психофизиологических особенностей класса, разработать рекомендации, обеспечивающие психологически комфортную организацию учебного процесса на уроке. В качестве первоочередных параметров диагностики психофизиологических особенностей учеников, влияющих на процесс познания, были избраны: ведущий канал восприятия, ведущее полушарие головного мозга, тип темперамента, мотивации, уровень тревожности, самооценки, особенности внимания. Впоследствии на основании эмпирических данных педагогом-психологом составлялась психодиагностическая карта класса и формулировались рекомендации по обучению с учетом выявленных особенностей. Анализ учителя-

ми диагностических карт класса, учет рекомендаций психологической службы гимназии позволили им при разработке моделей уроков обеспечить необходимую дифференциацию на основе психодиактического подхода.

Для обеспечения достоверной картины диагностики учащихся психологической службой гимназии были привлечены ресурсы факультета психологии ВятГГУ. Диагностика учащихся гимназии, в процессе которой было обследовано 93% школьников, дала полную картину психофизиологических особенностей учеников по классам. На педагогическом совете прошло обсуждение полученных результатов, определены основные проблемы организации дифференцированного обучения и первоочередные задачи по их преодолению. Для учителей была проведена серия специальных консультаций, их обеспечили сборниками психологических рекомендаций для работы: «Психофизиологические особенности детей», «Комплексная психодиагностика по определению психофизиологических особенностей учащихся», «Психофизиологические особенности ученика», «Особенности подросткового возраста», «Этапы развития самостоятельности в подростковом возрасте», «Рекомендации по профессиональному самоопределению для старшеклассников».

На практическом этапе работы над проектом продолжилась работа в направлении повышения психологической культуры педагогов гимназии, а также особое внимание уделялось повышению дидактической готовности педагогов к организации дифференцированного обучения на основе психодиактического подхода. В рамках экспериментальной работы учителями планировались формы представления результатов (модели уроков на основе новой технологии, технологические карты уроков, материалы самоанализа, статьи и сборники научно-методических материалов). Совместно с учеными ВятГГУ была организована серия научно-методических семинаров по проблеме дифференцированного обучения на основе психодиактического подхода, которая помогла педагогам в составлении моделей (технологических карт) уроков и их проведении:

- «Использование педагогами психодиактических подходов в обучении» (работа проблемных научно-исследовательских групп по кафедрам, научное консультирование);
- «Методика психодиагностического проектирования дифференцированного обучения школьников» (с использованием дистанционных образовательных технологий);
- «Технология психолого-педагогического сопровождения процесса дифференцированного обучения в целях разностороннего развития обучающихся».

Использование в процессе деятельности интерактивных форм и методов обучения, в том числе дистанционных (тренингов, консультаций, «круглых столов» интернет-конференции), помогли педагогам в развитии психолого-педагогической готовности к экспериментальной работе. Начав с экспериментального проектирования моделей уроков, все предметные кафедры гимназии впоследствии разработали модели (технологические карты) уроков. Технологическая карта занятия описывала структуру занятия, формы организации познавательной деятельности, возможные методики и приемы в применении психодидактического подхода на разных этапах занятия, психофизиологические особенности обучаемых, средства обучения. Технологическая карта развивала умение проектировать образовательную технологию в соответствии с типом учебного занятия.

В настоящее время продолжается реализация практического этапа проекта по организации дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода «Сопровождение», завершение которого планируется в июне 2011 г. Анализ промежуточных результатов свидетельствует о наличии положительной динамики у основных участников экспериментальной работы: обучающихся и учителей.

У вовлеченных в эксперимент гимназистов отмечается стабильный индекс физического здоровья – 23, свидетельствующий о хорошем физическом состоянии организма обучающихся, высоком уровне резервов здоровья и работоспособности, что в свою очередь говорит об учете в данной технологии дифференцированного обучения индивидуальных психологических особенностей и возможностей ученика.

Анализ динамики уровня самооценки, тревожности, структуры учебной мотивации за два года (2009, 2010 гг.) свидетельствует о наличии позитивных изменений у вовлеченных в эксперимент гимназистов. Так, у пятиклассников (в 2009 г. – учащихся четвертых классов) показатель самооценки остался на прежнем уровне – в 81% случаев отмечается наличие высокого и среднего уровней выраженности, уровень тревожности имеет тенденцию к снижению. В структуре учебной мотивации преобладают такие мотивы, как благополучие, содержание учебного предмета, процесс обучения. В полтора раза отмечается рост показателей высокого и среднего уровня интеллекта.

У гимназистов-шестиклассников (в 2009 г. – учащихся пятых классов) наблюдается рост показателя общей самооценки. Это благоприятная тенденция, которую можно обосновать завершением процесса адаптации, связанной с переходом из одной ступени обучения в другую. Пока-

затель уровня тревожности остался на прежнем уровне. Структура учебной мотивации стала более дифференцированной: к преобладанию учебно-познавательной мотивации (мотивация содержанием и процессом обучения) добавились широкие социальные мотивы. Эта положительная тенденция объясняется все более усложняющейся учебной деятельностью, приобретением учениками статуса гимназистов. В экспериментальных классах наблюдается рост престижной мотивации – гимназисты активнее стали участвовать в исследовательской и проектной деятельности, в мероприятиях внеклассной работы. Показатель высокого уровня интеллекта повысился в три раза.

Сводный анализ результатов экспериментальной работы с учащимися седьмых, восьмых, девярых классов (в 2009 г. – в шестых, седьмых, восьмых классах соответственно) свидетельствует о наличии тенденции к снижению уровня самооценки в седьмых классах (повысилась критичность к оцениванию своих достижений); тогда как в восьмых и девярых классах наблюдается тенденция к повышению ее уровня. По показателям уровня тревожности в седьмых, восьмых, девярых классах наблюдается тенденция к снижению. В седьмых классах наблюдается преобладание широких социальных мотивов, мотивация содержанием и процессом обучения, в восьмых классах преобладает мотивация содержанием и процессом обучения, в девярых классах стали преобладать узкие социальные мотивы (связанные с выбором профессии), мотивация процессом. У гимназистов седьмых, восьмых, девярых классов наблюдается тенденция к повышению среднего и высокого уровня интеллекта.

Сравнительный анализ качества обучения в классах, где применяется технология дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода в 2008–2009 и 2009–2010 учебных годах, свидетельствует о статистически подтвержденном росте качества обучения в среднем на пять процентов.

Предметными кафедрами гимназии разработано и апробировано тридцать моделей уроков для всех типов учебных занятий по различным дисциплинам в соответствии с принципами дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода: изучение нового материала и первичное закрепление; комплексное применение знаний и умений; комбинированный; обобщение и систематизация знаний и умений; повторение (актуализация знаний и умений); контроль и коррекция знаний и умений. В декабре 2010 г. на базе гимназии был проведен фестиваль открытых уроков «Организация дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода» с апробацией уроков по раз-

личным общеобразовательным предметам (английский язык, биология, география, литература, математика, окружающий мир, русский язык, химия). В процессе подведения итогов фестиваля открытых уроков было отмечено, что все педагоги учитывают психофизиологические особенности учащихся класса, используют рекомендации психологов в обучении на всех этапах урока. Дополнительно при анализе открытых уроков были определены резервы совершенствования, которые будут способствовать дальнейшему повышению комфортности обучающей среды урока как для ученика, так и для учителя.

Обобщение промежуточных результатов проекта по организации дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода свидетельствует, что для успешной дифференциации необходимо обеспечить методическое сопровождение инновации с привлечением научно-педагогических кадров; организовать работу по повышению уровня психолого-педагогической готовности педагогов к инновационной деятельности; разработать на основе психологической диагностики рекомендации для учителей с учетом психодидактики; апробировать модели различных типов уроков.

Продолжение совместной работы и ученых ВятГГУ над проектом выведет коллектив гимназии на практический результат в виде освоения технологии дифференцированного обучения на основе психодидактического подхода, обеспечивающей разностороннее развитие гимназистов в процессе образования в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта.

Примечания

1. Проектирование в образовании: проблемы, поиски, решения: сб. науч. тр. / Ин-т пед. инноваций РАО. М., 1994. 103 с.

2. Юсуфов В. З. Принятие управленческих решений в образовательном проекте. М.: ИПИ РАО, 2003. 112 с.

3. Бажин К. С. Управление организационными проектами в системе образования. Киров: Изд-во ИУУ, 2003. 62 с.

УДК 378.147

Г. И. Китайгородская

КОНЦЕПЦИЯ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ К СИСТЕМНОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье представлена концепция подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения.

This article proposes the concept of preparation of teachers of physics to system design of educational process under conditions of profile education.

Ключевые слова: концепция, системное проектирование, профильное обучение.

Keywords: concept, system design, special education.

Предлагаемая концепция подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения рассматривается нами как способ отражения системы теоретических знаний, взглядов и их практической реализации, составляющих основу соответствующей подготовки учителя физики. Поэтому структура предлагаемой концепции приближена к структуре научной теории (по Л. А. Бордонской: Бордонская Л. А. Теория и практика отражения взаимосвязи науки и культуры в школьном физическом образовании и в подготовке учителя физики: дис. ... д-ра пед. наук. Чита, 2002. 500 с.), в ней мы выделяем три основных блока элементов:

I. Основание (обоснование концепции): ценностно-целевая обусловленность, источники (исходные эмпирические и теоретические факты), факторы, особенности.

II. Теоретический блок (теоретические основы концепции, модели и схемы).

III. Блок практических приложений.

В основание концепции включены такие элементы, которые обосновывают ее разработку, определяют исходную эмпирическую и теоретическую основу концепции: ценностно-целевая обусловленность, источники (научные факты и факторы), особенности концепции.

Ценностно-целевая обусловленность концепции определяет ее основной смысл и назначение и может быть представлена следующим образом:

1. Концептуальные положения обусловлены коренными преобразованиями в обществе, необходимостью реализации основных направлений модернизации школьного образования, одним из которых является профильное обучение.

2. Концепция направлена на реализацию Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» на основе современных требований к профессиональной деятельности учителя физики в условиях профильного обучения.

3. Концепция нацелена на подготовку учителя физики как субъекта образовательного процесса к решению новых задач, обусловленных введением на старшей ступени профильного обучения. Одной из таких задач является проектирование образовательного процесса по физике в условиях профильного обучения.

4. Концепция обусловлена характером отношений между образовательной системой в целом и педагогическим образованием как ее частью. Новые требования к профессиональной деятельности учителя физики определяют необходимость изменений в содержании и организации профессиональной деятельности, переориентации его мышления на гуманистические ценности, адекватные характеру творческой профессионально-педагогической деятельности. Чтобы быть эффективной в современных условиях, система подготовки учителя физики должна изменять цели педагогического образования, его содержание и технологии, сообразуясь с тенденциями, которые определяют развитие практики школьного физического образования, и в определенном смысле, даже опережать его.

5. Концепция способствует преодолению замкнутости и обособленности учебных циклов и разделов основных образовательных программ, формированию общепрофессиональных и профессиональных компетенций учителя физики в области проектирования образовательного процесса в условиях профильного обучения.

6. Концепция направлена на развитие личности будущего учителя физики и его ориентацию на реализацию целей и задач профильного обучения старшеклассников на основе учета их интересов, склонностей и способностей, создания условий для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования.

При определении источников концепции мы исходили из совокупности научных эмпирических и теоретических фактов, обобщений, теоретико-методологических положений, теорий, содержащихся в научных трудах по следующим направлениям: теория и практика профильного обучения; индивидуализация и дифференциация образования, вариативность образования; лично-ориентированное и развивающее образование; целостный и системный подходы к рассмотрению педагогического процесса; целостный об-

разовательный процесс по физике и подготовка учителя физики к его реализации; основные идеи и положения системного подхода, формирование научных и практических знаний на основе системного подхода; теория и практика педагогического проектирования; теория познания, общепсихологическая теория мышления, системогенез профессиональной деятельности; профессионально-педагогическое мышление учителя с учетом специфики педагогической деятельности.

Основными факторами концепции следует считать те существенные моменты, обстоятельства и закономерности, которые являются ориентирами при разработке концепции. К основным факторам мы относим: реализацию концепции профильного обучения, закономерности и субъективные факторы образовательного процесса; взаимосвязь готовности учителя физики к профильному обучению и опытам его проектной деятельности; закономерности проектной деятельности; взаимосвязь и взаимное определение мышления и деятельности учителя.

Теоретический блок концепции является ее ядром, в него включены теоретические основы концепции, модели и схемы. Теоретические основы концепции конкретизируются следующими структурными элементами: исходными и ведущими идеями, основными принципами, концептуальными положениями, структурой и содержанием системного мышления учителя физики, проектирующего образовательный процесс профильного обучения. В теоретический блок концепции входят модели и схемы: процессуальная схема системного проектирования образовательного процесса профильного обучения физике; модель методической системы подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения; модель методики формирования системного мышления учителя физики.

Исходные идеи концепции лежат в основе формулирования ведущих идей нашей концепции. К этим идеям мы относим следующие:

– профилизация образования старшеклассников – это средство индивидуализации и дифференциации образования, основу которого составляют идеи лично-ориентированного образования;

– образовательный процесс является системным объектом профессиональной деятельности учителя;

– методология системного подхода – эффективная методология проектирования системных объектов педагогической действительности;

– проектная деятельность учителя – один из основных видов профессиональной деятельности;

– взаимосвязь и взаимное определение деятельности человека (в том числе профессиональной) и его мышления (единство мышления и деятельности).

Ведущие идеи предлагаемой концепции определяют следующие утверждения:

а) подготовка учителя физики к профессиональной деятельности в условиях профильного обучения должна быть связана с формированием соответствующей готовности; б) под профессиональной готовностью учителя физики к профильному обучению следует понимать его способность и стремление осуществлять процесс профильного обучения старшеклассников; в) существенный вклад в формирование готовности учителя физики к профильному обучению можно внести, если осуществить его подготовку к системному проектированию образовательного процесса, детерминированную формированием и развитием системного профессионально-педагогического мышления.

Основными принципами концепции являются:

а) методологические принципы *философского уровня*: философский принцип системности, принцип единства сознания и деятельности. Эти принципы определяют мировоззренческий подход к процессу познания и преобразования действительности. Принцип единства сознания и деятельности мы рассматриваем в плане единства мышления как высшей формы сознания и деятельности.

Философский принцип системности в своей конкретизации применительно к определенной области познания может принимать форму общенаучных и конкретно-научных методов, не меняясь в своей сущности. В нашей концепции принцип системности выступает методологическим средством (инструментом) системного проектирования. Эти принципы рассматриваются нами как основные, организующие, группирующие вокруг себя другие;

б) методологические принципы *общенаучного уровня*: принципы научности, интегративности, которые определяют общие методы познания объектов действительности;

в) методологические принципы *конкретно-научного уровня*, представленные личностным, деятельностным и системно-модельным подходами в обучении.

Концептуальные положения определяют систему взглядов на понимание сущности подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения, ее структуры, результата и представлены в следующих тезисах.

1. Основной вклад в подготовку учителя физики к профессиональной деятельности в усло-

виях профильного обучения может внести формирование соответствующей готовности, которую следует понимать как способность и стремление осуществлять образовательный процесс по физике в условиях профильного обучения.

2. Основу готовности учителя физики к профильному обучению составляет его готовность к системному проектированию как виду профессионально-педагогической деятельности применительно к системному объекту проектирования – образовательному процессу по физике в условиях профильного обучения.

3. Готовность учителя физики к системному проектированию образовательного процесса профильного обучения мы рассматриваем как потенциальное и интегральное состояние личности учителя, проявляющееся в стремлении и способности осуществлять процесс системного проектирования и обеспечивающее успешность этой деятельности. Это состояние характеризуется определенным уровнем системного профессионально-педагогического мышления учителя физики, которое обуславливает его деятельность по проектированию системного объекта (образовательного процесса по физике в условиях профильного обучения).

4. Структура готовности учителя физики к системному проектированию образовательного процесса профильного обучения представляет собой систему мотивационной, операциональной и когнитивной готовностей.

Основу мотивационной готовности определяют его стремления, которые характеризуется системой активных отношений учителя физики как субъекта к объекту мышления (к образовательному процессу по физике в условиях профильного обучения), мотивацией его мыслительной деятельности (движущих мотивов мысли), потребностей, интересов и побуждений. Мотивационная готовность учителя физики характеризуется уровнем мотивационно-ценностного компонента системного профессионально-педагогического мышления.

Операциональная готовность выражается в проявлении способностей осуществлять процесс системного проектирования образовательного процесса профильного обучения, который представляет собой систему мыслительных операций и действий на основе методологии системного подхода. Операциональная готовность учителя физики характеризуется уровнем операционального компонента системного профессионально-педагогического мышления.

Когнитивная готовность представляет собой систему знаний об образовательном процессе в условиях профильного обучения физике как системе и его особенностях, о системе и системном подходе как методологии познания, о про-

цессе деятельности по системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения физике. Когнитивная готовность учителя физики к системному проектированию характеризуется уровнем когнитивного компонента системного профессионально-педагогического мышления.

5. Формирование готовности учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения следует рассматривать как взаимосвязанные, взаимообеспечивающие, одновременно происходящие процессы: 1) освоения проектирования как вида педагогической деятельности; 2) овладения основами методологии системного подхода и их применением к познанию и созданию (проектированию) таких системных объектов, как а) образовательный процесс по физике в условиях профильного обучения, б) педагогическое проектирование – вид педагогической деятельности; 3) формирование и развитие системного мышления учителя физики как основы системного проектирования.

6. Деятельность учителя физики по системному проектированию образовательного процесса профильного обучения детерминирована системным профессионально-педагогическим мышлением, которое следует рассматривать как общенаучную методологию системного познания и преобразования объектов педагогической действительности. Структура системного мышления может быть представлена как система трех компонентов: мотивационно-ценностного (мотивация мыслительной деятельности и личностная направленность мыслящего субъекта), когнитивного (знания субъекта об объекте деятельности как системе, его качествах; о системе и системном подходе как методологии познания; о процессе деятельности по системному преобразованию объекта деятельности, его этапах); операционального (основные мыслительные действия, соответствующие методологии системного подхода). Основное содержание этих компонентов определяет специфические особенности системного мышления, которое следует рассматривать как регулятор деятельности учителя физики по системному проектированию образовательного процесса профильного обучения.

7. Системное проектирование как вид самостоятельной профессиональной деятельности имеет свои особенности, и его процессуальная схема должна учитывать: а) существенные признаки системы как объекта проектирования; б) основные положения философского принципа системности (целостный характер объектов, взаимосвязи элементов внутри системы и с внешней системой; динамическая природа любого объекта; функционирование и развитие любого объек-

та в результате взаимодействия внутри системы и с окружающей средой); в) методологические требования системного подхода и структуру системного мышления проектировщика. Определены этапы процесса системного проектирования: 1) ориентировочно-подготовительный этап (основная цель – создание ориентировочной основы деятельности по системному проектированию), 2) аналитический этап (основная цель – определение и исследование сущности объекта проектирования на основе системного подхода), 3) синтетический этап (основная цель – системное проектирование объекта).

8. Методическая система подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса профильного обучения должна рассматриваться как подсистема системы методической подготовки и отображать особенности профильного обучения физике и содержание основных методологических принципов концепции, обеспечивать актуализацию, обобщение и интеграцию предметных, психолого-педагогических, методических и методологических знаний и умений, а также быть направленной на развитие системного профессионально-педагогического мышления учителя физики, детерминирующего процесс системного проектирования.

9. Функционирование методической системы подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса обеспечивается взаимосвязью и взаимодействием ее компонентов на основе личностного, системного и деятельностного подходов к образовательной деятельности будущего учителя физики.

10. Результатом подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения является его готовность к системному проектированию как виду профессиональной деятельности.

В теоретический блок концепции также включены: процессуальная схема системного проектирования образовательного процесса по физике, а также модель методической системы подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения.

Блок практических приложений концепции включает программы учебных курсов, методику подготовки учителя физики к системному проектированию образовательного процесса в условиях профильного обучения, дидактические средства обучения, диагностический инструментальный оценки эффективности соответствующей подготовки.

Предложенная концепция является открытой системой, что обеспечивается ее взаимодействием с внешней средой (социальный заказ, стан-

дарт профессионального образования и др.) и интеграцией знаний будущих учителей физики в области таких наук, как философия, психология, педагогика, теория и методика обучения физике, физика и др. Концепция может быть дополнена и расширена в зависимости от условий и особенностей функционирования, она может использоваться для подготовки учителей к проектированию образовательного процесса по различным учебным предметам с учетом специфики этих дисциплин.

Предлагаемая концепция является целостной системой. Каждый структурный элемент предлагаемой концепции как системы является ее подсистемой. Целостность концепции обеспечивается: а) наличием таких свойств и качеств, которые не присущи ее структурным элементам; б) взаимной согласованностью и зависимостью всех структурных элементов концепции в виде структурно-логических и функциональных связей между ними. Структурно-логические связи обеспечиваются взаимосвязями и взаимоотношениями структурных элементов друг с другом, а также с надсистемой (социальный заказ, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению «Педагогическое образование»). Функциональные связи структурных элементов концепции определяются ее действенностью при условии соблюдения совокупности основных принципов и концептуальных положений.

УДК 159.9:37.015.3

Т. П. Науменко

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ ПЕДАГОГА

В статье обозначена актуальность проблемы самоактуализации современного педагога и качества его трудовой жизни. Определена теоретическая и практическая основа исследования. Представленные эмпирические результаты подтверждают острую актуальность исследований в области гармонизации личности педагога.

In article the urgency of a problem of self-actualization of the modern teacher and quality of its labor life is designated. The theoretical and practical basis of research is defined. The presented empirical results confirm a sharp urgency of researches in the field of harmonization of the person of the teacher.

Ключевые слова: самоактуализация, уровни самоактуализации, качество жизни, трудовая деятельность.

Keywords: self-actualization, self-actualization levels, quality of life, labor activity.

Развитие общества прямо связано с изменениями в трудовой жизни людей, и социально-экономические преобразования приводят к изменению не только содержания и условий труда, но и отношения людей к качеству своей профессиональной жизни. Создание внешних и внутренних условий, обеспечивающих оптимальное использование трудового потенциала человека, в динамично развивающемся обществе приобретает особую актуальность.

Качество жизни в целом определяется как субъективное удовлетворение, выражаемое или испытываемое человеком в физических, ментальных и социальных ситуациях даже при наличии каких-то дефицитов. Исследование представлений об этом феномене позволило выделить его 15 важных компонентов, и наиболее высоко коррелируют с качеством жизни материальный комфорт, работа, здоровье, активный отдых (развлечения), учеба и образование. Как можно видеть, работа стоит на одном из первых мест, тем самым качество трудовой жизни является одной из важнейших составляющих качества жизни в целом и неразрывно связано с возможностью личностного развития человека и удовлетворением его духовных, нравственных, интеллектуальных потребностей.

2010 год объявлен президентом РФ Д. А. Медведевым Годом учителя, и множество проводимых в его рамках мероприятий направлено на укрепление авторитета педагога и, что не менее важно, его социального статуса. Отметим, что низкий социальный статус учителя и низкая заработная плата, не соответствующая интенсивности и высокой ответственности учительского труда, как объективные показатели качества труда непосредственно связаны с внутренней удовлетворенностью педагога своей работой, однако последняя детерминирована и другими факторами. Наше пилотажное исследование показало, что большая часть педагогов работает в состоянии явного стресса по отношению к своей профессиональной деятельности, а отношение к понятию качество жизни характеризуется скептицизмом. При этом в научных источниках по психологии, в отличие от социологических данных и публикаций СМИ, не представлены исследования субъективных составляющих качества трудовой жизни педагога, что подчеркивает актуальность нашего научного поиска.

Теоретический анализ концепций различных психологических школ и направлений позволил нам сформулировать гипотезу исследования: самоактуализация как важнейшее условие профессионального роста человека и реализации его внутреннего потенциала является одним из субъективных показателей качества трудовой жизни.

Трудовая деятельность – целесообразная деятельность людей по созданию материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворе-

ния потребностей каждого индивидуума и общества в целом. Труд как общественно полезная деятельность является формой активного отношения человека к окружающей действительности, направленной на достижение поставленных целей и связанной с созданием общественно значимых ценностей или освоением социального опыта [1]. Впервые работы психологов (Р. Лайкерт, Д. Макгрегор, Ф. Герцберг) по исследованию качества трудовой жизни появились в 50–60 гг. XX в. и сохранили актуальность до настоящего времени. Предлагаемый в то время подход предполагал возможность повышения эффективности деятельности организации за счет повышения эффективности её человеческих ресурсов на основе осознания работником собственных возможностей. Позже этот подход был дополнен концепцией «гуманизации труда», предполагающей приоритетную роль человека как работника и личности [2].

В социологическом словаре качество трудовой жизни определяется как подход к организованному проекту с точки зрения рассмотрения благосостояния работников, их участия в принятии решений и, соответственно, функциональной эффективности. Термин появился в США в 1960-х гг., но лежащий в его основе теоретический стимул исходит от ранних европейских работ и экспериментов по социотехническому системному подходу. Программы качества трудовой жизни различных стран затрагивали вопросы охраны здоровья работника, надежности и удовлетворенности трудом [3].

В целом качество трудовой жизни включает ряд факторов: условия труда и безопасность, справедливое вознаграждение за труд, взаимоотношения с сотрудниками, возможность профессионального роста, самоактуализацию. Самоактуализацию как реализацию работником своего потенциала и индивидуальных способностей, самосовершенствование в процессе труда мы рассматриваем в качестве важнейшей из субъективных составляющих качества жизни личности.

Психологические концепции феномена самоактуализации предполагают её источником потребности личности в росте, развитии, самосовершенствовании. Самоактуализация трактуется как полная реализация подлинных возможностей (К. Хорни); стремление человека к наиболее полному выявлению и развитию своих возможностей и способностей (К. Роджерс); активная внутренняя тенденция развития себя, истинное самовыражение (Ф. Перлз); стремление человека стать тем, чем он может стать; одна из потребностей личности и ее осознанное стремление к максимально возможному раскрытию своего потенциала с целью его реализации в практической жизнедеятельности на благо общества (А. Маслоу) [4]. Пристальное внимание к проблеме самоактуализации во второй

половине XX – начале XXI в. объясняется все более широким пониманием её определяющей роли в жизни личности, и все большее число психологов, философов, социологов считают самоактуализацию центральным фактором нормального существования человека.

В нашем исследовании мы принимаем определение *самоактуализации как а) постоянного процесса роста, становления, проявляющегося в наполнении и раскрытии личности, и б) неотъемлемого атрибута качества трудовой жизни современного педагога*. Самоактуализации способствуют желание и внутренняя потребность профессионального самоутверждения, осознание своих возможностей, адекватное планирование деятельности, результатом чего является та или иная степень удовлетворенности результатами деятельности, процессом их достижения и удовлетворение собой как профессионалом.

По мнению ряда отечественных психологов (К. А. Абульханова, С. Л. Смирнов, Е. М. Иванова, А. К. Маркова и др.), возможность выразить себя в профессии – основная потребность личности как субъекта труда. Ценность профессиональной деятельности для педагога связана, прежде всего, с возможностью применения своих способностей, самовыражения, творчества, то есть самоактуализации. В то же время отсутствие стремления у учителя к самоактуализации и творческой активности является одной из причин эмоционального дискомфорта в профессиональной деятельности и формирования синдрома эмоционального сгорания.

В настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования самоактуализации современного педагога, осуществленного в 2009–2010 гг. на выборке из 108 учителей г. Оренбурга, имеющих разный стаж педагогической деятельности. В качестве диагностического инструмента был выбран самоактуализационный тест (САТ) под редакцией Л. Я. Гозмана и М. В. Кроз [5].

К сожалению, наше исследование подтверждает мнение А. Маслоу о том, что существует немного по-настоящему самоактуализовавшихся людей. Математическая обработка полученных нами данных показала: в целом (независимо от возраста и стажа педагогической деятельности) показатели самоактуализации находятся на низком уровне. В диапазон нижней границы нормы попадают показатели лишь по следующим шкалам:

1. *Познавательные потребности*; заметим, однако, что включаемые сюда интеллектуальность, стремление к приобретению новых знаний об окружающем мире и к повышению уровня своего образования тяготеют к нижней границе нормы – 43 балла при среднем 50.

2. *Гибкость поведения и синергия* у педагогов в возрасте старше 30 лет; однако эти значе-

ния также ниже среднего – 43 и 45. Таким образом, можно говорить о недостаточной сформированности у испытуемых определенных концепций, целостного восприятия мира и людей, понимания связанности противоположностей, с одной стороны, и определенной гибкости в поведении, в реализации своих ценностей, взаимодействии с окружающими и способности быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию – с другой. Подчеркнем: для педагога взаимодействие с окружающими, адекватность реакций на изменения и целостность восприятия окружающего являются необходимыми составляющими его профессиональной деятельности.

3. *Самоуважение* у педагогов старше 30 лет находится на нижней границе нормы – 40 баллов. В норме этот показатель говорит о способности субъекта ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. Как можно видеть, большинству наших испытуемых это несвойственно, кроме того, их характеризует низкая самооценка.

Углубленному анализу в настоящей работе подверглись базовые составляющие самоактуализации: Компетентность во времени и Поддержка.

В соответствии с результатами, представленными Л. Я. Гозманом [6], мы соотнесли средние значения показателей выборок с разными уровнями самоактуализации с описательными критериями четырех уровней самоактуализации, предложенными Л. А. Коростылевой [7]. Соответственно, самые высокие показатели научных работников сопоставимы с наивысшим уровнем самоактуализации, самые низкие показатели невротиков – с примитивно-исполнительским уровнем, индивидуально-исполнительский уровень – со средними показателями. Промежуточные значения между наи-

высшими и средними показателями (по Л. Я. Гозману) были отнесены нами к уровню реализации ролей и норм в социуме (Л. А. Коростылева). Полученные результаты отражены в табл. 1.

Уровни самоактуализации отличаются друг от друга иерархией мотивов; характером потребностей; отношением к жизни, к окружающему миру; степенью индивидуального своеобразия и творческой направленности; реакцией на проблемные моменты в жизни; ценностными ориентациями; наличием гедонистических наклонностей; характером интеллектуальной обработки проблемы; социальной адаптированностью; развитием рефлексии, умением формировать перспективу будущего; умением разрешать конфликты; стремлением к развитию.

В соответствии с представленными в табл. 1 уровневые показатели полученные нами данные распределились на четыре уровня самоактуализации (табл. 2).

Рассмотрим вначале результаты испытуемых, полученные по шкале *Компетентность во времени*. Высокие баллы по этой шкале свидетельствуют о способности субъекта жить настоящим, переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте; низкие баллы говорят об ориентации человека на дискретное восприятие своего жизненного пути. Компетентность во времени оценивает тенденцию человека жить в настоящем, а не концентрироваться на прошлом или будущем.

Полученные в нашем исследовании результаты распределились следующим образом:

- Первый уровень самоактуализации – самый низкий, *примитивно исполнительский* – установлен у 29,63% учителей. Этот уровень характеризуется доминированием физиологических потребностей и потребностей в безопасности; пассив-

Таблица 1

Средние групповые значения по базовым шкалам САТ (в баллах)

Наименование шкал САТ	Уровни самоактуализации (Л. А. Коростылева)			
	Смыслжизненная и ценностная самореализация	Реализация ролей и норм в социуме	Индивидуально-исполнительский	Примитивно-исполнительский
	Выборки испытуемых (Л. Я. Гозман)			
	научные сотрудники		алкоголики	невротики
Компетентность во времени (Тс)	9,00	8,07	7,13	5,95
Поддержка (I)	48,15	45,57	43,00	36,15

Таблица 2

Уровни самоактуализации педагогов, %

Уровни самоактуализации	Компетентность во времени (Тс)	Поддержка (I)
Смыслжизненная и ценностная самореализация	40,77	19,45
Реализация ролей и норм в социуме	12,97	6,49
Индивидуально-исполнительский	16,67	7,41
Примитивно-исполнительский	29,63	66,67

ностью; следованием социальным стереотипам; непониманием смысла проблем, причин их возникновения, прогноза; низким уровнем самореализации. Человек может позволить себе только «хотеть», не предпринимая никаких действий для достижения желаемого результата [8].

- Второй уровень, *индивидуально-исполнительский*, наблюдается у 16,67% испытуемых и отражает тенденции к приспособлению к окружающим, отсутствие альтернатив в мотивации деятельности, отсутствие веры в собственные силы. На этом уровне личность может прорабатывать проблемы, дифференцировать их по актуальности и перспективности, однако не умеет прогнозировать трудности и бороться с ними. Малоактивная жизненная позиция, стремление к сохранению жизненных ресурсов сосуществуют с постоянной тревогой «могу ли я?».

- *Уровень реализации ролей и норм в социуме* отмечается у 12,97% учителей и типичен для лиц, нуждающихся в общественном признании и оценке и потому ориентированных на принцип поведения «надо». Приспособление в профессиональной сфере и семье, замена трудных целей простыми обуславливают ситуативную адаптированность. В целом формирование такой личности носит случайный характер, а индивидуальность определяется внешними обстоятельствами.

- *Уровень смысловой и ценностной реализации* – высший уровень саморегуляции, деятельности и творчества – отмечается у 40,77% всей выборки. На этом уровне самоактуализации человек стремится к развитию, творчеству, достижению поставленных целей. Несмотря на то, что это самая большая группа в выборке, тем не менее это только четыре педагога из десяти, то есть менее половины выборки.

Таким образом, можно сделать вывод, что лишь 40,77% наших испытуемых имеют тенденцию к развитию, самореализации, творчеству. Принадлежность к первому, второму, третьему уровням самоактуализации наших педагогов говорит о низком уровне или стагнации личностного развития и дискретном восприятии своей жизни. На этом фоне у учителя развивается дефицит удовлетворенности результатами своего труда, что является основным источником нарушения эмоционального равновесия и повышенной тревожности. Малоактивная жизненная позиция, стремление удовлетворять лишь базовые потребности приводят к тому, что удовлетворенность трудовой деятельностью, не подкрепленная творческими процессами и профессиональным ростом, остается низкой. 12,97% наших испытуемых живут по принципу «надо». Заняв позицию приспособленцев, они также не имеют никакого движения к собственному развитию.

Шкала *Поддержки* измеряет степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне (внутренняя/внешняя поддержка). Концептуальной основой данной шкалы служили идеи А. Рейсмана об «изнутри» и «извне» направляемой личности. Рассмотрим полученные в нашем исследовании результаты.

- *Примитивно-исполнительский* уровень самоактуализации наблюдается у 66,67% педагогов. Согласно иерархии потребностей А. Маслоу – это низший уровень потребностей с примитивными формами психологической защиты (регрессия), малоактивной жизненной позицией, трудностями управления своим поведением. Иными словами, большинство учителей нашей выборки не свободны в выборе, несамостоятельны, нуждаются во внешнем управлении.

- *Индивидуально-исполнительский* уровень и *уровень реализации ролей и норм в социуме* наблюдается всего у 7,41 и 6,49% педагогов соответственно. Эти педагоги также в высокой степени зависимы от внешних воздействий и несамостоятельны в принятии решений, пассивны и конформны. Они не имеют собственного мнения, принципов и убеждений. Изменение убеждений и установок зависит от мнения большинства, а основной принцип поведения – приспособляемость. Итак, педагоги этих групп являются в большей или меньшей степени «извне направляемыми».

- *Уровень смысловой и ценностной реализации* наблюдается лишь у 19,45% педагогов, то есть только у двух из десяти педагогов. Они относительно независимы в своих поступках, стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами, что, однако, не означает враждебности к окружающим и конфронтации с групповыми нормами. Свобода в выборе, самостоятельность в принятии решений, неподверженность внешнему влиянию характеризуют «изнутри направляемую» личность.

Итак, по шкале Поддержка 80,57% наших испытуемых находятся на первом, втором и третьем уровнях, которые мы обозначим с точки зрения самоактуализации как более или менее низкие. Несамостоятельность, зависимость от внешних обстоятельств приводят к тому, что учитель находится в подавленном состоянии, испытывает ощущения своеобразного духовного «голода», разочарования в труде и самом себе. Возникают внутренний конфликт и неприятие собственной профессиональной деятельности. Учителю тяжело выполнять свои обязанности, реализовывать планы и начинания. Происходит расхождение мотивов деятельности, утрачивается радость труда, увлеченность и вдохновение, формируются стереотипность и механистичность

мастерства. Педагога мучает «внутренний холод», может возникнуть сомнение в своей профессиональной пригодности [9].

Для определения тесноты (силы) и направления корреляционной связи использовался метод ранговой корреляции r^s Спирмана. В качестве минимально допустимого использовали уровень значимости $p = 0,05$.

Анализ корреляций показателей Компетентности во времени и Поддержки показал наличие положительной корреляционной связи ($r = 0,46$). Таким образом, увеличение способности субъекта жить «настоящим», переживать настоящий момент жизни во всей его полноте прямо коррелирует с повышением степени независимости ценностей и опоры на собственные цели и принципы. И напротив, дискретное восприятие жизненного пути сочетается с несамостоятельностью, несвободой в выборе, высокой степенью зависимости.

Описанные выше уровни самоактуализации коррелируют, на наш взгляд, и с моделями профессионального развития педагога [10]:

• *Модель адаптивного поведения* характеризуется доминирующей тенденцией подчинения профессиональной деятельности внешним обстоятельствам, выполнению социальных требований, ожиданий и норм. Процессы самоприспособления и подчинения среды (учеников, родителей и т. д.) преобладают над исходными интересами учителя, в результате чего он прибегает к стереотипным решениям педагогических ситуаций. Содержательно этой модели соответствуют в той или иной степени примитивно-исполнительский и индивидуально-исполнительский уровни самоактуализации, а также уровень реализации ролей и норм в социуме. По шкале Компетентности во времени 59,27% педагогов можно отнести к описанной модели, по шкале Поддержка – 80,57% испытуемых.

• *Модель профессионального развития*. Учитель стремится выйти за пределы повседневной практики и увидеть свой профессиональный труд в целом, что дает ему возможность быть полноправным автором своего настоящего и будущего: внутренне принимать, осознавать и оценивать профессиональные трудности и противоречия и разрешать их в соответствии со своими ценностными ориентациями, рассматривая трудности как стимул развития. Осознание педагогом своего потенциала и перспектив личностного и профессионального роста побуждает его к постоянному поиску, творчеству. Решающим элементом ситуации профессионального развития является возможность делать выбор. Этой модели соответствует наивысший уровень самоактуализации – смысложизненной и ценностной реализации. По шкале Компетентности во времени на этом уровне находится 40,74% испытуемых, по шкале Поддержка – 19,45%.

Итак, мы видим, что в целом компетентность во времени и поддержка наших педагогов являются низкими, и более всего страдает именно внутренняя поддержка. Не чувствуя уверенности в себе и не уважая себя, сложно быть независимым в поступках, свободно выбирать, опираясь на собственные убеждения и принципы, стремиться к самоактуализации и не уступать внешнему влиянию. Однако и отказ от самореализации не избавляет от трудностей в профессиональной деятельности и приносит удовлетворения от своего труда. В то же время, находясь под влиянием высоких требований, предъявляемых к личности педагога и его профессиональным задачам в воспитании (в широком смысле слова) учащихся, учитель вынужден обманывать себя и окружающих, создавать имидж благополучного профессионала. Закономерным следствием этого является ощущение дискомфорта на рабочем месте, сложности во взаимоотношениях с учениками и коллегами, «уход» в себя или иную активность, нарушения соматического и психического здоровья. Все это, безусловно, снижает качество трудовой жизни учителя и объясняет скептическое отношение к самому понятию ее качества, о чем говорилось выше.

В заключение можно сказать, что анализ теоретических источников и полученных нами данных подтверждает правомерность выделения нами уровней самоактуализации педагога в трудовой жизни как индикатора её качества. Одновременно уровневое представление самоактуализации позволяет наметить ориентиры психопрофилактической и психоразвивающей работы в области субъективных составляющих качества трудовой жизни личности.

Примечания

1. Цыганков В. А. Теория и методология исследования качества трудовой жизни. М.: Экономика, 2006. 280 с.
2. Митина Л. М. Психология труда и профессионального развития учителя. М.: Академия, 2004. 320 с.
3. Зараковский Г. М. Качество жизни населения. Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 320 с.
4. Словарь-справочник по социологии: учеб. пособие / А. А. Акмалова, В. К. Мокшин. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2008. 304 с.
5. Осницкий А. В. Проблемы психического здоровья и адаптации личности. СПб.: Серебряный век, 2004. 384 с.
6. Там же.
7. Словарь-справочник по социологии.
8. Там же.
9. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: брачно-семейные отношения. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2000. 292 с.
10. Психодиагностика персонала. Методика и тесты: учеб. пособие для фак.: психологических, экономических и менеджмента: в 2 т. Т. II / Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2007. 560 с.

ПЕРСОНАЛИИ

ПРОФЕССОР А. С. ВАСИЛЕВСКИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ НАШЕГО МИРА... (Интервью к 75-летию со дня рождения)

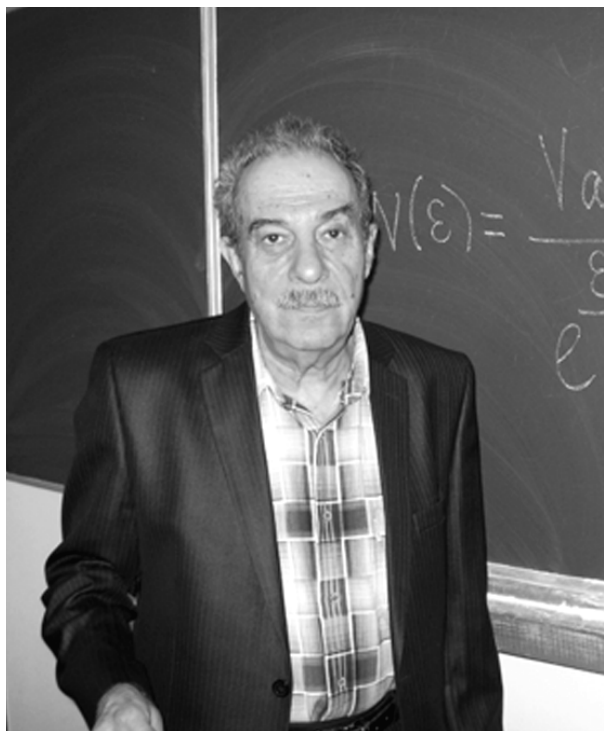
Профессор Анатолий Семенович Василевский – старейший физик-теоретик на кафедре теоретической физики и методики обучения физике ВятГГУ. В последние двадцать лет в стране он известен как автор и соавтор нескольких учебников курса теоретической физики для педагогических вузов. Сначала под руководством профессора В. В. Мултановского (1927–2000) в многотрудных условиях был подготовлен и издан в издательстве «Просвещение» первый цельный курс теоретической физики (в четырех книгах) для физических специальностей педвузов всего СССР (1985, 1988, 1990, 1991). Это было по тем временам, да и сейчас, событие уникальное, из того ряда, которым гордятся не только авторы, но и институты. Не случайно сейчас издательство «Дрофа» переиздало эти учебные пособия.

Важно, однако, понять, что за системами знаний по теоретической физике скрываются представления и мысли, без освоения которых на том или ином материале невозможно духовно прожить в нашем мире. Именно об этом хотелось бы поговорить по случаю юбилея.

– Анатолий Семенович, в каком случае теоретическая физика как сгусток знаний и мыслей приносит озарение и открытие в жизни человека? В чем и чем она помогает?

– Один учитель рисования говорил своим ученикам: «Если вы смотрите на картину «Иван Грозный убивает сына» и у вас не бежит холодок по спине, то вы просто «чурки» и вам незачем у меня учиться...». Так вот: если у человека бежит холодок по спине, когда он узнает, что вода состоит из водорода и кислорода, то тогда к нему приходит сильнейшее желание «во всем дойти до самой сути...». И такому человеку становится интересно жить. А это высочайшая награда... А если ещё настойчивые занятия физикой приводят к новым фактам, законам или расчетам, что в конечном счете изменяет материальные и духовные стороны человеческой жизни, то физик счастлив. Ученые, занимаясь своим делом, верят в высокий смысл познания. На Земле это истина.

– Как случилось, что Вы занялись теоретической физикой в аспирантуре МПГУ у профес-

сора Н. И. Жирнова? И чему научились там, в среде физиков-теоретиков?

– А я всегда этого хотел, начиная со старших классов школы. Препятствий было много. И нездоровье, и бедность семьи, и собственная лень, и много ещё всего... Достаточно сказать, что мне пришлось перед аспирантурой самостоятельно осваивать университетский курс теоретической физики – 4 тома курса Ландау и Лифшица. Кто хотя бы трогал эти книги, тот догадывается, чего это стоит...

В аспирантуре учился ставить и решать задачи по теме исследования. В плане общего образования было очень интересно посещать семинары академика РАН, будущего лауреата Нобелевской премии В. А. Гинзбурга и некоторых других московских ученых. Главной моей работой в то время была разработка удобного и высокоточного приближенного метода расчета потенциальных кривых двухатомных молекул по спектроскопическим данным. Иногда настойчивый труд приводил к удаче.

– Некоторое время тому назад на меня сильное впечатление произвела Ваша методическая статья о температуре. Думаю, что такое ясное

представление должно быть разработано по отношению ко всем физическим понятиям и величинам. И жаль, что этого нет. Не повторите для заинтересованного читателя основные мысли данной публикации?

– Давайте попробую. В школьных учебниках нет вполне научного, простого, ясного и четкого определения температуры. Часто не указывается даже, какой это параметр – макроскопический или микроскопический. Остается неизвестным, какое свойство вещества характеризует данная физическая величина. И совсем без внимания оставлен вопрос, от чего зависит температура различных тел?

В значительной степени причиной этого недостатка учебников является смешивание макроскопического и микроскопического планов при изучении газовых систем, причем связь между ними не прослеживается. Современная методика преподавания физики настойчиво рекомендует все молекулярные и тепловые процессы объяснять движением и взаимодействием частиц. Так-то оно так, но при элементарном описании явлений создается впечатление, что все задачи могут быть решены с помощью механики, разве что иногда приходится прибегать к усреднению. При этом забывается, что наши представления о природе вещей зависят от того уровня, на котором производится изучение материи, от тех методов, которые применяются. Известно, что статистическая физика опирается на механику, но она не сводится к механике системы частиц. В ней имеются немеханические понятия. К ним относятся и температура.

Отсюда все затруднения с введением этой величины. К тому же статистическая теория достаточно сложна даже с первых шагов. Дополнительные проблемы создает особый характер этой величины. Не возможны ее прямые измерения. Произволен выбор не только единицы измерения, но и всей шкалы температур. Её нельзя вывести из каких-то фундаментальных положений, и она устанавливается по соглашению.

Чтобы преодолеть все препятствия, в элементарных курсах следует начинать с термодинамики, в которой тепловые явления качественно обобщаются, что облегчает первоначальное ознакомление с этим разделом физики. Следует обратить внимание учащихся на то, что между макроскопическими телами существует особого рода взаимодействие, не изучаемое другими теориями. Не может быть теплообмена между двумя частицами, а вот между двумя коллективами частиц он происходит. Далее можно дать опреде-

ление температуры как величины, характеризующей способность макроскопических тел к теплообмену. А именно: разность температур двух равновесных систем при постоянных внешних параметрах определяет возможность теплообмена между ними и направление передачи энергии.

– По-моему, причиной многих проблем современной методики обучения физике является историческая болезнь придания метафизического смысла физическим величинам и законам. Трудно помыслить, что температуры нет в природе, что кристаллической решетки тоже нет. А как Вы считаете?

– Это так. Многие понятия и величины имеют смысл только в рамках определенных модельных представлений. Например, есть инертность и масса – мера инертности. Но вот фотон нельзя ни ускорить, ни замедлить. И массы у него нет, и, стало быть, свойство инертности ему чуждо. Развитие физики показало, что многие характеристики не являются атрибутами материи.

– Почти очевидно, что физике в нашей системе образования постепенно стало очень тяжело. Как нам бороться за то, чтобы великий и ничем не заменимый интеллектуальный потенциал нашей науки воспроизводился бы и для следующих поколений школьников и студентов?

– Согласен с Вами. Что делать: как при пожаре – надо бить во все колокола. Удивлен и удручен: молчат ученые-физики, молчат преподаватели физики, молчат институты и академии... Понимаю тяжесть проблемы, но ведь сама по себе она не разрешится. В массовой школе физика стала «меловой», без эксперимента, а интерес к теории обеспечить ещё труднее. Признано, что физика – величайший пласт культуры мышления и мировоззрения. Она нужна всем образованным людям. Нельзя молодое поколение лишать этого права... И за это есть смысл бороться.

*Ю. А. Сауров,
доктор педагогических наук,
профессор по кафедре теоретической физики
и методики обучения физике ВятГГУ*

Глубокоуважаемый Анатолий Семенович! В далеком 1957 году Вы окончили наш институт, а затем в его стенах многие годы преданно служите науке и образованию. Ректорат ВятГГУ, редакция журнала, коллеги по работе от души поздравляют Вас с юбилеем и желают удачи в жизни.

ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ЖАВОРОНКОВУ – 70 ЛЕТ

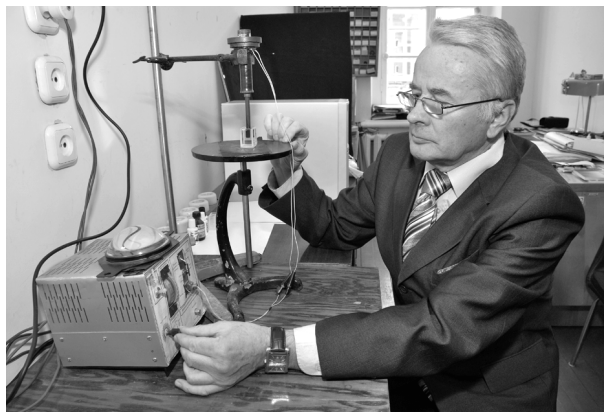
Доктор технических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент Российской Академии естественных наук, заслуженный работник Вятского государственного гуманитарного университета Владимир Иванович Жаворонков родился 4 декабря 1940 г. в г. Кирове в семье военного. Еще в школьные годы у него зародился серьезный интерес к физике. «Я с детства всегда что-то конструировал... – рассказывает он ныне своим ученикам, – особенно, когда это было связано с сигнальными лампочками, элементами переключения». Среди первых учителей Владимира Ивановича были увлеченные своей профессией, незаурядные педагоги, в их числе – Владимир Николаевич Патрушев, которые и стали для будущего ученого эталоном истинной и светлой любви к науке.

Дальнейшие вехи биографии В. И. Жаворонкова определялись его стремлением постичь глубины экспериментальной физики. В 1964 г. он окончил физический факультет ЛГУ, в 1971 г. – аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина, с 1974 г. Владимир Иванович – кандидат физико-математических наук. В 1998 г. он успешно защитил докторскую диссертацию по теме «Высокочувствительные оптико-электронные информационных однократных быстропротекающих и слабосветящихся процессов в экспериментальной физике», и решением ВАК РФ от 14 мая 1999 г. ему присуждена ученая степень доктора технических наук. С октября 2000 г. В. И. Жаворонков – профессор по кафедре общей физики.

Путь ученого и педагога связан у него с работой в КГПИ им. В. И. Ленина (ВятГГУ), где раскрылся многогранный талант Владимира Ивановича. Профессор Жаворонков стал известным в стране и за рубежом специалистом в области радиофизики и квантовой электроники. Он – научный руководитель вузовской лаборатории функциональной электроники, автор более 120 научных и научно-методических трудов, в том числе ряда изобретений. Его статьи публиковались в авторитетных изданиях Москвы, Нижнего Новгорода, Кирова и других городов.

Ныне В. И. Жаворонков ярко воплощает в себе образец ученого-универсала, работающего на стыке различных наук. Созданный им оптико-электронный прибор, не имеющий сегодня аналогов по техническим характеристикам, другие изобретения явились плодом многолетней и кропотливой деятельности, направленной на познание окружающего мира и природы человека.

«Я думаю, что надо прежде всего иметь цель в жизни, любить свою работу, добиваться резуль-

татов, иметь интерес к исследованиям и создавать вокруг себя круг единомышленников», – считает Владимир Иванович. По этому пути он идет уже полвека, оставляя глубокий след в науке.

В. И. Жаворонков с большим удовольствием работает с молодежью, стремящейся к серьезной научной деятельности. На базе его лаборатории в ВятГГУ успешно выполняются курсовые и дипломные работы, аспиранты пишут кандидатские диссертации. Весьма плодотворным является его сотрудничество с образовательными учреждениями региона. Работы учеников Владимира Ивановича нашли признание на конференциях, конкурсах, выставках различного уровня.

Член диссертационных и проблемных советов, региональный эксперт в области медицинских приборов, приборов и методов фотокинорегистрации В. И. Жаворонков находится в постоянном научном поиске, творчеством наполнена вся его жизнь. Он обладатель авторских свидетельств на изобретения, патентов и дипломов. О многом говорит и хобби ученого – классическая музыка, чтение художественной литературы, театр, игровые виды спорта, детская педагогика, путешествия. Дух постижения прекрасного, гармония идей и дел, нацеленность на созидание, открытость в общении с коллегами свойственны этой неутомимой личности.

За многогранную научную и педагогическую деятельность В. И. Жаворонков удостоен министерских наград; он имеет значок «Мастер спорта СССР по конструированию» (1977 г.), значок «Отличник народного просвещения СССР» (1985 г.), награждался серебряными (1977, 1978, 1988 гг.) и золотой (1987 г.) медалями ВДНХ СССР, медалью им. Альфреда Нобеля, золотым знаком отличия «Национальное достояние России», золотой медалью В. И. Вернадского. Сам за себя говорит и тот факт, что научная биография профессора В. И. Жаворонкова включена в общероссийскую энциклопедию «Известные ученые России».

Уважаемый Владимир Иванович! Мы от души поздравляем Вас с юбилеем. Новых открытий Вам, талантливых учеников, благополучия семье и крепкого здоровья!

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«МЕЧТА РАЗЫСКИВАЕТ ПУТЬ», ИЛИ ВСЕ О ГРИНОВСКИХ ЧТЕНИЯХ

Жизненному и творческому пути писателя-романтика, уроженца Слободского, А. Грина, была посвящена традиционная международная научно-практическая конференция «Юбилейные Гриневские чтения», состоявшаяся на филологическом факультете ВятГГУ 11–13 октября 2010 г.

К началу конференции (12 октября) аудитория была полна гостей: присутствовали и школьники, и студенты, и учителя, и преподаватели вузов – всех объединил живой интерес к творческому миру А. Грина.

После приветственного слова декана факультета К. С. Лицаревой, проректора по НИР Ю. А. Балыбердина, заместителя председателя Правительства Кировской области А. А. Галицких прозвучала литературно-музыкальная композиция «Мечта разыскивает путь...» Ее исполнили студенты факультета, которые смогли создать своеобразный творческий портрет автора «Алых парусов» (художественный руководитель – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Т. В. Петрусь).

Доклады пленарного заседания представили в основном гости конференции: Уте Шольц (Германия), В. Пантелькин (Москва), Д. Лосев (Украина, Феодосия). И это еще раз подтверждает, что интересен А. Грин не только на родине, но и далеко за ее пределами.

Также на пленарном заседании прозвучали размышления Н. Злыгостевой об аксиологической составляющей творчества Грина и анализ творчества лауреатов премии А. Грина, представленный заведующей кафедрой русской и зарубежной литературы ВятГГУ Е. Галицких.

Своим разнообразием приятно порадовали секционные заседания: «Проблемы изучения и интерпретации творчества А. Грина», «Творчество Грина в историко-культурном контексте», «Творчество Грина как объект исследования школьников-читателей». Более 10 участников в каждой из секций представили свои наблюдения над художественным языком произведений писателя, особенностями композиции. Рассматривались философские и психологические аспекты поэтики Грина, прослеживались творческие «переклички» с русскими и зарубежными писателями (Л. Андреев, И. Елагин, Э. По, Ф. Брет Гарт). Причем раз-

нообразии городов сохранялось: Санкт-Петербург, Москва, Глазов, Слободской, Киров. Здесь действительно ощущался творческий и научный диалог литературоведов, учителей, школьников обо всем, что так долго волновало, вызывало сомнения, подробно изучалось и стало значимым открытием в мире Грина.

Все ранее закрытые пути были открыты, настоящие – представлены, а все будущие – намечены.

Оргкомитет

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.041.04 в 2010 г.

Специальности:

10.01.01 Русская литература;

10.02.01 Русский язык

В 2010 г. в диссертационном совете Д 212.041.04 были защищены 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Две диссертации по специальности 10.01.01 Русская литература и три по специальности 10.02.01 Русский язык.

В целом тематика защищенных работ была следующей: по коммуникативной лингвистике – 1; по языку массовой художественной литературы – 1; по русской дериватологии – 1; по русской литературе XX века – 2. Представим краткую характеристику каждой из работ.

1. *«Местоимение МЫ в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход» – Гранева Ирина Юрьевна. Специальность – 10.02.01 Русский язык.*

В диссертации описывается лингвокогнитивный и эстетический потенциал употребления местоимения МЫ; рассматривается механизм функционирования местоимения МЫ в манипулятивной коммуникации; охарактеризованы 32 лексико-семантических варианта употребления местоимения МЫ, что существенно превосходит количество значений данного местоимения в существующих словарях и грамматиках.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании принципов коммуникативно-прагматического описания отдельно взятой единицы языка, в демонстрации правомерности применения методов «интегрального описания языка» и

«лексикографического портретирования» к лексеме дейктического характера, в применении идеи «порождающей семантики» для интерпретации окказиональных употреблений МЫ, в обосновании включения в описание лингвокультурологического, лингвокогнитивного и эстетического аспектов исследования.

Практическая значимость работы определяется тем, что она представляет собой основу для лексикографического портретирования местоимения МЫ.

Результаты исследования могут быть использованы в теории и в практике составления словарей нового типа, а также в теории и в практике вузовского и школьного преподавания русского языка и как родного языка, и как иностранного. Лингвокультурологический и эстетический аспекты исследования могут быть использованы в текстологических изысканиях, в редакторской практике и в деятельности по лингвистической экспертизе.

2. *«Словообразовательные гнезда бедный, богатый в современном русском языке: семантический аспект»* – Грошева Татьяна Николаевна. *Специальность – 10.02.01 Русский язык.*

Автор установила состав и структуру семантических групп с вершинами *бедный, богатый* в литературной и диалектной разновидностях общенародного языка и сконструировала диалектные фрагменты этих гнезд; определила словообразовательные потенции лексико-семантических вариантов, составляющих внутреннюю структуру вершинных лексических единиц; описала механизм семообразования в производных СГ на каждой ступени деривации; показала количественные и качественные изменения в семантике производных в зависимости от деривационных шагов и установила общие закономерности их семантического развития; определила специфику литературного и диалектного фрагментов СГ *бедный, богатый*, проявляющуюся в плане семантической преемственности и развития значения производных; выявила типологические черты сходства СГ *бедный, богатый* и различия между ними.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и материалы дают целостное систематизированное представление о семантической преемственности и развитии значения производных в СГ *бедный, богатый*. Диссертационное исследование вносит определенный вклад в общую теорию словообразования, а также в семасиологию, диалектологию и лексикографию.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при изучении учебных дисциплин «Современный русский язык», «Русская диалектология», а также в спецкурсах по словообразованию и семасиологии.

Результаты исследования могут использоваться при написании курсовых и выпускных квалификационных работ студентов. Результаты исследования могут найти применение в лексикографической практике, при составлении словарных статей в толковых и словообразовательных словарях.

3. *«Демократизация языка в массовой художественной литературе рубежа XX–XXI веков»* – Бальшиева Ксения Александровна. *Специальность – 10.02.01 Русский язык.*

В диссертационном исследовании на значительном по объему языковом материале (1800 контекстов) установлены конститутивные признаки (историчность, периодичность, универсальность) и сущностные параметры (языковые источники и сферы) демократизации языка; доказано, что хронологические периоды демократизации языка (рубеж XVIII–XIX, XIX–XX, XX–XXI вв.) обусловлены общественно-политической и собственно лингвистической составляющими понятия демократизации; выявлено соотношение понятий «демократизация языка» и «языковая норма»; проанализированы основные языковые способы создания стилистической сниженности как основного признака демократизации (морфологический способ словообразования, способ метафоризации значений стилистически нейтральной лексики); продемонстрировано, что языковая игра выступает в качестве одного из проявлений демократизации языка в массовой художественной литературе рубежа XX–XXI вв. Теоретические обобщения автора и иллюстративный материал диссертации могут быть использованы в лекционных и практических курсах по истории русского литературного языка, стилистике, современному русскому языку, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров.

Результаты исследования могут найти применение в современной лексикографии, в преподавании истории русского литературного языка, стилистики, современного русского языка в вузе.

4. *«Дневник писателя как феномен литературы русского зарубежья 1920–1930-х гг. (типология и поэтика жанра)»* – Булдакова Юлия Вячеславовна. *Специальность – 10.01.01 Русская литература.*

В диссертации Ю. В. Булдаковой определены и уточнены доминантные черты дневника писателя как жанровой разновидности дневника в контексте русской литературной традиции; выделены и охарактеризованы типы авторского сознания и их роль в художественно-коммуникативном пространстве писательских дневников эмиграции 1920–1930-х гг.; проанализированы жанровые разновидности и черты поэтики писательского дневника (связь текстовых и внетекстовых параметров, межродовой синтез, поэти-

ка хронотопа, языковая «стратегия» и др.) на основе категории дискурсивной модели.

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования заключается в расширении подхода к анализу жанров и жанровых систем в литературе, в использовании категориального аппарата ряда смежных с литературоведением гуманитарных дисциплин для изучения жанрово-стилевых процессов в русской литературе.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования его материалов и выводов в учебном процессе при разработке лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по истории и теории литературы, при монографическом изучении творчества отдельного писателя.

Результаты исследования могут быть использованы при чтении учебных курсов по истории и теории литературы, по литературе русского зарубежья, жанрологии, при исследовании дискурса, в преподавании истории и теории литературы.

5. *«Художественная модель мира в цикле Н. С. Лескова “Праведники”: аксиология и поэтика»* – Михеева Инна Николаевна. *Специальность – 10.01.01 Русская литература.*

Автором диссертации описана художественная модель мира в цикле Н. С. Лескова «Праведники»; выявлены основные принципы миромоделирования и взаимосвязь между созданием художественной модели мира и лесковской концепцией праведничества; доказано, что художественная модель мира в цикле «Праведники» соответствует христианской модели мира, то есть отражает представления о сосуществовании феноменального и ноуменального пространств, каждое из которых состоит из противопоставленных друг другу миров: феноменальное пространство – из праведного/неправедного миров, ноуменальное пространство – из сакрального/инфернального миров; выявлены типологические черты лесковской художественной модели мира; разработана методика анализа художественного текста на основе метода аксиологической оценки измененных состояний сознания, вызывающих образы онейрического хронотопа; проанализирован внутренний мир персонажей при изменении состояния сознания, причинно-следственные связи данных изменений; построена шкала аксиологической значимости состояний.

Теоретическая значимость диссертации состоит в разработке методики анализа художественного текста на основе аксиологической оценки измененных состояний сознания, в решении вопросов, связанных с исследованием хронотопа, принципов миромоделирования в их взаимосвязи с ценностной системой координат писателя, сознания, вызывающих образы онейрического хронотопа.

Практическая значимость работы определяется тем, что его материалы могут найти применение при изучении художественной модели мира в отдельных произведениях Н. С. Лескова и его творчестве в целом. Метод аксиологической оценки можно эффективно использовать при разработке общих и частных вопросов миромоделирования в художественном тексте. Выводы, полученные в ходе исследования, могут найти практическое применение в вузовском учебном процессе.

Результаты исследования могут быть использованы в рамках современного литературоведения при преподавании истории русской литературы в вузе.

*С. В. Чернова,
председатель диссертационного
совета Д 212.041.04,
доктор филологических наук, профессор*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.041.02 в 2010 г.

Диссертационный совет Д 212.041.02 в 2010 году принял к защите и утвердил 10 диссертаций по следующим специальностям: 09.00.01 Онтология и теория познания (по философским наукам); 24.00.01 Теория и история культуры (по культурологии).

Из них:

– 1 диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры по проблемам теории культуры;

– 1 диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания по проблемам теории познания;

– 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры, из них: по проблемам теории культуры – 1; по проблемам истории культуры – 2;

– 5 диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания.

Докторская диссертация Аблеева Сергея Рифатовича «Онтология сознания в философской традиции антропокосмизма: теоретический анализ и системная реконструкция» по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания посвящена философскому осмыслению новых тенденций естествознания и гуманитарных наук в исследованиях сознания, а также решению актуальных проблем философии сознания, а именно: выбор альтернатив онтологизации сознания, включение сознания в физический мир, переос-

мысление редукций сознания, исследование интеракционизма сознания и биологического организма, выявление закономерностей имплицитивной психической реальности сознания.

К основным итогам исследования автор относит:

- анализ теоретических перспектив онтологии универсального (нейтрального) монизма в осмыслении феномена сознания, разрабатываемой в концептуальном русле евразийского антропокосмизма (Кут Хуми и др.), ее корреляции с идеями нейтрального монизма в философских традициях европейского пантеизма (Б. Спиноза), неопозитивизма (Б. Рассел), постклассической физики (Д. Бом);

- формулирование основных положений гипотезы существования альтернативных онтологических реальностей космического универсума (онтологических мегапаттернов), в которой принята попытка онтологизации идеальной реальности и ее включения в природное бытие;

- проведение критического анализа физикалистских редукций сознания, в контексте которого показаны преимущества парадигмы онтологизации, рассматривающей сознание в качестве особого онтологического (психосемантического) пространства, способного к сложному интеракционизму с биологическими системами и иными объектами физической природы.

Полученные в ходе исследования результаты автор предлагает использовать в разработке учебных курсов для студентов высших учебных заведений и аспирантов по онтологии, философской антропологии, истории философии, теоретической психологии; отдельные результаты диссертации могут быть востребованы в философских исследованиях перспектив эволюции человека и научной разработке проблем онтологии морального сознания.

Диссертация *Скритачевой Ирины Александровны* «Современный город как культурная система» на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры посвящена разработке комплексной дискурсивной модели анализа города как культурной системы в динамическом единстве всех составляющих.

В итоге автором:

- определены сущностные структурно-функциональные характеристики и способы проявления комплексной дискурсивной модели анализа города как культурной системы, обосновано ее значение для изучения механизмов урбанистического типа культуры;

- выделены основные характеристики городского пространства, позволяющие представить город и культуру в теоретическом аспекте, соединяющем личностные характеристики человека с элементами его дифференцированного со-

циокультурного окружения: образованием и воспитанием, культурой, досугом, средствами информации, особенностями повседневной жизни;

- исследованы и сформулированы параметры идентичности, которые отражают ценностно-символический аспект социокультурного пространства города и определяют уровень жизни городского сообщества, участвующего в формировании культурной системы;

- определена стратегия эффективной организации города как культурной системы и предложена научно обоснованная и оптимальная концепция функционирования этой системы с учетом территориальных ресурсов;

- проанализированы локальные проблемы сохранения национальных культурных особенностей, выявлена необходимость представления значимости этнокультурной идентичности как составляющей части городской культурной системы;

- разработан комплекс регулятивных механизмов, обосновывающий принципы формирования культурной политики современного города в единстве функционирования властных и культурных институтов;

- рассмотрен феномен Тольятти как пример культурной системы современного моногорода, исследована динамика составляющих его подсистем, разработана концепция культурной политики и методики её прогностического моделирования, обеспечивающей их развитие и сохранение.

Полученные в ходе исследования результаты, по мнению автора, могут быть реализованы на практике управления культурными процессами, а также в рамках лекционных, семинарских или факультативных курсов по культурологии, социологии, политологии, массовой культуры и межкультурной коммуникации, социально-культурного проектирования и муниципального менеджмента.

Кандидатская диссертация *Букланса Дмитрия Григорьевича* «КВН как феномен современной массовой культуры: коммуникативные аспекты» по специальности 24.00.01 Теория и история культуры посвящена исследованию популярной игры, связи ее с традициями русской смеховой культуры, трансформированными в изменяющемся историко-культурном контексте и функционирующими в рамках масскульта.

Сформулированные автором выводы расширяют спектр методологических подходов в дальнейших исследованиях культурных феноменов синтетического типа. Диссертация вносит существенный вклад в разработку теории коммуникации. Результаты проведенного исследования важны для изучения феномена массовой культуры и ее влияния на сознание современного человека.

Материалы диссертации могут быть использованы для разработки занятий в рамках курсов по культурологии, массовым коммуникациям, молодежной субкультуре; предложенные модели игровой и коммуникативной сферы КВН могут быть полезны для организационной, образовательной и педагогической деятельности на уровне команд, лиг и клубов КВН.

Диссертация *Дождевых Светланы Михайловны* «Городская среда Вятки конца XIX – начала XX в. в историко-культурном контексте» на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры представляет собой научное исследование, посвященное краеведческой проблематике Вятки и связанное с проблемой культурной идентификации региона.

Наиболее значимые результаты, полученные автором в ходе исследования, сводятся к следующему:

- изучены существующие в гуманитарных науках теоретико-методологические подходы к изучению городской среды;

- представлены возможности иконографического и литературного материала для реконструкции образа г. Вятки конца XIX – начала XX в.;

- выявлен семиотический потенциал городских пространств Вятки конца XIX – начала XX в.;

- проанализирована семантика культурных сооружений в архитектурно-пространственной среде г. Вятки конца XIX – начала XX в.;

- исследованы роль и значение личности в создании и функционировании городской застройки г. Вятки конца XIX – начала XX в.

Материалы диссертации рекомендуются к использованию в процессе подготовки лекционных курсов по истории культуры и искусства г. Вятки в высшей школе, а также в рамках факультативных курсов для старших классов и в работе краеведческих кружков; они могут быть полезными для историков, искусствоведов, культурологов, филологов и других специалистов, изучающих проблемы городской среды.

Кандидатская диссертация *Иванова Александра Николаевича* «Диалог культур России и Швеции (тезауральный подход)» по специальности 24.00.01 Теория и история культуры посвящена проблеме диалога национальных культур России и Швеции, степени их «совместимости» друг с другом и близости их интересов на уровне тезаурального подхода.

К наиболее значимым результатам, полученным в ходе исследования, автор относит следующие:

- выявлены основные характеристики констант и концептов культуры и обосновано их положение в ядре культурного тезауруса субъекта;

- показана роль диалога культур России и Швеции в процессе межкультурной коммуникации;

- на основе тезаурального подхода выделены основополагающие константы, лежащие в основе картин мира культур России и Швеции; для России – это коллективизм, полярность мышления и определенный максимализм, привязанность к культурным традициям, для Швеции – это «индивидуализм», «умеренность» (от «lagom» – в меру), «современность» (modernitet);

- определены константы шведской и русской литератур в тезаурусах двух стран, а также охарактеризованы взаимоотношения между ними, при этом в русском культурном тезаурусе оказались, в большей степени, освоенными литературные образы Августа Стриндберга, Сельмы Лагерлеф, Астрид Линдгрэн, а в шведском культурном тезаурусе – Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова;

- произведен анализ степени диалогизированности тезаурусов русской и шведской культур и обоснован вывод о том, что на уровне картин мира сегодня можно говорить только о зарождении полноценного диалога между Россией и Швецией.

Предложенный автором подход к выявлению способности национальных культур к диалогической коммуникации на основе соотношения ведущих констант литератур в тезаурусах двух стран может оказаться продуктивным в теоретических исследованиях; содержащиеся в диссертации идеи и выводы способствуют дальнейшим типологическим исследованиям культуры в контексте диалогизма.

Кандидатская диссертация *Казаковой Ольги Александровны* «Единство научного метода и стиля деятельности ученого» по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания ставит и предлагает пути решения проблемы изучения динамики взаимосвязи метода и стиля в структуре личности ученого с наиболее полным учетом человеческих измерений научного исследования.

Наиболее значимые результаты, полученные автором, состоят в следующем:

- проведены оценка и рефлексивный анализ классических и неклассических концепций научного метода и познавательного стиля, где установлено, что если первые тяготеют к общенаучным и дисциплинарным характеристикам, то вторые сместились в область групповых и личностных образований науки;

- концептуально разработано неклассическое понимание метода и познавательного стиля, функционирующих в структуре личности ученого; здесь научные знания приобретают характер познавательных способностей и умений, только такая субъективизация обеспечивает личностное бытие метода и стиля;

– определены сущностные свойства личностного стиля ученого, которые объединяются высокой эффективностью владения методом; дан анализ основных форм стиля исследователя, обеспечивающих проблемный цикл научной деятельности.

Материалы и выводы диссертационного исследования, как считает автор, могут быть использованы в процессе преподавания ряда учебных дисциплин: «Философия», «История и философия науки», «Онтология и теория познания», спецкурса «Методология науки».

Диссертация «Трансцендентально-герменевтическая концепция языка (подход К.-О. Апеля) Ситниковой Елены Игоревны на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания посвящена углубленной разработке онтологических и гносеологических проблем языка с использованием трансцендентально-герменевтического подхода на примере концепции К.-О. Апеля.

Результаты исследования имеют существенное значение для концептуального осмысления лингвистического поворота в философии, осуществления взаимодополнения различных подходов к пониманию сущности и природы языка, обоснования онтологического статуса языка и его роли в познании и социальных отношениях, конкретно-научных и прикладных исследований языка.

Научная новизна исследования связана с разработкой целостной характеристики трансцендентально-герменевтической концепции языка; раскрытием специфики трансцендентально-герменевтической концепции языка, заключающейся в акцентировании трансцендентально-прагматического аспекта языка в стремлении к синтезу различных философских идей; выявлении и отрефлектированности связи языка с характером культурных, социально-экономических, политических условий существования человека; раскрытием онтологического содержания понятия «язык»; исследованием взаимосвязи трансцендентально-герменевтической концепции языка с герменевтикой М. Хайдеггера и Г. Г. Гадамера, а также аналитической философией.

Автор полагает, что основные материалы и выводы диссертации могут быть использованы для разработки учебных курсов по онтологии, теории познания, философии языка, истории современной философии, антропологии, социальной философии, культурологии, теоретическому языкознанию; могут быть применены как теоретико-методологическая основа для исследований языка в рамках конкретных научных дисциплин.

Ерошкин Михаил Александрович свою диссертацию «Роль ценностей в историческом познании» на соискание ученой степени кандидата

философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания посвятил анализу ценностных оснований исторического познания, выявлению общих черт с научным знанием вообще и особенностей, характерных именно для знания о человеке и обществе.

Научная значимость проведенного исследования связана с тем, что осуществлен комплексный анализ внутринаучных базовых ценностей исторического познания на разных этапах его развития, показана связь ценностей исторического познания в его научной форме и классических научных норм, а также роль социокультурных факторов и наследия предыдущих этапов познания для специфики современной исторической науки.

Материалы и выводы исследования могут быть использованы для организации как научной деятельности (в том числе развития и уточнения поднятой в исследовании проблематики), так и учебного процесса в системе подготовки студентов и аспирантов, в том числе для привития им навыков рефлексии ценностных основ научного познания.

Диссертация *Полуян Натальи Николаевны* «Идеи теории познания «русского эмпириокритицизма» (В. А. Базаров, А. А. Богданов)» на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания – это завершённое, самостоятельное научное исследование, в котором решена важная задача, а именно показано, что достижения «русского эмпириокритицизма» могут быть представлены в качестве существенной составляющей исследований отечественной философии в области теории познания, что способствует выработке более адекватного представления об уровне разработанности гносеологической проблематики в русской философии в целом.

Работа вносит существенные изменения в сложившееся еще в начале XX в. представление о русском эмпириокритицизме и о его ведущих представителях – В. Базарове и А. Богданове. Речь идет о замене оценок, основанных на политических и идеологических соображениях, в том числе борьбы за власть: философский ревизионизм, берклианство, идеализм, антимарксизм, – оценками именно философскими.

Основные материалы и выводы исследования, по мнению автора, могут быть рекомендованы для разработки учебных курсов по дисциплинам: «История и философия науки», «Концепции современного естествознания», «Методология науки».

Диссертационное исследование *Волоскова Руслана Александровича* «Трансцендентальная субъективность и фоновые знания в процессе социаль-

---

ного конструирования реальности» на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания посвящено выявлению априорных оснований социального познания и конструирования/поддержания социальной реальности.

Наиболее значимые результаты, полученные диссертантом, заключаются в следующем:

– доказано, что характерной чертой рациональности Нового времени является принцип доверия субъекту познания, понятый как необходимость субъективной размерности знания;

– обосновано, что теория познания необходимо должна начинаться с анализа трансцендентальной субъективности, которая фундирует аподиктичность всякого знания;

– выявлено видовое разнообразие фоновых знаний, которое может быть представлено как повседневность, предпосылочное знание, предположение, язык, а также выделены три уровня по-

нимания фоновых знаний: уровень предпосылочных знаний, уровень личностных знаний, уровень трансцендентальной субъективности;

– показано, что проблема поиска сознания и сомнения в сознании, появившаяся в XX в., не ставит под вопрос гносеологическую функцию субъективности;

– исследованы феномены символизации и типизации, которые могут быть поняты как априорные основания социального познания.

Полученные в диссертации результаты имеют теоретическое и методологическое значение для развития онтологии, теории познания социальной философии, связанных с разработкой проблем субъективности, фоновыми знаниями, социальным конструктивизмом.

*Н. И. Поспелова,
ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.041.02*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕФИРЕНКО Николай Фёдорович – доктор филологических наук, профессор по кафедре русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.
E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

БАЖИН Константин Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БАЛЫБЕРДИН Юрий Александрович – доктор исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории, проректор по научной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: science@vshu.kirov.ru

БАРДОВСКАЯ Анастасия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре германских языков ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: nastya978@inbox.ru

БЕРЕСНЕВА Наталья Ириковна – доктор философских наук, профессор по кафедре общегуманитарных, социально-экономических и естественнонаучных дисциплин Пермского института экономики и финансов. 614039, г. Пермь, ул. Куйбышева, д. 98.
E-mail: beresnev@mail.ru

ГАШЕВА Наталия Николаевна – доктор культурологии, профессор по кафедре культурологии Пермского государственного института искусства и культуры. 614600, г. Пермь, ул. Газеты Звезда, д. 18.
E-mail: gasheva2010@yandex.ru

ДОЖДЕВЫХ Светлана Михайловна – кандидат культурологии, ассистент кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kafcult@vshu.kirov.ru

ДОЛМАТОВА Анна Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЕКУТЧ Ульрика – доктор филологии, профессор Института славянской филологии Университета Грейфсвальда. Universitt Greifswald, IFP-Slawistik, Domstr. 9-10, 17487. Greifswald, FRG.
E-mail: jekutsch@uni-greifswald.de

ЕФИМОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ИЛЬИН Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КИСЕЛЕВ Федор Николаевич – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: f-kiselev@mail.ru

КИТАЙГОРОДСКАЯ Галина Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре физики Коми государственного педагогического института. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.
E-mail: gikit@rambler.ru

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

МИШЛАНОВА Светлана Леонидовна – доктор филологических наук, зав. кафедрой лингводидактики Пермского государственного университета. 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
E-mail: mishlanovas@mail.ru

НАУМЕНКО Таисия Петровна – зам. директора по персоналу ООО «ОРЕНПЛАСТ». 460000, г. Оренбург, ул. Локомотивная, д. 39.
E-mail: orenprof@gmail.com

ОРДИНА Надежда Николаевна – федеральный судья Первомайского районного суда г. Кирова. 610000, г. Киров, ул. Дрелевского, д. 20.
E-mail:ordina@bk.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СКИБИНСКАЯ Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, Республиканская улица, 108.
E-mail: book-os@rambler.ru

СМОЛЬНЯК Игорь Викторович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ТУЙЧИЕВ Валижан Маматрахимович – главный специалист-эксперт Управления Федеральной службы судебных приставов по Кировской области. 610000. г. Киров, ул. Московская, д. 57.
E-mail: tuichiev70@yandex.ru

УСТЮЖАНИНОВА Екатерина Александровна – соискатель кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kate.us@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

ALEFIRENKO Nikolay Fedorovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and teaching methodology in Belgorod State University, Russian Federation honoured worker of science. 85 Pobedy str., Belgorod, 308015.

E-mail: n-alefirenko@rambler.ru

BAZHIN Konstantin Sergeevich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associated professor of the Department of Practical psychology in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Assistant professor, Head of the Department of Linguistics and translation in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

BALYBERDIN Yuriy Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Associated professor of the Department of Domestic history, VSUH Deputy Rector for Research. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: science@vshu.kirov.ru

BARDOVSKAYA Anastasia Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associated professor of the Department of Germanic languages in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: nastya978@inbox.ru

BERESNEVA Natalya Irikovna – Doctor of Philosophy, Professor in the Department of general humanitarian, socioeconomic and natural science subjects in Perm Institute of Economic and Finances, 98 Kuybusheva str., Perm, 614039.

E-mail: beresnev@mail.ru

GASHEVA Natalia Nikolaevna – Doctor of Culturology, Professor of the Department of Culturology in Perm State Institute of Art and Culture. 18 Gazety Zvezda str., Perm, 614600.

E-mail: gasheva2010@yandex.ru

DOZHDEVYKH Svetlana Mikhaylovna – Candidate of Culturology, Assistant of the Department of Culturology and advertisement in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: kafcult@vshu.kirov.ru

DOLMATOVA Anna Vladimirovna – Postgraduate student of the Department of Domestic history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

JEKUTCH Ulrike – Doctor of Philology, Professor in the Department of Slavonic Philology in the University of Greifswald. IFP-Slawistik, Domstr. 9-10, 17487. Greifswald, FRG.

E-mail: jekutsch@uni-greifswald.de

EFIMOVA Natalya Mihaylovna – Candidate of Philosophy sciences, Associated professor in the Department of general history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ILYIN Dmitriy Vladimirovich – Postgraduate student of the Department of General history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Senior professor of the Department of General history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KISELEV Fedor Nikolaevich – Postgraduate Student of the Department of State-Law subjects in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: f-kiselev@mail.ru

KITAYGORODSKAYA Galina Ivanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associated professor of the Department of Physics in Komi State Pedagogical Institute. 25 Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982.
E-mail: gikit@rambler.ru

KOSTIN Aleksey Aleksandrovich – Candidate of Historical Sciences, Assistant professor of the Department of General history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

MISHLANOVA Svetlana Leonidovna – Doctor of Philology, Head of the Department of linguo-didactics in Perm State University. 15 Bukireva str., Perm, 614990.
E-mail: mishlanovas@mail.ru

NAUMENKO Taisia Petrovna – Deputy director of staff in LLC “ORENPLAST”. 39 Lokomotivnaya str., Orenburg, 460000.
E-mail: orenprof@gmail.com

ORDINA Nadezhda Nikolaevna – Federal judge in the Pervomayskiy District Court. 20 Drelevskogo str., Kirov, 610000.
E-mail:ordina@bk.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy in VSHU. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

SKIBINSKAYA Olga Nikolaevna – Head teacher of the Department of Russian literature in Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya str., Yaroslavl, 150000.
E-mail: book-os@rambler.ru

SMOLNYAK Igor Viktorovich – Postgraduate Student of the Department of General History in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: sovlab.vgu@mail.ru

SUDOVIKOV Mikhail Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Head of the Department of Domestic history in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

TUYCHIEV Valizhan Mamatrakhimovich – Chief expert of the Federal Bailiff Service, 57 Moskovskaya str., Kirov, 610000.
E-mail: tuichiev70@yandex.ru

USTYUZHANINOVA Ekaterina Alexandrovna – Fellow applicant of the Department of State-Law subjects in VSUH. 26 Krasnoarmeyskaya str., Kirov, 610002.
E-mail: kate.us@mail.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1(1)

Подписано в печать 25.02.2011 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Mysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0. Тираж 1000. Заказ № 1627.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674